

Т. Ф. Ежков

Дорога на Помылон

Т. гр. Ежков

Дорога на Помгон

(Воспоминания воспитанника музввода)

Санкт-Петербург
2004

УДК 947
ББК 68.49(2Рос)23
Е35

Ежков Г. Ф.

Е35 Дорога на Полигон (Воспоминания воспитанника музвзвода). — 2004. — 288 с. — 74 ил.

«Дорога на Полигон» — это воспоминания бывшего воспитанника музвзвода, дослужившегося до звания «инженер-капитан 1 ранга», ставшего кандидатом технических наук.

Автору посчастливилось служить на Государственном центральном полигоне ВМФ, где проводились совместные береговые и корабельные испытания баллистических и крылатых ракет.

В книге рассказывается об обстановке, в которой автор оказывается в разные периоды службы, о людях, с которыми он встречался.

УДК 947

ББК 68.49(2Рос)23

© Г. Ф. Ежков, 2004

© ЦКП ВМФ, оформление, 2004.

ЕЖКОВ Геннадий Флорович

ДОРОГА НА ПОЛИГОН

Редактор *Н. П. Дралова*

Технический редактор *Н. Т. Калмыкова*

Корректоры *И. М. Пьянкова, Е. Г. Белоус*

Компьютерная верстка *Е. О. Ереминой*

Обложка *А. Зыковой*

Сдано в производство 26.07.2004. Формат 60×90¹/₁₆. Подписано в печать 26.07.2004.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18+3 вкл. Тираж 500 экз. Изд № 92. Заказ 1762.

ОТ АВТОРА

Прежде чем начать изложение содержания книги по существу, мне очень хотелось бы поблагодарить всех, кто любезно оказал мне в меру своих сил и возможностей помощь на этапе подготовки рукописи к изданию.

Моя особая признательность и благодарность за оказанную помощь адмиралу флота Касатонову Игорю Владимировичу, начальнику Главного управления навигации и океанографии МО доктору технических наук адмиралу Комарицыну Анатолию Александровичу, президенту Фонда поддержки программ возрождения отечественного флота «Морской фонд» контр-адмиралу запаса Мартыненко Владимиру Тимофеевичу, начальнику Центрального картографического производства ВМФ капитану 1 ранга Фомченко Валерию Дмитриевичу, Генеральному директору ООО «Технострой СПб» капитану 1 ранга запаса Ефремову Евгению Владимировичу, полковнику ВМФ в отставке Дроздову Федору Капитоновичу, инженеру-экономисту Самарского завода «Прогресс» Савинкиной Галине Петровне.

С уважением, Г. Ф. Ежков

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Итак, позади 40 лет «царевой» службы на флоте. Наступило время мысленно оглянуться, поворочить в самых потаенных закоулках памяти, подвести первые итоги прожитой жизни и наконец решиться все это изложить на бумаге. Но сразу встал сакраментальный вопрос: что может представить интерес для потенциального читателя, в какой форме создавать свое будущее детище? В форме мемуаров? Пожалуй, нет, так как по традиции мемуары — амплуа авторов, занимавших в недалеком прошлом достаточно высокое служебное положение, а применительно к военной действительности — и имевших высокое воинское звание. Высокие должность и звание дают авторам бесспорное преимущество перед всеми прочими — доступ к архивам, документам. А инженер-капитан 1 ранга, кандидат технических наук может рассчитывать на единственный источник информации — собственную память, которая и определяет точность и полноту повествования. Может быть, в форме воспоминаний? Пожалуй, да. Но речь пойдет не только о себе и вообще не о себе, а об обстановке, в которой оказывался автор в разные периоды службы, жизни и, самое главное, о тех людях, с кем он встречался по воле судьбы в различной обстановке.

На завершающем этапе службы автору посчастливилось работать (именно работать, а не служить, и именно посчастливилось) на Государственном центральном полигоне Военно-морского флота, где проводились совместные береговые и корабельные испытания всех баллистических и крылатых ракет, поступающих на вооружение подводных лодок и надводных кораблей ВМФ.

Захотелось рассказать об атмосфере, в которой проходили испытания ракетного оружия, о людях, с которыми автор работал, общался в служебной и неслужебной обстановке, и в первую очередь о тех, кто стоял у истоков создания этого мощного ультрасовременного оружия, о которых совсем недавно запрещено было даже говорить, а не то что писать. Эти люди творили, руководили огромными коллективами, жили как обычные смертные, получали звания и награды, были просто незаменимыми для страны. Жизнь этих людей — пример для подражания и воспитания подрастающего и последующих поколений, настоящий подвиг во имя безопасности нашей Родины. Один из таких «засекреченных» людей, «человек из ящика», «ВП» — ученик С. П. Королева, Генеральный конструктор баллистических ракет для Военно-морского флота Виктор Петрович Макеев, Главный морской ракетчик страны, возглавлял в г. Миасс Челябинской области Конструкторское бюро машиностроения (КБМ), которое очень многие и вполне серьезно расшифровывали как «конструкторское бюро Макеева», что неточно по форме, но логично и точно по существу.

Вся жизнь этого гениального русского инженера, конструктора, руководителя большого, сплоченного его гением и человеческим обаянием коллектива, наконец, просто Человека, достойна восхищения. К сожалению, напи-

сано о нем до обидного мало. Отдельные разрозненные публикации не создают сколько-нибудь целостного образа этого человека. К ним можно отнести коротенькую заметку, включающую в себя несколько общих казенных фраз в «Настольном календаре за 1984 год» по случаю 60-летия Виктора Петровича да статью в газете «Челябинский рабочий» в 1994 году в связи с 70-й годовщиной со дня его рождения.

Видимо, настало время исправить допущенную ошибку, возратить, хоть и с опозданием, долг Виктору Петровичу и его единомышленникам, рассказать о жизни и творчестве российского инженера, конструктора В. П. Макеева, так рано ушедшего из жизни, но оставившего неизгладимый след в достижениях отечественной науки и техники, в создании современных баллистических ракет, которыми вооружены стратегические подводные лодки Военно-морского флота Российской Федерации.

Стержнем службы автора, его жизни, является период службы на Полигоне. Все, что предшествовало ему, было по сути дела преамбулой, подготовкой к заключительному аккорду, к переходу на код, как говорят музыканты. Судьба уверенно провела автора этого повествования через музыкальный взвод при Военно-авиационном училище разведчиков (ВАУР) в годы лихолетья Великой Отечественной, Каспийское высшее военно-морское училище им. С. М. Кирова в Баку, через крейсера «Чапаев» и «Железняков», эсминцы «Отчаянный» и «Отчетливый» Северного флота, Высшие ордена Ленина специальные офицерские классы ВМФ, Военно-морскую академию и с ювелирной точностью (на то она и Судьба) вывела в расчетную точку служебной траектории полета — на Полигон, за что я очень благодарен своей судьбе. Кстати, одна символическая деталь. При выпуске из академии каждый выпускник получает отлично оформленный фотоальбом, где на фоне, представляющем отдельные фрагменты на военно-морскую и ленинградскую тематику, размещены фотографии выпускников и преподавателей. Так вот, на листе, где размещены фотографии нашей учебной группы, мое изображение оказалось точно над макеевской баллистической ракетой в момент старта с подводной лодки.

Для того чтобы в описании событий, фактов и людей подойти к главному периоду службы, то есть службы на Полигоне, необходимо вернуться к тому времени, когда автор в свои 14 лет впервые в жизни надел погоны и начал «военную службу» в качестве воспитанника военного оркестра музвзвода. Известно, что классику русской литературы Л. Н. Толстому, по его словам, первые годы жизни дали те самые впечатления, которые во многом предопределили всю его дальнейшую жизнь.

В процессе изложения далеких событий автор стремился строго придерживаться фактов, имевших место в действительности. Но так как пользовался он только одним источником информации — собственной памятью (дневник никогда не вел), то возможны отдельные неточности в датах, фамилиях и т. д. Автор приносит искренние извинения тем, кого эти неточности в той или иной степени коснулись.

Глава 1

КОНЕЦ ДЕТСТВА, НАЧАЛО СЛУЖБЫ

В городском саду играет духовой оркестр...

14 июля 1943 года, в среду, примерно в 15.00 по местному, башкирскому, времени закончилось мое детство.

У подавляющего большинства людей, таких как, например, Л. Н. Толстой, детство плавно перешло в отрочество, а оно, в свою очередь, — в юность. У некоторых, как, например, у Людмилы Марковны Гурченко, детства вообще практически не было. У меня детство в означенный выше день и час спонтанно перескочило на уровень взрослой жизни. Прошло же мое голодное детство в Башкирии, в поселке Давлеканово (с 1944 года — город), на берегу красавицы Дёмы. Картины богатой живописной природы Башкирии нашли достойное место в «Семейной хронике» и «Детстве Багрова-внука» Аксакова. Город Давлеканово на тысячи километров удален от морей и океанов. Тем не менее этот тихий заштатный городок с населением в 25 тысяч человек (сейчас около 30 тысяч) дал Военно-морскому флоту СССР семь морских офицеров: Раис Сулейманов, Евгений Ежков, Геннадий Ежков, Виктор Маркелов, Юрий Трушкин, Владислав Дружинин, Леонид Шкловский, т. е. на каждые 3,5 тыс. жителей приходится один морской офицер. Таким показателем может похвастать далеко не каждый приморский город, включая и такие, как Севастополь, Одесса, Ленинград.

До 1935 года наша дружная семья состояла из матери Елены Корниловны Ежковой, 1902 года рождения, отца Флора (по документам, а фактически он всю жизнь прожил Александром) Георгиевича Ежкова (1898), бабушки по линии матери Варвары Михайловны Небогатовой (1869) и сыновей Евгения, (1927) и Геннадия (1929), т. е. меня. Позже у нас с Евгением появились братья Валерий и Виталий.

Мать, педагог по специальности, сначала обучала детей литературе и русскому языку, позже — азбучным истинам в начальных классах, а в годы Великой Отечественной войны работала педагогом-воспитателем в детском доме им. Спартака, эвакуированном в Давлеканово из Москвы.

Отец, тоже педагог по образованию, преподавал в старших классах математику, физику и военное дело. Между прочим, шесть теток по отцу и одна — по матери трудились на ниве педагогики и медицины. Дед и бабушка по отцу жили в поселке Шафраново (Башкирия) и оба успешно преодолели столетний рубеж.

Детство наше было безмятежным, в каком-то смысле даже счастливым, хотя материально жили более чем скромно. Но все это казалось мелочью в сравнении с выездами на лодке на прекрасную Дёму, купанием, рыбалкой. А выезд на рыбалку на 2—3 дня! Легкий утренний туман над освежающей прохладной водой, вечерние лягушачьи концерты! Отличная поклевка на утренней и вечерней заре, перед грозой и дождем, далеко слышные всплески охотящейся щуки, верные всплески удирающей мелкой рыбешки!

В ночь на 1 января 1935 года умер отец. На одну учительскую зарплату матери (бабушка получала чисто символическую, а точнее — нищенскую, пенсию за трагически погибшего от случайного выстрела при неосторожной чистке табельного револьвера сына Сергея) жить стало очень трудно. Еще хуже стало жить с началом финской войны и уж совсем плохо, фактически впроголодь, стали мы жить с июня 1941 года. Впрочем, трудности, связанные с войной, воспринимались всем народом и нами в том числе без ропота, как вполне закономерный результат нападения гитлеровской Германии на нашу мирную страну: «Всем трудно!» Мать в это время работала в детском доме и прилагала нечеловеческие усилия, чтобы как-то прокормить нас, четвертых мальчишек и свою мать, нашу бабушку, которая умерла летом 1942 года.

Но ведь Дёму у нас никто не отнял. Летом — лодка, купание, рыбалка, зимой — коньки, лыжи. Как все в мире дети, мы были беззаботными, жили сегодняшним днем и мечтами о лучшем будущем. Впрочем, если не все, то большинство сверстников жили так же, т. е. трудно.

С лета 1942 года стало легче: нас, школьников, организованно, классами, стали отправлять на помощь оставшимся в деревне женщинам, старикам и детям. Работали на прополке, возили на лошадях и скирдовали сено. Днем — работа, а вечером допоздна — костер, песни, страшные рассказы. Не уверен, что работали мы хорошо, ударно, но незатейливая, вполне приличная для пустых желудков военного лихолетья кормежка была гарантирована. В колхозе — получше, в совхозе — похуже. Пришлось однажды мне одному работать на торфоразработках: складывать, перекладывать, сушить брикеты (кирпичи) торфа. Работа очень простая, не требующая интеллекта, но тяжелая, если ко всему прочему учесть еще и солнце, а к вечеру и полчища безбоязненно жалящих комаров. Кормили безобразно: на обед, как правило, — конина, т. е. мясо старой лошади, жесткое, как солдатский сапог. Ко всему прочему жил я один, без привычной компании ребят своего класса. Одним словом — тоска! В итоге позорно бежал с поля трудовой битвы, бодро отшагав босиком по пыльной сельской дороге 41 километр за один световой день.

Приятное воспоминание оставили «командировки» с моим приятелем Надимом Насыровым в пионерский лагерь в Давлекановском зерносовхозе, где он выступал в качестве аккордеониста, а я — водителя самой младшей пионерской группы. Работали и в колхозе им. Чкалова, отдаленном от райцентра Давлеканово. Колхоз татарский, по-русски там говорили и понимали примерно так же, как я по-татарски. Благо рядом со мной был «свой» переводчик Надим: он прекрасно владел башкирским, русским и татарским. Определили меня на подвозку к месту скирдования сена. Для этих целей мне был доверен молодой спокойный мерин по кличке Зайчик. К месту заготовки сена добирались верхом на своих лошадях. Местные мальчишки, работавшие вместе со мной и чувствовавшие себя верхом на лошадях так же свободно,

как американские ковбои, пару раз сыграли со мной шутку. Подъехав при обгоне вплотную ко мне, они своей ногой перебрасывали мою ногу через Зайчика на противоположную сторону: в результате я падал с лошади. При этом один раз проделано это было на мостике через какой-то ручей, напоминающий болото, и я плюхнулся к лягушкам, громким кваканьем выразившим свое возмущение моим вторжением в их царство. Однажды при возвращении домой в деревню мой обычно послушный покладистый Зайчик, не обращая никакого внимания на мои потуги управлять им, резво понесся в конюшню. Во избежание удара лбом о верхнюю перекладину ворот конюшни мне ничего не оставалось, как добровольно, под дружный гогот новых приятелей-татарчат, мешком свалиться с лошади на пыльную дорогу. Отмечу справедливости ради: все шутки местных ребят не были злыми, с их точки зрения во всяком случае. И все равно в этой глубинной татарской деревне мне очень понравилось: работа, простор, одуряющие запахи свежескошенного сена; лапшу ели не из тарелок и чашек, а из эмалированных мисок, формой и размерами напоминающих банные тапки.

В школе учился добросовестно, регулярно получал «Похвальные грамоты», был «круглым» отличником. В семье сложилось единодушное мнение, что детям надо учиться. Некоторые мои сверстники, чтобы выжить, бросили школу, пошли работать, большинство — на мелькомбинат: мука — под рукой, испечь лепешки — не проблема. При удачном стечении обстоятельств можно немного муки или лепешек перебросить через забор, договорившись с кем-нибудь, чтобы подобрали, или самому проделать это после работы.

Но нашу семью заманчивая на первый взгляд «лепешечная» перспектива не устраивала, цель была одна — выжить и учиться.

В седьмом классе с наступлением зимних холодов я оказался в совершенно безвыходном положении: не в чем было ходить в школу. Телогрейку из каких-то остатков мать скроила и сшила. А ботинок, не говоря о валенках, пригодных к носке, не было, как и перспектив где-то их достать в ближайшем будущем. Если учесть климатические особенности Башкирии, где зимы снежные, а мороз 40° — не редкость, то можно оценить сложность проблемы. Был найден простой выход: я просто перестал ходить в школу и занимался дома самостоятельно. Очень помогали друзья, сообщавшие мне о том, что проходили в школе на уроках, что задано на дом. По окончании учебного года мать обратилась в городской отдел народного образования и, учитывая ее профессию, а возможно, и тот факт, что в школе я всегда был вполне успевающим учеником, мне разрешили сдать экзамены экстерном. Я сдал все экзамены на «пятерки», заработав очередную «Похвальную грамоту». Как всегда, опасение у меня, матери и моих учителей вызывала оценка за поведение. Но учитывая, что школу я не посещал, педагоги, и в первую очередь классный руководитель, могли со спокойной совестью воздержаться от оценки моего поведения, и я был переведен в восьмой класс.

Итак, 14 июля 1943 года примерно в 15 часов по местному времени я прибыл в музвзвод Военно-авиационного училища разведчиков (ВАУР), дислоцированного в родном Давлеканово Башкирской Автономной Республики (ныне — Республика Башкортостан). Была среда — день репетиций духового оркестра в полном составе, оркестра, ставшего мне на несколько лет вторым, но не последним, родным домом.

Накануне я сдавал вступительные экзамены, цель которых была выяснить, насколько успешно слон наступил мне на уши. Для этого капельмейстер оркестра А. Корауш (по прозвищу среди оркестрантов — «Моцарт»), в присутствии преподавателя оркестра, по основной специальности баритониста Евстифеева, предложил мне выполнить три упражнения — проверочных теста:

1. Издал на трубе (Корауш был играющим дирижером, прекрасно играл на трубе) определенной высоты звук. Я должен был голосом воспроизвести его по высоте. На мой взгляд, воспроизвел довольно сносно.

2. Костяшками пальцев простучал по столу одному ему известную короткую комбинацию из 5—7 ударов. Для меня это занятие не представляло труда, так как в школе на занятиях по военному делу нас обучали работе морзиста-слухача. Работал на ключе (спасибо преподавателю подполковнику Лифанову!) уже довольно прилично, где-то на подходе к третьему классу.

3. Предложил спеть пару куплетов какой-нибудь песни на свое усмотрение. Спел весьма популярную в то время песню из шедшего с аншлагом на экранах кинофильма «Два бойца» про Костю-моряка, который, по утверждению М. Бернеса, приводил в Одессу шаланды, полные кефали и которого обожали и Молдаванка и Пересы.

Видимо, строгие экзаменаторы без особого напряжения идентифицировали песню в моем сольном, без аккомпанеента, исполнении и сделали заключение: годен на должность воспитанника музвзвода при соблюдении предварительно согласованного условия — параллельно с занятиями и игрой в оркестре я продолжаю учебу в очередном, восьмом, классе общеобразовательной школы. Учитывая, что вакантные места воспитанников, постигающих премудрости игры на трубе, корнете, кларнете, баритоне, теноре, альте, басы «С» были уже заняты, мне доверили осваивать самый большой по габаритам духовой инструмент, предназначенный издавать самые низкие по высоте звуки в оркестре, — бейный бас. Приказом начальника ВАУР генерал-майора Жукова я был определен на должность воспитанника музвзвода и поставлен на все виды довольствия.

Если честно, то ради этого пункта приказа, гарантирующего мне бесплатное обмундирование и ежедневное питание по норме № 7, я и решил заняться музыкой. К тому же это облегчало матери решение проблемы дальнейшей моей учебы в школе и выживания оставшихся дома трех братьев.

В указанный выше день и час, полностью экипированным, в подогнанном по возможности обмундировании, за исключением ботинок, которые невозможно было подогнать, явился пред очи капельмейстера А. Корауша. Впоследствии некоторые проблемы экипировки воспитанников были решены: от ботинок с обмотками перешли на сапоги, гимнастерку и брюки подгоняли под наши довольно тощие фигуры местные портные.

Начались будни, однообразные, напряженные занятия... занятия... занятия. С утра — самостоятельная игра на инструменте, гаммы, упражнения, арпеджио. Днем — репетиции отдельно для первых голосов и так называемые «секунды» оркестром в полном составе. При этом продолжал учиться в обычной общеобразовательной школе — классные занятия, домашние задания и т. д.

Приблизительно через год я занял свое место в оркестре в качестве ведомого под раструбом своего учителя «старика» Бухмана, который, как и весь

основной состав оркестра, по причине преклонного возраста проходил действительную службу в звании «рядовой» в качестве музыканта военного духового оркестра. Слух у него был, к сожалению для меня, отменный. Играем мы, например, танцы. Я сижу под его раструбом, т. е. слышу его игру прекрасно, а он не должен меня слышать в общем звучании оркестра. Бывает, загляжусь сверху на танцующих, прозеваю где-нибудь «бемоль» или «диез», а он уже тычет пальцем левой руки в мои ноты: «Смотри, здесь бемоль (диез, бекар)!» Уловил, услышал фальшь в полтона! У всех основных оркестрантов (рядовых, «стариков») были ученики — воспитанники музввода: братья Виктор и Владимир Степановы, Саша Тарасов («Мадам»), Изя Бухман, Гельзин, Чугун (прозвище), Градов, Новиков, Денисов. Исключение составляли большой барабан (рядовой Лейн) и тарелки — (Т. Р. Тугов).

Работу оркестра можно было разделить на две категории. Первая — обязательная игра по плану начальника штаба ВАУР полковника Карповича, начальника политотдела полковника Еремина и начальника Дома офицеров капитана Астрова. Сюда входили ежедневный развод караулов, торжественные и спортивные мероприятия, авральные работы, вечера отдыха в Доме офицеров, танцы в городском парке, похороны летчиков, а точнее — того, что от них оставалось (довольно часто, в среднем 1 экипаж в месяц, они разбивались при отработке учебных задач на самолетах Пе-2, СБ). Эта игра могла быть отменена только вышеуказанными должностными лицами ВАУР. Кроме того, оркестр не играл вне помещений при температуре наружного воздуха ниже -18° .

Вторая категория — так называемая халтура, то есть игра по договоренности капельмейстера Корауша или старшины оркестра Гуревича с заинтересованными частными лицами. В нее входили торжественные события (свадьбы, дни рождения, школьные вечера), танцевальные вечера (так, например, было в Доме железнодорожников в Кировограде), похороны частных лиц. Халтура проводилась, конечно, не в ущерб обязательным занятиям и, разумеется, скрытно от политотдела и начальника Дома офицеров Иосифа Ильича Астрова, носящего кличку «Четырехмоторный» за очки, которые он носил постоянно. Гонорар за такую игру делился между музыкантами (лабухами), принимавшими в ней участие, следующим образом. Каждый инструмент оценен постоянно в условных единицах — «марках». Чем сложнее игра на инструменте, тем выше его «ценность» в марках. Так, игра на трубе, корнете, кларнете оценивалась в 11 марок, на баритоне, бейном басы — 9 марок и т. д. После игры доля (цена) всех участников (в марках) суммировалась. Полученный за игру гонорар (в рублях) делился на сумму долей участников. Для получения гонорара конкретного участника частное от деления, полученное выше, надо умножить на долю инструмента участника (в марках). То есть каждый оркестрант получал свою долю полученного на оркестр гонорара с учетом сложности и игровой ценности его инструмента.

Нам, воспитанникам, как правило, не платили, так как семей у нас не было и всем необходимым для жизни мы были обеспечены. Позже изредка перепадало на мелкие расходы 20—30 % от гонорара учителя.

Иногда оркестр получал гонорар иного рода. Случалось, и нередко, играть похороны зимой. Оркестр поодиночке, скрытно от глаз прямых и непосредственных начальников, «короткими перебежками», с инструментом

в руке или за спиной, собирался в доме, где лежал покойник. Кто-нибудь из старых, наиболее опытных музыкантов начинал жаловаться распорядителю похорон на мороз, холод: «Мы не сможем играть в такой мороз, мундштуки к губам прилипнут, клапана отогреть придется голыми руками без перчаток». Распорядитель: «А что вам нужно для игры?» Ответ: «Да граммов по 400 на инструмент». До распорядителя наконец доходила суть условия, по его команде накрывали быстро стол а-ля фуршет: водка, вино, закуска. Кошунство: за стеной лежит покойник, а в этой комнате «старики» заправляются у другого стола, но что поделаешь? Времени в обрез, но ничего, успевают «принять на борт». Иногда рекомендовали выпить немного вина и нам, воспитанникам: «Не выдержите на морозе». Клапана, действительно, приходилось отогревать голыми руками, иначе смазка от низкой температуры загустевала и инструмент становился неработоспособным. Впрочем, и в летнее время, по мнению «стариков», инструменты работали не лучше, чем зимой, в мороз, и требовали специальной смазки. Технология проведения похорон была отработана и строго соблюдалась до одного трагикомичного случая.

Хоронили мы в феврале 1944 года главного инженера мелькомбината Гаврилова. Скрытно, как всегда, собрались в доме покойного. Погода ясная, морозная (25—27 °C). Все шло в соответствии с отработанной технологией. Состоялся обычный разговор между распорядителем похорон и старшиной оркестра. Оркестрантов пригласили в отдельную комнату на «фуршет» со всеми вытекающими последствиями. Учитывая весьма неблагоприятные погодные условия для работы, «старики» налили вина и нам, воспитанникам. Затем оркестр занял свое место при выносе гроба с телом покойного, после этого перестроились и начали движение, то есть все шло как обычно. Вдруг Саша Тарасов, альтист, за мягкие черты лица, женственные манеры и фигуру имевший в своем кругу прозвище «Мадам», шедший от меня впереди и справа, как-то странно и неожиданно осел, накренился на правый бок и, описав элегантный координат, тривиально врезался в давлекановский сугроб. Альт, разумеется, в гармошку, не подлежащую растяжению и восстановлению первоначальной формы. Капельмейстер, как я уже отмечал, был играющим на трубе дирижером, за что, кстати, ему полагалось к гонорару трубача дополнительно 4 марки, дирижерских. Он, не прерывая игры, только невозмутимо повел трубой («все нормально»), и рядом идущие музыканты, поняв его без слов, хладнокровно обошли незадачливого «Мадам», сделав вид, что ничего не произошло. Проводы покойного в последний путь продолжались своим чередом, капля мужественно перенес этот удар по своему самолюбию и авторитету оркестра. Но основное испытание его ждало впереди. В очередной раз заиграли классический похоронный марш Ф. Шопена. Если быть точным, то в классической музыке нет специализированного похоронного марша. Есть траурный марш из сонаты «Си-бемоль минор» Шопена, есть траурный марш «На смерть героя» Бетховена, «Траурный марш на смерть Зигфрида» из оперы «Гибель богов» Р. Вагнера и т. д. Похоронные марши, исполняемые штатными от похоронных бюро, бюро ритуальных услуг оркестрами в составе 4—5 безобразно играющих дилетантов от музыки, представляют собой дешевое, режущее ухо шарлатанство, к приличной музыке имеющее такое же отношение, как блатная лагерная песня к арии, исполняемой бельканто, из итальянской оперы.

Так вот, заиграли мы траурный марш из сюиты «Си-бемоль минор» Шопена, для краткости названный в «Сборнике нот музыкальных произведений для военных духовых оркестров» как «Похоронный марш» Шопена и вошедший в «Сборник...» под № 56. Марш, как это ни звучит кощунственно, очень красивый, а его подлинным украшением является сольная партия для баса «В», требующая довольно высокого уровня техники исполнения басистом. Моего учителя и наставника Бухмана по какой-то причине на службе в тот день вообще и на этих похоронах в частности не было. Незадолго до этого я был допущен Кораушем к самостоятельной игре в оркестре. Для этой цели по его просьбе я сыграл именно басовое соло из «Похоронного марша» Шопена.

Чувствуя себя в отсутствие учителя полноценным солистом, лично ответственным за сольные басовые партии, начав марш, я внутренне напрягся, сосредоточился на своей игре, целиком отрешился от внешней обстановки, «ушел в себя», готовясь отличной «блестящей» игрой оправдать доверие Корауша, показать «старикам», что я хоть и молодой, но как музыкант на что-то способен, что-то стою для оркестра. Наконец наступил момент, когда весь оркестр как бы отошел на второй план, уступая игровое пространство вступающему в свои права бейному басу. Мной овладел какой-то щенячий восторг, гипертрофированное чувство ответственности за басовое соло, подогретое винными парами. Слушая только свой бас и совершенно не слушая и не слыша оркестра в целом, сжимая в левой руке «Сборник нот», я самозабвенно начал, как мне казалось, технично и очень эффектно, свою сольную партию. Ну совсем, совсем как Ромашов у А. Куприна в «Поединке»: «...И, создавая себя предметом общего восхищения, прекрасным центром всего мира, он говорил себе в каком-то радужном, восторженном сне: „Посмотрите, посмотрите — это идет Ромашов“. Глаза дам сверкали восторгом... Впереди полуроты грациозной походкой шел красивый подпоручик... Музыка звучит безумным, героическим, огненным торжеством...»

Следующий кадр в калейдоскопе: передо мной багровое от ярости и мороза лицо обычно выдержанного и корректного Корауша, который тычет рукой с трубой в верхнюю часть открытой страницы моего «Сборника нот». При этом вполне членораздельно на абсолютно нецензурном языке он выражал свое недвусмысленное отношение к моему поведению. Проследив за взглядом капеля, в глубоком ужасе убеждаюсь, что «Сборник» открыт на зажигательном молдавском танце «Молдовеняска», где тоже есть и в аналогичном колене очень красивая, задорная, требующая хорошей техники исполнения сольная партия для бейного баса, которую добросовестно, от всей души, с блеском, в пределах своих возможностей, я и исполнял, пока Корауш не вмешался в ситуацию, которую смело можно было бы охарактеризовать как «нарочно не придумаешь». Позже местные остряки утверждали, что покойник в эти трагические для меня минуты снисходительно улыбался.

Все дело в том, что я психологически «перегорел». От желания блеснуть перед оркестром и чувства своей значимости на фоне винных паров я не заметил, как шаловливый холодный ветер перевернул в моих зачехленных от мороза пальцах несколько страниц нот «Сборника» и по иронии судьбы остановился на странице с веселой, задорной «Молдовеняской». Позже, уже дома, обычно очень спокойный капельмейстер весьма нелестно, в выражении

ях, далеких от парламентских, оценил по достоинству мое исполнительское мастерство и твердо пообещал держать на огромном расстоянии меня от музыкального инструмента под названием бас in «В», а всех воспитанников по причине их несовершеннолетия на таком же расстоянии — от фужеров с вином. То, что касалось меня и моего инструмента, он вскоре отменил как непродуманное и скоропалительное решение, а вторую часть обещания в последующем он неукоснительно соблюдал.

Это трагикомичное и веселое только на первый взгляд, но только не для меня происшествие через много лет имело неожиданное и очень неприятное продолжение в Ленинграде.

В свой очередной приезд в Ленинград в 1983 или 1984 году я был в гостях у своего лучшего друга, ныне покойного Михаила Николаевича Воробьева. За дружеским столом сидела его жена Людмила Александровна и ее двоюродный брат Владимир. Естественно, мирная беседа шла под рюмку. Мать Людмилы Александровны, очень гостеприимная и доброжелательная, Евдокия Яковлевна обеспечила нас, как всегда, отличной закуской. В процессе беседы я в комичном ключе в ярких красках рассказал друзьям об этом эпизоде моей жизни в далекой юности. Ожидаемый эффект от рассказа как будто был достигнут. Только все время молчавший Володя вдруг спрашивает: «Когда это было? Как фамилия человека, которого вы хоронили? Уточни, пожалуйста». Я ответил на его вопросы. Володя печально и укоризненно говорит: «Флорович, это был мой отец». Сразу вспоминаю: фамилия отца Володи — Гаврилов, он во время войны был в эвакуации в Давлеканово, работал на мелькомбинате. Все совпадает. Как это раньше я не сообразил! Было так стыдно. Начал неуклюже извиняться, но Володя остановил меня: «Не нужно извинений и раскаяний, не в них дело». Больше об этой самой веселой страничке автобиографии я никогда и никому не рассказывал.

Одним из видов «деятельности» военного духового оркестра при ВАУР было музыкальное обеспечение танцевальных вечеров в городском парке (до революции — Каримовский сад), которые, как вспоминают давлекановцы старшего поколения, в какой-то степени скрашивали тяжелое полуголодное существование людей, в первую очередь — молодых в годы военного лихолетья.

...Летний вечер опустился над тыловым провинциальным городом. Жара спала, сменившись приятной вечерней прохладой. Городок затих, отдыхая после напряженного трудового дня, ночь опустила на него темные крылья. Как писал Н. М. Рубцов, «есть какая-то жгучая тайна в этой русской ночной тишине», только где-то вдалеке, без перерывов и перекуров круглосуточно трудилась на реке Дёма плотина мельзавода «Якорь».

И в тишине летней ночи плыли, разливаясь над городом, красавицей Дёмой, мягкие, удивительной красоты, чуть грустные мелодии (Лидия Русланова когда-то сказала: «Когда человек слушает веселую музыку, он отдыхает, когда грустную — он думает») прекрасных старинных вальсов «Осенний сон», «Березка», «Амурские волны», «Воспоминание», «Над волнами», «На сопках Маньчжурии», «Последний вальс», «В лесу прифронтовом», изящных ритмов нестареющих танго «Брызги шампанского», «Аргентинское», «Дождь идет», «Цыган», «Золотая пантера», фокстротов «Рио-рита», «Наш ритм», музыку из кинофильма «Джордж из Динки-джаза», «Кирной лабух»

(«Пьяный музыкант»), «Бой под Ляояном» (в шутку называемый «Бой под одеялом»), вальс-бостонов, фокстротов, слоу-фокстротов, квин-фокстротов, тустенов, падеспаней, па-де-грасов, румб, полек, краковяков и прочей танцевальной экзотики. На парковых скамейках в тени кустов и деревьев занимали места влюбленные парочки, оркестр — на ярко освещенной эстраде. Одним словом, «... в городском саду играет духовой оркестр...»

Наш капельмейстер любил открывать танцевальные вечера в парке исполнением какого-нибудь популярного классического произведения (например, «Орфей в аду», «Эгмонт» Л. Бетховена, «Сказки венского леса», «Голубой Дунай» И. Штрауса, «Марш Черномора» из «Руслана и Людмилы» М. Глинки, «Вальс-фантазия» М. Глинки, «Китайская рапсодия» и др.) Начало танцевального вечера шло в такой последовательности. Оркестр начинал играть свое первое, нетанцевальное, что-либо из популярной классики, произведение. Две-три самые нетерпеливые парочки, обычно «девушка с девушкой», бодро выходили на танцевальную площадку. Они не успевали пройти и половины круга, как следовало неизбежное наказание «нарушителей конвенции»: два капельмейстерских пальца, поднятые вверх, и оркестр умолкал. Нетерпеливые «нарушители» понуро покидали танцплощадку. Через несколько минут оркестр делал следующую попытку, начинал играть «для души, а не для ног», нервы у нетерпеливых не выдерживали и т. д. Этот цикл повторялся несколько раз. Нервы у Корауша были крепче. В конце концов даже самые нетерпеливые любители потанцевать все поняли, смирились с необходимостью первый музыкальный, нетанцевальный, номер обреченно слушать, сидя на скамейке или стоя у танцевального круга в предстартовой стойке.

В заключение танцевального вечера играли последний вальс, как правило, — очень красивый «Последний вальс», а после него — неизбежный марш (чаще других — «Все выше и выше» или старинный русский скорый «Суворовский»), в шутку называемый вышибальным, под который самозабвенно танцевали практически все, кто пришел на танцы. Это нарушение капельмейстер считал мелким, не запрещал. Больше того, практически всегда по его знаку оркестр несколько раз повторял марш и переходил на код только тогда, когда танцующий, разгоряченный и довольный контингент начинал покидать танцкруг. Парочки расходились по домам. На следующее утро мы, мальчишки, иногда приходили в парк забрать оставленный на ночь реквизит (пюпитры и т. д.) и из щелей между досок танцплощадки выковыривали и раскладывали на скамейках каблуки туфелек, оставленные беззаботными девочками.

Нецензурное соло на трубе, или Можно ли ругаться нецензурно, не раскрывая рта?

В Доме офицеров под руководством его начальника капитана Астрова периодически проводились вечера отдыха офицеров и их семей, посвященные какому-либо событию в жизни ВАУР. Начинался такой вечер обычно с официальной части, затем следовал концерт художественной самодеятельности офицеров, членов их семей. Потом начинались выступления сверх программы, из-за столиков. Шутки, прибаутки, песни в сольном исполнении под

гитару, злободневные пародии на военную тему. Обязательными были танцы под духовой оркестр. Когда представители сильного пола доходили до определенной кондиции, на эстраду поднимались несколько офицеров во главе с командиром батальона, известным в ВАУРе матерщинником и грубияном майором Кудрявцевым и при обязательном участии старшего лейтенанта Кривоногова, который, как мы уже знали, когда-то до войны играл в духовом оркестре на трубе. По требованию Кудрявцева с разрешения капельмейстера (а что было ему делать!) мы отдавали свои инструменты поднявшимся на эстраду офицерам: Кудрявцев брал мой бас, Кривоногов — трубу у Зямы Бухмана или корнет у Маханько, кто-то садился за большой барабан (малого у нас в оркестре не было) и тарелки, остальным было безразлично, что держать в руках и во что дуть. Начинался концерт «Кто во что горазд». Известный со школьной скамьи оркестр дедушки Крылова в сравнении с этим полупьяным сборищем мог бы показаться коллективом благородных девиц. На общем фоне дикой какофонии звучала в исполнении Кривоногова, поднимаясь на все более и более высокие регистры, пока не достигала пронзительно звенящих звуков, мало кому из присутствующих в зале понятная нецензурная музыкальная фраза «до-ре-ми-до-рее-доо» («А пошел ты на...!»). В зале всегда находились одна-две женщины, знавшие «перевод» этой фразы на общедоступный язык. Они шумно возмущались, не забывая, однако, громко, во весь голос «перевести» соседкам и соседям по столу эту хулиганскую фразу на «могучий» и, в знак протеста, демонстративно покидали общество. Этого оказывалось достаточно, чтобы самозванный оркестр возвращал нам инструменты и ретировался с эстрады. Вечер отдыха продолжался, но был безнадежно испорчен. Через час-два все расходились, основное освещение выключалось, в зале оставался только обслуживающий персонал и мы, оркестранты. Собирали ноты, пюпитры (пульта на нашем местном жаргоне), инструменты и тоже покидали ДОФ, уходили «домой».

Будни ВАУРа, или «На честном слове и на одном крыле»

Военно-авиационное училище разведчиков было создано в 1942 году в г. Давлеканово на базе гомельского Аэрофотометрического училища и таганрогской авиашколы. Училище готовило фотовооруженцев для работы с аэрофотоаппаратурой АФА-И, АФА-Б, АФА-1, АФА-2 на самолетах СБ и Пе-2, дешифровщиков (в основном девушек), фотолаборантов (в основном девушек), воздушных стрелков-радиостов. Последних готовили в большом количестве, так как их убыль на фронте в два-три раза превосходила потери пилотов и штурманов. Дело в том, что если пилот и штурман хорошо ли, плохо ли, но защищены броней спинок кресел, а то и бронированной кабиной, то «стрелкач» защищен от пушек и пулеметов противника только тонкой дюралевой обшивкой самолета. При ВАУРе функционировали курсы усовершенствования командного состава (КУКС), где переучивались летчики-офицеры, откомандированные из фронтовых военно-воздушных частей и подразделений.

Кстати, работа во время войны одного из экипажей пикирующего бомбардировщика Пе-2, который летчики ласково называли «пешкой», отлично

показана в прекрасном популярном фильме «Хроника пикирующего бомбардировщика».

БАУР жил своей размеренной, напряженной жизнью, подчиненной нуждам войны. Созданный при нем музвзвод обеспечивал повседневную деятельность училища, подтверждал убеждение Суворова в том, что один военный оркестр стоит двух-трех батальонов. У нас, воспитанников музвзвода, распорядок дня был предельно напряженным: утром разыгрывали гаммы, упражнения на инструменте, затем — занятия в общеобразовательных школах города. Днем — игра на ежедневном гарнизонном разводе караулов, которая могла быть отменена только при температуре наружного воздуха ниже -18°C или в связи со стихийным бедствием. Каждый день одно и то же.

Ежедневно мы репетировали в составе оркестра и отдельно по голосам репертуар на все случаи жизни училища: марши, скорые «Суворовский», «Триумф», «Украинский», «Прощание славянки», Чернецкого и другие для парадов, пеших переходов, Гимн СССР, Интернационал, встречный марш, туш — для различных торжественных событий, танцевальную музыку — для танцевальных вечеров, популярную классическую и эстрадную для вечеров отдыха, для души перед началом танцевальных вечеров, спортивных мероприятий, авральных работ и музыку для траурных событий. Школьные домашние задания выполняли урывками, выбирая свободные от игр, репетиций, строевой и всех прочих видов подготовки «окна». Надо отдать должное Кораушу, Гуревичу и всем музыкантам-«старикам»: они не препятствовали нашим занятиям в школе, относились с пониманием и даже с некоторым уважением к нашей учебе, так как планка их общеобразовательного уровня знаний находилась где-то на отметке не выше 6 классов. Однажды Корауш потерял годовой план работы музвзвода, подписанный им и Астровым, утвержденный начальником штаба полковником Карповичем. Наконец, попросил нас, «профессоров», с 7—9-ю классами, помочь ему выйти из затруднительного положения. Взялся я, как старший среди воспитанников по образованию. Пару часов потренировался в копировании автографов нач. штаба и начальника ДОФ. Затем Корауш написал новый годовой план, я подписал за Астрова, утвердил за Карповича. При утверждении очередного месячного плана ни нач. штаба, ни нач. политотдела, ни нач. ДОФ не заметили, что их подписи на годовом плане фальсифицированы. Корауш был очень доволен и от избытка чувств заявил, что не зря воспитанники учатся в школе.

В середине августа 1944 года в Давлеканово из округа для инспектирования БАУР прибыла большая группа старших офицеров во главе с командующим Южно-Уральским военным округом со штабом в город Чкалов (ныне — Оренбург) генерал-полковником Рейтером М. А. Во время Великой Отечественной войны М. А. Рейтер командовал 20-й армией Западного фронта. В первые дни после прибытия командующий с небольшой свитой обошел жилые и служебные помещения, поболел в спортзале за баскетболистов, на футбольном поле — за футболистов, где играл оркестр, провел строевой смотр с опросом жалоб и заявлений. Зашел он и в столовую во время обеда. Подошел к нашему столу. Зяма Бухман, как старший среди нас по службе, решив, что кашу маслом не испортишь, рявкнул нам «Встать!», но, прервав его солдафонский порыв, генерал махнул рукой как-то совсем по-штатски: «Вставать не надо, кушайте». Впрочем, мы и не собирались вскакивать,

а продолжали усердно заниматься своим делом, так как знали, что по воинским законам нижние чины не вскакивают и не вытягиваются в струнку перед вышестоящими в нескольких случаях жизни. В частности в столовой, когда принимают пищу. Мы снова уткнулись в миски. «Чем вас, музыканты, кормят?» Мы только что принялись за второе. «Овсяной кашей, шпанелью», — отвечаем. «Значит, будете хорошими лошадками. И-го-го!» В ответ смущенные мальчишеские улыбки. Как всегда в подобных случаях, у стола, рядом с высоким начальником, дружно толпились начальники пониже и значительно ниже рангом, которые откровенно верноподданнически засмеялись генеральской шутке.

В один из жарких августовских дней были назначены показательные полеты на воздушную разведку в присутствии проверяющих. Рассказывали, что экипажи на инспекторские полеты назначал лично командующий округом, произвольно указывая пальцем в представленном ему списке. Несмотря на возражения начальника училища генерала Жукова, указующий начальственный перст остановился и на фамилии капитана Гончарова.

В ВАУРе Гончарова знали все, и не всегда с лучшей стороны. Хороший летчик, любит летать, но иногда бузит, не брезгует «злодейкой» с наклейкой, любит подраться, если возникает, на его взгляд, в этом необходимость. Так примерно его охарактеризовали бы те, кто хорошо знал.

Мы, мальчишки, не знали Гончарова-летчика, но знали Гончарова как хорошего футболиста, центрального нападающего вауровской футбольной команды. Подтянутый, сухощавый, чуть выше среднего роста, обветренное, худое, с резкими чертами лица. Одним словом — вылитый горьковский Челкаш. Еще тогда нам бросалась в глаза его манера бега на поле. Бежал он легко, чуть ссутулившись, на первый взгляд не спеша, но быстро, волчьим наметом. При необходимости «взрывался», делал неожиданные мощные рывки, вызывая бурный восторг болельщиков. Через много лет я, будучи проездом в Москве, пошел на футбол: играли ростовчане с московским «Спартак»». Внимание привлек прославленный в те годы Виктор Понедельник. Точнее, привлекла его манера бега. Как поразительно похожа она была у этих двух таких разных футболистов и в такое разное время: один — звезда советского, а возможно, и мирового футбола, второй — звезда районного масштаба, да и то в глазах болельщиков — мальчишек и взрослых, абсолютных дилетантов в футбольных делах. Гончаров как футболист был любимцем, кумиром болельщиков местного значения, не избалованных столичными «звездами».

Знали мы его и с другой стороны, как неперемного участника нередких драк вауровских офицеров с местными аборигенами мужского пола, не обремененными солидным возрастом. Конфликты возникали, как правило, на почве соперничества из-за представительниц слабого пола. Гончаров в числе первых вскакивал с постели, услышав боевой клич: «Подъем! Наших бьют!» Офицеры быстро одевались и бежали к месту выяснения отношений. Драки, как упоминалось выше, были не редкость. Но надо сразу отметить одну существенную деталь. Почти у каждого офицера за голенищем правого хромоног сапога, плотно облегающего ногу, торчала обязательная неразлучная фишка с красивой наборной рукояткой, а карманы бриджей некоторых из них, чаще — слушателей КУКС, оттягивали пистолеты ТТ. Но даже в самые напряженные моменты потасовок нервы у участников конфликта не сдавали,

и не было известно ни одного случая применения холодного или огнестрельного оружия любителями рукопашного боя с обеих сторон. Были, правда, случаи, когда какой-либо наиболее горячий обладатель пистолета палил пару раз в воздух. Для «понта».

Драка, как правило, завершалась легкой и средней тяжести мордобоем с повреждениями типа шишек, синяков, кровоподтеков, после вмешательства патрулей, если таковые оказывались в оперативной зоне невооруженного конфликта, милиции или случайных трезвых прохожих. Иногда пар спускался сам собой, драка шла на убыль без постороннего вмешательства, так как участники ее с той и другой стороны не зверели, оставались людьми, знали черту, на которой надо остановиться («Знай край, да не падай»).

Знали мы и то, что Гончаров, к величайшему нашему сожалению, был кандидатом № 1 на отчисление из училища и откомандирование к старому месту службы. И даже будто бы это было дело ближайших недель или даже дней.

Несмотря на убедительные доводы Жукова об исключении Гончарова из кандидатов на полеты, командующий не принял во внимание возражения начальника училища и остался при своем первоначальном мнении.

В обусловленное комиссией время назначенные Рейтером к полету самолеты один за другим взлетали с аэродрома «Комсомольское» и ложились каждый на свой курс для решения поставленной каждому своей учебной задачи.

Наступили томительные часы ожидания. Разморенные летней жарой и вынужденным бездельем слонялись или валялись на травке в тени кустов солдаты батальона аэродромного обслуживания (БАО). Высунув языки, лениво бродили, не бежали, как обычно, по своим неотложным делам деревенские собаки, злые у себя дома, около хозяина, и добродушные на «чужой» территории. Только радисты в палатке полевого пункта связи усердно, не обращая внимания на жару и духоту, стирая со лба пот, слушали потрескивающий от атмосферных разрядов эфир.

Наконец эфир ожил докладами, запросами и возвращающиеся с задания самолеты один за другим заходили на посадку, приземлялись. Затем наступило затишье.

Через некоторое время радист докладывает начальнику училища: «Радио от Гончарова: курс... высота... скорость... отказал левый двигатель, прохожу Стерлитамак» (переговоры велись открытым текстом, клером). Жуков: «Гончарову, немедленно садиться в районе Белой и Ашкадара, о посадке доложить». Через некоторое время радист Жукову: «Радио от Гончарова: высота... курс... скорость...». Жуков: «Гончарову, приказываю немедленно садиться, место посадки выбрать самостоятельно по обстановке», радисту: «Точно без искажений записать радиограммы!» И как бы про себя, негромко, в не совсем цензурной форме дал резкую нелестную оценку исполнительности подчиненного. Подошел Рейтер и невинным голосом, будто бы не понимая: «Что произошло? За что вы его так?» Жуков объяснил, что двухмоторный пикирующий бомбардировщик Пе-2 не может лететь без потери высоты под одним мотором, а потом добавил, что Гончаров недисциплинированный офицер и он не хотел допускать его к этому полету. Рейтер беззлобно спокойно ответил: «Раз летит — значит, может. Разберемся после посадки».

Вскоре последовал еще один доклад со злополучного самолета: «Высота... скорость... курс...». Жуков только прошипел что-то нечленораздельное, Рейтер усмехнулся.

После напряженного, показавшегося очень долгим ожидания раздался какой-то далекий, с надрывом, рев двигателя и из-за горизонта на небольшой высоте с креном на левое крыло появился долгожданный самолет. Зашел на посадку, запросил разрешение, развернулся, пошел по кругу, снова зашел на посадку, получил разрешение. Как позже, при разборе, выяснилось, при первом заходе из-за возникшей на земле суматохи и неразберихи ему «по рассеянности» не подтвердили разрешение на посадку. Ко второму заходу разрешение было получено, и Гончаров сел без «козла», как припечатал машину к взлетной полосе. Самолет, вздрагивая, как раненый зверь, пробежал и встал как вкопанный.

В последний раз кашлянул чуть не надорвавшийся от перегрузки единственный мотор, и на аэродроме наступила тишина.

Через минуту-полторы «возмутитель спокойствия» уже докладывал Жукову о выполнении задания. Еще не остывший от пережитого волнения генерал только бросил: «Идите, разберемся и примем меры». В воздухе запахло жареным... Когда порядком расстроенный такой, мягко говоря, прохладной реакцией начальника Гончаров отошел, к Жукову подошел Рейтер и негромко, спокойно приказал подготовить приказ за его подписью о поощрении капитана. Как он был поощрен, мы не знаем, но довольно ясно слышали, как «воспитывал» его командир эскадрильи Левандович, не слышавший, видимо, приказания Рейтера Жукову. Во всяком случае, В. Конецкий через много лет после описываемых событий имел в виду именно подобную ситуацию, утверждая, что «матерная ругань коротка, хлестка, образна, эмоциональна и не поддается быстрой расшифровке противником».

Несколько позже мы с огромным облегчением и удовлетворением узнали, что отчисление Гончарова из училища не состоялось, капитан-футболист остался на своем месте. Вот уж воистину «Воин с недостатками — все же воин, а муха без недостатков — всего только безупречная муха». Сразу оговорюсь, во избежание обвинений в плагиате, автор афоризма не я, а Довженко.

Наступил вечер после дневных тревожений. Городские шумы остались в двух десятках километров от аэродрома. Взошла круглая, как огромный футбольный мяч, ясная, ко всему безразличная луна. Тени от деревьев и кустов отступили ближе к лесу. Мы со своими попитрами, бесполезными сейчас, так как при бледном лунном свете ноты не прочитать, расположились на полянке. И вот над полянкой, лесом и озером в ночном воздухе полилась плавная, поистине божественная мелодия первого вальса, второго. Оркестр задумчиво и неторопливо вел рассказ о воспоминаниях, которые душу нам терзают, о далеких, покрытых ночной мглой сопках Маньчжурии, о маленькой сломанной беззащитной березке, о том, как спадают с берез неслышные, невесомые листья, о том, как вздыхает об ушедшей мирной жизни гармонь в лесу прифронтовой, дорога к которой идет через войну. На освещенном лунной, утоптанном «пятачке» медленно и плавно кружились пары, слышался приглушенный счастливый девичий смех. Молоденькие девчата, фотолаборантки, дешифровщицы и радистки, сменив кирзовые, очень тяжелые даже

для мужских ног, сапоги на легкие хромовые и модные туфельки нарочито строгими голосами отчитывали своих неуклюжих кавалеров за непотушенную и не выброшенную в присутствии дамы папиросу или сигарету (сигареты только начали входить в моду, на первых порах — немецкие). В то время мы и предположить не могли, что пройдет сравнительно немного времени и еще при жизни нашего поколения без вины виноватый вальс будет незаслуженно забыт и из короля танцев превратится в жалкого изгоя. Летом 1992 года мне довелось быть в гостях у сыновей в Петербурге. Оля, дочь старшего сына Сергея, закончила среднюю школу и готовилась к выпускному балу. По «протоколу» школьного приема первым танцем бала был вальс. Нельзя было без улыбки смотреть, как она с младшей сестренкой (внучкой Ирой) и подругой, которые добровольно выступали в роли спарринг-партнеров, пыталась овладеть секретами этого экзотического для нее танца. Ну понятно, это для них, молодых, ретро — не тот темп, но не до такой же степени! А впрочем, все логично. Я помню, как мы, выпускники 1946 года, на школьном выпускном вечере так же снисходительно, чуть-чуть свысока, с улыбкой смотрели на старомодно танцующих родителей.

А в том далеком, военном 1943-м пары ребят и девочек в погонах, оставив позади дневные заботы, тревоги, неприятности и усталость, самозабвенно кружились в вальсе на земляной утоптанной полянке, освещенной луной, этой мирной доброжелательной спутницей влюбленных. Вокруг вместо стен — стволы деревьев и кустарник. Лунное освещение создавало обстановку загадочного, нереального. Но вполне реальный оркестр, сидя на ящиках вместо стульев и кресел, играл, хотя при лунном свете прочитать ноты было невозможно. Для подобных ситуаций мы были обязаны играть по памяти, без нот. Кстати, такая ситуация возникала иногда и в закрытых танцевальных залах, и на оборудованных открытых танцевальных площадках, когда внезапно гас свет, а такое случалось в военное время не так уж и редко. В свои права вступала натренированность, профессиональная подготовка, музыкальная память музыкантов, и оркестр, ни на секунду не прерываясь, продолжал.

В августе 1995 года, через 52 года после описанных выше событий, будучи уже пенсионером со стажем, я побывал на аэродроме «Комсомольское». Эта возможность предоставилась благодаря любезности родственника, мужа сестры моей жены, Андрея Родионовича Кузнецова. Бывший председатель объединенного колхоза «Коммунар», а позднее — начальник управления сельского хозяйства Давлекановского района предложил совершить небольшую экскурсию в район аэродрома на своей машине.

Юркий «жигуленок» деловито мчит по знакомой с детства дороге — давленкановскому «бану», справа промелькнула деревня Дорошевка; чуть дальше слева — деревня Сергиаполь. Раньше рядом была деревня Абрам-поль, но ее объединили с Сергиаполем.

Наконец поворот с «бана» направо, поехали медленнее. Перед глазами вроде все знакомое и одновременно незнакомое. На аэродроме теперь вместо пикировщиков Пе-2 и скоростных (средних) бомбардировщиков СБ базируются вертолеты. По этой причине взлетной полосы как таковой нет. Сохранился на старом месте полевой склад ГСМ, несколько служебных аэродромных построек, появились новые. Естественной земляной, утрамбованной

ногами, «танцплощадки» за ненадобностью — дискотеку на ней не организуешь! — нет, естественно, и в помине. Те, времен войны, деревья и кустарники давно отжили свой век, и им на смену пришло новое поколение, возможно, и не одно. Все растет, стремится вверх, погибает, умирает естественной, неизбежной смертью, а на освободившемся месте пробивается, неудержимо тянется вверх молодая, новая, более сильная поросль.

Сижу за решеткой, или Первый раз в первый класс

Весной 1944 года наш муззвезд переселили в помещение клуба элеватора, который, кстати говоря, по объему перерабатываемого зерна и технической оснащенности занимал в те годы третье место в СССР. Нам очень понравилось помещение. Просторное, светлое, несколько комнат, где можно поставить одноярусные койки и проводить занятия, много воздуха, света, а в солнечные дни и солнца. Расположено вдали от шума городского и от училища. Но было и одно из немногих неудобств — далековато по давлекановским масштабам от объектов, где мы играли ежедневно или почти ежедневно (штаб училища, Дом офицеров, городской парк), и от столовой, которую мы без особых напоминаний добросовестно посещали трижды в сутки. Воспользовавшись значительным удалением нового помещения оркестра от кабинетов начальников, Корауш сразу же увеличил количество репетиций оркестра, ввел ежедневные занятия с воспитанниками по общей теории музыки, в которой мы были стопроцентными дилетантами. «Старики»-то за многолетнюю практику каких-то азов нахватались, а мы в этом вопросе были серые. Введя эти занятия и дополнительные репетиции, сократив до нуля строевую подготовку и изучение уставов, Корауш в свое оправдание сказал, что без строевой подготовки и без знания уставов человек еще может прожить, а без музыки жизнь бессмысленна, скромно умолчав при этом, что вторую часть афоризма задолго до него изрек Ф. Ницше. Но это так, к слову. Главное, что были созданы отличные условия для специальной подготовки, индивидуальной и оркестровой. Утром, после завтрака, все мы расплзались по комнатам, закоулкам и дружно индивидуально дули гаммы, упражнения кто во что горазд. Хорошо, что за стенами, под полом и над потолком не было соседей: от этой какофонии они сошли бы с ума. Один Зяма Бухман на своей помповой трубе довел бы их до белой горячки. Широко расставив ноги, встав где-нибудь в углу, лицом к стене, спиной ко всему окружающему миру, весь уйдя в себя, он по часу-полтора самозабвенно разыгрывал гаммы, упражнения и арпеджио. Вообще Зяма был личностью неординарной. Отличный трубач, не Луи Армстронг, конечно, и даже не Эдди Рознер, но не зря ему помогли приобрести персональную отличную помповую трубу. Зяма обладал прекрасным музыкальным слухом (об этом чуть ниже). Физически сложен хорошо, симпатичный, пользовался устойчивым успехом у местных молодых дам и девушек, которые испытывали дефицит мужчин по случаю войны. Но у него мы нашли «ахиллесову пяту»: несмотря на вполне зрелый возраст, — а он проходил действительную срочную службу, принял присягу, т. е. был полноценным солдатом в отличие от нас, безответственных воспитанников, — в своем общем развитии Зяма оставался где-то на отметке 10—12 лет. Это

не относилось к взаимоотношениям с прекрасной половиной человечества. В половом отношении он шел в ногу со своим возрастом, даже чуть опережая его, и представлял собой вполне сформировавшегося 20-летнего полового гиганта. Его весьма ограниченными, наивными взглядами на обычные житейские вопросы мы пользовались в своих мальчишеских, близких к хулиганству, целях. Часто это выглядело безжалостно, даже жестоко, но юность часто бывает жестокой во взаимоотношениях между равными и по отношению к старшим по возрасту. В целом Зяма был неплохим парнем, это надо признать сейчас, взглянув через призму 50 лет. На наших прошлых проделках с Зямой остановлюсь позже, когда речь пойдет о Кировоградском периоде жизни.

В «элеваторский» период нашей жизни у Корауша, Зямы и Гуревича возникла идея расширить рамки возможностей оркестра, в том числе и в интересах халтур. Несколько дней «старики», в первую очередь названные выше, бурно обсуждали вопросы, связанные с созданием на базе духового джаз-оркестра в первом приближении. Надо отметить, что Зяма уже давно носился с этой идеей и даже предпринял кое-какие практические шаги. Начальник Дома офицеров, капитан Астров, не лишенный чувства нового, сразу же поддержал Корауша и К^о. Необходимым минимумом исполнителей, инструментов оркестр располагал. Решив некоторые организационные и репертуарные вопросы, энтузиасты джаза стали думать о выходном марше. Какой джаз без выходного марша! В первый момент возникла мысль о марше из хорошо известного кинофильма «Цирк». Марш отличный, но его играли почти все известные и неизвестные джаз-оркестры. Рассмотрели кандидатуру № 2 — утесовский «Наш ритм», но вопрос сразу отпал сам собой: составом инструментов создаваемого джаз-оркестра «Наш ритм» не потянуть, да и для выходного марша он не совсем подходит. Кто-то из музыкантов посмотрел только что вышедший на экраны английский кинофильм «Джордж из Динки-джаза» и робко сказал, что в нем, по его мнению, звучит очень неплохая мелодия «Улыбнись мне!» в исполнении Форджи, подходящая для выходного марша. Сразу же создали «рабочую группу» в составе баритониста, преподавателя Евстифеева и, конечно, главного заперщика трубочка Зяму Бухмана и откомандировали в тот же день в кинотеатр «Урал», где второй день демонстрировался кинофильм «Джордж из Динки-джаза». Отсидев два или три сеанса подряд, «рабочая группа», единодушно решив остановиться на этом марше, с энтузиазмом принялась за работу. Зяма, обладавший незаурядным музыкальным слухом, без труда и строго «по тексту» воспроизвел на своей новой, персональной помповой трубе основную мелодию, Евстифеев сделал ее нотную запись. Затем Корауш, Евстифеев, Зяма, старый Бухман и другие написали партитуру марша, произвели аранжировку. Короче, через два-три дня состоялось первое выступление (презентация, как сказали бы сейчас) новоиспеченного джаз-оркестра. Выглядело это по сценарию Астрова так. Сцена зрительного зала Дома офицеров закрыта занавесом из легкого белого материала, на который с помощью внутренней подсветки падают тени исполнителей с инструментами. Затем зритель видит, как исполнители один за другим встают и предъявляют свою «визитную карточку» — исполняют короткую музыкальную фразу, характерную для данного конкретного музыкального инструмента, подчеркивающую его звучание. Занавес поднимается, в зале гремит выходной марш, который зрители два-три дня тому назад

слышали в новом зарубежном кинофильме. Очень красиво и эффектно. Это могли подтвердить мы, воспитанники, которых по причине молодости и недостаточной профессиональной подготовленности «старички» в свой джаз-оркестр не взяли, и мы были в роли зрителей. Честное слово, зрительный зал оценил новинку по достоинству. Это подтверждали бурные аплодисменты зала. Джаз-оркестр просуществовал совсем недолго и, не успев как следует встать на ноги, по непонятным нам тогда причинам почил в бозе, опять став типичным военным оркестром. Впрочем, функции военного духового оркестра с него никто и не слагал никогда. Просто выступал он в двух ипостасях. Все вернулось на круги своя. Жаль, конечно. Джаз-оркестр был создан на энтузиазме музыкантов снизу, буквально на одном дыхании, при активной помощи и поддержке Астрова.

Один из стариков-музыкантов позже случайно рассказал в нашем присутствии, как все произошло. Ветер подул из кабинета начальника политотдела. Он был очень возмущен тем, что подчиненный ему оркестр заиграл джаз без его высокого разрешения, тем более в стране в описываемый период не жаловали джаз как музыку. Терпели, плохо скрывая раздражение, несколько джазменов с такими громкими именами, как Утесов, Цфасман, Кнушевицкий, Лундстрем, Рознер, но не более того. В фашистской Германии Гитлер запретил джазовую музыку как не соответствующую требованиям арийского искусства. Начальник политотдела Еремеев, не мудрствуя лукаво, вызвал «на ковер» начальника ДОФА Астрова и капельмейстера Корауша, задал им пару дежурных вопросов и приказал немедленно прекратить это безобразие, так как джазовая музыка — порождение буржуазной, чуждой нам культуры и идеологии и совершенно несовместима с социалистической. Обвинил подчиненных ему офицеров в политической близорукости, беспринципности, угрожающе напомнил им о партийных билетах, которые лежали у них в левых карманах гимнастерок. В общем, все как обычно в подобных ситуациях. Астров и Корауш взяли под козырек и щелкнули каблуками. Вопрос с джаз-оркестром был решен.

Лет через пять уже в Баку мне рассказал один музыкант забавную историю, где главным действующим лицом был Леонид Осипович Утесов, стоявший у истоков создания и развития российского джаза. Известно, что Утесов обладал абсолютным музыкальным слухом. В 1947 году композитор Борис Андреевич Мокроусов получил заказ от «Мосфильма» написать к новому фильму музыкальное произведение праздничного характера, исполняемого в быстром темпе. Маститый композитор точно и в срок выполнил заказ. А чтобы предварительно оценить на «свежий слух», обкатать новинку, пригласил к себе на смотрины несколько специалистов-профессионалов в области музыки. Специалисты, среди которых оказался и Леонид Осипович, собрались, вежливо прослушали новорожденное дитя, дружно поаплодировали, одобрили, восхитились и разъехались по домам.

В назначенный срок Б. А. Мокроусов привез на «Мосфильм» свой опус. Мосфильмовские специалисты от музыки прослушали его, глубокомысленно задумались и резюмировали: музыка прекрасная; это то, что требуется для нашего фильма, но вот по поводу новизны небольшая неувязочка — Леонид Осипович Утесов со своим джаз-оркестром уже несколько дней играет эту музыку на московских концертных площадках.

Как выше уже упоминалось, очередное место «базирования» нашего оркестра располагалось далеко от военного городка, рядом с элеватором. Однажды мы, воспитанники, под командой Зямы Бухмана бодро шли строем, а точнее — подобием строя, в столовую на завтрак. Путь наш пролегал через территорию школы № 2, где обучалось несколько воспитанников. При прохождении через школьный двор, а в школе была перемена, Зяма сделал замечание кому-то из нас, а для усиления воспитательного эффекта резко толкнул его в плечо: «встань, мол, в строй!» Откуда-то выбежал ученик 8-го класса Рашид Даутов, басом и телосложением напоминавший будущего артиста Бориса Андреева, и направился к Зяме, потрясая полупудовыми кулаками, с целью защитить «потерпевшего». Зяма, взглянув на Рашида, оценил обстановку не в свою пользу и позорно, под общее улюлюканье покинул место конфликта и свое немногочисленное войско. Бегом, разумеется. На следующий день отец Зямы, старый Бухман, мой учитель и ведущий, пришел в школу разобраться. Его вердикт: во всем виноват воспитанник Г. Ежков. Они учатся с Р. Даутовым в одном классе, и первый подговорил второго учинить расправу над беззащитным двадцатилетним ребенком. Капель, не вникая в детали, творит строгий суд: «Воспитаннику Ежкову Г. в течение 10 суток запрещается покидать расположение подразделения». Проследить исполнение наказания возложил на Бухмана-старшего. Наказание означало, что в течение 10 дней я не могу ходить домой, который совсем рядом, а дома — мама, трое братьев. Честно отбыть наказание для меня представлялось невозможным. Тем более, что я узнал о хорошей семейной новости: со дня на день из Москвы должен прилететь на своем «Дугласе» дядя Костя (Константин Михайлович Томпсон). Для меня и братьев он был почти легендой. В годы войны он служил в дальней бомбардировочной авиации, которая базировалась в Москве, затем в Кремлевской авиации под командованием маршала Голованова, летчиком-испытателем при КБ А. Н. Туполева, испытывал стратегический бомбардировщик Ту-4, удачно скопированный с американской «летающей крепости» Б-29. В конце ноября 1943 года «возил» кого-то из членов советской делегации на историческую Тегеранскую конференцию.

Вся его служба прошла в Москве, а сколько у него наград — он точно не знал. В описываемый период, по моим данным, их было 23.

Так некстати было это наказание! И когда над Дёмой появился «Дуглас», который над городом совершил несколько странных маневров, выбирая, видимо, место для посадки, я, конечно же, не мог найти себе места: «Дядя Костя прилетел, а я не могу уйти из места расположения муззвода!» Так возникла мысль убежать в самовольную отлучку. Мой учитель и в данном случае надзиратель Бухман спокойно сидел с газетой на крыльце у входа в муззвод и изредка поглядывал с любопытством на ворота элеватора, через которые входили и выходили грузовые автомашины. Я пошел к открытым воротам, Бухман не обратил внимания. Зацепившись за борт выходящей машины, на глазах изумленного «сторожа» я благополучно убыл в первую в моей жизни самовольную отлучку. Оказывается, я поспешил. Как позже выяснилось, не найдя подходящей площадки для посадки у дома своей тещи, дядя Костя улетел в Уфу, там договорился с местными летчиками, перегрузил с «Дугласа» на У-2 три мешка картошки (цель полета из Москвы в Давлеканово через Казань, где он загрузился картошкой), вернулся в Давлекано-

во на У-2, сел на улице Огородной, что рядом с домом тещи, разгрузился, на следующий день улетел в Уфу, пересел в «Дуглас» и возвратился на Центральный аэродром Москвы, где и доложил маршалу Голованову о выполнении какого-то его поручения. Анекдот? Не скажите. Все это в деталях и красках было рассказано лично дядей Костей. Когда он улетел в Москву, очень довольный проведенной операцией «Картошка», я возвратился в свой музвзвод. Здесь меня ожидала неприятность. Капель встретил явно недружелюбно, обозвал последними словами, оценил мои действия как хулиганские и позже, когда все воспитанники были в сборе, объявил мне новое взыскание: «За самовольную отлучку из расположения части, совершенную с особой дерзостью, арестовать на 5 суток с содержанием на гарнизонной гауптвахте».

Процедура ареста, т. е. лишения меня свободы, произошла на следующий день и достойна того, чтобы о ней упомянуть. В 8-м классе учительница и завуч школы Бэлла Ароновна Росинская вела урок биологии. В дверь постучали и в класс вошел, а точнее — ввалился плотный, высокий, одетый в солдатскую форму мой шеф и учитель Бухман, вооруженный всамделишной трехлинейной образца 1891/30 года винтовкой Мосина с примкнутым штыком. Позже узнал: для солидности в магазин винтовки была загнана обойма боевых патронов (чтобы стрелять по «опасному» преступнику при попытке к бегству?). Громыхнув тяжелыми кирзовыми сапогами, что, по-видимому, должно было означать «лихо шелкнул каблуками со шпорами» (ведь предтечей нашего «авиационного» духового оркестра у старичков был кавалерийский духовой оркестр), резко лязгнув о мирный школьный пол металлической накладкой приклада винтовки, он доложил нашей «Буфер-жопе» (таким было не очень изящное с элементами непочтительности школьное прозвище в общем-то уважаемой завуча школы Бэллы Ароновны за ее изящный, соблазнительный или, как бы теперь сказали, — сексуальный турнир), что он прибыл с приказанием арестовать воспитанника музвзвода, в миру — ученика 8-го класса Ежкова Геннадия (т. е. вашего покорного слугу) и препроводить сего опасного государственного преступника на гарнизонную гауптвахту. Не знаю, для чего нужна была вся эта комедия, но эффект был потрясающим! Растерявшаяся Росинская в мертвой тишине класса робко решила: «Пожалуйста, раз так нужно». Я встал, хлопнув крышкой парты, подошел к Бухману. Тот подчеркнуто сурово снял с моих плеч погоны, отстегнул поясной ремень, сунул их в карман галифе и приказал мне идти вперед к выходу из класса, а сам как заправский конвоир (прямо как в кинофильме «Свадьба в Малиновке»!) занял место в двух-трех шагах сзади и на один шаг справа от меня с винтовкой в положении «на ремень». Класс взорвался невообразимым шумом, гамом, все повскакали со своих мест, от души громыхнув крышками парт. Урок был безнадежно сорван.

Когда я под конвоем вооруженного Бухмана понуро зашагал по школьному двору, весь класс, не обращая внимания на увещевания «Буфер-жопы», повскакивал на подоконники, мальчишки кричали что-то ободряющее, самозабвенно улюлюкали, а девочки... «кричали ....., ура» и в воздух чепчики бросали». Среди них нашлась одна или две «декабристки», которые позже пару раз навели меня «во глубине сибирских руд», а проще — на давлекановской гарнизонной гауптвахте.

Так я был отправлен на гауптвахту первый раз в жизни. А впереди было еще много гауптвахт, арестов «с содержанием» и «при каюте». По гауптвахтам можно было бы получить некоторое представление о географии СССР. Назову только места, где мне довелось отбывать наказания с содержанием на гауптвахте: Давлеканово (Башкирия), Кировоград (Украина), Баку, Зых, Баилов (Азербайджан), Одесса (Украина), Ленинград (РСФСР), Североморск (Мурманская область).

Итак, первый раз в жизни я оказался за решеткой. Гауптвахта мне не понравилась, хотя я и не ожидал увидеть развлекательный салон для благородных девиц. В камере сидели, кроме меня, три пожилых солдата-казаха. Каждое утро их уводили на работу по заготовке дров: двое пилили, третий колол. Солдаты уже в возрасте, но физически сильные, крепкие, коренастые. Получив задание от начальника гауптвахты на весь срок отсидки, они начали с того, что сделали новые козлы, наточили и направили ручную пилу, хорошо насадили колун на черенок. После этого работали они не суетясь, но не покладая рук, как хорошо отлаженные механизмы, делая один-два коротких перерыва до обеда и один-два — после обеда. Задание они выполнили досрочно и освобождены были досрочно. Меня на работу не брали по причине моего несолидного возраста и отсутствия навыков в физическом труде. К тому же я был бы обузой для этих хорошо подготовленных физически людей. Казахи не говорили ни слова, но и так было ясно, что я испорчу им всю обедню, цель которой — досрочное освобождение с гауптвахты. Работали они если и не на износ, то уж с большой нагрузкой, какой я бы не выдержал. После их ухода я досиживал двое оставшихся суток как в камере-одиночке. Читать ничего нельзя, кроме уставов, а их и видеть-то не хочется. Целый день ходишь как волк в клетке зоопарка: восемь шагов по диагонали камеры в один конец, восемь в другой. По второй диагонали, как и следовало ожидать, то же самое. Луч света в темном царстве — это когда приходил кто-нибудь из своих ребят. Воспитанники муззвода в основном были из числа воспитанников детского дома имени Спартака (Виктор Степанов, Владимир Степанов, Саша Тарасов, Новиков, Гельзин), эвакуированного в начале войны из Москвы в Давлеканово. Ребята детдома, а я имею в виду в первую очередь девочек, отличались какой-то повышенной способностью к сопереживанию, сочувствию к чужой беде, порядочностью и доброжелательностью. Я знал очень многих в этом детдоме, во время войны моя мама работала в нем педагогом-воспитателем, но я не знал сам или с ее слов ни одного хулигана в детдоме, человека с воровскими наклонностями и т. п. В этом же детдоме воспитывались дети австрийских коммунистов — подпольных борцов с фашизмом. Запомнилась красивая, элегантная Ганзи Шаумбергер, в которую были влюблены все мальчишки, умный, очень спокойный, но тяжелобольной (сердечник) Эрих Верлендер, брат и сестра Рудик и Инга, чью фамилию не помню.

Глубокий след в мальчишеской памяти оставили очень спокойные, хорошо воспитанные и дисциплинированные детдомовские девочки — изящная Люся Полютская, обаятельная Маша Гонтова, в которую автор этих строк был тайно и безнадежно влюблен, хозяйственная Вера Тюнина, маленькая Вера Массарская, красивая Искра Адунская. Через несколько лет, уже будучи храбрым морским лейтенантом, я встретил нескольких из них, которые учились в Ленинграде, среди них и Ганзи Шаумбергер.

Навешали меня на гауптвахте и одноклассники и одноклассницы — воспитанники детдома. Мама и братья не знали, что я сижу на «губе», от них я сей прискорбный факт тщательно скрыл.

Этот День Победы...

Раннее утро 9 мая 1945 года. Спим (жили мы уже на территории училища, в цокольном этаже основного корпуса, под спортзалом) сном праведников. Вдруг команда дневального: «Подъем! Подъем! Всем срочно вставать!» и, не ожидая вопросов, радостно ошарашил продирающих глаза, недовольных ранней побудкой воспитанников: «Конец войне! Победа!» Весь день это сладкое слово «Победа» звучало из уст всех людей.

Естественно, все мы быстро повскакали, выбежали на территорию училища, а там уже полно народа, сплошной гул, возбужденные, радостные крики. В гуще толпы высится монументальная фигура начальника училища генерала Жукова. В радостном возбуждении он поздравляет, обнимает, приподнимает (благо, он очень крупный, сильный!) и целует всех без разбора, кто попал под руку: парень-курсант, офицер, девушка-курсант. Из невысокого здания, добротного сработанного из серого кирпича, до войны бывшего немецкой школой, а сейчас использующегося как казарма, выбегают девушки-курсантки. Многие из них закончили курс обучения и ждали отправления на фронт. Они сгрудились около Жукова, пытаются подбросить его вверх, чтобы покачать. С помощью офицеров это им с трудом удается, так как генерал тяжелый, не для маленьких девичьих рук. Молоденькая, очень симпатичная будущая дешифровщица Фрида лихо вскочила на какой-то подвернувшийся под ноги предмет (то ли ящик, то ли бочка, то ли еще что-то) и звонким голосом призывает всех двинуться в столовую (это совсем рядом) и начать там праздновать День Победы. По команде Жукова все дружно двинулись в столовую. Минут через 10—15 оркестр стихийно, без команды, в полном составе с инструментами был уже в столовой. Также стихийно, не дожидаясь приказаний, там убрали столы, скамейки, оставив место для оркестра. Через каких-нибудь 20—30 минут в столовой гремели праздничные, веселые эстрадные и танцевальные мелодии. Начались танцы, дружно пел самодеятельный стихийный хор. Было извлечено из НЗ и использовалось по прямому назначению спиртное.

После обеда веселье продолжалось более или менее организованно в Доме офицеров. А на улицах и везде, где только можно было, продолжала бурно веселиться неорганизованная публика. Оркестр переместился в ДОФ. По пути от училища до ДОФ, по просьбе окружающих, трезвых и не очень, мы останавливались, играли на этих стихийных площадках, люди пели, танцевали, веселились, угощали друг друга и оркестрантов водкой, вином, наспех приготовленной традиционной русской закуской — кусок хлеба, а сверху кусок колбасы или селедки. Воспитанники не пили по малолетству, помня указание Корауша, и были абсолютно трезвые, чего не скажешь о некоторых «стариках».

В Доме офицеров празднество затянулось до глубокой ночи, которая незаметно перешла в раннее утро.

Страшно уставшие, но веселые, в приподнятом настроении, вернулись мы домой, мешками свалились на кровати и сразу уснули как убитые. Для оркестра День Победы был праздничным, тяжелым трудовым и трудным днем. Как только ранним утром 9 мая губы коснулись мундштука, так практически и не отрывались от него почти до следующего утра и уже в кровати, засыпая, ощущали его привычное теплое прикосновение к губам, а в ушах гремела, постепенно по мере погружения в сон затихая, праздничная победная музыка.

Кировоград

Недели через две после окончания Великой Отечественной наше ВАУР передислоцировали в г. Кировоград, что расположен в бывшей Украинской Советской Социалистической Республике. Для оркестра все было просто. Упаковали оркестровый реквизит (инструменты, ноты, пюпитры, ЗИП и т. д.), сложили в вещмешки свой нехитрый солдатский скарб, свернули и упаковали постельные принадлежности, погрузились в назначенный нам железнодорожный вагон-теплушку, и наш эшелон, весело постукивая на стыках рельсов, резво помчался к новому месту дислокации, в более теплые края.

На верхних нарах рядом с военным оркестром разместились несколько солдатских семей. В их числе оказался Александр Григорьевич Рубинштейн с женой и сестрой жены. До сих пор не знаю, в какой должности служил Рубинштейн в училище, но ходил он в шинели, мешковато сидевшей на его костлявой сутулой фигуре, с солдатскими погонами. В Давлеканово жил он с женой и сестрой жены. До войны кандидат физико-математических наук Александр Григорьевич Рубинштейн работал в качестве доцента кафедры высшей математики Одесского государственного университета. Какой нонсенс! Диплом кандидата физико-математических наук в кармане и погоны рядового солдата на серой солдатской шинели. Хотя бы присвоили высшее солдатское звание «ефрейтор». Не генеральское звание, но все же... Проходя службу в ВАУР, Александр Григорьевич по совместительству обучал элементарной математике давленкановских мальчишек и девчонок в средней школе № 2. Очень скоро я понял, как нам повезло: в 8-м и 9-м классах математику преподавал прекрасный педагог и математик. В годы войны в давленкановских школах преподавало немало учителей, эвакуированных из больших городов — Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Гомеля, Таганрога, Ростова-на-Дону, таких как упомянутый выше Рубинштейн Александр Григорьевич, Росинская Бэлла Ароновна, Ланэ Ида Самуиловна, Прунова Антонина Ивановна и др. Практически все они были хорошо профессионально подготовленными, добросовестными педагогами, умелыми воспитателями. У них был опыт преподавания в больших городах, опыт работы с трудными детьми.

Вот рядовой для того времени конфликт. За систематические нарушения дисциплины распоряжением директора школы лидер мальчишек (и девчонок тоже) нашего класса Женька Брейдак, эвакуированный в начале войны из Риги, был переведен в параллельный класс. «Исполнение приговора» было произведено во время урока Иды Самуиловны. Только закрылась дверь за нашим предводителем под конвоем исполнителя приговора — классного

руководителя Мелентьева, как все до единого мальчишки и девчонки нашего 8-го класса, будто заранее договорившись, встали, демонстративно, с грохотом, хлопнули крышками дышавших на ладан парт и дружно покинули класс, заявив по пути опешившей в первый момент, ни в чем не виноватой Иде Самуиловне, что не вернутся в класс, пока не будет отменен приказ директора и не возвращен на свое место Брейдак. Педагоги не перешли в контрнаступление. С кем-то поговорили «по душам» в учительской, кого-то припугнули в кабинете директора и получилось так, что через несколько часов мятежный класс в полном составе так же дружно, как и уходил, занял свои места в классе. Через 2—3 дня нам возвратили нашего хулиганистого атамана. Конфликт, только вспыхнув, сразу же был разрешен мирным путем, без кровопусканий, к взаимному удовлетворению конфликтовавших сторон. Но я отклонился от линии повествования.

В поезде у Рубинштейна, естественно, было много свободного времени. Но как деятельный, беспокойный человек, он не мог сидеть без дела. Александр Григорьевич организовал занятия по математике с аудиторией, состоявшей из одного человека. В качестве этого единственного слушателя он избрал вашего покорного слугу: видимо, повлиял тот факт, что из всех воспитанников только я учился в его классе. Интересно, что с приходом в нашу школу этого требовательного и влюбленного в математику преподавателя привычные устойчивые «пятерки» по этому предмету напротив моей фамилии в классном журнале довольно быстро сменились серенькими безликими «троечками». Правда, через пару учебных четвертей напротив той же фамилии стали появляться «четверки» и случайные «пятерки». В последнее время «пятерки» превалировали над прочими оценками, и, двигаясь в соответствии с известным законом диалектики по спирали, я вернулся в исходное положение, закончив IV четверть и учебный год с твердой «пятеркой».

«Семинар» Рубинштейна был существенно ограничен отсутствием в теплушке привычной классной доски и трудностями в обеспечении писчебумажными принадлежностями. Для записи пользовались оберточной бумагой, старыми газетами. Очень выручали плакаты с изображением силуэтов немецких самолетов. Плакаты служили наглядными пособиями для тренировки зенитчиков и летного состава. Обратная сторона плакатов была серой и шершавой, но зато какие размеры! Они составляли приблизительно 800×800 мм.

На этих «семинарах» я узнал об основных принципах составления алгебраических задач, получил фундаментальные знания в тригонометрии и даже азы из азов математического анализа.

Время в пути прошло незаметно для руководителя занятий, а для удачливого слушателя — еще и с огромной пользой. Позже я не раз вспоминал эти занятия. Именно в те дни я по-настоящему проникся уважением к математике, которую перестал считать сухой и абстрактной дисциплиной, и полюбил ее на всю жизнь. Основательный математический фундамент, заложенный усилиями и талантом Александра Григорьевича, сослужил добрую службу в моей последующей учебе, жизни, службе. Да, да, я не оговорился — и в службе, как это ни парадоксально звучит. Я навсегда сохранил самое глубокое чувство уважения и признательности к этому талантливому педагогу, чудесному человеку, первому настоящему учителю математики за первые девять лет моей учебы.

Но всему бывает конец, в том числе и путешествию по железной дороге. Почти через пять суток езды наш эшелон благополучно достиг цели путешествия и остановился у одной из платформ разрушенного войной вокзала железнодорожной станции Кировоград.

В Авиагородке, нашем новом жилище, выделили отличное помещение для жилья воспитанников муззвода («старички» жили с семьями отдельно), для репетиций и занятий оркестра, представляющее собой несколько переоборудованную четырехкомнатную городскую квартиру с большим балконом и всеми удобствами. Аэродром, примыкавший к Авиагородку, был оборудован взлетной полосой, служебными постройками. Чувствовалось, что наши предшественники — непрошеные гости из нацистской Германии устраивались основательно и надолго. За ограждением Авиагородка раскинулось кукурузное поле, вдаль блестел Ингул. Это поле до сих пор у меня ассоциируется с вкусными початками восковой спелости, ржавеющими в земле отдельными экземплярами немецкого и отечественного стрелкового оружия, советскими и немецкими гранатами, патронами к пистолетам, автоматам и крупнокалиберным пулеметам. Где-то в центре поля стоял подбитый танк, разобранный на его конструктивные элементы до такой степени, что государственную его принадлежность определить было невозможно. Между Авиагородком и городом Кировоград раскинул свои сады и чистые ухоженные белые домики пригород Ново-Николаевка, по улицам которого величественно бродили куры, переваливались с боку на бок откормленные гуси и утки, за плетнями и заборами орали утренние петухи. Но в утопающей в зелени патриархальной, с истинно украинским бытом Ново-Николаевке по вечерам и ночью местные, не совсем трезвые парубки, давно достигшие совершеннолетия, и их не более трезвые родители частенько постреливали от избытка чувств после бутылки-другой калгановки или самогона из немецкого и отечественного оружия. Как правило, в воздух, для «понта», трассирующими пулями. Доступность оружия просто поражала. В разных местах пригорода то и дело с шипением взлетали одноцветные отечественные и трехцветные немецкие сигнальные ракеты. Ракетницы оружием не считались и всерьез не воспринимались. В Ново-Николаевке было много собак, которые самоотверженно охраняли частную собственность практически в каждом саду, на каждом приусадебном участке.

В итоге мы пришли к выводу, что жить здесь вполне можно, и даже неплохо.

С работой, кажется, тоже все складывалось вполне благополучно. Те же серые будни с осточертевшим разводом караулов, игра на танцевальных вечерах, на стадионе во время спортивных мероприятий. Репертуар наш не подвергся существенным изменениям. Естественно, некоторый крен в сторону украинской тематики сделать было необходимо. На смену башкирскому «Салавату», татарскому «Зарифату» пришел задорный, залихватский украинский «Гонак», марши «Триумф» и «Прощание славянки» потеснил «Украинский марш». В папках с нотами появились пользовавшиеся неизменным успехом «Попурри на украинские народные песни», музыка и танцы из оперетты Александра «Свадьба в Малиновке», из оперы Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем».

По сравнению с «башкирским» периодом нагрузка на оркестр заметно уменьшилась. На танцевальных вечерах играли всего три раза в неделю,

в Клубе железнодорожников. За все время со дня прибытия ВАУР в Кировоград и до 22 августа, когда я уехал назад в Давлеканово, оркестр ни разу не играл на похоронах. Довольно привольному образу жизни способствовала и переезды, вызванная переездом училища, как это обычно бывает при переезде из одной квартиры в другую. Хорошо отработанная в Давлеканово организация сложного процесса подготовки кадров для фронтовой авиации была сломана, а реанимировать ее было очень трудно по объективным причинам, так как не было необходимых служебных, учебных помещений, лабораторий, аэродром при Авиагородке был полностью «оккупирован» 49-м венгерским авиаполком, передислоцированным после войны из Венгрии и расположившимся в Авиагородке раньше ВАУР, по-хозяйски и надолго. Да никто, на мой взгляд, и не снесил приступить к восстановлению деятельности ВАУР, так как надобность в кадрах для фронтовой авиации в связи с окончанием войны отпала, к тому же усиленно муссировались слухи о предстоящем расформировании училища.

Нам, воспитанникам, жилось привольно. Хорошее помещение, где мы были предоставлены самим себе, две-три репетиции в неделю, необременительная плановая обязательная игра. Свободное время, которого было в достатке, надо чем-то занять. Для начала облазали все, куда можно было забраться, в районе, прилегающем к нашему жилому корпусу. В подвале под ним был обнаружен бывший немецкий вещевой склад, где после приезда ВАУР, временно, навалом, без оборудования, хранились хозяйственные товары училища. Рядом с корпусом, где мы жили, немцы соорудили кирпичный капитальный туалет (видимо, как аварийный, так как вода в корпуса подавалась с перебоями — водонапорная башня была разрушена), оборудованный отоплением и вытяжной принудительной вентиляцией. Из кожуха вентиляции мы извлекли сверток — завернутое в плотную бумагу и простыню новенькое магнето от системы зажигания немецкого самолета. Проверили его работоспособность на себе: удар электротока короткий, но очень сильный и приблизительно соответствует техническим данным, изображенным на табличке, закрепленной у основания. Сразу же решили, что находка перспективная, и спрятали ее в ворохе старых нот в своей кладовке. Рядом с жилым корпусом был оборудован охраняемый склад химмущества ВАУР, но ни склад, ни часовой нас до поры до времени не интересовали.

За химскладом высилась груда обломков от рухнувшего во время войны какого-то кирпичного здания. Не без труда удалось проникнуть в подвал, где мы обнаружили то, что было когда-то немецким продовольственным складом. Воспользоваться продуктами, в том числе и очень аппетитно выглядевшими банками с консервами, не решились, так как указанные сроки годности давно прошли. К тому же действовал на нервы устоявшийся запах, исходящий от разлагающихся трупов нескольких немецких солдат, нашедших в конце войны в этом подвале свое последнее пристанище. Там же было какое-то подобие мини-склада стрелкового оружия. Эта номенклатура нас заинтересовала больше, чем колбаса, консервы, шнапс, галеты и тому подобное, так как практически не была ограничена сроком хранения.

На кукурузном поле, о котором я уже упоминал, где высота стеблей, буквально облепленных початками, достигала роста взрослого человека, мы однажды наткнулись на 100- или 150-килограммовую неразорвавшуюся

авиабомбу. Позже мне довелось быть очевидцем последствий ее подрыва офицером из ВАУР, посчитавшим себя крупным специалистом в подрывном деле. Было это так. Я сидел, разомлев от жары, в ожидании своей очереди в парикмахерской Авиагородка, которая располагилась на втором этаже небольшого домика, напоминавшего то ли голубятню, то ли курятник. Вдруг раздался сильный взрыв. Парикмахерская-голубятня буквально заходила ходуном, со звоном полетели стекла. Все, кто там был, побежали к месту взрыва, туда, где лежала авиабомба. На месте бомбы осталась внушительных размеров воронка с небольшим кольцевым бруствером. Метрах в тридцати от воронки лежала контуженная девушка из ВАУР, а около нее бродил оглушенный, с ошалевшим взглядом молодой капитан. Как выяснилось позже, парочка возвращалась с берега Ингула. Наткнулись на злополучную бесхозную авиабомбу. Этот «специалист» решил устроить маленький фейерверк в честь дамы. Попросив свою спутницу подождать его, он побежал в Авиагородок, достал тротильную шашку, запал, детонатор, кусок бикфордова шнура. Вернулся к девушке, отдыхавшей сидя на бомбе, невдалеке отрыл небольшой, на глубину лежащего человека окопчик на двоих. Привязал к бомбе шашку, снаряженную детонатором, бикфордовым шнуром с запалом. Девушку отправил в «укрытие», от папиросы поджег бикфордов шнур (грамотно поджег, так как от спички ничего бы не получилось) и, когда огонек резво побежал по бикфордову шнуру, по-пизонски, спокойно отправился и лег рядом с подругой по несчастью. При взрыве осколки не задели молодых людей, но на них обрушились комья земли, камни, свое дело сделала и ударная волна. Контуженную девушку увезли в гарнизонный госпиталь. Гореподрывник отделался кратковременным шоком, более долговременными синяками и шишками, пятнадцатью сутками ареста строгого режима, частичной потерей слуха и полной потерей авторитета в глазах подруги.

В 1956 году мне довелось побывать в Ново-Николаевке. Ингул, в котором мы купались в 1945 году, переплывая с берега на берег, обмелел, зарос, заболотился. За час-полтора, отбиваясь от назойливого комарья, наловили два ведра отборных «королевских» раков, мелочь выбрасывали. О нормальном в полном смысле слова купании и речи не могло быть. На берегу Ингула сохранилось небольшое подворье с обязательным в Ново-Николаевке садом, где 11 лет назад я увидел впервые в жизни вишню в виде дерева, а не кустарника. По-прежнему с деревьев свешивались необычно крупные, золотистые, слегка подернутые красно-коричневым загаром абрикосы. Тогда, в далеком 1945-м, они тоже были нам в диковинку: в Башкирии, как известно, абрикосы не росли.

Гарун бежал быстрее лани...

В один из теплых дней конца мая мы с Зямой решили совершить небольшую экскурсию в город — зайти в областной драмтеатр, там халтурили несколько наших «старичков» (Корауш, Бухман-старший, Гуревич, Лейн). В театре в этот день шла оперетта Александрова «Свадьба в Малиновке». Наши старшие коллеги гарантировали нам места, в крайнем случае — в оркестровой яме.

Перед экскурсией Зяма вооружился, засунув в небольшую, защитного цвета брезентовую сумку ракетницу и с десятков немецких сигнальных ракет. Я попросил у хорошо знакомого мне старшего сержанта Стуколина из батальона аэродромного обслуживания (БАО) пистолет ТТ. После некоторых колебаний, оговорок и основательного инструктажа пистолет с обоймой патронов Стуколин мне дал сроком до утра следующего дня. Я загнал обойму в рукоятку, сунул пистолет в карман галифе. Оружие тяжело оттягивало карман, било по ноге. Зяма ничего не видел и не знал о пистолете, я опасался, что он заберет его в свою сумку.

В театре сначала посидели на галерке, а затем перешли в оркестровую яму. Оперетта нам очень понравилась, хотя когда я через много лет смотрел «Свадббу в Малиновке» с участием М. Водяного, эффект, конечно, был гораздо большим. Поздно вечером двинулись в обратный путь, «старички» ушли чуть раньше, не дождавшись нас. Не спеша шли по Ново-Николаевке. Была тихая безлунная украинская ночь, когда, кажется, звезды светят только для тебя, а небо висит так низко, что хочется поднять руку, притянуть его к себе и пить густой ночной воздух большими глотками. Невольно вспоминается классик: «...тиха украинская ночь...» Нигде не стреляли, ракет не пускали. Наверное, любители фейерверков еще не дошли до необходимой кондиции. Идиллия!

Карман приятно оттягивался пистолетом. В голове неожиданно шевельнулась шальная хулиганская мысль: «А что, если...» Вероятнее всего, подсознательно она появилась еще до выхода из Авиагородка. Я наклонился, как бы поправляя сапог, немного отстал, снял сапоги, сунул в них портянки, достал пистолет, передернул затвор, дослал патрон в патронник. Держа в одной руке сапоги, в правой — пистолет, по траве, росшей на обочине дороги, догнал Зяму. Неслышно подошел к нему сзади почти вплотную. Протянул руку с ТТ и у самого его уха два раза выстрелил в воздух. Выстрелы разорвали ночную тишину, осветив на мгновение кусты, деревья, дом, забор, ослепили мгновенной яркой вспышкой, тяжело ударили по нервам, расслабленным тишиной и чудесной погодой. Зяма, не ожидавший такого хамства, дернулся всем телом и, как сказал бы Виктор Конецкий, шарахнулся от меня, как коза от паровоза, исполнил рекордный спринтерский рывок и перешел в галоп.

Я отбежал в сторону, прислонившись к забору, быстро обул сапоги, побежал направо и по параллельной улице пробежал вперед. Еще до поворота видел, как по улице Мал. Бабушкина запрыгали, потрескивая и шипя, освещая траву, близлежащие кусты, дома бледным зеленым светом, немецкие сигнальные ракеты. Как выяснилось позже, Зяма «отстреливался от нападавших». Пробежав с сотню метров по улице, параллельной Мал. Бабушкина, я вернулся на нее и догнал запыхавшегося после вынужденного спорта Зяму. Начался односторонний обмен впечатлениями. Зяма сбивчиво, торопясь, рассказал, как на него кто-то неожиданно напал, а он не растерялся, выхватил ракетницу, выстрелил и обратил в бегство нападавших.

Успокоившись, двинулись дальше. Прошли проходную Авиагородка, повернули налево, пошли по местному Бродвею, освещенному электролампами на столбах, стоящих вдоль дороги. Пистолет в кармане не давал мне покоя, и голову посетила последняя в этот день шальная мысль. Не теряя времени, я достал пистолет, навскидку выстрелил в электролампочку на ближайшем

столбе. Промазал. Только жалобно звякнул металлический абажур над лампой, но Зяма по самому факту выстрела сразу же сообразил что к чему и что произошло полчаса тому назад. В слепой ярости из-за оскорбленного самолюбия двинулся на меня. Не надо отличаться особой сообразительностью, чтобы догадаться: мне угрожает серьезная опасность. Но Зяма как-то быстро отошел, выдал нецензурную характеристику моему поведению вообще и в данный момент в частности, вспоминая при этом, естественно, моих ближайших родственников. Затем спокойно, но с угрозой испортить мне настроение и нанести повреждение той части моего тела, которая обычно изображается на фотографиях, «попросил» не распространяться в муззведе о том, что произошло этим вечером. Я поклялся держать язык за зубами, быть немым как рыба, но в порядке вознаграждения за добровольное молчание попросил его добыть у Моцарта (прозвище капельмейстера) несколько бланков увольнительных записок с печатями. Через несколько дней воспитанники с удовольствием наблюдали, как во время репетиции мохнатая лапа Зямы протянулась к голенищу сапога капеля, ловко извлекла сложенную вдвое ученическую тетрадь. Две страницы этой тетради, на которых были отпечатаны увольнительные записки, оттиснуты печати, перешли в исключительную собственность воспитанников.

До окончания пребывания в муззведе мне пришлось стойко держать язык за зубами.

Натрий, немецкое магнето, комендант Мочалкин и трубач Зяма

Надо отметить, что злые шутки с Зямой во время жизни в Кировограде заметно участились. Дело в том, что свободного времени, которое надо было куда-то девать, стало больше, условия для жизни и занятий можно было смело назвать отличными. В Кировограде было проще достать клапана из системы охлаждения авиационных моторов. Внешне клапан представляет собой подобие гриба с длинной прямой ножкой и шейкой у шляпки. Шляпка напоминает шляпку волнушки и заполнена натрием. Если перебить шейку клапана, то не составляет труда извлечь из него этот щелочной металл белого цвета, мягкий, блестящий, быстро окисляющийся на воздухе и бурно реагирующий с водой.

На то, чтобы найти практическое применение натрию, фантазии у нас хватало. Вот несколько иллюстраций.

Как уже упоминалось, рядом с нашим жилым корпусом был склад химимущества ВАУР, его круглосуточно охранял часовой, который с автоматом на груди неторопливо, комендантским шагом ходил вокруг охраняемого «сверхсекретного» объекта. Охранять-то там было нечего, на стеллажах лежали противогазы, химкомплекты «времен Очакова и покоренья Крыма». Можно было открыть двери настежь, объявить об этом по трансляции и никто бы не тронул этот хлам. Срок его годности вышел задолго до Первой мировой войны. Но это неважно. Нас интересовал не склад, а часовой у склада. Около него хорошо просматривалась из нашего окна на кухне прекрасная, почти миргородская лужа. Шутка заключалась в следующем. Открыв окно,

внимательно следим за часовым. Как только он продефилирует мимо лужи, но не повернет еще за угол, в лужу бросали клапан с заранее перебитой шейкой. Из лужи поднимается небольшой столб воды, из которого вырывается огненный факел. Все это сопровождается глухим взрывом. Часового как ветром сдувает с поста. Через две-три минуты он появляется из-за угла сверхсекретного объекта, опасливо осматривает лужу, осматривается вокруг, не обнаруживает ничего подозрительного, успокаивается и вновь приступает к исполнению возложенных на него обязанностей.

Кроме того, в школе (что мы и делали в Давлеканово) во время урока нужно было обернуться к задней парте и незаметно опустить в чернильницу-непроливайку кусочек натрия. Чернила немного побурлят, побурчат и обесцветятся до девственной чистоты обычной воды. Хозяйка чернильницы, а лучше если она (чернильница) принадлежит девочке, так как в противном случае можно схлопотать неприятность, беспомощно тычет ручкой в чернильницу, а на пере «рондо» (ученическое, «Союз», «68» и т. д.) вместо ярких фиолетовых или синих чернил блестит на солнце капля прозрачной жидкости, именуемой водой.

Наша квартира в Авиагородке имела просторный балкон, с которого мы в свободное время любовались ближайшей панорамой, дышали свежим воздухом, а «старички» — курили. На балконе всегда стоял высокий бачок с водой для окурков, так как это место было объявлено местом для курения. В бачке плавали окурки, кожура от овощей и фруктов, обрывки бумаги и прочие бытовые отходы. Дождавшись момента, когда на балкон вальяжной походкой выходил Зяма со своей неразлучной помповой подругой, один из воспитанников подходил к нему и с самым невинным видом отвлекал его внимание на себя. Другой «террорист» незаметно опускал в бачок заранее подготовленный клапан. Все воспитанники быстро и дружно покидали балкон, оставляя Зяму один на один с «заряженным» бачком, т. е. искусственно создавая положение офсайда. Эффект был похож на вышеописанный случай с часовым. Разница в том, что Зяма в отличие от стража химсклада находился в непосредственной близости от центра «взрыва». В итоге с балкона со скоростью, близкой к сверхзвуковой, вылетает объект нашей злой шутки, мокрый, обляпанный окурками, кожей и прочей дрянью, находившейся в бачке на момент бурной реакции натрия с водой. Если Зяма в этом эпизоде был с трубой, а чаще всего именно так и было, то его помповая гордость инстинктивно отбрасывалась в сторону куда попало. Ее хозяин крыл нас отборной русской бранью, которая, согласно исследованиям писателя Виктора Конецкого, коротка, хлестка, образна, эмоциональна и недоступна быстрой расшифровке противником. Роль его противника исполняли мы, но вопреки утверждениям морского писателя Зямину матерную ругань мы расшифровывали мгновенно, на лету. В остальном Виктор Конецкий, видимо, абсолютно прав. Характерно, что на все подобные шутки Зяма реагировал бурно, яростно, но только в первый момент. Он быстро отходил, успокаивался, добросовестно рихтовал раструб трубы, если она при броске получила вмятины, быстро забывал все, так как понять и правильно оценить все происшедшее с ним было выше его сил. В принципе через некоторое время все можно было повторить по отработанному сценарию, но мы этим не злоупотребляли, дабы не доводить Зяму до справедливого желания совершить суд Линча над виновниками.

Чтобы завершить натриевую тему, не могу удержаться, чтобы не рассказать о «милой» шутке, которую мы сыграли с комендантом гарнизона в Давлеканово, а затем — Авиагородка капитаном Мочалкиным.

Коменданта мы не любили, и не только за неблагозвучную фамилию. Всех комендантов в армии и на флоте в обозримые прошедшие времена не любили, не любят и в настоящем. Чаще — боялись, боятся и сейчас. Есть основания предполагать, что такое отношение к комендантам сохранится и после реформы в армии и на флоте. Имена некоторых, наиболее жестоких и свирепых комендантов еще при их жизни были овеяны отнюдь не романтическими легендами.

Военный и военно-морской фольклор донес до современников такие рассказы о повседневной деятельности комендантов, в сравнении с которыми «Пропавшая грамота» и «Вий» Гоголя покажутся святочными, пасторальными рассказами.

К таким комендантам относился в те времена, например, комендант Севастополя Титов. С Титовым однажды, в далеком 1947 году, мне «посчастливилось» встретиться на тропинке, пролежавшей среди развалин города-героя между главпочтамтом и Минным причалом. Мне повезло, так как это случайное randevu закончилось без тяжелых для меня последствий. Могу только сказать, что на стороне «служебной карточки», где фиксируются поощрения, записей не прибавилось, чего нельзя сказать об оборотной стороне, где записываются взыскания.

На Балтийском флоте военморы хорошо знали коменданта гарнизона г. Балтийск по прозвищу Полтора Ивана. Звали его действительно Иваном, а за богатырское телосложение к одному Ивану добавили еще половину Ивана, в итоге получился комендант Полтора Ивана. По жестокости мало уступал его помощник, чье прозвище за красивую окладистую бороду было коротким и точным — Борода.

Не меньшей дурной популярностью пользовался на Балтике комендант Кронштадта Лавриненко. Судьба его сложилась очень неудачно, даже трагически. В одно из увольнений в Кронштадте пьяные матросы, уволенные на берег, собравшись в неуправляемую ватагу, решили штурмом овладеть комендатурой, где томились в камерах задержанные патрулями их «годки» и сослуживцы. Цель — освободить задержанных. Часовой у входа в комендатуру растерялся под напором пьяных матросов и доложил коменданту, Лавриненко приказал действовать в точном соответствии с Уставом гарнизонной и караульной службы. Часовой еще раз приказал нападавшим покинуть территорию комендатуры. Реакции не последовало. Часовой вскинул автомат — несколько пьяных хулиганов упало, остальные в панике разбежались. Приказом министра обороны Лавриненко был снят с занимаемой должности и назначен старшим помощником командира строящегося в Ленинграде крейсера «Варяг», срок вступления которого в ряды боевых кораблей составлял полтора года. Вскоре недостроенный «Варяг» пошел под автоген. Лавриненко был назначен на какую-то дежурную должность, не обременявшую его заботами и исполнением обязанностей, а на принадлежность к кадрам ВМФ напоминала только приятная необходимость ежемесячно аккуратно расписываться в «Денежной ведомости» на предмет получения причитающихся ему незаработанных денег. Образ жизни бывшего коменданта стал адекватен обязанно-

стям в соответствии с новой должностью. В результате в одно совсем несчастлиное для него раннее утро он покидал уютную квартиру женщины, временно исполнявшей роль жены Лавриненко. В прихожей он устал, с тем чтобы больше уже никогда не встать. Инфаркт миокарда.

По причине заштатности гарнизона провинциальный комендант Мочалкин не был избалован вниманием военного фольклора. Вполне достаточно того, что он был комендантом.

Кстати, еще в Давлеканово какие-то шутники, пожелавшие остаться неизвестными, отловили несколько крупных бродячих дворняг, свинцовым суриком намалевали на их запавших от постоянного недоедания боках нелюбимую в гарнизоне фамилию «Мочалкин» и отпустили на волю.

В Давлеканово многие были очевидцами охоты коменданта на ни в чем не повинных добродушных псов. Собачьим чутьем догадываясь, что ждать чего-либо хорошего от этого сердитого капитана не следует, они держались от него на почтительном расстоянии. Но Мочалкину удалось в конце концов лично из табельного пистолета отстрелять промаркированных собак.

Мы пошутили над упомянутым выше комендантом Мочалкиным более мягко, я бы даже сказал — интеллигентнее. Нам было известно, что комендант, как и некоторые другие офицеры Авиагородка, любит иногда совершать вечерний променад по местному Бродвею в сопровождении жены. Надо отметить, что под Бродвеем понималась прямая асфальтированная дорога от КПП вдоль корпусов зданий, по обеим сторонам которой были кюветы. Выбрали вечер после теплого летнего дождя, когда в кюветах скопилась вода. Далее все элементарно просто. Быстро идем по асфальтированной дороге, обгоняем комендантскую чету. Один клапан с отбитой ножкой летит в левый кювет, второй через 10—15 метров — в правый, третий через такое же расстояние — в левый. Почти бегом уходили в отрыв от объекта шутки. События развивались так. Неожиданно слева чуть сзади коменданта поднимается с глухим взрывом водяной султан с факелом огня и придорожной грязи. Комендант делает инстинктивный рывок вперед, переходит на размашистую рысь, замедляет резвый бег, почти останавливается, получает допинг от клапана, сработавшего справа, что заставляет перейти в галоп почти с места, а третий, слева, ускоряет его перемещение в пространстве до скорости, при которой он может легко преодолеть любое препятствие, что Мочалкин и делает, без труда в изящном каприоле перемахивая через правый кювет. Основательно запыхавшись от незапланированной пробежки, он останавливается, пытаясь сообразить, что с ним произошло. Прекрасный мягкий украинский вечер безнадежно испорчен. В глубокой задумчивости наш комендант вместе с женой покидает этот своеобразный персональный ипподром для одного участника бегов.

Естественно, что автор допустил элементы неизбежного гиперболизма. Впрочем, это касается не только изложенного выше. В подобных ситуациях в действительности все происходило будничнее, быстрее и драматичнее для всех участников.

На следующий день служба коменданта проявила законный интерес по поводу этой забавной истории. На все неуместные вопросы к нам по существу дела мы ответили дружным «нет», отрицая даже возможность нашего участия. Впрочем, самостоятельные дознаватели и не проявили особой

настойчивости, так как ничего страшного-то не произошло. Посмеялись, и все быстро забылось. Для повторения шутки у нас не хватило смелости и решимости, так как, во-первых, элемент внезапности и новизны был уже утерян, а во-вторых, решили не рисковать возможными, самими непредсказуемыми последствиями для «шутников».

Перейдем от натриевой темы к электрической, как обозначено в заголовке.

Над Зямой мы продолжали подшучивать, так как все так называемые шутки пока сходили нам с рук благополучно. С натрием возиться надоело. Вот когда нам пригodiлось магнето, валяющееся без дела в кладовке.

Зяме предлагали такой заманчивый эксперимент. К вентилям (клапанам) трубы крепился оголенный провод, другой провод он по нашей просьбе держал в руке. Вторые концы этих проводов, как нетрудно догадаться, были заранее закреплены на клеммах магнето, стоящего под кроватью. На валу магнето закрепили пластину типа педали, чтобы можно было резко повернуть ротор ногой или рукой. Зяме объяснили, чтобы он нормально дул в трубу, пользуясь амбушюром губ, а вентили якобы будут открываться и закрываться самостоятельно без участия его пальцев. Заинтересованный такой блестящей перспективой, Зяма начинает добросовестно дуть в трубу, «играть». Следует резкий рывок «педали» ногой, и труба летит в сторону. Зяма подпрыгивает на кровати (напряжение в цепи достаточно высокое, но за счет кратковременности импульса удар хотя и очень ощутимый, но совершенно безопасный для жизни и здоровья) и ошалело смотрит на мучителей. Сразу же повторить эксперимент он отказывается наотрез. Через несколько дней, забыв начисто о приобретенном ранее опыте, он с охотой соглашается поиграть на трубе с помощью магнето (амбушюр губ Зямы, переключение вентилях возлагается на магнето). Далее все повторяется с небольшими нюансами в технике исполнения, не влияющими на конечный результат. Для разнообразия мы придумали другую, пожалуй, самую жестокую, злую шутку, с использованием его физкультурных достижений. Дело в том, что физически он был развит хорошо; почти атлетическая, хорошо сложенная фигура с развитой мускулатурой. Технология «шутки» проста и незатейлива, даже примитивна, как «Колонный марш». Койки, стоявшие в комнате в два ряда, соединили проводниками внизу за ножки порядно. Один ряд подключили к одной клемме магнето, стоявшего на том же месте под кроватью, второй ряд — к другой клемме.

Далее следовал примерно такой диалог с Зямой.

Мы: Зяма, ты можешь сделать стойку на вытянутых руках на спинках кроватей?

Зяма: Запросто.

Мы: Нет, не сможешь!

Зяма: Могу, на спор!

Мы: Слабо! Сделай!

Зяма небрежно подходит к двум кроватям, стоящим в одном ряду (так ему удобнее), берется за спинки и одним движением, легко выходит на «стойку».

Мы: Так это на соседних кроватях, так каждый делает, а вот попробуй сделать на противоположных кроватях (т. е. в разных рядах), ничего не получится!

Раззадоренный Зяма хватается руками за спинки кроватей, стоящих через проход в разных рядах, и так же легко и свободно выходит в стойку на вытянутых руках.

В этот момент — рывок ногой вала магнето. Зяма мгновенно, как мешок, падает загривком на пол прохода между коек. Дорожка, лежащая в проходе, если и смягчает удар, то совсем незначительно. Разъяренный Зяма вскакивает, бешено смотрит на нас, но мы сидим с невинным видом в нескольких местах. Сей факт его успокаивает, но интригует неизвестность. Предлагает по своей инициативе повторить. Никто не возражает. Делает второй подход, фиксирует безукоризненную стойку до рывка магнето. Обескураженный Зяма опять барахтается на полу. Он в ярости от обиды, но одновременно и в недоумении: никто к нему и пальцем не притронулся, а он лежит распластаный, как лягушка, на полу. Затем поднимается, с опаской смотрит на магнето, зачем-то дотрагивается до спинок кроватей, которые только что сбросили его на пол, успокаивается, берет свою помпювую любимицу и уходит в комнату для репетиций. Через два-три дня можно все начинать сначала. Пару раз при этих жестоких розыгрышах Зямы присутствовал его брат Изя, воспитанник муззвезда, тенорист, спокойный, корректный, умный, не без хитрецы парень. Он понял, как откровенно издеваются воспитанники над его старшим братом, и рассказал об увиденном отцу, старшему Бухману. Последний устроил нам основательную взбучку, пригрозив, что если не будет прекращено это хулиганство, то в отношении нас будут применены карательные санкции. После этого разговора нам было очень стыдно за свое отнюдь не джентльменское поведение по отношению к Зяме, и больше мы никогда не пользовались натрием и магнето для подобных целей. Разумеется, сразу кисейными барышнями и учебно-показательными парнями мы не стали, но Зяму старались по возможности не трогать. Если теперь взглянуть на эту страницу нашей жизни через толщу пятидесяти лет, то действительно становится стыдно за свое нечестное поведение: мы ведь «работали» с Зямой в этих розыгрышах в разных весовых категориях. Кто-то, прочитав эти строки, может возмутиться: «Безобразие! Дедовщина!» Согласен, элементы дедовщины просматриваются, но «дедовщины наоборот», так как Зяма, принявший присягу, будучи солдатом срочной службы, по отношению к нам, воспитанникам, не принимавшим присяги, был «дедом», но никак не наоборот.

Как уже упоминалось, наш духовой оркестр играл на танцевальных вечерах в клубе железнодорожников города Кировограда. Очень неплохой клуб, просторный танцевальный зал. Много вспомогательных помещений, просторная, удобная сцена. К сожалению, не всегда танцевальные вечера проходили и заканчивались спокойно. Случалось, что танцы завершались потасовкой лиц мужского пола в возрасте от 20 до 30 лет. Иногда со стрельбой, всегда только в потолок, на улице — в воздух. Яблоком раздора, как всегда в подобных ситуациях, были девушки, молодые женщины, которые не всегда даже знали, что они являются причиной ссоры.

Сидишь на сцене, сверху все отлично видно. Внимание часто приковано больше к танцующим парам, чем к нотам на пульте (пюпитре). Учитель Бухман, спокойный и невозмутимый, нервничает, патологически не переносит ошибки в исполнении, раздраженно тычет пальцем левой руки (правая на клавишах) в мои ноты, указывая на ошибки, а, обладая прекрасным слухом,

он их мгновенно замечает. Сразу отмечаешь танцующих мужчин как в штатском, так и с офицерскими погонами, у которых подозрительно оттопыривается задний карман брюк или так же подозрительно оттянулся вниз карман бриджей. Под мышкой носить оружие было не принято. Вот замечаем, как на площадке возникает шум, суетливое движение, кто-то кого-то толкает, хватается за грудки. Шухер поднимают, как правило, крепко поддатые. Затем следует выстрел в потолок, в люстру. Свет гаснет. Разборка продолжается в темноте. Во избежание неприятных случайностей Моцарт командует: «Всем со сцены». Оставляя инструменты на стульях, креслах, быстро (от греха подальше!) ретируемся со сцены в боковые комнатухи. Случалось, что на этом вечер танцев заканчивался. Конечно, не все вечера сопровождалось традиционным русским мордобоем и стрельбой. Но за май — август 1945 года трижды было именно так.

Однажды мы играли на вечере отдыха в какой-то кировоградской школе. Инструменты до утра оставили там. Возвращались довольно поздно вечером, когда было достаточно темно, чтобы ничего не видеть близко от себя, и достаточно светло, чтобы в бледном свете угасающей вечерней зари видеть что-то на фоне темного неба. Шли вдвоем, кажется, с альтистом Сашкой Тарасовым по прозвищу Мадам. Днем мы с ним присмотрели один сад по улице Мал. Бабушкина. Нам понравился невысокий старенький забор, за которым стояли деревья, усыпанные яблоками и грушами. Неплохое впечатление оставляли крупные, слегка «поджаренные» на солнце, чуть перезревшие абрикосы. Ближе к дому раскинула ветви пара деревьев грецкого ореха. Но это была не наша «номенклатура», т. к. воровать орехи то же, что стричь свинью: визгу много, шерсти мало. Рекогносцировка на местности дала еще один положительный, почти решающий для успеха предстоящей операции результат — ни в саду, ни на подворье мы не обнаружили (факт, редчайший для местных садов, почти немыслимый!) ни одной собаки, от которых, как мы уже знали, при близком знакомстве только и жди крупных неприятностей.

И вот, воспользовавшись благоприятной обстановкой, решили нанести не совсем дружественный визит в облюбованный сад. Как заранее договорились, я перелез через забор в сад. Мадам остался на улице, на него возлагалась задача предупредить меня о появлении случайного прохожего и собирать сорванные с дерева и брошенные за забор витаминные дары украинского сада. Я забрался на дерево.

Висящие на ветках яблоки и груши видны на фоне довольно светлого после захода солнца неба. Начало было неплохим. Отменные яблоки и груши летели за забор и мягко падали в траву. Бросать старался в траву, чтобы дары по возможности не повреждались при падении и чтобы шума было меньше. Наконец появилась мысль закончить «сбор» фруктов, ведь известно, что жадность фраера сгубила. Видимо, мы с Мадам по этому показателю были близки к злополучному фраеру, так как вдруг неожиданно на веранде дома с шумом открылась дверь. На фоне ярко освещенного проема двери появилась мужская фигура; раздался пьяный грубый голос (на украинском языке): «Кто там шумит? Убирайтесь, а то подстрелю!» Смысл угрозы понял сразу, без переводчика, но я благоразумно замер, затаился у ствола дерева, так как, несмотря на смертельный страх, охвативший каждую клеточку моего организма, понимал, что вышедшему на веранду хозяину после яркого освещения в

комнате ничего не видно и для того, чтобы глаза адаптировались к темноте, нужно время. Хозяин на веранде еще что-то пробурчал нечленораздельно и решил, видимо, не ждать, когда глаза привыкнут к темноте. Ослепляя яркими вспышками и оглушая грохотом, довольно близко раздалась автоматная очередь. Для большего эффекта стрельба велась трассирующими пулями. Их трассы прошли, к нашему счастью, далеко в стороне от нас и значительно выше, что и спасло меня от падения с дерева. Как я понял позже, в мою пользу сработали два фактора:

1. После яркого освещения в комнате хозяин хаты ничего не видел, что творится вокруг, в том числе и в саду.

2. Вышеупомянутый человек, судя по его угрозам и поведению, был основательно накачан спиртом (калганивкой, брагой, горилкой или чем-нибудь еще). По этой весьма распространенной в то время в Кировограде причине он не очень точно удерживал свое тело в окружающем его пространстве. Так или нет, но он ограничился одной средней продолжительности очереди и удалился восвояси.

Когда дверь с шумом захлопнулась и все стихло так же быстро, как и началось, я ни жив ни мертв слез с дерева, перебрался на улицу. Сразу же из темноты появился Мадам. Оказывается, в момент инцидента он перебежал на противоположную сторону улочки, но с места происшествия не скрылся. Молодец! У нас даже в такой ситуации хватило наглости вернуться к забору «нашего» сада, собрать в траве вкусные трофеи. Только после этого в спешном порядке мы ретировались в сторону Авиагородка.

И вот опять передо мной решетка, двери, часовой...

На фоне однообразных серых будней в памяти неожиданно зафиксировалось еще одно, трагикомичное по своей сути происшествие, которое заслуживает, чтобы очень коротко остановиться на нем.

Выше я упоминал о том, что в подвале под нашим корпусом хозяйственники ВАУР оборудовали на скорую руку склад своего имущества. Именно временный, так как мы без особых усилий с нашей стороны нашли лазейку в этот склад и наносили туда визиты значительно чаще, чем этого хотелось бы работникам службы материально-технического обеспечения (МТО) нашего училища. В процессе удовлетворения нашего закономерного любопытства мы обнаружили среди хранящегося на складе имущества немало интересных и полезных вещей.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляли большие фанерные ящики, заполненные до отказа коробками с цветными карандашами «Тактика». Попались на глаза какие-то необычной формы небольшие бутылочки емкостью 200—250 мл, заполненные яркой ядовито-зеленой, густой жидкостью не установленного назначения. Как позже выяснилось, бутылочки были заполнены очень ценным концентрированным красителем, который использовался для окраски выцветшего и застиранного солдатского и полевого офицерского обмундирования. И, как нам позже разъяснили, одной такой бутылочки было вполне достаточно, чтобы окрасить в защитный цвет более тысячи комплектов (гимнастерка-шаровары) обмундирования. Не прошли

мимо нашего внимательного взора и объемистые пачки плакатов, применявшихся в качестве наглядных пособий для обучения летного состава. На плакатах были изображены силуэты «в профиль» и «анфас» основных немецких самолетов. Применялись эти плакаты и для иных, более прозаических целей: в качестве обоев оклеивали закутки и комнатки, оборотная чистая сторона использовалась для писем и т. д. и т. п.

За несколько неофициальных посещений склада мы без разрешения свыше изъяли для личного потребления с сотню коробок цветных карандашей, пару упаковок плакатов с силуэтами и пять бутылочек с чудо-красителем. До сих пор не пойму, для чего нам понадобился этот проклятый краситель, красить мы ничего не собирались. Карандашами и плакатами мы одаривали всех желающих. Коробок 20—30 обменяли на рынке на яблоки, груши, абрикосы и грецкие орехи. Когда нас «вычислили» работники МТО и явились, чтобы возратить на место изъятые со склада, мы возвратили четыре бутылки красителя, пачку плакатов и несколько коробок цветных карандашей. По поводу недостачи одной бутылочки красителя были вынуждены признаться, что она должна быть отнесена к невозвратным потерям: мы ее вскрыли с целью выяснения, что представляет эта загадочная жидкость, и затем за полной непригодностью выбросили в мусорный ящик. Искать в мусорном ящике работники МТО не стали, а по поводу остальных двух позиций недостачи они не очень и интересовались. Видимо, карандаши и плакаты списывались более чем элементарно. В предъявленном нам устным «обвинении» фигурировал старший лейтенант Рой, которому поручили проведение административного расследования этого происшествия. Он приступил к работе с заявления: «Верните краситель, и на этом все будет закончено без каких-либо последствий», на что мы ему повторили дословно то же, что сказали ранее работнику МТО. В итоге как основное действующее лицо и организатор акции похищения красителя я был арестован на 10 суток и препровожден на гауптвахту, которая находилась в Авиагородке и гордо именовалась гарнизонной.

До сих пор домой я писал регулярно, примерно один раз в 5—7 дней. Чтобы не нарушать эту традицию на период отсидки, я, прежде чем сменить уютную муззвводовскую кровать на гауптвахтные нары («самолет» на местном жаргоне), сочинил несколько писем домой в Давлеканово, написанных якобы в разные дни. На письмах-треугольниках карандашом пометил даты, когда их надо отправить. Прodelать это попросил Ю. Новикова. Я сидел на «губе», а письма уходили домой. Так я скрыл от мамы и братьев свою вторую отсидку на гауптвахте. Не мог же я написать, что их брат и сын, «лучший из всех сыновей», сидит, как зек, на нарах. И тем не менее:

И вот опять передо мной
решетки, двери, часовой
и пары, и пары, и пары...

После такой подготовки к отсидке я спокойно отправился под конвоем все того же Бухмана-старшего на гауптвахту, уже имея в активе один арест на 5 суток, т. е. формально стал рецидивистом. Правда, в противозаконных деяниях «рецидивиста» отсутствовал состав уголовного преступления, наказания носили дисциплинарный характер.

Десять суток пролетели незаметно. По причине моего несовершеннолетия к работам на объектах вне территории гауптвахты я привлекался всего два раза. Один раз в течение всего рабочего дня с берега Ингула на трех «студебеккерах» возили песок для ремонта взлетной полосы аэродрома, оборудованного рядом с Авиагородком. В другой раз привезли от железнодорожной станции к ангару на аэродроме какие-то не очень тяжелые ящики. Груз был предназначен для истребителей «Кобра» (а возможно, это были «Кинг-Кобры» или «Авиакобры», точно не знаю). «Кобры» были получены от США по ленд-лизу и переданы 49-му авиаполку. Война окончилась, и самолеты готовились к отправке назад в США. Авиаторы народ дружный, компанейский. На столе быстро был организован дастархан. За неимением водки совершеннолетним арестантам налили ликера «шасси» — так называли тормозную жидкость, предназначенную для заправки гидросистемы шасси. Предварительно смесь спирта с глицерином фильтруется, удаляется глицерин, но остатки его придают жидкости сладковатый вкус. Отсюда такое название популярного в авиации во время войны напитка. Закуска тоже появилась как по мановению волшебной палочки. Так что взрослые арестанты, т. е. все присутствовавшие, за исключением меня, выпили за здоровье гостеприимных хозяев, попытались спеть пару популярных песен, но начальники не допустили такой вольности и отправили нас «домой», на гауптвахту.

Питание на гауптвахте было вполне сносным. Кроме того, необходимо принять во внимание следующее. На гауптвахте отбывали наказание офицеры летного состава ВАУР и 49-го авиаполка, многие из которых воевали. Их посещали и подкармливали пока не арестованные друзья. Они приносили много вкусных вещей: красную рыбу, консервы, конфеты, печенье и, конечно, шоколад, который входил в летную норму питания. Для офицеров я был «малолетка». Они «поставили» меня на довольствие, и я получал из «передач» полноценный дополнительный «паек». Так что жить было неплохо. Столько шоколада, сколько за 10 дней, проведенных на гауптвахте, мне никогда в жизни не перепало.

Неофициальным, никем не назначенным «старшиной» гауптвахты был старший сержант Жора. Жора сидел под следствием за кражу государственного имущества. Сам он рассказал об этом коротко и просто: подогнал к складу, где был заведующим, свой «шевроле» (он был и водителем), загрузил под завязку фототоварами, химреактивами (фотопластинки, фотобумага, фотопленка, проявитель, фиксаж и т. д.), отвез к своей знакомой в городе и разгрузил в подвал. Вот и все. Попался, арестован, военной прокуратурой возбуждено уголовное дело по признакам статей 92 и 93¹ УК РСФСР. В описываемый период он находился под следствием, на гауптвахте должен был содержаться в одиночной камере, в условиях более строгого режима, чем мы, мелкая шушера, с нашими дисциплинарными наказаниями. На самом деле содержался Жора в общей камере, жил довольно вольготной жизнью. Никто не называл Жору по фамилии, имени-отчеству. Я до сих пор не знаю: Жора — настоящее его имя или прозвище. Арестанты де-факто признали его старшиной гауптвахты. Офицеры-арестанты держались особняком, стараясь не замечать его присутствия, были вне его «юрисдикции». Ну а мы, мелочь, беспрекословно выполняли его указания, распоряжения. Тем

более что они всегда совпадали с приказами начальника гауптвахты, помощников начальников караулов. Все знали, что указанные должностные лица более чем благосклонно относились к Жоре. Особых доверительных отношений с ними не пытался скрывать и Жора, скорее он рекламировал эти отношения.

Однажды вечером Жора дал указание обитателям общей камеры быть готовыми к утру отправиться на вылазку с целью пополнения запасов витаминной продукции. Арестанты со стажем дружно, возбужденно загалдели, обсуждая перспективы предстоящей вылазки. Чувствовалось, что подобный поход организуется не в первый раз. Кто-то притащил два-три армейских вещмешка, кто-то отправился в угол камеры, поднял половицы. Под ними оказалась глубокая яма. Импровизированный подвальчик привели в божеский вид, застелили старыми газетами, закрыли половицами. Рано утром, когда только заалел восток, Жора сыграл подъем. Арестанты быстро поднялись, оделись, разобрали вещмешки и высыпали во двор гауптвахты. Я попросился у Жоры принять участие в операции вместе со всеми. Жора на мгновение задумался, заколебался — новичок все же — и милостиво разрешил.

Вся эта шарага из семи человек под командованием Жоры, оживленно переговариваясь, вывалилась с территории гауптвахты. Часовой у входа даже не шелохнулся, совершенно безучастно взирая на все эти неуставные действия. Двинулись в Ново-Николаевку. Жора вел свою команду быстро, уверенно, маршрут он знал отлично. Вышли к какому-то довольно большому саду на окраине пригорода. Жора подошел к проволочному ограждению сада, перекусил кусачками проволоку, сделал проход. Мы разбрелись по саду. Груши, абрикосы, яблоки подряд не брали, выбирали крупные, спелые, неповрежденные, яблоки — только «белый налив», без повреждений. Странно, никто не окликнул, не обматерил, не помешал. Не бросилась и даже не залаяла собака, защищающая социалистическую или личную собственность, хотя в Кировоградских садах присутствие овчарки или внушительных габаритов свирепой дворняжки так же обязательно, как калгановка в любой пивнушке.

Я уже имел небольшой практический опыт нанесения незапланированных визитов в местные сады, поэтому почти искренне возмущенным безответственным отношением отдельных руководителей к сохранности социалистической собственности и решил по этому поводу взять интервью у Жоры. На первый же вопрос «Почему?» давно небритый интервьюируемый, обдавая наивного интервьюера факелом крепкого винного перегара, самодовольно ухмыльнулся и загадочно ответил: «Не твоего ума, малец, дело. Много будешь знать — скоро состаришься!» Продолжать интервью не имело ни малейшего смысла.

Деловито, не торопясь, заполнили отменными по качеству фруктами прихваченные с собой вещмешки и двинулись в обратную дорогу, на свою «базу».

Точно так же, как и при выходе, беспрепятственно, без соблюдения излишних «формальностей» со стороны часового, прошли на территорию своего вынужденного временного пристанища, прошли в камеру.

Первым делом Жора отобрал самые лучшие экземпляры фруктов и отнес в качестве презента помкарначу (помощник начальника караула) и часовому

у входа. Каждый из нас набрал себе столько, сколько хотел. Остальные фрукты аккуратно сложили в «подвал». Впрок, на ближайшие дни.

Так необычно и довольно быстро был решен вопрос с обеспечением арестантов необходимыми витаминами.

В те дни, что я осчастливил гауптвахту своим присутствием, описанный выше эпизод был единственным. Для обитателей гауптвахты с большим стажем, рецидивистов — нарушителей воинской дисциплины подобные экспедиции были, судя по всему, делом рядовым, привычным. Если же учесть, что Жора угодил на гауптвахту задолго до моего поступления под ее гостеприимную крышу и должен был выйти с нее не скоро и прямой дорогой скорее всего в штрафбат, а также учесть такой факт, как продуманная, хорошая организация санации садов от спелых даров природы, то можно смело утверждать: подобные налеты на сады проводились регулярно. Описанный выше — всего лишь эпизод, один из многих.

Что делать дальше?

Дни летели быстро, незаметно. Все эти «шутки» с Зямой, часовым, комendanтом, культпоходы во фруктовые сады и т. д. несколько скрашивали серые однообразные будни, но время приближалось к контрольной дате — 1 сентября. Передо мной со всей неумолимостью вставал вопрос «ЧД» (Что делать дальше?). Вариантов было всего два: или оставаться в муззводе и двигаться по стезе музыканта военного духового оркестра, или возвращаться в Давлеканово, поступать в 10-й класс и заканчивать среднюю школу, а там уж думать, что делать дальше. Существовал еще и компромиссный вариант: остаться пока в муззводе, поступить в Кировограде в 10-й класс украинской средней школы, то есть, как и раньше, совместить «службу» в муззводе с продолжением в обычной, общеобразовательной школе. Симбиоз I и II варианта, то есть компромиссный, отпал сам собой. На всякий случай подал документы в одну из средних школ с целью предстоящего поступления в 10-й класс. Завуч осталась очень довольна табелем успеваемости за 9-й класс, где прочно обосновались пятерки и одна четверка (по поведению), предупредила, что они безусловно примут в стены их учебного заведения такого вполне успевающего школяра, но для этого надо до 1 сентября сдать дополнительный экзамен — по украинскому языку. Естественно, для более или менее успешной сдачи экзамена надо хотя бы немного знать этот язык. Хотя я и слышал раньше, что украинский язык представляет собой испорченный русский и с успехом без переводчика переводил часто встречающиеся на улицах вывески типа «Перукарня», «Едальня», «Тканини» и так далее, мог перевести некоторые целые фразы, например с украинского на русский — «Самопер попёр до мордопысца» и с русского на украинский — «Воет бес на чердаке», но этих «фундаментальных» познаний для сдачи языка было явно недостаточно. Следовательно, вопрос об учебе в украинской школе при компромиссном варианте исключался однозначно.

Первый вариант? Но сразу же вспомнил: поступал я в муззвод с одной-единственной целью — выжить в тяжелые годы военного лихолетья, не прекращая учебы в школе. Война закончилась, впереди грезилась мирная,

более или менее обеспеченная жизнь «как до войны». Еще в Давлеканово я случайно оказался свидетелем разговора капельмейстера Корауша с моим учителем Бухманом-старшим. Первый рисовал второму радужные перспективы иметь в оркестре «своего» хорошего «бейного басиста» в лице воспитанника Ежкова и перспективы Бухмана демобилизоваться с окончанием войны в первую очередь, если он, Бухман, подготовит себе хорошую замену.

«Старик» Бухман, не обделенный жизненным опытом и мудростью человека, упрямо, видимо уже не в первый раз, твердил в ответ, что указанный Кораушем воспитанник «себе на уме», не такой уж наивный, как ему, Кораушу, кажется, пришел в музвзвод, чтобы пережить годы войны и сразу с окончанием ее уйдет из музвзвода. Зачем, мол, ему наш вшивый оркестр, когда он заканчивает среднюю школу. Услышав этот разговор, мысленно я больше соглашался с учителем, чем с его собеседником. Для этого были веские основания — помимо тех, о которых говорил Бухман. Дело в том, что я не видел перспектив своего пребывания в оркестре, чувствовал нутром, что если я и не деградирую пока как музыкант, то уж застой налицо. Если изобразить на графике мои профессиональные возможности в функции времени, то вначале кривая дергалась, но ползла вверх, а затем перешла в «площадку разгона», в прямую, параллельную оси абсцисс без тенденций подъема. Ясно было, что хороший музыкант из меня не выйдет. Даже средний. Только плохой или очень плохой. И дело не только в недостаточной самостоятельной подготовке. Внимательно приглядываясь к своему учителю, к Зяме, я понимал: чтобы стать хорошим музыкантом, одних занятий, даже самоотверженных и изнурительных, недостаточно. Надо обладать еще определенными природными способностями и наклонностями. В части, их касающейся, я ощущал явный дефицит. Мне все это стало ясно только теперь, а молчаливый и хмурый мой учитель Бухман это понял, видимо, давно и не питал особых иллюзий в отношении ученика.

И вспомнил я отцовский дом...

Что касается сакраментального вопроса «Что делать?», то в самом начале XX века этим вопросом задался признанный вождь российского пролетариата В. И. Ленин в своей одноименной книге. Довольно быстро на страницах этой книги Владимир Ильич коротко и четко ответил на поставленный вопрос: «необходимо ликвидировать третий период, период разброда и шатания в рабочем движении», но сразу же автор задался следующим вопросом «С чего начать» и конкретно ответил: «С создания общерусской национальной газеты». Применительно к своим обстоятельствам на первый вопрос ответ для меня был ясен. Приведу и слова известного литературного персонажа: «Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло, придется переквалифицироваться в управдомы», что в данных условиях означало: надо уходить из музвзвода, возвращаться в Давлеканово, поступать в школу, получать аттестат зрелости, а дальше... дальше будет день — будет пища. Что касается второго вопроса, то полной ясности не было, и я решил написать маме и посоветоваться с ней.

Решению возвратиться домой способствовала и своего рода ностальгия по малой Родине. Областной город Кировоград, утопающая в садах Ново-Николаевка, Ингул, друзья-муззводовцы — все это очень хорошо, но... олены лучше. Все чаще вспоминались и снились по ночам мама, младшие братья (старший, Евгений, уже учился в Баку в Каспийском высшем военноморском училище), уютный городок Давлеканово, где прошло детство, красивая Дёма, друзья, ребята и девочки, с которыми учился в школе.

Там, в той жизни, все было таким родным и привычным. Так неудержимо тянуло домой, в родные места! Ведь так далеко и так надолго я еще ни разу в жизни не уезжал из дома.

Видимо, точно так же думала мама, когда написала в Кировоград письмо, в котором ее планы в отношении моего будущего полностью совпали с результатами моих раздумий. 13 августа 1945 года мама приехала в Кировоград за мной. Поговорили, обсудили создавшуюся ситуацию и уже на следующий день она начала энергично заниматься вопросом, связанным с моей «демобилизацией» и нашим отъездом домой в Башкирию. Все оказалось проще, чем мы предполагали, так как присягу я не принимал и не было юридических оснований для задержки в ВАУР. Корауш и Бухман также не возражали, вопрос с демобилизацией учителя в числе первоочередников был уже решен положительно. Помимо всего прочего, в ВАУР началась активная, если не сказать спешная, подготовка к расформированию. Правда, Корауш предупредил, что мой отъезд может состояться после 18 августа, т. е. после празднования Дня Военно-воздушного флота СССР.

Когда все вопросы с отъездом в принципе были решены, я начал готовиться к переезду.

Для начала засел в кладовке и вдали от любопытных глаз переписал «на память» нотные записи шести самых хороших, на мой взгляд, танцевальных мелодий. И в первую очередь — исключительно красивое танго «Золотая пантера», которое было любовью и гордостью Корауша. Для большей сохранности он не ленился самолично раздавать нам ноты с ней перед исполнением и забирал в свою папку после исполнения.

Подобрал комплект по одному экземпляру всех видов немецких листовок времен войны. Отобрал наиболее оригинальные и забавные. Таких набралось штук 15—20. На одной из них, например, была изображена группа немецких офицеров. В центре стоит лицом в профиль офицер в советской форме, подносящий ко рту сигарету. Один из немецких офицеров услужливо подносит к концу сигареты огонек зажигалки. Подпись внизу гласила: «На этой фотографии вы видите в обществе доблестных немецких офицеров сына вашего вождя Якова Джугашвили, который добровольно сдался германским властям. Следуйте примеру сына вашего вождя!» И обязательный атрибут каждой листовки — отрывной пропуск *Passierschein* на предъявителя для перехода на германскую сторону. Большинство листовок на антисемитскую тему. Некоторые из них довольно остроумные, злободневные, но все без исключения злые. Качество печати среднее. Не было мне понятно тогда, в 45-м, и не понятно сейчас, за что немцы времен Гитлера так патологически ненавидели евреев. Большинство листовок — дешевка с тяжеловесным тупым злобным юмором. Пачку подобранных листовок до Давлеканово я не довез. Кто-то из моих друзей-воспитанников проявил трогательную заботу обо мне и весьма

похвальную политическую бдительность: изъял листовки из чемодана и во избежание возможных неприятных последствий для меня порвал их, а клочки демонстративно выбросил в злополучный мусорный бачок на балконе. Это, видимо, для того, чтобы мне были ясны мотивы «кражи» и чтобы я не искал пропавшую пачку макулатуры.

Как-то еще до отбытия наказания на гауптвахту, но после того, как мы проторили дорожку на склад хозяйственных товаров, я поменял на стихийном «блошином» рынке несколько пачек цветных карандашей на две понравившиеся мне грампластинки с записью песен в исполнении звезды немецкой эстрады Розиты Серрано. Ни для кого не секрет, что немецкий язык не входит в число мелодичных, благозвучных, скорее он воспринимается ухом как несколько резкий, даже грубоватый. Этот язык больше подходит для маршей, бравурных песен, команд и приказаний, но не для лирических песен и серенад. Песни же в исполнении Серрано звучат мягко, лирично, проникновенно. Ее голос, близкий к лирическому сопрано, очень сильный и одновременно мягкий, пластичный, обладает большой силой звучания во всем диапазоне, легко и свободно звучит во всех регистрах. Конечно, ее диапазон уступает знаменитой Име Сумак, «Перуанскому соловью», чей диапазон составлял 4,5 октавы, но он вполне достаточен для эстрадной певицы. О таких певицах, как Розита Серрано, весьма популярная в СССР эстрадная певица Зоя Рождественская позже остроумно скажет: «Хороший голос не помеха для эстрадной певицы». Я не музыковед, а обычный потребитель музыкальных произведений, но и мне было ясно: Р. Серрано — певица экстра-класса. К глубокому моему сожалению, до Давлеканово довез в целости только одну пластинку. Оставшаяся пластинка затерялась в суматохе и неразберихе частых переездов с квартиры на квартиру, из одного города в другой.

Больше всего тревог и волнений возникло при подготовке к отъезду, когда после сомнений, колебаний я решил-таки прихватить с собой в Давлеканово что-нибудь из так доступного в Кировограде оружия. Не представляло труда достать по дешевке или в порядке взаимообмена советский ТТ, советский автомат, немецкий армейский пистолет, немецкий пистолет-пулемет, немецкий или французский дамский миниатюрный пистолетик (стреляющая изящная игрушка!). Если патроны к первым четырем наименованиям достать было не сложнее, чем оружие, то к дамскому изящному пистолету достать его почти игрушечные патроны было трудно. Выбор остановил на немецком пистолете-пулемете и дамском пистолете. Везти мог только в чемодане. По законам детективного жанра соорудил в нем некое подобие второго дна, которое даже в первом приближении назвать таковым я бы не решился, настолько «тайник» был убогим и не отвечал своему предполагаемому назначению. К тому же достаточно было поднять чемодан и слегка встряхнуть его, чтобы убедиться в несоответствии фактического веса и ожидаемого среднестатистического веса скромного солдатского чемодана. Не ласкал бы слух и легкий стук и скрежет о «второе дно» четырех рожков-магазинов к пистолету-пулемету. Забегая вперед, сообщу, что довез я свой чемодан с опасным грузом до Давлеканово благополучно. К сожалению, как показали дальнейшие события, ибо история с ним имела свое продолжение.

Прощай, оркестр, или Перекуем трубы на орала!

18 августа 1945 года оркестр играл в просторном фойе драматического театра Кировограда при праздновании Дня авиации. В составе военного духового оркестра ВАУР я играл в последний раз. От этой, последней в моей жизни официальной игры, остался тяжелый, неприятный осадок. И игра была тяжелая, и празднование было каким-то бестолковым, излишне шумным. Начало праздника было обычным, привычным до деталей. Формально, чуть сухохвато прошла официальная часть с традиционным докладом начальника политотдела, объявлением праздничного приказа. Поощрения, вручение почетных грамот, ценных подарков, премий. Награждение правительственными наградами, почетными знаками, приуроченное к празднику. Присвоение почетных, очередных воинских званий. Объявление поздравительных телефонограмм и телеграмм.

Затем — плановые, официальные, согласно протоколу проведения праздника тосты, которые довольно быстро стали перманентно переходить в частные, самостоятельные, не предусмотренные протоколом. Разумеется, не обошлось без обязательных дежурных тостов за здоровье и долгие годы жизни «на благо» руководителей партии и правительства, незримо присутствующих в почетном президиуме собрания.

Шум, гвалт нарастали крещендо. Общая масса празднующих распалась на отдельные «самостийные» группы и группки, где произносились тосты местного значения, делались попытки исполнить в узком кругу импровизированные вокальные и хореографические номера, мешая друг другу, всем остальным, создавая дикую какофонию. В общем, какая-то вальпургиева ночь в середине XX века. Сквозь плотный, несмолкаемый шум и гам еле-еле пробивались звуки духового оркестра. По децибелам этот шум, наверное, в десяток раз превосходил рев работающего авиационного двигателя на расстоянии двух-трех метров. Шумное неуправляемое веселье временами стихийно сменялось танцами, плясками. Танцую, пары слышали только отдельные глухие удары большого барабана. Плясали все подряд: «Цыганочку», «Яблочко», «Лезгинку», «Кабардинку» и другие танцы народов СССР.

В самый разгар бесшабашного веселья в одной из локальных группировок, где стихийно образовался круг любителей самостоятельной хореографии, молодые и не очень молодые офицеры-летчики устроили своеобразные состязания в плясках. В центр круга под мелодию «Лезгинки», четко отбивая мягкими хромовыми сапогами ритм, лихо ворвался майор Кудрявцев. Быстро, динамично, убыстряя темп, прошел пару раз по кругу, приглашая желающих посоревноваться в лихости пляски. За голенищами хромовых сапог, плотно облегающих ноги танцора, торчали, сверкая яркими красками, наборные рукоятки красивых самодельных финок. Взвинтив темп до предела, опьяненный быстрой кавказской музыкой, выпитым вином, поощрительными криками болельщиков и в первую очередь раскрасневшихся, с блестящими глазами, представительница прекрасного пола, он быстрым, еле уловимым движением выхватил финки из-за голенищ, злоюще сверкнувшие полированными клинками в ярком свете люстр. Нарочито угрожающе размахивая кинжалами, под пронзительный женский визг он врвался в мгновенно

расступившуюся толпу болельщиков. Довольный достигнутым эффектом, проделал это несколько раз.

Стоявший невдалеке и благодаря своему росту и практически трезвому состоянию наблюдавший за всем залом, генерал Жуков быстро оценил обстановку, подозвал признанного в училище плясуна, невысокого, поджарого с идеально лысым черепом подполковника Кобзева и коротко приказал ему: «Успокойте майора!» Кобзев лихо впрыгнул в середину круга, где в пляске неистовствовал Кудрявцев. Как бы соревнуясь, Кобзев в четком ритме прошел за ним полкруга, приблизился вплотную, синхронно повторяя па чрезмерно разошедшегося коллеги. Затем — быстрое, еле уловимое движение корпусом, ногой и в следующее мгновение совершилось невероятное. Кудрявцев оказался на животе буквально распластанным в нелепой позе «цыпленка табака», пригвожденным к полу. Кобзев, сидя на спине «цыпленка» в форме майора ВВС, довольно спокойно забрал из его растопыренных на полу рук финки, распрямился и как ни в чем не бывало продолжил в гордом одиночестве с майорскими кинжалами в руках танцевать «Лезгинку» соло. Окружающие болельщики и болельщицы, не успевшие толком сообразить, что произошло на их глазах, взорвались громом аплодисментов, поощрительными криками. Действительно, чистая, ювелирная «работа» подполковника Кобзева! Больше всех был доволен результатом, громче всех хлопал крупными ладонями и кричал «Браво! Молодец!» генерал Жуков.

Оркестру пришлось, прямо скажем, тяжко. Он был вынужден в обстановке разнузданного веселья играть без перерывов. Попытка сделать перерыв, заполнив паузу баяном, не увенчалась успехом. Звуки баяна Тихона Романовича Тугова буквально вязли, заглушались в общем шуме и гаме. И никого устроить не могли. И оркестр играл не переставая. Легче было тем, кто имел замену. В конце концов перешли на игру в две смены. И ничего, что вторая смена была кастрированной, неполноценной как количественно, так и качественно. Окружающим было все равно, как играет оркестр, лишь бы играл. Свои, оркестровые, остряки предложили Кораушу играть кадрированным оркестром в составе трех-четырех инструментов во главе с барабаном, но капельмейстер категорически отказался. Надо отдать ему должное, он всегда стремился к «чистой» игре оркестра. Халтурную (в смысле игру «кое-как», а не в смысле «левого» заработка) игру он патологически не переносил. Коротче, слабую и довольно примитивную игру второго состава оркестра, а его представляли в основном воспитанники, никто не заметил, за исключением самих оркестрантов обоих составов оркестра. Правда с учетом того, что некоторые из «старичков» были прилично «на взводе» и им самим было море по колено. А что было делать? Играть полным составом в одну смену? Физически не выдержать.

Мы с учителем играли попеременно на его инструменте, меняли только мундштуки. Свой я использовал в качестве объемистой металлической авоськи: раструб заправил пирожными, омлетами, кусками торта, консервами, конфетами, заливными языками и другими суперделикатесами, благо раструб у бейного баса имеет внушительные размеры. В последующую пару дней так пригодилось содержимое моего инструмента!

«Домой» вернулись рано утром, когда рассвело. Из автобуса не вышли, а буквально вывалились как сонные мухи: до такой степени устали. Но свой

бас я всю дорогу из рук не выпускал, чтобы не рассыпалось по автобусу его отнюдь не музыкальное содержимое.

Так, образно выражаясь, прозвучал заключительный аккорд «службы» в военном оркестре воспитанника музввода Ежкова Геннадия.

Приехав в Давлеканово, занялся подготовкой к новому учебному году, сфотографировался на память в солдатской форме, после чего убрал ее подальше в шкаф, перешел на штатское платье. В эти дни произошел трагический случай, чуть не закончившийся для меня без второй половины этого слова. Сейчас, по прошествии 50 лет, превалируют смешные, забавные истории, а тогда было не до смеха.

В один из теплых башкирских дней конца августа решил сходить на охоту. Ружья у меня не было. Решил воспользоваться привезенным из Кировограда немецким пистолетом-пулеметом. Заодно и проверить его «в деле», так как в Кировограде из-за дефицита времени пострелять из него не представилось возможным. Так что, завернув в старый спортивный костюм «кота в мешке» и один снаряженный рожок к нему, отправился на Дёму в то место, где она переходит в заросший травой и камышом болотистый залив, за Курманкаево. Там, как мне было известно, водились лысухи. Мне представлялось, основная трудность, которая меня ожидает, — как достать убитую дичь. Лодку не взял, собаки у меня не было. Оставался один способ — после удачного выстрела на время превратиться в спаниеля. Чтобы этих превращений было по возможности меньше, решил ограничиться добычей не более двух голов. На месте все оказалось проще и досаднее. Вопреки опасениям мне не пришлось ни разу залезть в собачью шкуру. Выяснилось, что автоматическое оружие создается не для стрельбы по лысухам. Даешь короткую очередь по лысuxe — вокруг нее вскипают фонтанчики воды, а она быстро ныряет и неожиданно появляется на поверхности где-то в стороне, в камышах, будто знает, что стрелять по камышам нельзя, там ненароком может оказаться какой-нибудь рыбак. Безрезультатно расстреляв взятый с собой рожок, сложил автомат, завернул в тряпье и бодро зашагал через Курманкаево домой. Погода отличная, жить бы да радоваться! Но на душе скребло. Обидно и стыдно было за такие разгромные результаты поединка современного стрелкового оружия с лысухами в пользу последних. А я такие надежды возлагал на этот компактный, очень удобный автомат. Для чего еще он нужен был? Посрамленный в своих собственных глазах, решил особенно-то не унывать, ибо:

Лишь тот охотника поймет,
Кто сам прошел неоднократно
С надеждой полный путь вперед
И безнадежно — путь обратный!

Как известно, беда, неприятность не ходят в одиночку. Дальнейшие события подтвердили право на существование этой незамысловатой поговорки-приметы, а только что пережитые невзгоды покажутся мелочью, не достойной внимания.

Уже на подходе к дому, по улице Иткуловской (ныне ул. Победы) встретился участковый милиционер Ибрай (фамилию забыл), в чей участок входило не менее трети города. Между прочим, в те времена весь штат ОВД Давлеканово с его 24 тысячами граждан составляли 4—5 оперативных

работников. Тем не менее по улицам ходили днем и ночью без опасений за здоровье, жизнь. Мне был знаком из всего ОВД один милиционер — Ибрай. Сейчас в штате Давлекановского горотдела милиции около 300 сотрудников. На парады по случаю Дня Победы горотдел выставляет полноценную парадную роту храбрых молодцов в милицейской форме. Криминогенная же обстановка в городе в сравнении с довоенными годами существенно изменилась... в худшую сторону, хотя численность населения города за тот же период выросла незначительно. Участковый, заядлый охотник, не преминул остановиться, поздороваться, перебраться новостями:

— Откуда идешь?

— С охоты, будь она неладна.

Осмотрел меня еще раз с ног до головы, заинтригованно:

— А ружье где?

О трофеях не спрашивает, все понял по моему выражению лица.

— Да вот оно! — небрежно киваю на сверток, чтобы отвязаться и двинуться дальше. Но любопытный мент не унимается:

— Бельгийское? (В то время в город завезли партию отличных компактных, разборных ружей бельгийского производства.)

— Угу, — буркнул я неопределенно и шагнул вперед.

— Покажи, — а сам протягивает лапу к свертку.

— Нечего показывать, ружье как ружье.

Но делать нечего, разворачиваю сверток и показываю содержимое, думаю, свой ведь человек, живем на одной улице. Участковый увидел, глаза заблестели:

— Да, хорошее ружьишко, — крикнул Ибрай и пошел дальше по своим правоохранительным делам.

На следующее утро мама ушла на работу, братьев тоже дома уже не было, я валялся в постели. Неожиданно раздался стук в дверь. Не одеваясь открыл, и в комнату без особых формальностей вошли незваные гости в составе: Ибрай, в полной милицейской форме, и два мужика в цивильном платье, понятые, как я понял чуть позже. Участковый официально спрашивает:

— Гражданин Ежков Геннадий?

— Да, Ежков Геннадий, — отвечаю, хотя знает он меня как облупленного, живет-то от нас в трех минутах ходьбы.

— У вас незаконно хранится оружие, прошу сдать.

— Да, есть такое, — отвечаю и, понимая, что отпираться бесполезно и просто неразумно, пошел в сени и достал из вороха старого хлама злополучный немецкий автомат и три снаряженных рожка.

— Все сдали, больше ничего не имеете?

— Все, больше ничего нет.

Забрал оружие, показал «понятым», которые с важным видом, гордые оказанным им доверием, помотали головами. Завернул в тряпку: «Следовать за нами!» — это уже мне. Пришли в горотдел милиции, зашли в какой-то кабинет. Участковый доложил хозяину кабинета, не упустив и нашу с ним встречу, развернул и положил на стол оружие с рожками. Хозяин кабинета, старлей милиции, быстро оформил какую-то бумагу (видимо, протокол об изъятии оружия), которую все мы дружно подписали. Затем старлей вежливо так мне заявляет, что до прибытия начальника горотдела, который, мол, при-

будет к себе в 10—10.30, он разместит меня в КПЗ. Я не менее вежливо, вполне естественно волнуясь, говорю ему, что до 7 сентября 1945 года я являюсь военным служащим, а потому, мол, мое место, видимо, на военной гауптвахте и положил на стол, скрывая дрожь в руках, командировочное предписание, в котором указан срок: начало командировки — 20 августа, окончание — 7 сентября 1945 года. Как мне показалось, старлей даже обрадовался такому обороту дела. Позвонил военному коменданту гарнизона (после отъезда ВАУР в Давлеканово расквартировали школу младших авиаспециалистов — ШМАС). Минут через 20 я уже стоял перед военным комендантом и все ему подробно докладывал. Комендант внимательно изучил мою палочку-выручалочку в образе командировочного предписания, оформил какую-то бумагу, которую я так же, как в милиции, подписал не глядя. Несколько напутственных слов, советов никогда не играть с оружием, так как «это не игрушки, а очень серьезно, за что можно схлопотать срок», и я свободен, как великий китайский народ. Пистолет-пулемет и магазины к нему остались, естественно, у коменданта. Вернувшись домой, первым делом на радостях достал из-под крыльца, где мы во время войны держали симпатичную веселую козочку по кличке Зорька, спрятанный там под мусором дамский пистолет. Спустился к реке, отвязал лодку, выгреб на середину Дёмы и незаметно опустил стреляющую игрушку в воду. Видимо, ее ржавые останки и сейчас лежат там в донном иле. Так благополучно для меня закончился этот курьезный, поучительный, заставивший серьезно поволноваться случай.

Кем быть?

Быстро, незаметно прошло время. Сданы выпускные экзамены, в кармане лежит новенький, пахнущий свежей краской «Аттестат зрелости». Настроение боевое: перед тобой открыты все дороги; как рекомендовал Маяковский, все дороги хороши, выбирай на вкус. Генеральное направление сформировалось не без влияния старшего брата, Евгения, который учился уже на II курсе Каспийского высшего военно-морского училища в Баку. Направление — Военно-морской флот. В июле 1946 года у меня на руках были вызовы из Ленинградского высшего военно-морского инженерного училища им. Дзержинского, из Ленинградского высшего военно-морского командного училища им. Фрунзе и с факультета военных дирижеров Консерватории.

Прочитав условия приема, сразу и навсегда распрошлся с мыслью о поступлении на дирижерский факультет. Один из вступительных экзаменов — сольфеджио. Мои познания в сем предмете ограничивались весьма приближенными представлениями о его сути, а ведь в сольфеджио надо не столько знать, сколько уметь. Короче говоря, абсолютный ноль в данном вопросе. К тому же я самокритично, очень невысоко оценивал музыкальные способности, которыми меня одарили родители при активном участии Всевышнего. Этим врожденным способностям от Бога было явно недостаточно для того, чтобы избрать музыку, даже военную, духовую, в качестве профессии на всю оставшуюся жизнь. Таким образом, «музыкальный вариант» отпал сам собой. Остались два варианта: первый — Ленинград, два военно-морских училища, куда были вызовы, напрямую, минуя военкомат, и второй — Баку, военно-

морское училище, куда вызова не было и ехать можно было только на собственный страх и риск.

Посоветоваться со старшим братом, уже получившим небольшое представление о своей будущей специальности, не мог, так как брата в Баку не было, он проходил практику где-то на просторах Черного моря, на одном из кораблей Черноморского флота.

На семейном совете было единогласно решено: еду в Москву, а в столице сам решаю, куда дальше ехать, в Ленинград или в Баку. Правда, симпатии участников совета склонялись больше к Северной Пальмире, но не настолько, чтобы решить однозначно.

Прорабатывался, правда, еще один вариант. Еще учась в 10-м классе, я собирался поступить в Военно-морскую медицинскую академию. Я даже написал большую заметку в последний праздничный номер школьной стенгазеты, посвященный очередному выпуску учеников, с броским заголовком «Хочу быть корабельным врачом!», где, конечно, я «хотел» быть хирургом. Дальше разговоров и запроса в ВММА и ответа на него дело не пошло.

Оставалось ждать дня отъезда. И время «Ч» — время отъезда и «Д» — день отъезда очень быстро наступили. День отъезда — 27 июля 1946 года (суббота), время отъезда — вечерним поездом на Москву, приблизительно в 21.00 местного времени.

В 18.00 указанного выше дня мы, то есть я, отъезжающий, и провожающие — мама, младшие братья Виталий и Валерий, вышли из дома и пришли на вокзал. Оставив провожающих на вокзале и попросив маму купить билет до Москвы, я ушел на танцплощадку в парк. Благо, он рядом с вокзалом. Стоит перемахнуть через забор или пролезть через дыру в том же заборе, и ты в городском парке. Что я и не замедлил сделать. Там уже ждали ребята и девчата, выпускники этого же, 1946 года, еще не разъехавшиеся по городам и весям для поступления в вузы. Все в парке было так же, как до отъезда в Кировоград. Такая же теплая ночь опустилась над городом. Темные аллеи парка, нарочки на скамейках под защитой теней от деревьев и кустов. На эстраде — духовой оркестр, но это уже другой духовой оркестр. Другие и мы, ребята и девчата с «Аттестатами зрелости» в карманах. Мы стали взрослыми, почти самостоятельными. До отъезда осталось несколько часов. Когда еще встретимся и встретимся ли с некоторыми вообще когда-нибудь? Танцевали под оркестр. Как отъезжающий, я старался потанцевать и поговорить со всеми девчатами. Пижонства ради пару раз садился в оркестр поиграть на своей трубе. В оркестре меня знали, я и раньше на 20—30 минут подменял бейного басиста на его рабочем месте, которое он с удовольствием освобождал и уходил на танцплощадку.

На скамейке в тени деревьев откупорили пару, а может быть, и две пары бутылок «Салхино». Выпили за хорошую дорогу, за успехи в жизни, в любви, за встречу и т. д. Тостов было произнесено столько, на сколько хватило вина. Взглянул на свои часы «Мозер» (мама купила их мне на рынке в Кировограде), до отхода поезда оставалось минут 20—30. Быстро пошел, а точнее, резво побежал на вокзал. Запыхался, извинился. Мама с билетом на поезд и с моим чемоданом, младшие братья уже на перроне. Смотрят на меня укоризненно: для друзей время нашлось, а для нас — нет. Что поделаешь, молодость эгоистична и жестока по отношению к родителям. Со временем, когда

сам стану отцом, судьба не раз напомнит мне об этом. Все повторится, но состав действующих лиц будет иной: я в роли родителя останусь на сцене, а в роли представителей молодости выступят мои дети.

Но я отвлекся от генеральной линии повествования на очередное лирическое отступление.

Шумно, с облегчением после быстрого бега, отдуваясь плотными клубами пара, к перрону вокзала подошел паровоз (железная дорога не была еще электрифицирована), подтянул «мой» поезд. Две минуты — и дан сигнал к отправлению. Завершилось время первой стоянки под названием «Музвзвод» по пути к Полигону. Обычная посадочная суета у поезда. Попрощаться с провожающими в общей суматохе не успел. Поезд тронулся, набирая скорость, и устремился вперед. Позади остались мама, братишки, провожающие друзья, городской парк, небольшой уютный городок Давлеканово, где прошло детство. Позади осталось и детство, и первая остановка в самом начале долгого жизненного пути, названная в заглавии воспоминаний «Музвзвод».

Поезд мчался вперед в «сиреневую даль», навстречу судьбе: что она приготовила бывшему воспитаннику музвзвода военного оркестра? Это знала только она.

Послесловие к главе I

Через много лет, когда я отслужил свои 40 лет на флоте и убеленный сединой и украшенный живописной лысиной ушел в запас, меня отыскивали в Самаре члены отряда «Поиск» башкирской школы № 3 г. Давлеканово Республики Башкортостан. Отряд возглавляла энергичная обаятельная преподаватель истории Рима Юнусовна Шафигуллина.

В годы войны, в ревущие сороковые, когда в Давлеканово было передислоцировано ВАУР, в здании только что сданной в эксплуатацию башкирской школы № 3 жили девушки — курсанты ВАУР. Отряд «Поиск» поставил перед собой задачу найти адреса бывших вауровцев, разбросанных после войны по всей стране. В результате многолетней кропотливой работы поисковиков мы, бывшие вауровцы, в основном из числа переменного состава, получили возможность ежегодно, в мае, собираться в стенах школы.

Прошло много лет, и вместо задорных молодых девчат за партами школы собираются солидные, убеленные сединой, прошедшие огонь войны бабушки. Выцветшие солдатские гимнастерки с такими же выцветшими солдатскими и сержантскими погонами украшают боевые награды. Мирно беседуют, вспоминают учебу в ВАУР, войну, тех, кто не вернулся с нее, рассказывают ученикам о войне, о жизни после нее.

Глава 2

КУРСАНТСКИЕ ГОДЫ В КВВМУ

Первые хлопоты

Как только поезд вошел в пределы Подмоскovie, вагонные динамики начали информировать пассажиров о скором прибытии в столицу нашей Родины — Москву, транслировать бравурную музыку, песни о Москве. Началась обычная в подобной ситуации суета.

Наконец, заскрежестав тормозами, поезд замер у перрона Казанского вокзала. Задерживаться в Москве не собирался, хотя было где остановиться. На Ленинградском шоссе жил мой дядя Томплон Константин Михайлович, о котором я уже упоминал. Решил не беспокоить москвичей, переночевать на вокзале и на следующий день ехать дальше. Но куда? Как перед сказочным богатырем и его конем камень на дороге предлагал на выбор один из трех вариантов, передо мной стояла дилемма: «направо (т. е. в Ленинград) поедешь — ...», и налево (т. е. в Баку) поедешь — ...». В конце концов окончательно решил ехать налево, в Баку. «За» и «против» у этих двух вариантов было приблизительно поровну, но бакинский вариант имел одно несомненное преимущество — в бакинском училище учился мой старший брат Евгений, что было очень важно для меня (да и для него, наверное, тоже), особенно на первых порах. Его небольшой, но собственный опыт, приобретенный в училище, его советы оказались весьма кстати, пока я барахтался в совершенно новой, непривычной обстановке. Рядом со мной был локоть старшего, более опытного человека. За два совместно проведенных в училище года он успел меня натаскать, как молодого спаниеля, подготовить к новой для меня курсантской жизни.

Через день после приезда в Москву поезд «Москва—Баку», весело перестукивая на стыках рельсов, уже мчал меня на Кавказ, в знойный Баку.

По поводу отсутствия у меня вызова из Каспийского высшего военного-морского училища проблем в училище не возникло. Конкурс при поступлении чуть превышал 1,0 человека на одно место, т. е. для зачисления достаточно было без двоек сдать экзамены. Правда, в общем потоке абитуриентов была группа офицеров так называемых параллельных классов. До поступления они служили на флоте на офицерских должностях. Многие прошли войну. Без диплома о высшем образовании их дальнейшая служба была бесперспективной. «Параллельщики» принимали без экзаменов, ограничиваясь

беседой на мандатной комиссии. В дальнейшем на одном курсе со мной учились заслуженные, хорошо известные на флоте и в СССР дважды Герои Советского Союза прославленный катерник, командир отряда торпедных катеров североморец Шабалин А. О. и командир особого разведотряда, десантник-североморец Леонов В. Н.

Вступительные экзамены сдал со средним баллом 5,0 без усилий, с большим «запасом прочности», что подтвердило надежность фундаментальной подготовки в давлекановских школах. Помимо своих «законных» экзаменов сдал дополнительно, «по совместительству» математику за страждущего стать морским офицером Фоменко и немецкий язык — за Костю Тихорского, пожелавшего переквалифицироваться из старшего сержанта авиации в лейтенанты военно-морского флота. Первому из них полученная «им» пятерка по математике оказалась что мертвому припарка: очередной экзамен Фоменко благополучно завалил и, собрав чемоданчик, уехал в свою родную Хохляндию. С Костей Тихорским история с фальсификацией на вступительных экзаменах получила вскоре неожиданное продолжение. С «Зачетным листом» Кости Тихорского, где были изложены его основные данные и где красовалась вместо его моя фотография «анфас», я сдавал экзамен по немецкому языку молодой красивой, с пышными каштановыми волосами женщине, бывшей в конце войны, как оказалось позже, переводчицей при штабе Рокоссовского. Легенду свою вызубрил назубок и на праздные вопросы членов комиссии биографического характера отвечал уверенно и бойко, не задумываясь, хотя даже беглого взгляда было достаточно, чтобы обнаружить несоответствие моего фактического (внешне) возраста и согласно записям в «Зачетном листе» (участник войны, старший сержант и т. д.). Отвечая по билету и на вопросы, выложился на совесть, без учета фактической подготовленности Кости и добыл для него пятерку.

По закону бутерброда преподавателем иностранного языка в нашей с Костей учебной группе оказалась эта самая пышноволодая красавица, член приемной комиссии. На первом же учебном занятии по немецкому языку бомба, заложенная на вступительном экзамене, едва не взорвалась. По ходу занятия преподавательница задала общий для группы вопрос. Желающих ответить не оказалось. «Желающих нет? — спросила преподавательница, мельком взглянув на меня. — Пусть тогда ответит на вопрос курсант Тихорский!» Костя вскочил как ошпаренный и тут же скромно потупил взор долу, не зная ответа. «Я не вас спрашиваю, — перевела она взгляд с настоящего Тихорского на временно исполнявшего его обязанности, т. е. на меня, — а вас, Тихорский». Теперь уж я более чем резво вскочил: «Я не Дефорж, я Дубровский!» (Я не Тихорский, я Ежков). Слегка растерявшись, «немка» переводила взгляд с меня на Костю и наоборот. Обладая отличной профессиональной памятью, она, видимо, запомнила меня в качестве Тихорского и теперь все поняла. Мы с Костей внутренне напряглись, замерли. Стоит ей доложить об обмане, имевшем место на вступительных экзаменах, и мы оба в мгновение ока, с треском вылетаем из училища. Она решила иначе. Ей не хотелось портить жизнь молодому симпатичному мужчине. А Костя действительно был симпатичный и пользовался успехом у представительниц противоположного пола. Его немного портила татуировка, покрывавшая большую часть внешней поверхности тела, за что мы его прозвали «третьтихорская галерея».

Короче говоря, после минутного замешательства «немка» приняла соломоново решение: вызвала Костю для «собеседования» на кафедру и угрожающе пообещала ему: «Вы будете у меня знать немецкий язык». В части, касающейся языка, особых перемен в дальнейшем не произошло, а роман между бывшим старшим сержантом из Кёнигсберга и бывшей фронтовой переводчицей завязался основательно. Через год она уволилась из училища. У Кости судьба сложилась не лучшим образом. С ним сыграла злую шутку одна из его бакинских поклонниц. Приехала к нему на Зых, где расположено училище, из города в гости. Пошли гулять. Поздно вечером растрепанная, вся в слезах девица прибежала к дежурному по училищу и пожаловалась: Тихорский пытался ее изнасиловать. Доказательств никаких, а колесо завертелось. Косте засветилась статья «За покушение на изнасилование». Командование училища предложило компромисс: «Женись на девушке и считай, что дело закрыто». Девушка двумя руками — «за», так как она и стремилась к такой развязке; сажать Костю за решетку не входило в ее планы. Он был нужен ей в качестве спутника жизни. Костя принципиально, наотрез отказался связывать свою судьбу с судьбой девушки узами Гименея. Никакого суда не было. Костю с III курса выгнали из училища и откомандировали на флот служить в качестве рядового матроса.

Оставшись ни с чем, обманувшись в своих надеждах, шустрая девица написала покаянное заявление, где всю вину взяла на себя, изъявила желание забрать назад заявление, но «поезд ушел». В училище она больше не появлялась, потеряв все надежды отловить мужа из числа выпускников.

Первые впечатления

Первые впечатления от училища были самые благоприятные. Рядом — море. Миновал проходную училища, прошел мимо ДОСов (дома офицерского состава) — и ты на берегу Каспийского моря, небольшого по геомасштабам, закрытого от океанов и других морей, но беспокойного для тех, кто перемещается по его поверхности. Посмотришь направо — Бакинская бухта, откуда, глубоко оседающая в воде, тяжело идут нагруженные нефтью танкеры и куда налегке спешат, возвышаясь над поверхностью моря, пустые за очередным стратегическим грузом. Налево посмотришь — в дымке виден мыс Тюлений, а там где-то рядом остров Жилой.

Училище обнесено кирпичной стеной, названной в честь всемирно известной старшей китайской сестры Штрихкитайской. На территории училища возле жилых, учебного, административного и других корпусов пышно цветут магнолии, олеандры. Если преодолеть, а это при небольшой тренировке совсем несложно, упомянутую выше стену, вы сразу оказываетесь в саду, пусть не в райском, но достаточно экзотическом, где растут и, что особенно важно, плодоносят инжир, гранаты, маслины. Весной все утопает в свежей яркой зелени, цветет. Вечерами воздух наполняется в буквальном смысле слова пьянящим ароматом буйно цветущего миндаля. Сплошь усыпанные розовыми цветами миндальные деревья очень напоминают наши российские яблони в цвету. Возможно, наоборот.

Восторженное настроение от весеннего зеленого буйства природы часто омрачали твари, именуемые фалангами и скорпионами. Известно, что фалан-

ги, внешне противные и даже устрашающие, по своему характеру довольно миролюбивые и не представляют опасности для царя природы. Иное дело — скорпион. Эти создания, весьма омерзительные и страшные по внешнему виду, очень ядовиты. Их укус, особенно весной, представляет серьезную опасность для здоровья и даже жизни человека. Справедливости ради, отнюдь не защищая скорпионов, должен отметить — на моей памяти за все годы учебы в Баку не было зарегистрировано ни одного смертельного случая, связанного с укусом скорпиона. Во всяком случае, мне не известно.

Наукой доказано, что скорпион — одно из самых совершенных живых существ на земле. Пережив три миллиона лет эволюции, это паукообразное членистоногое создание не только не вымерло в процессе борьбы за существование, как это случилось с ящерами, птеродактилями, динозаврами, но даже не претерпело существенных изменений. Со скорпионом на равных может поспорить только таракан, чей «послужной» список без существенных конструкторских доработок составляет 5 миллионов лет. На фоне этих миллионов лет пятидесятитысячный возраст *homo sapiens*'а выглядит раннемладенческим, несолидным.

Мы проделывали со скорпионом интересный (не для скорпиона, разумеется) эксперимент. На земле сооружали окружность из скрученной жгутом бумаги. Бумагу поджигали одновременно в нескольких местах. В это огненное кольцо бросали ядовитого «красавца». Спасаясь от огня, скорпион бросался в одну сторону, натываясь на огонь, бросался в другую. По нашим наблюдениям, он делал всего три попытки, под углом в 120° друг к другу, а может быть, это нам казалось. Убедившись, что спастись невозможно, подопытный скорпион останавливался, замирая на месте, быстро изгибал хвост под себя и совершал самурайское *хакари*.

Весной многие из нас при подготовке к экзаменам записывали на классной доске свою фамилию, рядом с ней — «на лоне природы» или «на кафедре „природа“» и уходили с конспектами, книгами за Штрихкитайскую, в сад или к совхозному бассейну и готовились там, если предстояло сдавать экзамен по несекретной дисциплине. Так хорошо было заниматься! Идиллия! Если бы не скорпионы и фаланги, из-за появления которых не раз приходилось в ужасе вскакивать и искать другое место для занятий. Но Бог миловал, все заканчивалось благополучно для нас.

Наше весьма пристальное внимание в упомянутом саду привлекли в первую очередь инжирные и во вторую — гранатовые деревья, а точнее — их плоды. Если сказать, что в саду рос отличный инжир, то это будет только половиной правды. Темные, грязно-зелено-желтой окраски, жилистые, жесткие сморщенные комья, гордо именуемые уличными продавцами в Ялте инжиром, по внешнему виду и, естественно, по вкусу ничего общего с истинным инжиром не имеют. Настоящий инжир нежно-мягкий, как лайка, когда ее коснешься пальцами, золотистый, почти прозрачный, насквозь пропитанный жарким азербайджанским солнцем. А вкус! Даже могучий русский не в состоянии создать в первом приближении представление о вкусовых качествах настоящего, т. е. бакинского, инжира. Он сказочно вкусный, а не просто приторный, как утверждают некоторые дилетанты, или никогда сами его не пробовавшие, или имеющие испорченный вкус. Этот сладкий, с густым медовым ароматом фрукт имеет один крупный недостаток: его совершенно

невозможно сохранить в первозданном свежем виде более 20—24 часов. Можно, конечно, сохранить в сушеном виде, но это уже не то, поэтому лучше всего наслаждаться инжиром сразу же после того, как плод снят с дерева. Этому принципу мы и следовали после того, как пришли к выводу, что глупо страдать от жажды в знойный день, когда рядом журчит родник.

Технология самовольного сбора плодов инжира была трогательно простой. Инжирная часть сада была отделена от училищной стены полужаростеющей грунтовой дорогой. В верхней части ее всегда сидел человек с ружьем — сторож и внимательно, как лазерный луч, контролировал неприкосновенность этой своеобразной контрольно-следовой полосы (КСП). Для того чтобы попасть к инжирным деревьям, надо было скрытно пересечь эту полосу. С этой целью к сторожу, не скрываясь, нарочито шумно, подходили один или двое наших ребят. Разыгрывая роль ШП («швой парень»), они угощали сторожа хорошими папиросами «Неркиз» или «Линкор», в крайнем случае — трубочным табаком «Восточный». «Трубка мира» вызывала на разговор о погоде, о жаре, о том о сем. Сторож отвлекался от КСП. В это же время два-три наших «боевика» с вещмешками наперевес устремлялись к инжирным деревьям, не спеша заполняли их инжиром и открыто возвращались «на свой аэродром». Если во время «сбора» фруктов случайно подходили законные сборщицы инжира, то, как правило, вели себя они лояльно, дружелюбно и иногда помогали снимать с веток самые спелые плоды.

Добытый таким не совсем джентльменским способом инжир прямым ходом доставлялся в помещение учебной роты, где он быстро, методом свободного доступа, использовался по своему прямому назначению истинными любителями этого экзотического деликатеса. В процессе общения с солнечным фруктом-инжиром я сделал одно любопытное наблюдение. Как известно, люди подразделяются по признакам пола (мужчина — женщина), по цвету кожи (черный, желтый, коричневый, белый), по языку, по цвету волос, по росту, по типу телосложения и т. д. и т. п. Кроме этого, они, оказывается, фактически подразделяются еще на тех, кто очень любит инжир, и тех, кто его не любит. Средних нет. Налицо — инжирные экстремисты.

Завершая инжирную тему, отмечу, что инжир — одно из первых и при этом самых лучших первых впечатлений от училища и от Баку.

В саду очень много гранатовых деревьев. Популярность этих фруктов в нашей среде была на порядок ниже инжира. Но когда мы возвращались из увольнения, гранатовый сок был просто незаменим. Приедешь на даш-башнике (это «левые» автомашины, которые за небольшую плату доставляли курсантов из города, с улицы Телефонной на Зых, где находилось училище. Закон «даш-баш» по смыслу можно перевести как «ты мне — я тебе», или «услуга за услугу»). Завернешь в сад (ночью охраны, даже такой формальной, как днем, не было), сорвешь с деревьев десяток-другой плодов граната, спрямишь путь через Штрихкитайскую — и ты дома. Теперь осталось только выжать в кружку столько сока, сколько сможешь это сделать голыми руками, остальное — в помойное ведро. В сок бросаешь одну-две ложки сахара — и вкуснейший напиток готов! Выпил — и спать.

К числу менее приятных, пожалуй, даже просто неприятных первых впечатлений, я бы отнес очередной арест с отсидкой теперь уже на Бакинской гарнизонной гауптвахте. А подоплека этого прискорбного события такова.

Проходя по коридору «кубрика», как мы называли на морской лад спальное помещение, казарму учебной роты, я зачем-то ввязался в отнюдь не мирный разговор дежурного по роте пришедшего из армии сержанта Шейченко с одним из курсантов. Возмущенный явной, на мой взгляд, несправедливостью Шейченко по отношению к «беззащитному» курсанту и считая при этом себя бывалым служакой, прошедшим огни и медные трубы (в части, касающейся медных труб, так оно и было), я посоветовал курсанту не связываться с «этим прыщавым солдафоном» и послать подальше (адрес был более конкретным) унтера Пришибеева с повязкой «рцы» (расцветка полос «синяя-белая-синяя», что соответствует букве «Р» однофлажного военно-морского свода сигналов) на рукаве. Тот, естественно, взбеленился, аж побелел от ярости и оскорбленного самолюбия и, чуть не брызгая слюной, переключился на меня. Чтобы не доводить его до рукоприкладства, я развернулся и, уходя, бросил ему со злостью: «Засранка ты, сержант». Слово «засранка» дежурного взбесило окончательно. По его докладу старшина роты главный старшина Харченко на вечернем построении роты перед строем наградил меня по максимуму своих прав согласно Дисциплинарному уставу — десятью сутками ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте. «За оскорбление... при исполнении». Подошедший во время экзекуции командир роты Алферов мгновенно оценил обстановку и добавил 5 суток к уже объявленным 10. Итого срок моего будущего пребывания на гарнизонной возрос до 15 суток. Командир отделения Костя Арапов с плохо скрываемым злорадством, вооружившись винтовкой, доставил провинившегося подчиненного на Баилов (район военного порта Баку), где размещалась гарнизонная гауптвахта. Губа как губа. Мой статус был здесь на общих основаниях, без льгот и поблажек. Ничего хорошего. Через 15 суток, выйдя с гауптвахты, продолжил движение по пути к погонам лейтенанта ВМФ. Где-то очень далеко впереди был Полигон, но я об этом еще не знал, он был за пределами прямой видимости.

Летом Баку буквально погружался в зной, который проникал всюду. От жары спастись невозможно (не говоря о кондиционерах, даже элементарных бытовых холодильников тогда еще не было). От каменных сооружений в городе пышет жаром как из печки, асфальт мягкий, оставляет следы, прилипает к подошвам. На Зыхе близость моря не приносила желанной прохлады. Спасались душем, бассейном, но это на несколько минут, а потом все начинается сначала. Не было спасения от жары даже ночью. Во время учебной практики на кораблях Краснознаменной Каспийской флотилии спали на верхней палубе, где-нибудь в надстройках, под открытым небом, не прикрываясь даже простыней, в одних плавках. Самой популярной фигурой на корабле был трюмный машинист, который «заведовал» цистернами с пресной водой и по расписанию запускал систему подачи пресной воды в каюты, кубрики и т. д. У него можно было разжиться пресной водой в любое время.

Очень хорошо в Баку в сентябре, еще лучше в октябре, неплохо и в ноябре. Как правило, мягкой солнечной погодой встречает столица Азербайджана очередной Новый год. Ходили мы обычно в это время в суконках, без бушлатов и шинелей. По поводу такой погоды шутили: Дед Мороз одет явно не по погоде, ему впору появляться на новогодней елке в плавках или спортивных трусах, да он, старый джентльмен, Снегурочки стесняется и парится в шубе и валенках, ей ведь тоже очень жарко в шубке и меховой шапочке.

Ни одно увольнение в город не обходилось без посещения красивого Приморского бульвара. Здесь мы гуляли с девушками, если они были у нас, и «тралили», когда их не было. Его портила только построенная не на месте парашютная вышка (сейчас ее нет, убрали наконец-то). Справа в верхней части города стоит большой памятник С. М. Кирову работы выдающегося скульптора Сабса. Бронзовый Сергей Миронович простер левую бронзовую длань над приморской частью Баку. Остряки утверждали: когда по Приморскому бульвару пройдет невинная девушка, Киров делает отмашку поднятой рукой. Но он еще ни разу ею не взмахнул. Может быть, потому что рука бронзовая, а возможно, и по другой причине.

Зимой, чаще в январе или феврале, можно стать свидетелем такого метеононсенса: хлопья белого снега на широких ярко-зеленых листьях олеандров и магнолий. Хотя температура и не ниже -5 — -7 °C, промозглый ветер пронизывает насквозь, легко проникает под бушлат, шинель, а ведь многие из нас, приехавших из средней полосы России, легко переносили и 15 и 30 °C ниже нулевой отметки.

Особенно холодно, когда разыгрывается знаменитый бакинский норд — родной брат новороссийской боры. Бакинский норд такая же достопримечательность Баку, как нефтяные вышки с наклонным бурением, Нефтяные камни и Девичья башня (Кыз Галасы).

Когда зверствует бакинский норд, училищный плац превращается в каток — гладкий асфальт, покрытый коркой мокрого льда, — и пройти по нему невозможно — приходится преодолевать его не напрямую, а обходить, прижимаясь к зданиям, деревьям, кустам. Иногда норд, словно играючи, срывает с головы зазевавшегося военмора бескозырку, офицерскую фуражку, подхватывает ее, подталкивает в спину хозяина, который пытается поймать свой головной убор, легко, как перышко, переносит бескозырку или фуражку через встретившиеся по пути полета корпуса зданий и уносит в море, где эта обязательная принадлежность формы одежды переходит в разряд безвозвратно утерянных, в собственность Посейдона.

Учеба

Подробно писать о процессе обучения в каком бы то ни было учебном заведении неинтересно и лишено смысла: во всех учебных заведениях, начиная с бурсы времен Помяловского и кончая Академией генерального штаба, очень много общего, которое общеизвестно и нашло свое отражение во множестве больших и маленьких книг.

Так, например, известно, что практически любой, даже очень солидный человек, переступив порог учебного заведения в качестве учащегося, как правило, очень скоро превращается в человека, способного на самый легкомысленный школярский поступок.

Один офицер, успешно закончивший Военно-морскую академию им. К. Ворошилова, а затем и элитную Академию генерального штаба, рассказал мне о забавном эпизоде, свидетелем которого он был в период обучения в стенах Академии ГШ.

В один из перерывов два генерала под гомерический хохот окруживших их таких же школяров при генеральских и адмиральских погонах схватили за руки и за ноги третьего учащегося с генеральскими лампасами, который отчаянно барахтался, пытаясь вырваться из цепких рук «палачей», что-то кричал, оправдываясь в чем-то. Оказывается, двое из участников этого аутодафе о чем-то поспорили с третьим. Этот третий проиграл пари. По условиям пари выигравшая сторона в лице двух бескомпромиссных бравых генералов подхватила третьего, проигравшего, и, не обращая внимания на вопли извивающейся в их безжалостных руках жертвы, деловито, добросовестно вытирала обычную ученическую доску задницей при лампасах проигравшей стороны.

Поступая в военно-морское училище, все мы в меньшей или большей степени были романтиками моря. Тем более многие из нас, если не большинство, в том числе и автор этих строк, до приезда в Баку видели море только на картинках в книгах на морскую тему да в кино. Телевизора в то время еще не было. Короче говоря:

Мы в детстве тосковали о неведомом,
Манила нас соленая романтика.
И нам казались домоседами,
Кто не прошел сквозь Тихий и Атлантику.

Прошли годы. Из юношей мы стали мужчинами. Послужив на боевых кораблях Военно-морского флота, мы очень быстро убедились, что служба на флоте — это прежде всего труд, труд тяжелый. Занятия, бесконечные учения, тренировки, вахты, погрузочно-разгрузочные работы, стрельбы, загруженные «под завязку» дни, бессонные ночи не оставляли места морской романтике, и улетучилась она как сон, как утренний туман. И лишь какой-нибудь пижон в морской форме, этакий «морской индюк», по Сергею Михалкову, где-нибудь в темной аллее парка, обнимая спутницу, с наигранным пафосом страстно шепчет ей на ушко подобно старпому из «Танкера „Дербент“» Крымова: «Я романтик моря!»

В жизни все будничнее и сложнее. Поэтому и заканчивалось стихотворение, начало которого процитировано выше, приземленно, в минорной тональности:

...прошли годы... и
Мечты не об Атлантике, а тральнике.
И службу невеселую, тяжелую, мы поняли.
Да, мы уже не мальчики!

Прозрение, осознание этого придет позже, когда нас потреплет жизнь и мы вволю хлебнем настоящей флотской службы. Я забежал на десяток-другой лет вперед.

Сейчас мы, романтики, усердно грызем гранит морских наук, готовимся стать морскими офицерами, чтобы достойно продолжать славные боевые традиции Российского флота.

Учебный процесс жестко регламентирован во времени и пространстве. Шесть-семь часов обязательных лекций, обязательная самоподготовка во второй половине дня. Конечно, как говорят на Востоке, можно привести животное к водопою, но нельзя заставить его пить, если оно не хочет, как нельзя

напоить человека, не испытывающего жажды. И на лекциях, и тем более на самоподготовке писали письма далеким подругам, играли в «морской бой», в карманные шахматы, решали шахматные задачи и этюды. И вообще, чем только не занимались!

С лекций почти никогда не убегали. Во-первых, некуда было бежать. В город все равно не уехать, а вместо лекции болтаться на территории училища смысла нет. А главное, с лекций таких преподавателей, как Нерсесов («Высшая математика»), Нерсесова («Химия», «Взрывчатые вещества и порох»), Тархов, Морозов, Толкачев («Мореходная астрономия»), Шахназаров («Физика», которая почему-то именовалась как «Высшая физика»), не было ни малейшего желания сбежать. Лекции по такому сухому предмету, как «Математический анализ», Нерсесов читал эффектно, доходчиво, хорошо демонстрировал практическими примерами, задачами. Нерсесова, жена Нерсесова-математика, умная, красивая молодая женщина прекрасно читала прикладные разделы химии, при этом — только в кабинете прикладной химии или в общехимической лаборатории. «Астрономическая тройка» в составе капитана 1 ранга Тархова, капитана 2 ранга Морозова и капитана 3 ранга Толкачева была единственной в своем роде в СССР, а возможно, и за его пределами. О них можно было бы написать отдельную книгу, но я не ставлю перед собой такой задачи, пусть займутся биографы этих неординарных людей. Тархов — начальник кафедры «Мореходная астрономия», бывший во время войны флагманским штурманом Черноморского флота, читал лекции строго, чуть суховато, позволяя себе изредка лирические отступления типа: «Далее в своих конспектах пишите так, как написано у меня на доске и как я вам только что рассказал, так как у Бориса Павловича Хлюстина в его учебнике („Мореходная астрономия“) этот раздел написан абсолютно неточно и очень путано».

Морозов и Толкачев читали лекции, проводили практические занятия весело, доходчиво, с остроумными, точными сравнениями. Иногда это переходило в настоящее шоу, в котором «астрономы» демонстрировали незаурядные артистические способности. Вот только один пример, далеко не самый экстравагантный из арсенала Толкачева. Он рассказывает о содержании американских астрономических таблиц H0214 для определения своего места астрономическим способом по дневному светилу — Солнцу. В расчете фигурирует так называемое среднее солнце (т. е. какое-то приведенное, фиктивное, введенное только для удобства расчетов в отличие от истинного, которое движется по небосводу). Толкачев иллюстрирует движение истинного и среднего солнца примером, где среднее солнце — бабушка, а истинное солнце — ее внучка. Выглядело это приблизительно так. Из дома на рынок одновременно вышли бабушка и внучка. Идут. Бабушка идет степенно, спокойно. Внучке не терпится, она не может идти так медленно, обгоняет бабушку. Вдруг видит доску объявлений: «Ох, ах, завтра во Дворце 26 бакинских комиссаров танцы, надо бы не забыть!» А бабушка не спеша, спокойно идет себе и идет, догоняет внучку, обгоняет. Внучка: «Ох, ах, бабушка ушла вперед, отстану, потеряюсь!» И побежала вперед, догнала бабушку, обогнала, остановилась у витрины магазина: «Какая пудра! А перламутровая губная помада — из-за рубежа!», купила тюбик губнушки, а бабушка идет себе и идет, догнала внучку, обогнала. Внучка увидела, побежала за бабушкой, до-

гнала ее у входа на рынок. В ворота рынка вошли вместе. Или такая картинка. В аудитории сидят курсанты, получившие на последнем практическом занятии двойки за решение астрономических задач, а это, как ни прискорбно, означает: «Прощай, любимая!», «Прощай, танцплощадка и уютная забега-ловка под открытым небом у кинотеатра „Низами“!» Не видать и Приморского бульвара, закрыта дорога в кинотеатр «Баку», в Театр оперы и балета им. Ахундова, в филармонию. По сложившейся традиции, чтобы смягчить удар по самым лучшим чувствам курсанта-двоечника, за сутки до дня увольнения кафедра мореходной астрономии собирает «двоечников». В аудиторию бодро, даже чуть игриво входит Толкачев: «Здравствуйте, колуны (варианты: „топоры“, „дубы“, „дубари“, „непроходимые тупицы“!)» В ответ «колуны» (и т. д., см. выше в скобках) молча встают с сознанием своей неполноценности перед мореходной астрономией и перед всеми светилами на звездном небе. Толкачев начинает разбор ошибок, допущенных двоечниками при решении задач. Короткие реплики: «Как вас, имярек, угораздило вместо Каспийского моря оказаться у берегов Бразилии! Грубая арифметическая ошибка! Видимо, складывали числа столбиком справа налево, а при решении астрономических задач, да будет вам известно, надо делать это слева направо во избежание грубых ошибок». В ответ автор грубой ошибки только пыхтит и согласно кивает головой.

Снова Толкачев: «Курсант, имярек!» Вскикивает очередной двоечник. «У вас в задаче записано склонение Солнца нордовое, почему, извольте объяснить!» Двоечник: «По условиям задачи дело происходило зимой». В ответ грохот — Толкачев со стулом падает на пол (фактически, не имитируя). Подбегает испуганный дежурный по группе двоечников. Толкачев (томно, голо-сом умирающего): «Дайте воды и не подпускайте ко мне на пушечный вы-стрел этого дубаря, у него в северном полушарии склонение Солнца зимой нордовое...» И т. д. и т. п.

Вы скажете, грубо? Возможно, но доходчиво и запоминается на всю жизнь. А если к этому добавить безукоризненное знание всей троицей своего предмета, то отдельные экстравагантные выходки некоторых из них можно простить. Морозов был воплощением интеллигентности, его юмор был более изысканным, строгим, но обойтись совсем без него не мог и он.

В часы самоподготовки занимались чем угодно. Предпочтение многие отдавали сну в условиях, близких к экстремальным: сидя за столом, с сомнительным комфортом лежа на полу где-нибудь за учебной якорной миной или приборной стойкой, расстелив на полу бушлат или шинель.

Если становилось совсем невозможно от воя за окном пронзительного зим-него бакинского норда с мелким дождем и секущим по стеклам окон мелким снегом, то всегда, как по заказу, раздавался призывной клич: «Желающие, пошли на кривую трубу!» Это означало поход на пивзавод, труба которого состоит из двух колен под углом 120—150°. Завод расположен недалеко, в 15—20 минутах бодрой ходьбы по отличному асфальтированному шоссе, ведущему в город. Выходишь из тепла светлого уютного учебного корпуса и тебя подхватывает неистовый ветер, сечет дождем со снегом, закручивает, пытается сбить с ног, продирает до костей, но идешь: впереди маячит как путеводная звезда всех моряков — α Ursae Minoris Polaris, гостеприимная дверь квартиры хромоногого сторожа пивзавода дяди Васи. У него —

полный сервис! Для любителя пива — свежайшее, прямо из заводских емкостей, пожалуйста! Появилось желание опрокинуть рюмку чего-нибудь покрепче — пожалуйста! На столе мгновенно появляются рюмки и графинчик с «Ленинградской водкой», противной до неприличия, с резким привкусом жженой резины. Хочешь чачи — пожалуйста! Появляется хорошая, чистая, как слеза невинного ребенка, чача. Жена дяди Васи быстро готовит незамысловатую закуску — аппетитно шкворчащую яичницу с вареной колбасой, ставит тарелку с чуреком. Одним словом, натуральный частный подпольный шинок, функционирующий практически круглосуточно как для случайно забредших сюда людей, так и для постоянного контингента. Если учесть обстановку тех лет, то надо отдать должное предприимчивости и мужеству дяди Васи с женой.

Одной из составных частей учебного процесса наряду с лекциями, самостоятельной подготовкой, практическими занятиями, зачетами, консультациями являлись экзамены, на основании которых дается оценка качества знаний учащегося. Экзамен тоже можно препарировать на составные части. Боже упаси упустить при этом такую важнейшую составную его часть, как шпаргалки и все, что с ними связано. Шпаргалки так же неотделимы от всех без исключения экзаменов во всех без исключения учебных заведениях, как неразделимы полюса у постоянного магнита. Проявление объективного закона диалектики единства и борьбы противоположностей? Возможно.

Возьму на себя ответственность опубликовать несколько способов обмана экзаменуемых экзаменующимися, применявшихся нами в те далекие времена в далеком городе Баку. Делаю это без особого риска для своего здоровья и жизни. Дело в том, что из участников этого действа иных уже нет, иные так далеко. Каспийского высшего военно-морского училища больше нет, его выпускники — мои ровесники разлетелись по Советскому Союзу, которого тоже нет. Баку есть, находится на том же Апшеронском полуострове, но это уже не тот Баку, который остался в юношеской памяти.

Девичья башня, оваянная красивой средневековой легендой, стоит на том же месте, где ее возвели талантливые древние строители 800 лет назад, но море еще больше отступило от нее, настойчиво переводя памятник древней архитектуры в разряд сугубо континентальных сооружений. На своем месте на колоннах из красного гранита стоит кинотеатр «Низами». Очень красивы в лучах яркого полуденного солнца легкое изящное здание музея Низами, Дома правительства. В глубокой задумчивости, касаясь подбородка пальцами правой руки, стоит на каменном пьедестале мудрый Физули. Все так, как было. Тогда, давно. Что же изменилось? Люди! А если точнее, то их образ мышления и жизни.

Я опять отвлекся. Отвлекли ностальгические воспоминания о прекрасном южном городе, городе далекой юности, имя которому — Баку.

Но вернемся к учебным делам, в частности к шпаргалкам, с честью выдержавшим на протяжении веков жесточайший террор со стороны экзаменуемой стороны.

В нашем училище на вооружении состоял не один десяток видов шпаргалок. Большинство их не отличаются оригинальностью и новизной. Их авторов можно легко обвинить в плагиате. Но есть несколько, отличающихся чистотой, которые без особых затруднений прошли бы самую строгую патентную экспертизу.

Один знакомый военно-морской Левша из стареньких кировских часов изготовил оригинальную механическую шпаргалку. Для этого изъездил из корпуса механизм, вмонтировал два параллельных валика, один из которых, приемный, вращается свободно, легко, а второй, подающий, — с небольшим усилием, с «натягом». На второй валик наматывается тонкая лента с нанесенной на нее полезной информацией. В середине циферблата сделана прорезь. Стоя у доски, обладатель механической шпаргалки, волнуясь, что вполне естественно в его положении, то и дело посматривает на часы, списывая необходимую информацию.

Или вот другой, простой до примитивности, но именно поэтому эффективный способ. Он требует, правда, некоторой тренировки и согласованности действий. Представьте себе аудиторию, стол с разложенными на нем билетами. За столом — экзекутор, простите, экзаменатор. В аудитории душно, нестерпимо жарко. Дежурный по группе, а это — один из авторов — Володя Киль получает разрешение открыть окна, открывает сначала дверь в коридор, а затем — определенное экспериментом окно.

Легкий сквознячок под носом у разморенного жарой экзаменатора слегка приподнимает лежащие на столе бумаги, в том числе и экзаменационные билеты. Заранее подсевший за пустой стол, заваленный таблицами и диаграммами, поблизости от стола экзаменатора, а это соавтор Володи Киль — Игорь Зибер внимательно смотрит на обратную сторону приподнявшихся от сквозняка билетов и запоминает несколько номеров билетов, в зависимости от качества искусственно созданного сквозняка. Естественно, не вызывая подозрений, этим способом можно воспользоваться 2—3 раза, не более, за время одного экзамена.

В заключение остановлюсь еще на одном способе. Выполнить организационно его несколько сложнее, но зато почти вся группа, за исключением «пристрелочников», идет к столу и берет билеты, которые до этого момента тщательно штудировала в течение 30—40 минут. Если в процессе подготовки к экзаменам создана прочная база знаний, то этого времени достаточно, чтобы освежить память, сконцентрировать внимание именно на том билете, который ему предстоит отвечать. Если знаний нет, то без фундамента эти минуты не спасут, только внесут сумятицу в вакуум, царящий в голове, если, разумеется, это возможно.

Мозговым центром, инициаторами и организаторами этой «операции» были курсанты Володя Киль (одна фамилия чего стоит!) и энергичный, хитрый, не сдавший ни одного экзамена без шпаргалки или подсказки и ни разу не сходявший в увольнение законным путем (принципиально — только методом самовольных отлучек!) одессит Игорь Зибер.

Когда предстоящий экзамен касался секретного предмета, В. Киль встречался со своей знакомой девушкой, работавшей в секретной библиотеке. Вечером, когда в учебном корпусе почти никого не оставалось, они, как тати, срезали лезвием безопасной бритвы мастичную печать и вскрывали чемодан преподавателя, в котором хранились билеты для предстоящего экзамена. Зная заранее, что все без исключения преподаватели не перемешивают билеты в пачке перед тем, как разложить их на экзаменационном столе, Володя добросовестно переписывал номера билетов в той очередности, как они лежат в чемодане. После этого конверт с билетами возвращался в чемодан,

устанавливалась мастичная печать, чемодан водворялся на стеллаж. Кстати, перечень вопросов, включенных в билеты, мы всегда знали на законных основаниях.

Перед началом экзамена преподаватель раскладывал на столе билеты, как игральные карты, в два-три ряда, в той очередности, в какой они хранились в чемодане. На последнем столе аудитории располагался «диспетчер» Саша Николаев, бывший старший сержант, пришедший в училище из армии. Перед ним лежала обычная фанерная доска с небольшими гвоздями, вбитыми в три-четыре ряда. Саша брал стопку бирок-номерков, складывал ее в той же очередности, что и билеты. После этого навешивал их на гвозди точно в таком порядке, как лежат билеты на столе. Остается только «пристреляться», установить «полярность», т. е. установить начало и конец стопки билетов после того, как их разложили на столе, и фанерная модель стола с билетами готова к работе. Для «пристрелки» из числа добровольцев, успевающих курсантов, создавался «первый бросок». Эти 4—5 «камикадзе» сдавали экзамен абсолютно честно, минуя «диспетчера». Их задача была взять один-два билета, положенных экзаменатором на стол первыми, и пару билетов, положенных в конце пасьянса. В соответствии с номерами билетов, доставшихся добровольцам, Саша ориентировал фанерную модель. После этого каждый очередник подходил к «диспетчеру», тот ему говорил: «Твой билет — номер такой-то, бери в таком-то ряду, такой-то слева (или справа)» и снимал со своей доски соответствующую бирку. У очередника было 30—40 минут, чтобы просмотреть, освежить в памяти все вопросы, включенные в «назначенный» ему билет, предусмотреть возможные дополнительные вопросы. Чтобы не вызвать подозрений, Саша назначал очередникам билеты вразброс, без какой-либо системы, благо его фанерная модель в любой момент точно соответствовала оригиналу на столе. Наиболее хитрые очередники отвечали по билету не все, что знали, не выкладывались полностью, а что-то оставляли на дополнительные вопросы, «приглашая» преподавателя попросить что-то дополнить, уточнить.

Система срабатывала прекрасно, не дала сбой ни разу, но у нее было уязвимое место — секретная библиотека. И стоило Володе слегка поссориться со своей «секретной» девушкой, как она (система, не девушка) полетела в тартарары. Кроме того, она требовала определенной организованности, дисциплины и, если хотите, профессионализма. Не обошлось и без курьезного случая.

К столу подходит очередник, желающий блеснуть знаниями, для чего он 30—40 минут добросовестно зубрил «свой» билет по наводке «диспетчера», протягивает слегка дрожащую руку (по привычке, воспитанной годами) не к ближайшему, а к назначенному ему диспетчером билету и, еще не подняв его со стола, громко произносит: «Билет № 12!» Преподаватель удивленно спрашивает: «Товарищ Ляуданский! Вы еще не взглянули на билет, а называете номер». Мы все замерли: «Рухнула система. Погорели из-за одного недотепы». Но Ляуданский, к нашему облегчению, быстро нашелся: «Текст на билете пробит машинисткой очень сильно, и номер видно на обратной стороне». Преподаватель удовлетворился ответом, мы облегченно вздохнули: «Пронесло».

У читателя может сложиться впечатление, что мы в училище занимались только учебой, шпаргалками, инжиром и скорпионами. Нет, конечно. Воз-

раст, горячая кровь брали свое. Увольнялись в город, знакомились с девушками, гуляли, отдыхали, танцевали, целовались. Как-то так получилось, что мы вчетвером, Валя Пуртов, Лев Опарин, Анатолий Гурылев и автор этих строк, сдружились, держались вместе. И с девушками мы познакомились с четырьмя подругами: Тамарой, Ниной, Зиной и Таней. В шутку мы объявили, что создан основной состав «футбольной» команды из числа вышеперечисленных лиц женского пола. Штаб-квартирой была определена квартира Тамары (пассия В. Пуртова), так как расположена она была на углу ул. Красноармейской и Приморского бульвара. Создали мы и дублирующий состав «футбольной» команды, куда вошли: мать Тамары, ее тетка (а может быть, старшая сестра), соседка по площадке — очень добрая и гостеприимная тетя Клава, ее родственница и квартирантка. Если мы увольнялись вчетвером и не заставляли на месте основную команду, то сидели, играли в карты, пили чай с дублерами в ожидании основных игроков. Место, повторяюсь, было очень удобным: рядом Приморский бульвар, недалеко кинотеатр «Низами», рядом с ним кинотеатр «Баку», близко Театр оперы и балета им. Ахундова и только парк им. Советской Армии с танцплощадкой и филармония были далеко, ближе к дому, где жила «моя» Татьяна. Таня («Татьяна, помнишь дни золотые? Кусты сирени и луну в тиши аллеи?..») была «моей» девушкой, и я всегда считал, что мне очень повезло. Нравилась она мне очень. Красивые темные глаза, правильные черты лица, спокойная, выдержанная, очень женственная и милая. Худенькая, с тихим задушевым голосом. В ней уживались беззащитность и скромность. Отец Тани, Татьяны Григорьевны Томразовой, был по национальности азербайджанцем, мать — армянкой. Таня прекрасно владела русским, азербайджанским и армянским языками, неплохо знала грузинский.

Ее знание азербайджанского и армянского иногда очень помогало. Не один раз мы выходили с ее помощью из неприятных ситуаций в парке им. Советской Армии. Кстати говоря, это место было «горячим», где конфликтовали, случалось и дрались из-за молоденьких представительниц прекрасного пола курсанты нашего Высшего военно-морского училища и курсанты Бакинского высшего мореходного училища. У нас, правда, было преимущество: при увольнении в город мы в обязательном порядке, в соответствии с формой одежды, слева на ремень вешали палаши («селедками» их называли мы, саблями называли мальчишки). Несколько раз Таня предупреждала меня, чтобы я возвращался, проводив ее, другой дорогой, не той, по которой мы шли к ее дому и на которой всегда стояла группа местных парней. Я всегда считался с ее благоразумными советами, и все обходилось хорошо. Один раз я очень боялся опоздать в училище и пошел той же дорогой назад, к Приморскому бульвару. Встретил, естественно, ребят, о которых меня предупреждала Таня. Их было трое. Встали на пути. Традиционный вопрос: «Закурить есть?» Вопросы прекратились сразу же, как только я вытянул из ножен палаш. Разошлись не друзьями, но мирно. В этот раз. В другой раз, 2 мая 1950 года, мы, как обычно, встретились в «штаб-квартире», пошли своей командой из восьми человек гулять по Приморскому бульвару. Я отстал, остановился у киоска купить папирос. Когда отошел, ко мне придрался какой-то второкурсник-мореходец. Я был в штатском, без палаша, конечно. Слово за слово, собралась целая группа мореходцев: высшее мореходное

училище находится на Приморском бульваре, рядом. Короче говоря, разделили они меня как бог черепаху. Плохо, что порезали ножом (две резаные раны на голове и справа около рта проткнули щеку). Весь в крови я добрался до «штаб-квартиры». Тетя Клава попросила своего квартиранта Джафара, студента Бакинского медицинского института, привести меня в надлежащий вид, тот взялся, но ему стало плохо от запаха и вида крови (будущий врач!). Тетя Клава сама обработала раны, смыла с меня кровь, забинтовала. Тут как раз возвратилась вся наша компания, они не нашли меня на Приморском бульваре и вернулись домой. Решили срочно возвращаться в училище. Помогли мне надеть форму, прицепили палаш. По дороге к ул. Телефонной, откуда мы обычно уезжали за Зых, в училище, мне стало плохо. Ребята остановили проезжавшую «скорую», которая доставила меня в военно-морской госпиталь. Вызвали дежурного хирурга, положили меня на стол. Лежа на столе и не ощущая боли, нащупал языком края сквозного отверстия в щеке и предложил хирургу показать фокус (как молодой Меншиков молодому Петру I): протасу нитку через щеку? Хирург прикрикнул на меня: «Сейчас ты герой, а вот завтра, когда пройдет возбуждение и действие обезболивающего укола и все будет болеть, тогда покажешь!» Зашил он мне порезы и дырку в щеке, забинтовал так, что я потом еле засовывал папиросу в левый уголок рта, а уж о еде и разговора вначале не было. К счастью, все три удара ножом были очень удачными для меня: череп не поврежден, одна маленькая царапинка; даже десна справа снизу была повреждена легко. Провалился в госпитале 7—8 дней, вскоре начались экзамены и меня перевели в медсанчасть училища. Так закончилась неприятная история.

Проводилось расследование этого случая военной прокуратурой и особым отделом. Пытался я потом самостоятельно найти кого-нибудь из этих «джентльменов», двоих запомнил в лицо. Безрезультатно! А может быть, это и к лучшему. Если бы я нашел кого-то из них, то мы с друзьями привели его в более живописный вид, чем они меня. А это тяжелая статья Уголовного кодекса. В лучшем случае — прощай моря и океаны, в худшем — штрафбат или небо в крупную клетку.

Я до сих пор не могу простить этого случая мореходцам. Ну, ладно, группой, «кодлой» избили одного. Это еще куда ни шло. Но при многократном перевесе в живой силе пустить в ход нож! — не по-джентльменски.

Prima — Secundo — Tertia!

Совсем иначе вели себя два наших однокурсника. Один из них Юра Бабминдра. Отличный парень, хороший спортсмен (занимался ватерполо), веселый, добродушный, позже судьба свела нас в совместной службе на крейсере «Чапаев», а потом на Высших офицерских классах. Так вот Юра не мог никак поделить со своим приятелем одну девушку. У нее, видимо, не спрашивали, какой точки зрения придерживается она. Не согласовав с объектом раздора, они решили, что без честного поединка не обойтись. Сказано — сделано! В один и тот же день оба оформились в увольнение. Приз поединка — победитель едет в город к предмету раздора, а проигравший... Пусть проигравший плачет, кляня свою судьбу! Вышли с территории училища, выбрали

подходящее место для ристалища, секундентов не приглашали. Сняли палаша, сложили в траву в стороне, от греха подальше. По старой русской традиции стенка в количестве одного человека столкнулась со второй стенкой, которая тоже была представлена одним человеком. И начался классический русский взаимный мордобой. Приемами цивилизованного мордобития, именного боксом, не пользовались, так как были с ними незнакомы. Видимо, кулаки Юры были тяжелее, удары точнее, так как отделал он соперника, как говорится, от души, на совесть. Тот мешком свалился на траву. Рефери не было, никто не поднял правую руку победителя. Наоборот, Юра поднял своего теперь уже бывшего соперника, взвалил на плечи, прихватил оба палаша, принес «ношу» в медсанчасть училища, положил на диван в приемном покое и пояснил дежурной медсестре, что подобрал данного товарища на дороге у верхнего КПП, где проходило шоссе Баку — Сураханы, видимо, мол, вывалился из кузова автомашины. В город к девушке в качестве победителя честного поединка Юра не поехал. Настоящий джентльмен, порядочный человек, в чем я впоследствии имел возможность убедиться не раз.

Но я опять отвлекся. По какой-то причине мы с Таней незадолго до моего выпуска из училища поссорились. Разошлись, как оказалось, навсегда.

В мае 1955 года совершенно случайно в Североморске встретил Нину, члена нашей основной футбольной команды, девушку Льва Опарина. Она уехала из Баку в 1951 году и ничего нового мне не могла сказать. Поговорить не удалось, она спешила в Мурманск, а оттуда — вместе с мужем к новому его месту службы, в нашем с ней распоряжении было всего 5—10 минут. Так что узнать что-либо о Тане мне не удалось.

Ты смеешься весело на фото,
И сверкают лукавые глаза.
Мне сегодня не до смеха что-то,
Много нужно мне тебе сказать.
Много нужно?.. Нет, пожалуй, мало,
Очень сильно я тебя любил,
Ты ушла, ни слова не сказала,
Нет, не жди, чтоб я «Вернись!» молил.
Не молю, ведь разные дороги
Нам с тобой по миру суждены:
Ты — студентка, я — один из многих
Моряков, защитников страны.
Может быть, в один из дней весенних
Нам за вас придется умирать,
Чтобы вы, Татьяны, Зои, Люси,
Там могли спокойно танцевать.
Да, за ваше маленькое счастье
Мы пойдем в кромешный ад войны
Через бури, штормы и ненастья
Мы, простые Родины сыны.
Мы пойдем в разгул просторов вольных
По ревущим взбешенным волнам...
Но к чему об этом? Нет, не надо,
Не понять друг друга нам!
Не понять, ну что ж, попутный ветер!

Пожелаю лучшего найти,
Многих ты еще в жизни встретишь,
Многих ты еще собьешь с пути.
Мы разошлись, как в море пароходы,
И разошлись, как оказалось, навсегда,
Но меня — пускай промчатся годы! —
Знаю, не забудешь никогда.
Никогда! Да, я уверен в этом.
Песнь услышишь — вспомнишь про меня,
Пьяницу, гуляку и поэта.
И вздохнешь, о светлых вспомнив днях.
И на море глянув мимоходом,
На бурливый, пенистый прибой,
Вспомнишь, что вот где-то я в походе,
На родной стихии голубой.

Наивные, слабые стихи? Безусловно. Но это не профессиональные стихи, а самодеятельные, эмоций хоть отбавляй, мастерства даже кот не наплакал. В юности все писали стихи. Чаще всего — слабые, но от души. Только для внутреннего потребления. В училище шутили: «У нас 30 % пишут стихи, 30 % занимаются спортом, 30 % настойчиво, непрерывно штурмуют недоступные женские сердца, а остальные готовятся служить на кораблях Российского флота».

А занятия завершались экзаменами, им на смену приходили занятия. Порядки, как в любом военном училище, были строгими. Четкий распорядок. Днем сидишь в кабинете зенитной артиллерийской стрельбы, слушаешь: «Плюш, плюш... минуш, минуш» (т. е. «плюс, плюс... минус, минус»), это картавит Яксон. Спокойный, молчаливый, ко всему и ко всем, в том числе и к нам, безразличный, равнодушный, по нашим меркам — дремучий старик. Яксону, по нашим данным, было 50 лет. Это очень много. Сейчас я бы этого не сказал так уж безапелляционно. Яксон тоже так не думал. Поэтому, видимо, он развелся с женой, женился вторично. Его молодой жене 29 лет, а дочери от первого брака (а может быть, и не первого, а одного из браков) 28 лет. Сейчас его мысли далеко. И от пульта перед ним и от нас, «корректирующих» огонь зенитных орудий, и от большого экрана, на котором «летит» самолет «противника» и со скорострельностью «орудий» вспыхивают разрывы снарядов с дистанционными взрывателями. «Плюш, плюш... минуш, минуш».

Встречи, забавы будущих флотоводцев

Однажды во время самоподготовки встретился я с живой легендой. Сiju в кабинете тактики ВМФ, добросовестно штудирую с помощью секретного «Морского сборника» атаки немецких кораблей отрядом торпедных катеров под командованием капитана 3 ранга Шабалина А. О., дважды Героя Советского Союза. Пытаюсь разобраться с углами, дистанциями, упреждениями, курсами, скоростями. Слышу слева близкое дыхание. Насмешливый веселый голос: «Неужели так все красиво было? Вот ведь как все нарисовали, разложили по полочкам, углы не 20—30°, а 22,5°, дистанция не 20—30 кабельто-

вых, а 21 кабелей». Оборачиваюсь, недовольный: в кабинете все сидят тихо как мышки, а тут громкий голос. Рядом стоит живой Шабалин, негромко смеется, глаза блестят. Положил руку на мое плечо: «Садись, курсант. Все было проще и... надежнее. Я не дотягивался до катерного визира и приказал боцману установить подставку для ног — металлическую банку из-под американского маргарина (Шабалин, действительно, невысокого роста, светлый и на вид совершенно не герой и даже не военный). Катерный прицел приказал убрать, а на баке веером забить гвозди, которые при совмещении с центральным гвоздем у глаза образовывали веер направлений с шагом примерно 10°. При атаке отдавал приказание боцману: „Держать по такому-то гвоздю слева (справа)!“ При выходе в точку сбрасывали торпеды, ставили дымзавесу и уходили. Почти все параметры атаки (углы, дистанции) определяли на выпуклый морской глаз, полагаясь на опыт, глазомер». Посмеялся дважды Герой, пошутил: «Ну, ладно, курсант, изучай, как я атаковал, потом расскажешь мне, а то вдруг на зачете спросят, а я до сих пор не знаю» — и отошел.

Таких интересных встреч со вторым дважды Героем Леоновым В. Н. не было, так как человек он молчаливый, неразговорчивый (мы его прозвали Мрачный Курт), смотрит из-под нависших бровей молча, в упор, не мигая. На просьбу рассказать о своих вылазках неизменно отвечал: «А что рассказывать? Все было как обычно». Исключение составлял эпизод, когда его отряд разведчиков высаживал в Варангер-фьорде Шабалин со своих катеров. Но и в этом случае он ограничивался несколькими фразами, произнесенными бесстрастным монотонным голосом без намека на эмоции.

В училище можно было встретить еще одного легендарного человека. Каждое утро на территории училища неизменно появлялась странная пара: старичок в узких брюках, в морской форме с погонами контр-адмирала со старушкой-женой. Если навстречу шел курсантский строй, то следовала команда: «Смирно, равнение направо (налево)!» и строй проходил, четко печатая шаг, мимо контр-адмирала. Если адмирал здоровался, то строй так же четко, по-уставному, отвечал: «Здравия желаем, товарищ адмирал» с морским шиком — каждое слово выкрикивалось не одновременно с каждым шагом, а вразряжку, оттягивая, через шаг.

Этот старичок с женой каждое утро шел на свой небольшой огородик покопаться в земле. Фамилия его была Дмитриев. Во время Русско-японской войны он в звании мичмана служил младшим штурманом на канонерской лодке «Кореец» и был участником боя крейсера «Варяг» с японскими кораблями, был свидетелем последующей трагедии «Варяга» и «Корейца» («...сами взорвали „Корейца“, нами потоплен „Варяг“...»).

В 1948 году торжественно отмечался юбилей — пятидесятилетие службы контр-адмирала Дмитриева на офицерских должностях. Юбилей прошел торжественно, было зачитано и вручено очень много приветственных телеграмм, памятных адресов. Дмитриев очень интересно, взволнованный таким вниманием, выступил перед собравшимися. Он вообще, если удавалось где-то с ним встретиться, очень любил рассказывать о тех давних временах, о царском флоте, о Русско-японской войне, об офицерах «Корейца» и «Варяга».

Офицеры училища рассказывали: в один из юбилеев в училище приехал Адмирал Флота СССР Николай Герасимович Кузнецов, самый популярный

на флоте Главком ВМФ. На торжественном построении он подошел к Дмитриеву, обнял, расцеловал его и сказал: «Выйдите из строя. Вам надо бы быть на моем месте, а я встану в общий строй».

...Самое нудное, тягучее, как липкая лента, время в училище было с утра в понедельник:

Понедельник — день тяжелый,
Словно град «колы» летят.
Вспоминаем воскресенье,
Фильмы, танцы и девчат.

Особенно тоскливо было в свободные часы зимой, когда погода была промозглой, холодной, когда на улице хозяином был бакинский норд с секущим лицо снегом.

Курсантская фантазия позволяла в какой-то степени скрасить это гнусное время. Надоедало писать письма, слушать грампластинки и приемник в ленкомнате, играть в шахматы и шашки, в нарды, домино. От вынужденного безделья возникали споры, пари, за их результатами мы с удовольствием наблюдали.

Представьте себе такую картину. Плавательный бассейн под открытым небом, пятиметровая вышка для прыжков. Вода в бассейне подернута тонким ледком, присыпана снегом. На ветках южных сосен, магнолий, олеандров лежит тяжелый влажный снег. Воздух насквозь пропитан влагой. Промозглый ветер. Брр... холодно. По лесенке на верхнюю площадку вышки поднимается странная фигура, одетая в шинель со слюнявчиком, шапку (бескозырку), слева на ремне болтается блестящая черная «селедка» (палаш в черных ножнах), справа через плечо висит противогаз. Фигура подходит к краю площадки, взмахивает руками в черных перчатках и элегантно прыгает в воду. Шум от падения, разлетевшаяся по сторонам вода от плюхнувшегося в нее чудака. Отфыркиваясь, «спортсмен» вылезает из воды, оставляя за собой ручьи воды, бежит в ротное помещение, в душевую, быстро переодевается. Затем идет к своей кровати или в ленкомнату, а там уже разложены конфеты, печенье, чай или лимонад. Это приз за выигранное пари. Спорщики заранее обговаривают все условия, до мелочей. Всем, конечно, за исключением прыгавшего с вышки, смешно. Под общий хохот зрители вспоминают отдельные детали, особенно вход в воду как показатель качества прыжка.

Вместо прыжка может быть километровая (2-километровая) пробежка по дорожкам вокруг плаца. Зрители жмутся к кустам, стросениям, где ветер немного тише. Заклучивший пари («пробегу вокруг плаца...») в трусах, в ГД (это яловые рабочие ботинки, называемые ГД — «говнодавы») на босу ногу, в тельняшке, с неизменным палашом на ремне и в противогазе через плечо под хохот и улюлюканье зрителей добросовестно бежит обговоренную дистанцию вокруг плаца в предвкушении ожидающих его чая, конфет и т. д.

Во втором случае приз за выигранное пари поменьше. Однажды такого «бегуна», когда он «накручивал» очередные метры около административного корпуса, остановил вышедший на крики и улюлюканье начальник училища контр-адмирал Голубев-Монаткин (за глаза называли его прощ: Шмуткин-Монаткин). Он добродушно спросил у бегуна поневоле: «Сколько тебе лет?» — «Девятнадцать» — «А я-то думал, лет пятнадцать. Ну беги, беги

далее, а то замерзнешь, простудишься». И не лишенный юмора начальник, ежась от холода, побрел к себе в кабинет, вспоминая собственную молодость, а бегун продолжал бег, честно отрабатывая приз. Конечно, никаких последствий не было.

С учебной проблем у меня не возникало. Учился вполне прилично. После окончания второго курса вместе с однокурсником Чувашиным был представлен к Сталинской стипендии, получать которую мы начали с нового учебного года. Так что времени, свободного от занятий, было у меня достаточно. В связи с этим у меня возникла мысль: а не стоит ли его использовать для самообразования? Баку — город большой, в нем было несколько театров, филармония. В училище неплохая библиотека. А где окажусь после выпуска из училища? Не исключено, что это будет Североморск, Иоканьга, Балтийск, Петропавловск-на-Камчатке, Св. Ольга, Сов. Гавань и т. д. Я решил, что глупо не воспользоваться возможностями такого культурного центра, как Баку.

В училище, как уже говорилось, была прекрасная библиотека. Я запланировал для себя прочитать «всего», т. е. все, что есть в библиотеке, Лермонтова. Был поражен, когда мне начали давать академические издания. Например, несколько (4 или 5) вариантов драмы Лермонтова «Маскарад». Раз запланировал — надо все прочитать, что я и делал. Прочитал все, что нашлось в библиотеке, из литературного наследия Шиллера. Затем прочитал «всего» Надсона. Значительно позже был на его могиле в Ялте. Посидел, почитал его стихи из карманного сборника.

Сложнее оказалось с Ф. М. Достоевским, который также был занесен в мой личный план. Сначала работница библиотеки добросовестно пыталась отговорить меня и «заменить» Достоевского другой, не менее достойной кандидатурой. Оказалось, с полок библиотеки труды Достоевского было приказано убрать. Книги его выдавать не запрещено, но не рекомендуется. Из беседы с заведующей библиотекой выяснилось: причина в том, что произведения Достоевского были весьма любимы Гитлером. Я уже знал до этого: Гитлер любил слушать певицу Розиту Серрано, о которой я упоминал выше, музыку композитора Р. Вагнера. По этой причине у нас в СССР были изъяты из обращения и так немногие и очень редкие грампластинки с записью песен в исполнении этой прекрасной эстрадной певицы. Немецкий композитор Р. Вагнер, а точнее, его музыкальные произведения по той же идиотской причине были объявлены фактически вне закона. Только в конце пятидесятых — начале шестидесятых прославленному ленинградскому дирижеру Евгению Мравинскому с его непререкаемым авторитетом в музыкальном мире и прекрасным симфоническим оркестром удалось прорвать заговор зловещего молчания вокруг музыкальных произведений Вагнера.

После всего, что я узнал и услышал, у меня возник забавный вопрос: а что бы у нас в стране сделали, если бы случайно узнали, что Гитлер был вегетарианцем и очень любил вареную морковь и свеклу? Запретили бы вареные овощи, в особенности морковь, свеклу, и винегрет в целом?

Достоевского мне выдавали, пока я не прочитал все, что было в библиотеке, в том числе и в абонементном отделе, в запаснике. Затем прочитал Куприна, Р. Роллана, Маяковского.

Примерно в это же время я стал регулярно ходить в Бакинский театр оперы и балета им. Ахундова. Репертуар в театре был смешанный — русская

и азербайджанская классика. Начал я с самой популярной, на мой взгляд, русской оперы «Пиковая дама». Убежден, что начинающему оперному слушателю, дабы не отбить вкус к опере, надо начинать с наиболее популярных опер, таких как «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Тоска», «Аида», «Фауст», «Кармен», «Травиата». Мы так иногда и делали, когда приобщали к театру им. Ахундова кого-нибудь из приятелей. Сложнее оказалось с азербайджанским репертуаром. Певцы пели, естественно, на своем родном языке, программки тоже на азербайджанском. Выход был найден очень оригинальный. Если рядом не было «домашнего переводчика», владеющего азербайджанским языком, то проводилась такая незамысловатая операция. В день спектакля подходишь к кассе и стоишь невдалеке с безразличным видом. Вот подошла к кассе и купила билет (один!) симпатичная девушка-азербайджанка. Сразу же за ней подходишь к кассе и покупаешь место рядом с только что отошедшей девушкой. В зрительном зале заводишь разговор с соседкой и прямо ей говоришь, что совершенно не знаешь языка. Она, как правило, без лишних слов соглашается выполнять обязанности переводчика. Я заметил, что этим девушкам даже нравится, что к ним обращаются за такой помощью. Для начала она переведет или перескажет своими словами содержание программки. Артистов на сцене дословно она перевести не успевала. Да и нельзя мешать слушать соседям. Поэтому переводит на свой вкус, не дословно, основное. В первый же антракт приглашаешь соседку в буфет, она отказывается, бежишь один, покупаешь шоколадку или конфет, угощаешь «переводчицу». Не было ни одного случая в моей практике, чтобы девушка-азербайджанка отказалась переводить. Схема ни разу не дала сбой. Конечно, помогла и военно-морская форма: в Баку моряков любили.

За время учебы в училище мне удалось просмотреть и послушать весь репертуар Бакинского театра оперы и балета. На некоторых спектаклях был несколько раз. Помимо «Кармен», «Пиковой дамы» из русского репертуара, несколько раз я посмотрел и послушал «Кер-оглы», «Шах Исмаил», «Лейли и Меджнун» из азербайджанского. А балет «Кыз Галасы» («Девичья башня») посмотрел раз 5—6, балет прекрасный! Красивая восточная музыка, изящные, пластичные восточные танцы, красивые декорации, одежда артистов. Чего только стоит картина, названная автором «Грезы хана»! Ее можно смотреть и слушать десятки раз как самостоятельное хореографическое произведение. Удивительно, но факт: «Кыз Галасы» шла только в Баку, в единственном театре СССР.

Видимо, специалисты в отношении этого балета придерживаются точки зрения отличной от моей, дилетантской.

Из русской части труппы театра запомнились супруги Росляковы: он — тенор, она — меццо-сопрано. Отличные голоса, но впечатление от них несколько портилось из-за фигур, преждевременно располневших. Это именно тот случай, когда, как утверждают остряки, их лучше слушать с закрытыми глазами.

Кроме оперного театра периодически ходили в филармонию. Добираться до нее дальше, надо подниматься к памятнику С. М. Кирову. Это случалось, как правило, когда гастролировали звезды тех лет.

Удалось побывать на концертах Р. Бейбутова, К. Шульженко, И. Юрьевой. Хочется поворчать по-стариковски. Это — эстрадные артисты, имеющие

голос, а Зоя Рождественская говорила, что «хороший голос — не помеха для эстрадного певца». У них было чувство меры во всем, чего не скажешь о некоторых современных певчих. Смазливая мордашка, красивые ножки, с трудом мурлычат с помощью современной аппаратуры. А у певцов тех времен не было аппаратуры, микрофон им был не нужен. Зато как пели! Завораживала Шульженко песней «Руки». В красивую мелодию органично вписывались ее не менее красивые руки. Не пропустили ни одного концерта суперзвезды того времени, обласканного (заслуженно!) Сталиным Рашида Бейбутова. Этот азербайджанский певец приезжал в свой родной Баку от случая к случаю в качестве не более чем гастролера, правда, в хорошем смысле этого слова. Помогал нам попасть «на Бейбутова» наш сокурсник Рафик Кулиев. Его брат Тофик Кулиев — ныне известный в Азербайджане композитор — был тогда всем известным аккомпаниатором Р. Бейбутова.

Так мы приобщались к музыкальной культуре через очаги культуры Баку, столицы солнечного Азербайджана. Потом, позже будут Ленинградский театр оперы и балета им. Кирова (бывший Мариинский и позже — снова Мариинский театр), Малый оперный театр, Большой и Малый залы Ленинградской филармонии, будет знаменитый Ленинградский симфонический оркестр с не менее знаменитым дирижером, высоким, подтянутым, элегантным внешне и в исполнительском творчестве Евгением Мравинским. Будет Большой театр в Москве и его филиал, где однажды повезло в «Риголетто» увидеть и услышать таких звезд, как С. Лемешев (Герцог), Ал. Иванов (Риголетто), Звезда (Джильда).

Все это будет потом, через много лет. А пока Театр оперы и балета им. Ахундова, бакинская филармония. Но зато где еще можно было бы посмотреть и послушать «Кыз Галасы», «Кер-оглы» Гаджибекова? Да еще в обществе добровольной переводчицы — незнакомой красивой азербайджанки? Только здесь, в Баку. Где еще можно видеть на декорациях Бакинскую бухту с Девичьей башней на берегу, острова Вульф и Наргин, а выйдя в антракте в фойе и взглянув в окно, увидеть в лунном сиянии, в натуре, те же воды залива, те же острова Вульф и Наргин? Только в Баку, в Театре оперы и балета им. Ахундова, на балете «Кыз Галасы». Да и сама Девичья башня угадывается совсем рядом, в 10 минутах ходьбы от театра.

Одной из составных частей учебного процесса в училище было изучение уставов Вооруженных сил. Чаще это делалось в дополнительное время за счет самоподготовки. Изучение Устава гарнизонной и караульной службы подкреплялось практическим несением караульной службы. В училище был создан караул для охраны наиболее важных объектов. Некоторые из постов были созданы без какой-либо необходимости в них, т. е. посты ради постов, где курсанты практически осваивали отдельные статьи УГ и КС ВС СССР. Например, не было необходимости в посту у двери в секретную библиотеку. Находится она в учебном корпусе, который охраняется, оборудована хорошей современной сигнализацией. То же можно сказать и о водохранилище. Надежное бетонное сооружение, крепкие двери, тяжелые оригинальные замки. Для чего ставился у входа еще и «человек с ружьем»? Тем более, что там хранился запас не той воды, о которой пел Р. Бейбутов: «Пейте прохладную, с гор водопадную, вот вам, красавицы, шелларская вода, горная вода!»,

а обычная, с запахом хлора. Караульная служба превращалась в самоцель, в какую-то игру.

Наиболее характерен в этой надуманности пост № 3 у водохранилища. Попасть на этот пост стремились все, назначенные в караул. Подготовку к выполнению таких важных и ответственных обязанностей будущие часовые поста № 3 начинали за пару часов до заступления в караул. Во-первых, надо было приобрести фрукты и сигареты или папиросы. На местном мини-рынке продавались местные папиросы «Вышка», именуемые курильщиками «гвоздики», и «Неркиз» и «Линкор» (оригинальные папиросы в коробке с изображением грозного корабля; выпускались только в Баку), американские сигареты «Верблюд» и «Самолет» — остатки от прежних военных лет, когда американцами и СССР через Иран и Баку был организован «мост», по которому из США в СССР шла боевая техника, продовольствие в порядке выполнения союзнических обязательств.

Во-вторых, приобретенные припасы надо было аккуратно уложить в сумку с противогазом. Этот безнадежно устаревший и абсолютно бесполезный «раритет», изобретенный академиком Зелинским в начале века, был неотъемлемой составной частью снаряжения часового.

Кроме того, надо было не забыть и прихватить с собой плавки, что-нибудь из художественной литературы.

Заступив на пост № 3 в жаркий солнечный день, часовой, не мешкая, раздевался до плавок, бросал на бетонную крышу заглубленного в землю водохранилища какую-нибудь подстилку, а в изголовье книгу, папиросы (сигареты), спички. Далее внимательно осматривал окрестности и ложился загорать, читать, т. е. отдыхать.

Чтобы добраться до поста № 3, надо было подниматься вверх по склону небольшого холма по абсолютно открытому месту, преодолеть 1,5—2 километра. Вся эта местность с водохранилища прекрасно просматривалась и поэтому вероятность погореть (не от солнца!), т. е. быть пойманным проверяющим, разводящим на месте «преступления» была близка к «нулю» и ею можно было со спокойной совестью пренебречь. С появлением в зоне обзора нежелательного лица времени для приведения поста и часового в уставной вид было вполне достаточно. Позагораешь, считаешь, подремлешь, погрызешь принесенные с собой фрукты, несколько раз покуришь, и время смены незаметно прошло. Возвращаешься в караульное помещение нехотя, лениво поешь и ложишься отдыхать уже на законных основаниях в качестве подменного. Через 8 часов, спотыкаясь, бредешь на свой курортный пост отдыхать, теперь уж незаконно. Ночью стоять, конечно, и неприятно и тоскливо. Внизу шумит (ласково, тревожно или злобно) море, вокруг ни души, темень хоть глаза выколи, ни звука, только иногда недалеке повоет, полат блуждающий в темноте, как одинокая гармонь, приبلудный шакал. Настроение такое, что самому впору повить и полаять. Что я однажды и сделал, подняв несусветный шум и переполох внизу, в караульном помещении и у дежурного по училищу.

Было это где-то в середине декабря 1947 года. Поздно вечером заступил часовым на свой любимый пост № 3 с задачей охранять водохранилище от кого-то, а от кого — не догадывался тогда, не знаю и теперь. Погода, как в бессмертных трагедиях Шекспира, располагала к чрезвычайным происшеств-

виям и преступлениям. Сильный шквальный ветер гнал тучи, изредка хлестал дождь, довольно регулярно внизу над морем сверкали молнии, сопровождаемая глухими раскатами грома, при вспышке молний на мгновение возникали силуэты корпусов училища, белая пена прибоя у кромки берега. Море недовольно, зло шумит на берег, который ограничивает бег штормовых волн. Кстати, в сравнении с прочими морями и океанами Каспийское море вроде бы и не море совсем, а так, озеро, большущая соленая лужа. Но озеро очень беспокойное, шумное и, как я позже убедился, вполне штормовое и весьма дискомфортное для тех, кто по какой-то причине оказался на каком-нибудь плавсредстве вдали от его берегов.

Ну да ладно, как говорится, бог с ним, с овечьим славой адмиралом Нельсоном и его блестящей победой над французами у мыса Трафальгар. Вернемся в Баку на Зых. В небесах продолжали сверкать молнии и греметь раскаты грома, а внизу расшумелся не на шутку седой Каспий. Где-то между ними, между верхом и низом, у правого бетонного крыла водохранилища скромно приютился почти промокший часовой и бдительно, как зеницу ока, охранял доверенный ему очень важный объект от коварных происков предстателей вероятного противника. От «объекта» к дорожке, спускающейся вниз, к училищу, вела узкая, песчаная, более светлая на фоне окружающей среды тропинка. Вдруг слева направо тропинку пересекло темное пятно, какая-то тень. Спросонек померещилось? Возможно. В такой обстановке любая чертовщина может померещиться. Но нет. Вот теперь справа налево пятно пересекло светлую полосу тропинки. Вспомнил Устав гарнизонной и караульной службы и окликнул: «Стойте! Кто идет?» В ответ молчание. Повторил окрик. Опять — гробовое молчание. Вскинул подруку боевую, изобретенную Мосиным, образца 1891/30 года и загнал патрон в патронник. От лязга затвора стало как-то спокойнее. Вот пятно-тень опять появилось на тропинке. В том же, что и раньше, месте, т. е. в 100—150 м от меня. Окликнул: «Стойте! Стрелять буду!» Ни ответа ни привета. Нервы от неизвестности натянуты до предела. Недолго думая, вскинул винтовку и, не целясь, так как темно, навскидку выстрелил два раза в направлении пятна. Сам сразу же, инстинктивно, отошел назад, вплотную к бетонному крылу-откосу. Грохот выстрелов оглушил и окончательно ослепил на какое-то время.

Внизу, как стало известно позже, поднялся переполох. Дежурный по училищу, услышав выстрелы, сразу сориентировался, где стреляют, и приказал начальнику караула отправить к водохранилищу разводящего с двумя подменными часовыми. Разводящий с подменными очень быстро прибыл на место, но к посту подходить не стал, ибо, как позже сказал, опасался, что я спросонек открою пальбу по нему. Укрывшись за развалинами какого-то культового сооружения, находящегося поблизости, окликнул меня по имени, а не по уставу. Мы перебросились несколькими словами, и он подошел к водохранилищу. Я доложил обстановку, вместе мы прошли по тропинке 80—100 метров и ничего не обнаружили. Решили, что мне померещилось, что у страха глаза велики и т. д. Для усиления «обороны» охраняемого объекта со мной до окончания смены остался один из прибывших подменных часовых, а разводящий со вторым подменным ушел назад, в караульное помещение.

Рано утром, как только немного рассвело, мы вдвоем с дополнительным часовым прошли по песчаной тропинке и в 10—20 метрах в стороне от нее

в старой высохшей траве обнаружили небольшого убитого шакала. Это полная реабилитация! Я ведь представлял, какие разговоры идут в карауле, в дежурной комнате: «Спросонок со страха открыл пальбу и т. д.». Тем более такие случаи, как рассказывали старшекурсники, уже были. Через несколько дней мне объявили благодарность за этого несчастного, приبلудного, случайно подвернувшегося под выстрел ни в чем не провинившегося шакала. Героем я себя не чувствовал, не имел морального права на это. Но и лягнуть меня ни у кого из окружающих оснований не было.

Если хочешь быть здоров...

Спорт, физкультура в училище были почетными гостями, точнее, не гостями даже, а полноправными хозяевами наравне с другими. Спортсом занимаются в той или иной степени практически все. Результаты самые различные — мастера спорта, разрядники. Но один результат у всех — здоровье и настроение. Правда, такое отношение к спорту не мешает штатным «сачкам» прятаться по кустам и закоулкам во время утренней физзарядки. В плохую погоду они там мерзнут, их оттуда вылавливает дежурная служба всех уровней, наказывают, а они все равно убегают и прячутся. Неприятностей достаточно, а на другой чаше весов ничего нет. Это уже устойчивое хобби, желание сачкануть от чего угодно не ради результата, а процесса ради.

Основные спортивные традиции были заложены в первую очередь волей начальников училища. Так, например, Сухиашвили, известный среди военных в качестве командира бригады морской пехоты, во время войны успешно воевавший с немцами под Москвой, физкультуре и спорту уделял огромное внимание. «Сухи», как мягко за глаза его называли, ввел строгую ответственность за уклонение от утренней физзарядки и заставлял всех по утрам после физзарядки принимать холодный душ, независимо от сезона и погоды на улице. При этом младшие командиры были обязаны не только контролировать и наблюдать, но, главное, воспитывать личным примером. В первое время после нововведения кривая простудных заболеваний резко поползла вверх, но затем стабилизировалась, упала вниз, вздрагивая, поползла недалеко от оси абсцисс.

В сентябре 1946 года после сдачи вступительных экзаменов и принятия присяги все новообращенные сдавали еще один вступительный, внеплановый, экзамен. Необходимо было проплыть 3 мили (1852 метра $\times$ 3 = 5556 метров). Любым стилем или без оного. Главное — не утонуть, проплыть, а если быть точным, то — доплыть.

Для этой цели мы погрузились на моторные катера, которые отошли от причала мыса Султан мористее на 3 мили.

Делалось все это, видимо, для того, чтобы напомнить нам безапелляционное утверждение Фалеса о том, что сначала было море.

Мы были согласны с древнегреческим философом, дружно попрыгали с катеров в море и обреченно поплыли к родному мысу Султан. На пути к мысу тот из нас, кто приходил к неутешительному выводу, что без посторонней помощи может и не достичь его, поднимал руку вверх, стараясь при этом не утонуть. К нему устремлялся один из катеров, которые находились поблизости.

сти от участников «звездного» заплыва в полной готовности. Сильные матросские руки споро вытаскивали из воды будущего флотоводца, как мокрого беспомощного котенка, и доставляли сошедшего с дистанции заплыва на берег. Через некоторое время заплыв для неудачников был повторен.

Сложнее было с теми, кто был не согласен с упомянутым выше философ и вообще не мог держаться на воде, а, будучи размещенным на ее поверхности, быстро устремлялся к земной тверди дна. Таких было немного, несколько человек, в основном это были жители столицы другой солнечной Закавказской республики — Тбилиси. В этом случае их освобождали от «звездного» заплыва. Учили держаться на воде чаще всего при прохождении практики на кораблях Каспийской флотилии и Черноморского флота. Методика обучения была разработана, видимо, одновременно с созданием Российского флота. Будущего адмирала надежно обвязывали вокруг пояса крепким шкертом и опускали в воду с нижней площадки корабельного трапа. Как и все начинающие Сальниковы и Садовые, обучаемый начинал судорожно барахтаться, периодически захватывая ртом соленую морскую воду вместо вожделенного свежего морского воздуха. Когда «тренеры» приходили к выводу, что обучаемый принял соленого балласта достаточно для его уровня начальной подготовки, то они извлекали учащегося на палубу, производили с ним детальный разбор ошибок, давали несколько минут подышать чистым воздухом без воды и начинали все сначала. Как правило, через несколько сеансов обучения у обучаемого появлялись первые навыки удерживать голову выше поверхности моря.

Самыми популярными видами спорта в училище были парусный спорт и бокс. Ко всему прочему парусный спорт входил в обязательную программу обучения и был доступен практически любому желающему. Училище располагало своей шлюпочной базой на мысе Султан, который находится рядом с училищем, в трех минутах ходьбы по берегу моря от проходной училища. На плавбазе были «шестерки», катера, барказы, швертботы. Первичные навыки обучения движению на «шестерках», катерах и барказах на веслах и под парусами курсанты получали на плановых занятиях по морской практике под руководством опытных мичманов. После такой первичной подготовки можно было при желании прийти с товарищами на шлюпочную базу и, если погода позволяла, пользоваться парусным вооружением, получить у дежурного мичмана после короткого инструктажа без излишней волокиты и так любимого у нас бюрократизма полностью укомплектованную «шестерку», катер, швертбот. При желании можно было несколько часов в довольно большой акватории ходить под парусами. При этом убивали двух зайцев: дополнительно тренировались в обращении с парусами и получали ни с чем не сравнимое удовольствие скольжения по воде под парусом при ровном, свежем ветре. Были, разумеется, и неприятности, своего рода издержки производства, когда из-за притупления бдительности или из-за дефицита опыта шлюпка совершала маневр «оверкиль», то есть, говоря попросту, переворачивалась. Как правило, эта неприятность совершалась при выполнении поворота «фор-девинд», т. е. когда при повороте шлюпка меняла галс, пересекая линию ветра кормовой частью, ветер дул с кормовых углов и при переброске кливера на противоположный борт следовал неизбежный резкий удар ветра в парус. Такие неприятности случались очень редко. К тому же трагедии в них никто

не усматривал. Самые трагические последствия на моей памяти — утонули ботинки, что-нибудь еще. Мелочь! Подумаешь, принудительное купание в теплой воде! Зато сколько пользы и удовольствия!

Кстати, ни одно военно-морское училище не могло похвастать такими возможностями развития парусного спорта, как Каспийское. Однажды в отпуске у меня зашел разговор на эту тему с земляком, учившимся в Тихоокеанском училище. Я упомянул о гонках под парусом без руля. Собеседник удивленно поднял брови и спросил, как это возможно. Ему, оказывается, неизвестно, что совершать повороты на шлюпке под парусом без руля можно, перемещая экипаж в нос или корму и создавая крен на тот или иной борт.

Очень способным воспитанником шлюпочной базы училища оказался А. Винклер, который закончил училище на два года раньше меня. Позже, служа на Северном флоте, Винклер был признанным фаворитом всех шлюпочных соревнований. Он неизменно побеждал на соревнованиях на веслах, под парусом, на крейсерских гонках, на комбинированных (когда командир шлюпки должен был выбрать оптимальное соотношение движения под парусом и на веслах) гонках с пересадкой экипажей и т. д. Пытался потеснить его с пьедестала командир авральной шлюпки с крейсера «Чапаев» Игорь Журавлев, но без заметных последствий для устойчивого авторитета Винклера. Пару раз выигрывал соревнования в отдельных видах шлюпочных гонок автор этих строк. Результаты аннулировались, так как участвовал в гонках на своем штатном вельботе крейсера «Чапаев», а вельбот легче и маневреннее «шестерки» при движении на веслах. При движении под парусами он идет круче к ветру и может легче «отобрать» ветер у соперника. Позже вельбот (с командой, разумеется) вообще перестали допускать на соревнования «шестерок». Это логично, так как не могут соревноваться две различные по своим возможностям шлюпки. Ведь ни у кого не хватит ума организовать автогонки с участием КраЗов, «Волг», «Запорожцев».

К чести Винклера надо учесть и такой фактор — он достиг успехов на Северном флоте, где метеоусловия отнюдь не благоприятствуют развитию парусного спорта. Да и занятия спортом для него не были основным видом деятельности, каковым, естественно, была флотская служба.

Бокс. Ашумов

Как выше уже упоминалось, очень популярным видом спорта в училище был бокс. Азы бокса первоначально осваивались на плановых обязательных занятиях по физической подготовке будущего морского офицера, затем (или параллельно) искусство цивилизованного мордобоя совершенствовалось в кружках, секциях. Занятия боксом в часы плановой физподготовки включали в себя обязательные зачеты. Выглядело это так. На ринг выходили два парня, страстно желавшие получить зачет по физо. Если зачет проводился накануне дня увольнения, то надо было сдать его без нанесения взаимных легких телесных повреждений, повлекших за собой кратковременное расстройство здоровья. Схалтуришь, не покажешь, как ты усвоил «материал», выгонят с ринга за пассивное ведение боя, не будет зачета — будешь сидеть без увольнения в город. Будешь вести себя на зачете активно, партнер тоже активизи-

руется, и есть риск взаимно повредить товарный вид друг друга. Зачет можно получить, но увольнения опять же не видать обоим: какое может быть увольнение с разбитыми губами, когда не то что целоваться, улыбнуться толком не можешь. Рассеченные брови, живописные темно-синие, с зеленовато-фиолетовым отливом фингалы! В таком виде появляться в порядочном обществе! Ни за что! Получается, что «Куда ни кинь...». Обычно мы работали в паре с Иваном Горбенко из Славянска, в жизни мы были с ним друзьями. Одного роста, веса. Перед каждым зачетом проигрывали в деталях «зачетный» бой. Если один еле заметным движением опускал перчатку, то следовал запланированный удар второго, а первый отвечал на это запланированным защитным приемом и т. д. и т. п., то есть попросту разыгрывали показательный бой. Все было в нем: много перемещений, работы ног, активности, треск перчаток, уходы, нырки. Важно было не увлечься, не переборщить. В противном случае преподаватель (тренер) легко разгадал бы эту нехитрую имитацию боя. Мгновенно последовало бы наказание: прекращение боя, позорное изгнание с ринга. Без зачета, само собой разумеется, и, как следствие, без перспективы увольнения. Вот и получается, как говорил артист Чирков в кинофильме «Чапаев»: «Белые придут — граблют, красные придут — тоже граблют... Хреновина какая-то получается! Ну куда бедному хрянстьянину податься?!»

Практически все, кто прикоснулся в училище к боксу, — как те, кто ограничился скромным минимумом обязательных занятий по официальной учебной программе, так и те, кто дополнительно занимался в секциях, — участвовали в соревнованиях, получали разряды, звания, грамоты и призы, прошли, что называется, через руки старшего преподавателя кафедры физической подготовки, старшего тренера по боксу Ашумова.

Ашумов был личностью колоритной, неординарной. Мастер спорта по боксу. Лично знал в быту и по встречам на ринге многих известных советских боксеров, в том числе и таких, как чемпионы СССР Королев и Шоцикас. Он был крупным, выше среднего роста мужчиной в солидном, по нашим критериям, возрасте (45—48 лет), ходил тяжелой, не спортивной, слегка шаркающей походкой. Молчаливый, усталый, он производил впечатление угрюмого человека. Если он и заводил иногда разговор на постороннюю тему, то только о чем-то, связанном с боксом. Интересно было смотреть на него, когда он иногда, окончательно выведенный из равновесия нашей непонятливостью и неуклюжестью, вызывал с кафедры своего коллегу преподавателя Яшу. Оба они быстро сбрасывали с себя спортивные костюмы. Ашумов на глазах преображался. Куда девалась его медлительность, шаркающая походка. Под канаты нырлял другой человек — легкий, пружинистый, с задорным блеском в глазах. Пара Ашумов — Яша четко демонстрировала учащимся технику выполнения того или иного приема. Без улыбки нельзя было смотреть на тяжеловеса Ашумова и «муху» Яшу! Слоны и Моськи! Практически продемонстрировав все, что хотел, Ашумов снимал перчатки и опять преображался в прежнего Ашумова. Кряхтя, перелезал через канаты и привычной шаркающей походкой шел на свое место. Тусклый взгляд, ворчливый скрипучий голос.

При всем при том он не был лишен чувства юмора. Так, например, он утверждал, что знает 12 способов защиты, гарантирующих успех на ринге. Если

наивный слушатель просил показать и рассказать хотя бы два-три из них, то Ашумов, улыбаясь снисходительно, разъяснял любопытному, что ничего хитрого в этих приемах нет, они доступны каждому и показывать нечего. Способ № 1 — один шаг назад, способ № 2 — два шага, способ № 3 — три и так далее, до двенадцати. Дальше канаты не пустят.

Об основных принципах ведения боя на ринге он любил иногда пофилософствовать. Начинал он с того, что бокс — это, во-первых, атака, во-вторых, и в-третьих, и так далее, только атака. Выиграть поединок может только атакующий. Оборона, защита играют вспомогательную роль. Следовательно, все мысли и действия участника поединка должны быть сосредоточены на атаке. Не представляет особого труда просто уйти от удара противника. Это может проделать любой дурак. Достаточно, подобно молодому горному козлу, отскочить на пару шагов назад или в сторону. Уклониться нырком тоже просто, достаточно быстро и старательно пропахать носом по рингу. Но защита должна быть такой, чтобы атакующая перчатка только чуть-чуть не коснулась тебя, а уж если и коснулась, то только на излете, когда потеряла убийную силу. То есть надо ходить по лезвию ножа. Защита хороша не всякая, а только такая, которая включает в себя потенциальную возможность атаки. Она должна быть строго дозированной, не более и не менее. Если «менее», то противник, как минимум, зарабатывает лишнее очко. Если «более», т. е. допущена передозировка, то не будет условий для начала атаки. Чтобы выполнить эти теоретические предпосылки на практике, необходимо вырабатывать у себя одно из важнейших качеств боксера — чувство дистанции. Все мы, зеленые юнцы, развесив уши и раскрыв рты, слушали Ашумова. Тривиальные, прописные истины? Возможно, но не для начинающих. Для нас они были настоящими откровениями. Тем более что Ашумов не часто нас баловал подобными рассуждениями на общетеоретическую тему.

Его воспоминания о Королеве, Шоцикасе и других известным нам только из СМИ спортсменах были замешаны на ностальгии боксера, навсегда повесившего на гвоздь свои перчатки, в то время как его однокашники по спорту достигли гораздо больших высот.

Спортсмены в «Каспийском» были наиболее популярными людьми. Их все знали и любили. Кто не знал из нас чемпиона училища, высших военноморских учебных заведений (ВВМУЗ) города Баку, Азербайджана, Краснознаменной Каспийской флотилии и Черноморского флота мастера спорта по боксу Владимира Шурупа! Конечно, ему было далеко до Кассиуса Клея (Мохаммеда Али), Фрезьера, Формэна, Попенченко, Лагутина, но эти прославленные боксеры появятся позже, от нас они будут далеко, а Володя Шуруп — свой парень, живет рядом, учится вместе с нами. Шуруп был кумиром многих «каспийцев», и не только их.

Знали, что наш любимец с друзьями, мастером спорта по штанге Черниковым и главным старшиной Харченко, попадал в сложные житейские ситуации при увольнении в город, в драках на почве разборок, при выяснении отношений с бакинскими парнями из-за представительниц слабого пола. Тройку друзей выручало отнюдь не поверхностное знакомство Володи с боксом и медвежья сила Черникова.

Ходили мы в обязательном порядке и на соревнования боксеров, если в них участвовали Круминг, Серунян, Аббасов.

Круминг покорял всех игровой манерой ведения боя, богатой, хорошо отработанной техникой, собранностью, выдержкой и — не удивляйтесь! — улыбкой, которую можно было видеть на его лице в течение всего поединка в самых различных ситуациях. Уловив какой-то одному ему известный момент, он взрывался. Серия следовала за серией. Затем опять осторожное выжидание, отдельные удары. Выигрывал он, как правило, по очкам.

Серунян и Аббасов были в то время молодыми, начинающими, но очень перспективными спортсменами. Они были представителями силового бокса, делали ставку на мощный завершающий удар. Долго маневрировали, выжидали и полностью выкладывались в одном-единственном, решающем ударе. Выигрывали они чаще нокаутом, реже — по очкам.

Старшекурсник Черников при поступлении в училище с трудом брал на грудь штангу весом в 50 килограммов. «... С чужой помощью», — со смехом добавлял штангист. На третьем курсе Черников был уже мастером спорта, чемпионом училища, ВВМУЗов, города Баку, Азербайджана, входил в несколько сборных команд.

Ежегодно весной сборная бегунов училища принимала участие в кроссе имени Багирова, посвященном нефти и хлопку. Кросс был очень престижным, им интересовался лично Мир Джафар Аббасович Багиров. Кстати, о его «всемогуществе» рассказывали анекдот. Доведенные до отчаяния разгулом взяточничества в соответствии с неписанным законом «даш-баш», убеленные сединой азербайджанские аксакалы обратились за помощью в последнюю инстанцию, к полубогу Багирову. Внимательно выслушав старшего из ходатаев, первый секретарь Азербайджанской компартии Мир Джафар Аббасович оживился и ответил вопросом на вопрос: «Я, конечно, ликвидирую в Азербайджане закон „даш-баш“, но что ты мне за это дашь?» Но это к слову. Ежегодно наша команда участвовала в кроссе и нередко выигрывала это соревнование. Поговаривали, что не всегда корректно.

Участие в забеге выглядело иногда так. Ставка делалась на лучшего бегуна Беляева. А чтобы помочь ему обойти соперников, в команду включалось еще несколько бегунов-середнячков. Им отводилась роль «камикадзе». Со старта «камикадзе» уходили в отрыв, нагнетали высокий темп. У реальных претендентов на победу, за исключением Беляева, для которого это не было неожиданностью, не выдерживали нервы. Махнув рукой (мысленно) на график бега, они устремлялись за «лидерами». Через какое-то время, полностью выложившись и выполнив свою задачу, лидеры-«камикадзе» сходили с дистанции. Претенденты, опрометчиво потратив много сил на рывок в гонке за «лидерами», быстро выдыхались и сходили с дистанции или приходили к финишу в плотной группе середнячков. А Беляев, строго выдерживая свой график, приходил первым. Не могу однозначно утверждать, что именно так происходило на самом деле, но в своем выступлении в училище накануне выборов в Верховный Совет СССР наш кандидат в депутаты ткачиха фабрики им. Ленина («Ленфабрика») Зибейда Гани-кызы Гусейнова мягко пожурив курсантов именно за такое грехопадение, назвав его «не совсем спортивным поведением».

Но это эмоции, попробуй докажи, что все спланировано именно так и заранее.

Как-то в начале 1948 года в спортзале шли соревнования, по результатам которых формировалась сборная.

Отработала последняя пара. Зрители, зеваки, а их, как обычно, было много, начали не спеша расходиться. Неожиданно раздалось объявление информатора о том, что через 10—15 минут состоится еще один, не совсем обычный поединок. Объявляется открытый ринг, где с боксером третьего разряда может «скрестить шпагу» любой желающий из числа присутствующих зрителей. Условия:

1. Доброволец не был ранее замечен в занятиях боксом, кроме плановых по физподготовке.

2. Доброволец должен быть практически здоров, заключение о чем сделал врач, присутствующий в зале.

3. Рост и вес добровольца и боксера-разрядника должны быть приблизительно равны.

Все вернулись и заняли свои места. Такого шоу еще ни разу не было. Да и не могло быть, так как цивилизованный бокс — это ведь не старинный российский мордобой, когда стенка шла на стенку. До сих пор непонятно, кому и с какой целью могла прийти в голову такая мысль. Популярность бокса? Из зала раздался бодрый громкий голос нашего баталера (военно-морской аналог общевоинского каптенармуса) главного старшины Савченко, изъявившего желание выйти на ринг. До сих пор он ни разу не надевал на руки перчатки. Будущие участники необычного бокс-шоу были приблизительно одного роста. Но если Савченко являл собой физическое совершенство — с хорошо развитой мускулатурой, выпуклыми играющими бицепсами и мускулистыми сильными ногами, то его будущий противник, курсант второго курса, внешне выглядел заморышем. Он стоял в центре ринга и как-то смущенно, виновато улыбался. Савченко прохаживался около канатов и самодовольно демонстрировал окружающим свою пышущую силой и здоровьем фигуру Аполлона Бельведерского. Он был уверен в моральной поддержке присутствующих. Первые секунды после гонга чем-то напоминали аналогичную ситуацию, мастерски описанную Д. Лондоном в его рассказе «Мексиканец». Очертя голову баталер обрушился на соперника, стараясь смять, стереть его с лица земли в первые же секунды. Град сильных, но беспорядочных ударов обрушился на «мальчика для битья». У Савченко, кажется, было все: страстное желание низвергнуть противника, грубая физическая сила. Не было только умения, выдержки и выносливости. Заморыш как-то сразу исчез в суетливом, беспорядочном мельтешении баталерских рук. Савченко бил, но не слышалось даже привычного треска перчаток. Бил он чаще по воздуху и от этого приходил во все большую ярость, которая совершенно противопоказана в боксе. Этот «бой с тенью» продолжался очень недолго. Все чаще проявлялся курсантик. До конца первого раунда «Аполлон» дважды побывал в нокдауне. Противник был тут ни при чем. Баталер запутался в собственных ногах. Бой «за явным преимуществом» был прекращен во втором раунде. Савченко с трудом был загнан рефери в свой угол, и под общий издевательский хохот зала шоу завершилось. Прав был дедушка Крылов, распределяя обязанности между сапожником и пирожником. Баталер должен заниматься

тельняшками и простынями, а не махать руками на потеху публике. Второй вывод — для успеха в любом поединке одной физической силы недостаточно, нужно еще умение. Наличие головы тоже не противопоказано. Приобретенный урок обошелся Савченко дешево: мелкими повреждениями, кровоподтеками, ссадинами и т. д. Позже выяснилось, что Савченко давно просил выпустить его на ринг против какого-нибудь начинающего боксера. Яша, преподаватель с кафедры физподготовки, подтвердил: «Сам напросился, надо было в назидание подобным хвастунам проучить этого пижона. Что мы и сделали».

Для общего физического развития и собственного здоровья я довольно регулярно, но без особой активности посещал секцию бокса. Однажды «старик» Ашумов мне доброжелательно сказал, что лучше это делать в другой секции, что перспектив в боксе у меня нет. «Ну получишь, конечно, третий разряд. А вот второй уже под вопросом, так как нет минимально необходимых физических данных: руки и ноги коротковаты, голова представляет собой излишне соблазнительную большую цель для противника, — и подсластил пилюлю: — хотя реакция у тебя есть и чувство дистанции неплохое. Для успеха нужна полная самоотдача, а ты (то есть я) ленив для этого». Мне ничего не оставалось делать, как последовать его совету, что я после получения третьего разряда и сделал без особых сожалений.

Военный парад в Москве

В конце сентября 1949 года мы возвратились из ежегодного отпуска. Но не суждено было вовремя начаться 1 октября новому учебному году.

Нашему училищу было приказано сформировать для участия в московском военном параде 7 ноября сводный морской полк из четырех батальонов по 400 человек (квадрат из 20 × 20 человек).

И началась суeta и бестолковщина: несколько дней занимаемся по учебному плану, несколько дней на плацу готовимся к параду. Пару дней между ними бездельничаем. Сформировали четыре батальона по такому нехитрому принципу: первый батальон — самые рослые, обладающие гвардейским ростом, второй батальон — менее рослые и так далее. В пределах батальона место каждого определяется в соответствии с его ростом, т. е. по ранжиру.

Автор этих строк, после того как был пропущен через ростовой распределитель, оказался, естественно, в четвертом батальоне, на месте правоголангового (!) в 17-й (из 20 возможных) шеренге. Из этого следует, что целых 79 человек в батальоне были ростом меньше меня. Кстати, при формировании парадных батальонов не было ни одного факта уклонения от участия в параде. Наоборот, все хотели попасть в число его участников. Командиром нашего батальона был назначен майор со звучной фамилией Дяхно, которая без лишних слов была преобразована в «Махно», а все его временные подчиненные в «махновцы». Дяхно сразу поставил перед нами задачу: пока мы в Баку — заниматься, готовиться к параду не за страх, а за совесть, чтобы, находясь в столице, имели больше возможностей и времени уделять достопримечательностям Москвы, не исключая ее славных дочерей, и меньше тратить сил и времени на тренировки, строевую подготовку.

Забегая вперед, скажу, что именно так и произошло в Москве. Очень часто наш батальон отпускали с тренировок, которые проходили на площади перед речным вокзалом на Химкинском водохранилище, через час-два после их начала. Подходили бортовые «студебеккеры», окрашенные в голубой цвет, с якорями на бортах и дверцах кабины, и на зависть остающихся трех батальонов «махновцы» с ветерком отбывали в санаторий «Белый лебедь», где жили. Наскоро пообедав, разъезжались по Москве и москвичкам, по своим, как говорил «батя Махно», кобелиным делам. Но это не совсем так. Многие ехали в театры: участников парада обеспечивали билетами в любой театр практически на любой спектакль. Позже по приказанию заместителя коменданта Москвы по военно-морским вопросам полковника Карпенко продолжительность тренировок у всего морского полка была сокращена до двух часов в сутки. Для нас это означало: через час — команда: «Четвертый батальон, по машинам!» и т. д. Дней за 5—7 до парада тренировки, кроме генеральных репетиций, были полностью прекращены.

14 октября весь парадный расчет выехал из Баку и через трое с половиной суток прибыл в столицу, которой месяц назад исполнилось 802 года. Разместили нас очень даже неплохо, в санатории «Белый лебедь», недалеко от станции метро «Сокол». Начались тренировки. Свободного времени много. Растекались по Москве: кто в театр, а большинство театрам предпочитало общество москвичек у домашних очагов, в парках, на танцах. Ахиллесовой пятой прекрасного времяпрепровождения в Москве стал жесточайший дефицит денег, которых катастрофически, впрочем, как всегда, не хватало на самое необходимое, включая сигареты и папиросы. Папиросы и сигареты срочно привезли из Баку, и вопрос был решен. Деньги выдали в счет ноябрьской и декабрьской получки, т. е. на неделю-полторы вопрос был тоже закрыт.

За две недели до парада командование организовало для его участников интереснейшую экскурсию в Кремль. Представляете, в 1949 году попасть в святая святых советского государства! Но невозможное произошло. Показали нам территорию и в том числе пятачок, на котором стоят Сталин и Ворошилов на всем известной тогда картине. Посмотрели и потрогали царь-колокол, царь-пушку, с чувством истинного благоговения осмотрели кремлевские соборы. На удивление очень не спеша подробно ознакомились с экспонатами Оружейной палаты. Гораздо позже мне доведется побывать в Кремле, в соборах, в Оружейной палате, но самое сильное впечатление осталось от той первой экскурсии по пустынному Кремлю, когда попасть туда простому смертному практически было невозможно.

В дни нашего пребывания в Москве столичная футбольная команда «Динамо» принимала на своем поле команду «Нефтяник» из Баку. Не стоит и говорить, что многим из нас повезло, мы достали билеты из общего фонда для участников парада и в день игры заблаговременно заняли свои места на трибуне. Матч был принципиальным, его «почтил своим личным присутствием» прилетевший из Баку специально для этой цели азербайджанский вариант Сталина — Багиров. Присутствие азербайджанского вождя не помогло, и «Нефтяник» проиграл с крупным счетом — 1:4. После окончания игры взорам всемогущего Багирова и остальных зрителей представилась такая картина. С букетами цветов в руках с трибуны сбежала группа парней в форме моряков и побежала к центру поля, где лицом друг к другу стояли двумя

шеренгами только что игравшие команды. Моряки с цветами подбежали к команде «Динамо», которая к ним была ближе, трибуны дружно зааплодировали. Затем произошло что-то непонятное для зрителей. Парни в форме, разделившись на две группы, обогнули динамовцев, подбежали к проигравшему «Нефтянику» и вручили цветы команде Эдуарда Маркарова. Стадион буквально взорвался аплодисментами и одобрительными криками, оценив по достоинству благородный поступок будущих моряков. Говорили, что, наблюдая происходящее, расстроенный проигрышем Багиров чуть не всплакнул от умиления.

Злопыхатели, правда, потом, в Баку распустили слух, что все было срежиссировано по команде самого Багирова. Сменю утверждать, что от начала до конца это злобная ложь. Сама идея и ее реализация принадлежали парням, бежавшим по полю с цветами в руках.

Первая генеральная репетиция парада состоялась на центральном аэродроме Москвы. «Принимал» парад, стоя со свитой на каком-то нелепом временном сооружении из досок, имитирующем трибуну Мавзолея, прославленный маршал С. М. Буденный. При прохождении морского батальона бывший кавалерист эмоционально выкрикивал в микрофон: «Хорошо идете, моряки! Молодцы! Вперед, моряки!» При разборе результатов репетиции маршал очень высоко оценил моряков, поставил их в пример всем участникам парада и закончил совсем неожиданно: «Всю жизнь я был связан с кавалерией, очень люблю кавалеристов! Теперь люблю еще моряков!»

Генеральная репетиция состоялась по полной схеме на Красной площади в ночь с 4 на 5 ноября и прошла быстро, организованно и без особых замечаний.

Утро 7 ноября выдалось ясным, солнечным, с легким морозцем. Прохождение по Красной площади торжественным маршем, ради которого ехали в Москву из Баку, прошло как во сне, в автоматическом режиме. Шли четко, привычно отбивая шаг по брусчатке в чуть замедленном темпе, с морским шиком. После разворота у Исторического музея и с начала движения по последней прямой сводный оркестр заиграл специально для морского полка марш с темпом 90—100 шагов в минуту (обычный армейский марш имеет темп 120 шагов в минуту). Интервал, дистанция выдерживались идеально, шеренга — как натянутая струна. А ведь внимание приковано не к строю, а к трибуне, где в компании членов Политбюро и Правительства стоит, слегка улыбаясь, прищурившись от солнца, с поднятой рукой И. В. Сталин. Подавляющее большинство из нас видели этого бога не на портрете впервые в жизни. Как оказалось, и в последний раз. Я, например, увидел Сталина через 5 лет, но уже не на трибуне Мавзолея, а ниже — в саркофаге рядом с Лениным. Кстати, на описываемом ноябрьском параде Сталин принимал участие в последний раз. В последующие годы он был на трибуне только в майские торжества.

При подведении итогов парада было отмечено, что впервые за последние несколько лет парад прошел без потерь в виде обмороков, «медвежьей болезни». Обычно такое бывает за 5—10 минут до торжественного марша. Причина — сильное нервное напряжение, организм не выдерживает. Для замены выбывших из строя имеются запасные. Во время генеральной репетиции на центральном аэродроме было две или три замены, а на Красной площади — ни одной.

После прохождения торжественным маршем мы поротно возвращались к своим автомашинам. Шли каким-то подобием строя. Напряжение сменялось раскованностью, тем более, что вокруг ликовала, пела и плясала Москва. Открытые окна, веселая музыка, разгоряченные смеющиеся лица в окнах, приветственные крики в адрес проходящих моряков, предложения сбросить нам водку и закуски. Кто-то из наших ребят догадался снять с себя бушлат, его быстро растянули несколько человек, и вскоре на нем затрепыхала «злодейка с наклейкой», граненый стакан и что-то из традиционной русской закуски. Нам понравилось. Идем дальше. Еще несколько раз пришлось растягивать бушлат. В каком-то месте оказались на узкой улочке, окаймленной довольно высоким тротуаром с торчащим вверх бордюром. В «хвост» нашего «строя», отчаянно сигналив, требуя пропустить, уперлась старенькая легковая машина, кажется, трофейный «опель». В машине за рулем сидит молодой мужчина, рядом — молодая симпатичная женщина. Мы их демонстративно не замечаем. Мужчина не на шутку разозлился, сигналит не переставая, высунувшись в окно, размахивает рукой, матерится, не стесняясь присутствия дамы. Мы в ответ хохочем, улюлюкаем, подначиваем его, на его брань отвечаем тем же, избегая матерщины. Женщина что-то говорит своему взбешенному спутнику. Мы не выдержали, облепили машину, дружно поднатужившись, приподняли ее и поставили на тротуар, а сами направились дальше, потеряв к автомобилю всякий интерес. Мужчина аж позеленел от ярости, грозит нам всеми возможными и невозможными карами, небесными и земными, крик уже перешел в какой-то хрип. В этот момент из машины выпорхнула женщина, которая, мило улыбаясь, извинилась за своего спутника и попросила «ребят» поставить их машину на место, так как они очень спешат. Какое мужское сердце не откликнется на просьбу молодой симпатичной женщины! Мы вернулись, опять дружно облепили автомобиль, поднатужились и поставили его на проезжую часть дороги. Женщина поблагодарила нас за «помощь», и машина весело покатила по своим праздничным делам.

А мы, веселые и довольные собой, с сознанием честно выполненного долга, продолжали свой путь.

Вечером 10 ноября мы выехали из Москвы. Приехали в Баку и сразу засели за учебники. В связи с парадом мы пропустили полтора месяца занятий и надо было их нагонять, ведь учебный план остался без изменений. Считалось, что в Москве мы хорошо отдохнули, набрались сил, впечатлений. К концу второго семестра вошли в годовой план, догнали.

В Москве многие из нас обзавелись знакомствами, в основном с девушками. По прибытии в Баку оживленная вначале переписка постепенно ослабевала и, не получая подпитки в виде свиданий и встреч, сошла на нет.

Московские воспоминания, впечатления отошли на задний план, уступая место текущим делам и заботам.

Москва и москвичи были далеко, а Баку и бакинцы — рядом. Жизнь связана с Баку, а не с Москвой. Так что москвички — это хорошо, а бакинцы лучше.

Начался выпускной курс, т. е. время, когда обычно бывают свадьбы. Бакинцы ориентировались в обстановке прекрасно. Правда, в те времена женитьба до выпуска из училища не одобрялась. Нас воспитывали примерно

так: надо закончить училище, получить звание, послужить на флоте, поплавать, а уж потом можно обременять себя семьей. В Корабельном уставе, например, была такая конкретная статья: «Должность старшего помощника несовместима с частым пребыванием на берегу», а какая может быть нормальная семейная жизнь с «редким» пребыванием на берегу? Я знал немало офицеров, дослуживших до звания капитана 3 ранга или 2 ранга, но так и оставшихся старыми холостяками-служаками, отдававшими силы и время только службе. На Черноморском флоте служил командир гвардейского крейсера «Красный Кавказ» капитан 1 ранга Уваров Петр Васильевич. Он был холостой.

В нашей учебной группе было 25 человек. При выпуске лейтенантские погоны получили 23 холостых флотских офицера, «потеряли» двоих. Один из них, Михаил Леонидович (Моисей Лейбович) Векштейн из Барнаула женился на армянке из Баку. Был страшно счастлив, у них родилась девочка. Назвали ее Эсмеральдой, везде в документах она значилась русской. Представляете, какая интернациональная семья: отец — еврей, мать — армянка, дочь с французским именем — русская.

Несколько лет активной переписки Саши Николаева закончились тем, что его Люда приехала из города Горького в Баку со всеми вытекающими для Саши последствиями.

Учебная практика на Каспии

Первая учебная практика после первого курса проводилась на кораблях Краснознаменной Каспийской флотилии (ККФ). Только что закончилась война. В соответствии с договором 1921 года в Иране находились советские войска, которые во время войны обеспечивали англо-американские поставки, шедшие в СССР через Персидский залив, Иран, Баку. В южный Иран были введены английские войска. С Ираном были более чем дружественные отношения, даже шутили, что «Курица — не птица, Иран — не заграница». Сразу после войны эти отношения с активной «помощью» англичан стали быстро ухудшаться. До 1947 года корабли ККФ свободно, без ограничений, бороздили Каспийское море с заходами без излишних формальностей в порты Ноу-шехр, Бендер-шах, Пехлеви. 1947 год был последним, когда допускалась эта вольность. Мы, практиканты, этих тонкостей не знали, да они и не интересовали нас, нам было интересно посмотреть на заграницу. Пусть бедная, разоренная, сугубо восточная страна, но все же заграница. Посмотреть на чужие города, шумные восточные базары. Офицеры, мичманы с кораблей ККФ занимались откровенной спекуляцией. Продавали в Иране олово, «кировские», большие и неудобные, но очень надежные часы, ножи, бижутерию. Везли из Ирана ящиками рис, изюм, кишмиш, урюк, английские штампованные часы, которые, как шутили, покупали весом. Очень высоко там ценилось оружие, особенно огнестрельное. Острили: за пистолет ТТ в Иране можно было приобрести юную красавицу шахиню Сорейю. Но оружия у «продавцов» не было, и молодая шахиня спокойно жила с шахиншахом Пехлеви во дворце. Самым ходовым товаром, пользующимся неограниченным спросом в Иране, было обычное олово. Странно, но это факт. Сходя на берег, матросы

кораблей и некоторые наиболее опытные практиканты наматывали на тело под одеждой ленты олова и сходили на берег делать свой маленький криминальный бизнес. У офицеров дело поставлено было шире. Например, командир канонерской лодки «Красный Азербайджан» капитан-лейтенант Штерн вечером привозил приобретенный товар на причал ящиками, мешками на «студебеккере» и перегружал в трюмы вверенного ему корабля.

Практиканты таким бизнесом не занимались. Во-первых, мы не были поражены духом стяжательства и наживы; во-вторых, возможности были более чем ограничены. Надо было в Баку приобрести олово, в Иране продать его, что-то приобрести и в Баку это «что-то» реализовать.

Зато в Иране мы много бродили и смотрели, смотрели. Очень многое казалось необычным, было в диовинку. Где дома можно было увидеть такие экзотические базары, забегаловки? А заведения с красными фонарями? Естественно, никто не посещал их в качестве клиентов, но любопытно было даже пройти рядом и посмотреть вблизи, а не на киноэкране.

Основным содержанием учебной практики на ККФ была штурманская и морская. Волей начальников я оказался на упомянутой выше канонерской лодке «Красный Азербайджан», которая в разные времена называлась «Троицкий» и «Ардаган».

В училище мы получили хорошую первичную подготовку в приеме-передаче сигналов флажным семафором, с помощью однофлажного и трехфлажного свода сигналов, с использованием клотика, ратьера, поэтому на корабле сразу же подключились к несению службы вахтенными сигнальщиками. В первые же штормовые ночи обнаружил у себя очень хорошее качество организма — сравнительно легко переносить штормовую болтанку. Детство провел вдали от морей и океанов, впервые ощутил вибрирующую под ногами палубу и тошнотворное состояние, когда она куда-то проваливается, только здесь, на Каспийском море, на практике. Качку переносил очень неплохо, никогда не «травил», хотя основное не это, основное — оставаться работоспособным во время болтанки. Удачно для морской службы сконструировали и изготовили мой организм родители. Для того чтобы легче переносить качку, по моему глубокому убеждению, не надо при признаках морской болезни валиться в кровать, а обязательно заниматься каким-нибудь полезным делом, желательно с физической нагрузкой и на свежем воздухе. А рассказам «бывалых» мореходов о том, что они в шторм чувствуют себя даже лучше, чем в штиль, что у них в шторм не пропадает, а появляется волчий аппетит и проясняется голова, никогда не верил и не верю сейчас. Это травля и дешевая бравада, рассчитанная на легковверных, непосвященных. Так же, как и травля о том, что они, эти «бывалые», не раз испытали на себе 12-балльную волну. Просто безграмотно. Не существует в природе такой волны. Максимальное волнение моря по принятой во всем мире шкале — 9 баллов. Не больше!

Сигнальная вахта в хорошую погоду — одно удовольствие. В штормовую приходилось иногда нести две-три смены подряд, когда менее устойчивые к качке подвахтенные были не в силах оторвать как свинцом налитую голову от подушки.

Корабли ККФ ходили к островам Бакинского архипелага, среди которых есть острова Булла, Змеинный и Обливной. На острове Булла так много кро-

ликов, что мы ловили их голыми руками и приносили на корабль. Потом тех, что уцелели от крыс, выпускали на берег, на волю. Остров Змеиный, как и следует из его названия, и прибрежная вода кишели некрупными змеями. Когда корабль становился на якорь недалеко от острова, матросы первым делом забивали ветошью шпигаты. В противном случае змеи проберутся и расползутся по верхней палубе, а потом... Во время купания очень неприятно, когда неожиданно чувствуешь, как по голому телу скользнула эта извивающаяся в воде гадость. Известно было, что в воде эти змеи абсолютно безопасны, но когда откроешь глаза в воде и увидишь их, чувствуешь себя неуютно, дискомфортно.

Погода летом на Каспии, как правило, жаркая. На корабле в море подача пресной воды регламентирована жестким расписанием. А пить в жару хочется и помимо расписания, в голове одна мысль: где бы попить? Я, например, до сих пор помню фамилию скромного матроса, трюмного машиниста, в чьем заведовании находилось все, что связано с питьевой водой: это грузин Келосония.

На переходе, когда время приближалось к обеду, а следовательно, наступало время купания, флагман приказывал застопорить машины в любой точке Каспийского моря, где заставало это время. После того как инерция движения гасилась полностью, на ноке рея флагманского корабля взвизывал любимый всеми сигнал «ДЬЦ» («добро» — «мягкий знак» — «цепочка»), что по трехфлажному своду сигналов означает «Команде купаться!» Офицеры, матросы и, конечно, практиканты прыгали в воду, с наслаждением ныряли, плавали, хотя иногда, например, у Куринского камня, в районе устья реки Кура, вода всегда была не прозрачной, а белесой и теплой, как парное молоко, и купание совсем не освежало, не приносило желанного облегчения от жары. Затем корабли по сигналу флагмана «Б» («буки») давали ход и шли дальше воевать с воображаемым супостатом.

Штурманскую практику проходил на учебном корабле «Правда», который специально утюжил море вдоль побережья, а мы, практиканты, пеленговали маяки, огни, знаки и другие хорошо видимые с моря ориентиры, работали с путевыми картами, лощей, периодически определяли свое место в море по двум пеленгам, по крюйс-пеленгу, пеленгу и расстоянию, по двум расстояниям и т. п.

Определение своего места по небесным светилам, астрономическими методами во время учебной практики на Каспийском море не входило в программу. Это будет после окончания второго курса, во время прохождения практики на Черноморском флоте.

«Человек за бортом!»

Не могу не остановиться на одном трагикомичном случае, происшедшем со мной на УК «Правда» (УК — учебный корабль).

На корабле была оборудована штурманская палуба, где для практикантов установили столы для штурманской прокладки, репитеры гирокомпаса, лага, висели корабельные часы и т. д. Однажды во время прокладки мы с известным уже читателю Костей Тихорским «не поделили» параллельную линейку

и начали возню из-за нее. Не заметили, как оказались у легкого деревянного ограждения (вместо лееров). Костя в пылу потасовки сильно толкнул меня, я отлетел на ограждение, которое не замедлило проломиться (ну и качество!), и в полном соответствии с законом всемирного тяготения я полетел в воду. Высота небольшая, 5—6 метров, но все произошло неожиданно и летел я а-ля каранет, т. е. «голова — ноги, голова — ноги». Вода теплая (знойный юг все же!). Это все хорошо. Вынырнул, осмотрелся. «Правда» спокойно удалялась за пределы видимого с поверхности воды горизонта. Сразу же сбросил с себя ГД, без осложнений снял в воде брезентовые брюки от робы, а голландку снимать не стал, побоялся, что запутаюсь в ней и... В это время на УК «Правда» сыграли «Человек за бортом!» Пока прошли все команды и отреагировали машинисты, пока корабль гасил инерцию движения и спускал шлюпку, я плавал в Каспийском море и тоскливо наблюдал, как скрывается за горизонтом мой плавучий дом. Согласно записям в вахтенном журнале (Журнал вахтенного офицера) от момента объявления тревоги «Человек за бортом» до поднятия этого самого человека на борт спасательной шлюпки прошло 42 минуты. Многовато. Плохо была отработана организация действий личного состава корабля по этому сигналу. Извлекли меня в полном смысле слова за шиворот, как мокрого котенка из воды, доставили на корабль.

Естественно, разнос с применением далеко не самых изысканных выражений. В два этапа. Сначала это проделал командир корабля. Подхватил эстафету руководитель практики. Оба оказались в страшном затруднении: как наказать? Гауптвахта осталась далеко за кормой, в Баку, на Баилове. Карцера на корабле нет. В цепной ящик в тот период сажать было категорически запрещено: на каком-то корабле то ли на Черном море, то ли на Тихом океане посадили разгильдяя в указанное помещение, не отличающееся роскошью и комфортом. Затем отдали якорь, забыв одного разгильдяя извлечь из цепного ящика. Вполне естественно, что от разгильдяя в целости и более или менее в сохранности осталась одна бляха от ремня.

Так что мы с Костей отделались легким испугом, а мата, отборного, соленого, мы не очень-то и боялись. Утопленные где-то в середине Каспийского моря ГД и брюки по возвращении в Баку училищные интенданты списали за счет государства. Была попытка обвинить меня: «Ты же сам своими руками сбросил с себя и ГД и брюки». Не прошло. Зато те же интенданты ухитрились заодно с этими предметами обмундирования списать за счет государства еще дюжину простыней и наволочек. Позже, видимо, несколько белоснежных «утопленниц» благополучно перекочевало в квартиры интендантов, каковых великий русский полководец Суворов рекомендовал через первые шесть месяцев службы на интендантских должностях расстреливать без суда и следствия.

Самое синее в мире...

Не спеша вращаем ручку настройки радиоприемника. Из эфира раздается: — Внимание! Внимание! Говорит Москва, говорит Москва...

Вращаем дальше:

— Увага! Увага! Говорить Киев, говорить Киев...

Еще чуть-чуть:

— Таллара! Таллара! Эшюн гютай, эшюн гютай... (Внимание! Внимание! Говорит Уфа, говорит Уфа).

Последний поворот:

— Ща, падла! Говорит Одесса!

Практика, как известно, также немаловажная составная — и не худшая при этом — часть учебного процесса на пути молодого человека к погонам лейтенанта Военно-морского флота. При этом после первого курса практикант дублировал, исполняя обязанности матроса, после второго и третьего курса — старшины, командира отделения. Стажировка — особый период в жизни будущего морского офицера. Практиканту-стажеру присваивалось звание мичмана, и он дублировал одного из офицеров на корабле по своей будущей специальности. Дублер у офицера был только один. Это так официально, а если неофициально, то время стажировки, пожалуй, самое лучшее время учебы. Свободного времени — хоть отбавляй, возраст самый подходящий. Если рядовая практика — прелюдия к отпуску, то стажировка — прелюдия к настоящей тяжелой офицерской службе на флоте. А до этого — некоторые офицерские права стажера (каюта, свободный сход к корабля, каюткомпания и т. д.) и никаких обязанностей, никакой ответственности. Если сформулировать все содержание стажировки в одной фразе, то выглядеть она будет так: «Мы ничего не делали на стажировке, но делали это с превеликим удовольствием».

Практику после второго и третьего курсов и стажировку после четвертого курса мы проходили на кораблях Черноморского флота. Практика начинается еще в училище с того, что с откровенным удовольствием в каком-то сладострастном порыве уничтожаются все ставшие ненужными с окончанием экзаменационной сессии записи, конспекты, тетради и, естественно, шпаргалки. На секретных рабочих тетрадях, которые не понадобятся больше, появляются размашистые резолюции: «Прошу уничтожить установленным порядком. Подпись. Дата». «Комнаты для курения» завалены несекретной макулатурой в больших мешках, состоявших из рабочих тетрадей, тех же конспектов, но с грифом «Секретно» или «Сов. секретно».

Далее следует отъезд из училища на железнодорожный вокзал. Автомашин с практикантами совершают церемониальный круг почета вокруг плаца, проезжают мимо административного, спальных корпусов, столовой. Высыпавшие из столовой сотрудники в ужасе наблюдают, как из-под тентов автомашин, подобно тарелочкам на круглом стрелковом стенде, вылетают нарпитовские тарелки, падают, вдребезги разбиваясь, на асфальт. За один отъезд превращается в осколки «на счастье» не одна сотня тарелок, временно принесенных из столовой. Ничего не попишешь — такова традиция. Хорошая или плохая — это другой разговор. Наверное, плохая, ведь начальники различных степеней и уровней пытались выжечь каленым железом эту традицию. По состоянию на описываемый период — ничего не получилось. «Сила привычки масс — страшная сила», — справедливо утверждал в начале XX века Владимир Ильич Ленин.

Нанеся весьма солидный материальный ущерб своей родной кормилице — столовой, будущие мореходы размещались по вагонам и начиналось

удивительное путешествие по железной дороге через весь Кавказ — от Каспийского моря до Черного, от Баку до Поти или Батуми. Дорога красивая и очень живописная. Особенно красива природа в районе Гори, Зестафони, у места слияния Арагви и Куры, т. е. «там, где сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры...» Поезд почему-то всегда останавливался в этом красивейшем месте около Закавказской ГЭС, и было отлично видно и Куру, и впадающую в нее Арагви, и развалины монастыря. Иногда успевали соскочить с поезда и искупаться. Не удовольствия ради, а чисто символически.

В Самтредиа, где дорога разветвлялась на Батуми и Поти, была обычно большая остановка. Интересно, что в зале ожидания вокзала на стене висели рядом три портрета. Невероятно, но факт: в центре чуть выше двух других — Л. Берия, по бокам от него и чуть ниже — В. Ленин и И. Сталин. Это в 1948—1949 годах!

Проходили практику на крейсере «Красный Кавказ», где командиром был капитан 1 ранга Уваров Петр Васильевич.

В штурманской рубке крейсера можно было увидеть на переборке в рамке с графиками, выписками и т. д. любопытный, единственный в своем роде документ. Носит он обычное, известное всем штурманам наименование «График восхода и захода солнца на август 1948 года». Подписан внизу старшим штурманом. График нужен в повседневной жизни корабля. В частности, с заходом солнца вахтенный офицер производит спуск флага. Необычность этого рядового документа на крейсере заключалась в том, что «График» утвержден командиром корабля. Можно подумать, что если бы он не утвердил, то солнце сразу бы прекратило эти безобразия с ежедневным восходом и таким же регулярным заходом за истинный горизонт. Любопытствующих полюбоваться этим документом было вполне достаточно.

На крейсере «Красный Кавказ» в минно-торпедной боевой части (БЧ-3) служил старший лейтенант Грамши. Резкий, веселый, даже разбитной по характеру человек. Матерился на безукоризненно чистом русском языке. Грамши был сыном основателя коммунистической партии Италии Антонио Грамши, затем приемным сыном генерального секретаря компартии Италии Пальмиро Тольятти.

Штурманскую практику проходили на учебном корабле «Волга». Очень много времени было отведено астрономическим методам определения места в море. Поздно вечером и рано утром вставали с постелей, продирали сонные глаза и, чертыхаясь на чем свет стоит, под руководством Толкачева или Морозова выходили на верхнюю палубу для изучения ночного и утреннего неба. Толкачев и Морозов ввели систему поощрения: правильно ответил — получишь папиросу или сигарету, ответил правильно три раза подряд — отправляйся досматривать прерванный сон.

Знание ночного и утреннего неба, конечно, пригодилось для решения астрономических задач в учебных целях, в дальнейшей практической работе — ни разу.

Зато, провожая девушку вечером, трудно было удержаться и не блеснуть знанием далеких светил, созвездий. Этак небрежно показать на небо, сплошь усеянное звездами, и назвать такие как Бетельгейзе, Антарес, Кассиопея, Вега, Денеб, Альдебаран, Лебедь, Скорпион, Марс, Юпитер. Одни названия

Давлеканово. Красавица Дёма

Воспитанник музвзвода ВАУР Ежков Гена

Город закавказский с нежным именем Баку

Овеянная древней легендой Девичья башня

КВВМУ. 1-й курс. Будущий «морской волк»
у входа в столовую

Хорошо, когда рядом старший брат

Три веселых друга. Увольнение в кармане

Парус «шестерки» наполнен свежим каспийским ветром...

Счастличики в увольнении, а те, кому не повезло, развлекаются по мере сил и возможностей

Баку. Зых. Первоначально это фото украшала надпись: «Ишак на ишаке»

Будущие офицеры ВМФ. Слева направо: Г. Ф. Ежков, друг брата, Е. Ф. Ежков

Севастополь. Пушка, из которой стрелял по врагу Л. Н. Толстой

Такой мы увидели Севастопольскую панораму в 1947 г.

И. В. Сталин со свитой на борту крейсера «Ворошилов». 1947 г.

Скоро выпуск, и судьба разбросает неразлучных друзей по разным флотам и флотилиям

Последние месяцы вместе

Выпускник КВВМУ Геннадий Ежков.
1950 г.

Пригласительный билет на товарищеский ужин по случаю окончания
Каспийского военно-морского училища

чего стоят! Так и хочется представить себе молодую красивую восточную женщину с нежным именем Бетельгейзе, в честь которой астроном Средневековья или Древнего мира назвал открытую им звезду.

Днем выходили на наблюдения для решения астрономических задач по солнцу, ночью — по звездам. В совершенстве освоили решение задачи обратным ходом. Зашел в штурманскую рубку и получил у штурмана точные координаты корабля и точное время. Имея на руках время и широту с долгой места, при определенных навыках не составляло труда пройти по задаче обратным ходом и получить в итоге высоту светила. Не надо качать секстаном, бояться ошибки, в результате которой можно оказаться вместо Черного на другом море или вообще в пустыне Сахара.

Конечно, чтобы решить задачу обратным ходом, надо отлично уметь решать ее прямым. Но при обратном ходе не требовалось умения работать с секстаном. На всякий газ есть противогаз. Нашли противоядие и преподаватели по астрономии. Они сидели где-нибудь на палубе на солнышке в шезлонге, принимали солнечные ванны. Заодно фиксировали время, когда солнышко пряталось за тучу и когда появлялось вновь. Проверая решенную задачу, они первым делом смотрели время производства астрономических наблюдений. И если в это время солнышко благополучно отдыхало от назойливых мореходов за облаком, то автор решения задачи обратным ходом прямым ходом получал жирную единицу, исправить которую на более приличную оценку было очень сложно. Было у преподавателей несколько не менее коварных способов поймать практиканта за нежную руку прямо на месте «преступления». Изощрялись и практиканты. Также фиксировали время, когда солнышко невозможно «сажать» на горизонт, если оно отдыхает за облаком или висит над береговой линией. Так и шла незримая война между преподавателями и практикантами, известная в философии как состязание между ударом и защитой.

Для прохождения стажировки я был откомандирован на эсминец «Лихой». Об этих устаревших кораблях на Черноморском флоте издевательски декламировали: «Вышел в море флот могучий: „Летный“, „Ладный“ и „Летучий“». «Мой» эсинец «Лихой» был построен в Италии, после окончания войны в результате раздела флота Италии между союзниками-победителями. «Лихой» в компании с тяжелым крейсером «Керчь» и линкором «Новороссийск» отошли к Советскому Союзу. Стажировка заключалась в дублировании командира БЧ-2 Юры Кузьмина, то есть в выполнении его отдельных приказаний, поручений.

Для начала шеф попросил меня организовать ремонт системы управления огнем орудий главного калибра. Система управления допотопная, построена на механических элементах, технической документации нет. Разобрали мы эту систему управления, дефекта не нашли, снова собрали — несколько деталей остались лишними. Снова разобрали и снова собрали — то же самое. После третьего или четвертого раза решили мудро: раз детали не находят своего места в системе управления, значит, они не нужны. Можно оформить рацпредложение, исключить «лишние» элементы, упростить систему. Без оформления рацпредложения все, что осталось на брезенте от последней сборки, стряхнули за ненадобностью за борт. Самое забавное, что система управления в основном осталась работоспособной. Конечно, для стрельбы ее

использовать было нельзя, но покрутить пушки вверх-вниз, влево-вправо можно. На этом и закончили «ремонт».

Помимо всего прочего эсминец «Лихой» периодически исполнял функции корабля-буксировщика, буксировал большой корабельный щит, по которому стреляли другие корабли. Как правило, те, у которых систему управления не ремонтировал мичман-стажер. Для обеспечения артстрельб требовались сигнальные ракеты разных цветов. Перед одной такой ответственной стрельбой мой командир БЧ-2 получил от командира корабля приказание получить на складе ЧФ сигнальные ракеты и доставить их на корабль. Юра вызвал меня и, сославшись на массу срочных государственных дел, поручил это мне. Меня снабдили накладной на 10 тысяч ракет, доверенностью и шлюпкой с шестью матросами. Выписали 10 тысяч с расчетом, что интенданты дадут в лучшем случае две-три тысячи, т. е. ровно столько, сколько было нужно до конца года.

Прибыл я на склад, а он находился в районе Инкерманских створов в Меловой горе. То ли спьяну, то ли по другой причине, но оформили и выдали мне на складе точно по накладной, 10 тысяч штук. Матерясь и проклиная все и всех на свете, матросы перетаскали на горбу к берегу на шлюпку ящики с ракетами.

Когда к борту корабля ошвартовалась шлюпка с горой ящиков, Юра чуть не рухнул за борт, потом передумал и схватился за сердце. Окончательно пришел в себя только после того, как ему я сказал, что загрузил ящиками один артиллерийский погреб и корабль обеспечен ракетами лет этак на пять-шесть. Бывает же такое! Впервые за историю Военно-морского флота интенданты выдали точно согласно требованию и сыграли эту злую шутку именно над нашим кораблем.

Через некоторое время Юра попытался отправить меня на склад и получить веретенное масло. Под благовидным предлогом мне удалось уклониться. Юра поехал сам и привез треть от того, что было затребовано документами. Интенданты поняли, что хватит шуток.

На празднование Дня Военно-морского флота «Лихой» должен был идти в Одессу. Накануне перехода в город-мату я сошел на берег и на танцах на Историческом бульваре около разрушенной Панорамы Севастопольской обороны познакомился с Ниной Неженцевой. После танцев Нина великодушно разрешила мне ее проводить. Идти пришлось далеко, жила она на горе Матюшенко, городской транспорт туда не ходил. Дорогу я не запомнил, так как хотя провожал Нину я, фактически вела меня она. Назад пришлось возвращаться глубокой ночью, так как отход «Лихого» от Минной пристани был назначен на 05.30. Собрался идти. Нина вышла проводить к воротам своего небольшого частного дома и рассказала, как лучше добраться до корабля. Я попросил ее не выключать в комнате свет, чтобы он был моим ориентиром. Решил немного сократить обратный путь, для чего выйти на шоссе, ведущее в Севастополь. Иду в кромешной тьме, попался какой-то небольшой каменный заборчик, перелез, иду дальше. Стали попадаться какие-то бугры. Присмотрелся — могилы. Оказывается, угодил на кладбище. А тут еще светлячки стали попадаться. Наступишь — погаснет, но на всех-то не наступишь. Мозгами понимаешь, что покойники не представляют опасности, опаснее живые, а все равно ужасно неприятно и даже жутко; душа по пути к пяткам чуть

задержалась у щиколоток. Наконец перелез через вторую стенку, покинул владения уснувших и облегченно вздохнул. Не тут-то было! Угодил в какой-то карьер. Еле выбрался, понял, что заблудился окончательно. Выбраться наугад методом тыка в такой темноте — глупость неимоверная. Тогда я принял волевое решение — повернул на 180°, на светящееся вдалеке путеводное окно и быстро пошел к нему. Во второй раз форсировал кладбище, дошел до заветного домика, постучал. Вышла Нина, поохала, посочувствовала, рассказала, где я дал маху. Кладбище должно было остаться слева от меня. Получив второй обстоятельный инструктаж, двинулся в путь, точно соблюдая полученные указания без всяких рационализаций и улучшений. Благополучно вышел на шоссе, пошел в сторону Севастополя, прошел мимо Стрелецкой бухты и около 5.00 пришел на корабль в свою каюту.

Одесса — мой солнечный город

Самые светлые воспоминания от стажировки, которая сама по себе была приятным отрезком жизни, оставил одесский ее период. Пришли мы в Одессу, ошвартовались к стенке в Арбузной гавани и началась интенсивная, свободная, в рамках уставов Вооруженных сил разумеется, жизнь. Бродили, изучали красавицу Одессу, входящую в тройку городов-мам под № 1 (№ 1 — «Одесса-мама», № 2 — «Москва-матушка» и № 3 «называй любой город — так его мать!»). Даже после войны Одесса с ее памятниками архитектуры, пляжами, парками и морем была очень красива, гостеприимна и обаятельна, как молодая загорелая девушка-южанка. Я совершенно забыл о том, что надо как-то и кого-то дублировать на корабле, 80 % суток проводил на берегу. Однажды, правда, влип в курьезную историю со своим шефом Юрой, которого я дублировал, в парке им. Шевченко. Встретились мы с ним, как после долгой разлуки (на корабле-то перестали встречаться), тепло, на танцплощадке. Обменявшись свежими корабельными новостями (Юра на корабле бывал почти каждый день и был в курсе всех событий), он похвастался, что утром получил денежное содержание в полном объеме, т. е. с доплатами за «Дуньку» (за гипотетическую прислугу), за «длинный рубль» (корабль сдал вторую курсовую задачу и поднял вымпел, который именовался «длинным рублем»). Надо заметить: у мичманов-стажеров, как и раньше у курсантов, было все, за исключением денег. Дефицит денежной наличности всегда и везде преследовал нас как злейший классовый враг. Юра, конечно, сразу же пригласил своего дублера, т. е. вашего покорного слугу, и его напарника, приятеля и однокашника по училищу, такого же стажера, но с другого корабля, мичмана Льва Давидова на открытую веранду небольшого рестораника, который находился в двух минутах ходьбы от танцплощадки.

Однажды мы прогуливались по Приморскому бульвару (парк Фельдмана) и у Левы Давидова возникла, по его словам, оригинальная мысль, как быстро и наверняка познакомиться с одесситками. Лева, русский по национальности, уроженец Тбилиси, был самоуверенным, коммуникабельным человеком, как большинство его земляков. По этой причине и как автор плодотворной свежей идеи он взял на себя роль ведущего. Меня вполне устраивала роль обеспечивающая, роль ведомого. В соответствии со сценарием, кратко изложен-

ным ведущим ведомому, мы подошли к газону на Приморском, присели возле него на корточки, раскрыли записные книжки, начали нарочито оживленно, жестикулируя и споря, имитировать бурное обсуждение какого-то важного вопроса. Лева не надо было лицедействовать и что-то имитировать, он просто вел себя как в жизни. Через какие-нибудь 5—10 минут проходящая мимо парочка девчонок заглотила наживку. Они неуверенно подошли к нам, остановились и, буквально сгорая от любопытства, стали внимательно прислушиваться к странному, но ужасно интересному разговору. Из нас полились потоком названия цветов, кустарников, деревьев, о которых мы где-то когда-то слышали, при этом к месту и не очень, а то и совсем не к месту. Заинтригованные до предела девчата робко сделали последний шаг к нам и, удивляясь своей смелости, спросили, предварительно извинившись, о чем мы так бурно спорим, может быть, они могут нам чем-то помочь. Лева устало разогнулся, закрыл записную книжку, не спеша положил ее в кармашек рубашки, небрежно бросил мне: «Сделаем перерыв, потом закончим разговор, надо шефу позвонить, проконсультироваться» и, обращаясь к девчатам, снисходительно, голосом смертельно уставшего человека, которому все надоело: «Девушки, мы инженеры по озеленению. Нас прислали из Ленинграда разработать проект реконструкции Приморского бульвара. Давайте отойдем отсюда, и мы вас внимательно и с удовольствием слушаем. Может быть, действительно вы что-то стоящее посоветуете». Перебивая друг друга, захлебываясь от восторга, местные «канарейки» начали выдавать советы, где какие цветы посадить, где разбить клумбы, где и какие посадить деревья.

Слушали не перебивая, наиболее ценные и оригинальные советы «записывали» в записные книжки, «чтобы учесть их в проекте реконструкции». Слово за слово, познакомились. Наша дружба продолжалась несколько дней. Кстати, и при знакомстве на Приморском бульваре (мы его при девчатах умышленно называли по-старому — парком Фельдмана), и потом несколько дней, которые проводили вместе, мы были в летней штатской одежде: матросские брюки, ботинки и трикотажные безрукавки — «бобочки». Все рухнуло через 4—5 дней. В один из дней мы с Левой в качестве начальников патрулей ленивым комендантским шагом в военной форме с погонами мичманов с патрульными матросами дефилировали по одесским улицам. И вдруг по извечному закону бутерброда, называемому еще законом подлости, носом к носу встретились со своими знакомыми «канарейками». Те остановились, разинув от удивления ротки, и только негромко проговорили: «Вот вы какие инженеры по озеленению!» После разоблачения этого невинного обмана «любовь» пошла на убыль, отношения стали прохладными, а потом сами собой без взаимной договоренности прервались.

В один из вечеров, скупая от неустроенной холостяцкой жизни, пришли в парк им. Шевченко к центральному входу. Днем обычно ходили на пляжи Заводской, Ланжерона, Аркадия. Решили сходить в парк, а потом спуститься к морю и искупаться ночью. У входа в парк запеленговали двух молоденьких, тоже скупающих одесситок. С ходу попросили их стать нашими гидами по Одессе, так как мы якобы первый день в этом красивом городе. Они внесли встречное предложение — пойти в парк на танцы. Так как обе стороны настаивали на своем варианте, не уступая друг другу, то остановились на компромиссном варианте — они идут в парк, а мы погуляем в этом районе

(который, кстати, уже знали лучше их, хотя, как оказалось позже, они жили на улице Энгельса, рядом с парком), не удаляясь далеко от парка. Потом приходим в парк и находим их на танцплощадке. На следующий день они с удовольствием покажут нам основные достопримечательности города Одессы. На том и порешили. Мы повернули и пошли погулять в соответствии с их советом, они двинулись в сторону входа в парк. Девушки нам очень понравились.

Странная и интересная была эта пара, которую мы в шутку сразу же окрестили «тяни-толкай». Лариса — натуральная блондинка. Спокойная, выдержанная, доброжелательная. Хорошая, без острых углов, фигурка; мягкий характер. Аня пониже Ларисы ростом, худенькая, изящная, точеная фигурка; веселая, остроумная. Такие разные на первый взгляд подруги. Их объединяли общие черты: мягкость, доброта и женственность, это самое высоко ценимое мужчинами у женщин качество. Неужели и такие девушки со временем могут превратиться в злых жен и еще более злых тещ? Не верилось как-то.

Ведущей в этом девичьем тандеме была, безусловно, Лариса. Аня была ведомой.

Решили — Лева будет ориентироваться на Ларису, я — на Аню, а там уж видно будет, как они сами решат, если вообще захотят что-то решать.

Прошли мы с Левой сотню-другую шагов и, как только девчата скрылись из поля зрения, повернули назад.

Прошли мимо входа в парк, свернули во двор дома, примыкающего к парку. Мы знали, что во дворе в стене, ограждающей парк, есть пролом, через который можно легко проникнуть на территорию парка. Мы этим проходом, минуя билетных контролеров у входа, пользовались уже не один раз. Только спрыгнули с пролома в стене на газон, как услышали насмешливый голос: «Это вы, мальчики? Что же вы нам не сказали, что будете здесь проходить в парк, мы бы вместе с вами пошли!» Смотрим, а рядом у деревца на тропинке стоят наши девочки. Вместе посмеялись и теперь уже как хорошо знакомые пошли на танцплощадку. После танцев пошли на пляж, искупались. Плавки со шнурками, которые можно надевать в присутствии честной публики, не прячась в кабинку или близ растущие кусты, были у нас в карманах.

Проводили девочек, договорились встретиться на следующий день вечером у входа в парк. Перед тем как распрощаться, мы решили не повторять ошибку, допущенную раньше, и честно рассказали нашим очень симпатичным знакомым о себе почти все: кто мы такие, откуда, как оказались в Одессе, чем здесь занимаемся, где стоят наши корабли и т. д.

На следующий день, еле дождавшись вечера, мы с Левой не пришли, а примчались ко входу в парк. Традиционных для подобных ситуаций часов здесь не было, но напротив входа у жилого дома росли деревья. Под деревом мы увидели наших девушек. И не одних, в нетерпении ожидавших своих верных рыцарей, а в обществе двух парней, одетых в морскую форму. Мы, как обычно, были в штатском. Беглого взгляда было достаточно, чтобы оценить обстановку: оба наших дублера (а может, мы были дублерами этих парней? Все может быть!) — курсанты второго (всего-то! салаги несчастные!) курса среднего (только-то!) мореходного училища. На этом наши преимущества перед соперниками заканчивались. Тем более, что в подобных ситуациях

не они решают судьбу конфликта. Гораздо серьезнее были результаты беглого сравнения физических данных. «Левин» мореходец физически развит лучше, хотя оба были они примерно в одной весовой категории. «Мой» при одинаковой со мной упитанности превосходил меня на 5—6 см в росте. Расклад не в нашу пользу. Впрочем, до реализации преимущества дело скорее всего не дойдет. Все, что довольно нудно изложено выше, в действительности мгновенно промелькнуло в наших головах. Подошли поближе к четверке, остановились около них как случайные прохожие: я — около Ани с мореходцем, Лева — возле Ларисы с мореходцем.

Прислушался к тому, как вдохновенно «парит мозги» Ане «мой» мореходец. Сразу понял, что учителя географии в неполной средней школе у мореходца были знающие, толковые, но материал преподносили односторонне, так как судя по тому, что он бегло излагал Анне, вся земная поверхность сплошь покрыта бушующими в жестоких штормах морями и океанами, а для земной тверди, о которую могли бы разбиваться девятый и другие, меньшего достоинства, валы, совсем не оставалось места. Наслушавшись об ужасах, которые творятся в царстве Нептуна в Бискайском заливе, у мыса Горн, о празднике Нептуна при пересечении земного экватора и т. д., начал закипать от злости. Еще бы! Второкурсник средней мореходки (если бы высшей — куда ни шло!), а так неприлично, нагло врет! Люди морской профессии любят прихвастнуть, подзагнуть (автор этих строк тоже не без греха), но дойти до такой наглости! Взяв себя в руки, вежливо, на «вы», невинным голосом обращаюсь к отважному мореходу:

— Простите, а вы моряк?

Небрежно, не поворачивая головы ко мне, отвечает:

— Да, конечно.

— А вы были когда-нибудь в открытом море ночью, в шторм?

— Всякое бывало, не без этого.

— Наверное, очень страшно?

— В первый раз немного страшновато, а потом ничего, привыкаешь! А ты кто такой?

Вот наглец! Наверняка далее Воронцовского маяка носа из Одессы не высовывал. А если разок-другой и высунул, то уж никак не дальше Тендровской косы. К тому же дремуче невежливый, на «ты» обращается к незнакомому человеку. Наверное, мама в детстве, убаюкивая в колыбельке орущего будущего славного морехода, не рассказывала ему в популярной форме о правилах хорошего тона, а средняя мореходка не догадалась исправить родительское упущение.

Продолжаю разыгрывать простодушного Митюху вульгариса:

— Понимаете, я приехал с Камчатки, там получил аттестат зрелости и хочу поступить в морскую школу, только не знаю, куда обратиться.

— Приезжай к нам, я дам адрес и телефон, у нас как раз начинаются вступительные экзамены.

— А какие предметы надо у вас сдавать?

— Ну, русский, литературу, математику, тригонометрию...

— Что-что?

— Тригонометрию.

— А что это такое?

— Это тоже математика, но только про треугольники. А ты даже не слышал о такой? Как же ты получил аттестат зрелости? (Кстати, в училище нам по мореходной астрономии читали неплохой курс по сферической тригонометрии. Не могу же я сказать об этом мореходцу!)

— У нас на Камчатке один год идет за два. В школе — тоже.

— Ничего себе! Ты, наверное, не сдашь экзамены с такими знаниями.

— Может быть, вы поможете? Все-таки там вы свой человек.

Будущий Синдбад-мореход совсем распушил хвост и этак покровительственно, снизойдя до «деревни»:

— Приезжай, помогу.

Во время этого диалога Аня еле сдерживала смех. Она все поняла. На месте стоять не могла, влажные темные глазенки блестели от возбуждения. Ей так хотелось вмешаться в разговор! Наконец не выдержала:

— Виктор, вы не слушайте его (т. е. меня)! Гена вас разыгрывает. Он мичман, проходит стажировку на эсминце «Лихой», который стоит в Арбузной. В сентябре получает офицерские погоны. Здорово он вас разыграл!

Что тут стало с ним! Его передернуло, глаза потемнели от еле сдерживаемой ярости, от смертельной обиды, от унижения и оскорбленного самолюбия. И главное, в присутствии представительницы прекрасного пола! Недобро взглянув на обидчика, недвусмысленно сделал шаг в моем направлении:

— Что, вояка (так моряки гражданского флота называли военные корабли и военных моряков, а мы их в свою очередь — шляповозами), решил посмеяться надо мной! А смеется тот, кто смеется последним!

Далее последовал полуцензурный монолог в мой адрес. И это в присутствии дамы! Ужас! Нет, определенно в их мореходке джентльменов не готовили.

В голове пронеслась мысль: «Быть драке! Причем она будет не в мою пользу. Витя физически крепче, выше ростом и тяжелее меня. Моральный фактор тоже на его стороне. Разделает он меня как бог черепаху. И поделом, не зарывайся!»

Аня не ожидала такой бурной реакции одного из соискателей ее благосклонности. Еще минута — и здоровая мужская конкуренция перейдет в ординарный мордобой. Она перепугалась и попыталась успокоить взбешенного парня: мол, не обращай внимания, будь выше этого, это просто шутка, пусть неудачная, но только шутка, и т. д.

В этот момент Лева, о котором я за разговором совсем забыл, увидел, что обстановка у нас накалилась и приблизилась к опасной точке взрыва. Со «своими» мореходом он закончил переговоры мирно, при полном взаимопонимании. И тот с независимым видом, что-то беззаботно насмываясь, покинул зону конфликта и направился к входу в парк. Лева, не мешкая, пошел к нам, остановился около Вити и доверительным, располагающим к себе тоном, негромко сказал ему:

— Осторожнее с ним (т. е. со мной), бокс, первый разряд, прибьет.

Второй раз за последние две-три минуты «мой мореходец» изменился в лице. Было такое впечатление, что ему на голову вылили ведро холодной воды. Злоба на лице уступила место вынужденной приветливости. Довольно миролюбиво он выдал из себя:

— Это правда?

— Что «правда»? (Я ведь «не слышал», что ему сказал Лева.)

— То, что вы перворазрядник по боксу.

— Да, есть такое дело. (Решил поддержать Левину игру. Это, конечно, был наглый блеф, первого разряда у меня не было и быть не могло. За два года до описываемых событий на бровях заработал третий и, учитывая перспективность дальнейших занятий боксом, перестал интересоваться цивилизованным мордобоем. Но отступить было некуда.)

— А как вы его получили?

— Все довольно просто. Элементарно. Выйдешь на ринг. Помашешь руками. Гонг! Рефери поднимает твою лапу в перчатке. Уходишь с ринга.

Витя морально подавлен. Он не способен соображать. Все принимает за чистую монету. А около уха журчит, как лесной ручеек, голосок Ани:

— Вот так-то, мальчики, лучше. Пожмите, как джентльмены, друг другу руки и пойдемте на танцы.

Витя поступает как джентльмен:

— Я, кажется, немного задержался и вас задержал. Мне надо идти. Очень рад был познакомиться.

Он с извинениями галантно раскланивается и идет в том же направлении, что и его друг.

Все было очень хорошо, но через несколько дней по плану должен состояться обратный переход кораблей из Одессы в Севастополь. Пройдет несколько дней и «Прощай, любимый город...». От перспективы близкой разлуки дамы наши тоже приуныли. Правда, мы успокаивали их, а еще больше себя, что, может быть, нам повезет и перед выходом в море брандвахта поднимет свои черные шары с полным запретом выхода всех плавсредств за пределы внутреннего рейда. Лариса с Аней в это не верили, мы — тоже. Быстро пролетели отмеренные нам судьбой и командованием флота дни. К тому же накануне выхода я был направлен в комендатуру для несения службы начальником патруля. Отмерив по жарким одесским улицам неспешным (куда спешить?) комендантским шагом пару десятков километров, возвратился в комендатуру. Отправил «своих» матросов в столовую, а сам записал в журнал результаты патрулирования. Бросилось в глаза: в журнале записано целое 10—15 матросов и старшин с «Лихого». Обуреваемый чувством «патриотизма» за «свой» корабль, не мудрствуя лукаво, вырвал из журнала несколько листов вместе с этими фамилиями. Когда вечером явился для сдачи антуража и обязанностей начальника патруля, вдруг неожиданно меня вызвали к коменданту гарнизона. После первого же комендантского вопроса, понял, что меня «вычислили», при этом точно. Каким образом, не знал тогда и не знаю до сих пор. Отрицать не стал. Честно признался в своем грехопадении и изложил «благородные» мотивы совершенного «преступления». Комендант не стал вникать в патристические побуждения, которыми я руководствовался, оформил записку об аресте и отправил меня в камеру с перспективой пребывания на нарах в течение 10 суток. Начался отсчет суткам ареста на четвертой в моей жизни гауптвахте. Больше всего угнетала мысль о предстоящем рано утром следующего дня выходе в море. А я сижу на нарах, отстану от корабля. Большого позора трудно придумать для корабельного офицера! Так почти всю ночь просидел в камере отнюдь не в гордом одиночестве. Рано утром неумытого, невыспавшегося, меня неожиданно забрал из камеры стар-

пом «Лихого» Халявко, который специально для этой цели протоптал пешком пол-Одессы, остановил отсчет арестантским суткам. Бодрым шагом отправились мы с ним на корабль. По дороге еще была маленькая надежда, что на брандвахте опять висят, как неделю назад, шары, запрещающие выход из базы всем кораблям и плавсредствам. Прибыли на корабль, запрета на выход нет. Через 20—30 минут «Лихой» отскочил от стенки, развернулся на выход. Проходя мимо Воронцовского маяка, «Лихой» отдал дань традиции — выбросил из труб мощную прощальную «шапку» дыма. Через каких-нибудь 30—40 минут в тумане «скрылась милая Одесса» вместе с Дерибасовской, Потемкинской лестницей, памятником Ришелье и нашими милыми «канарейками».

Так сложилась судьба: больше в Одессе я не был ни разу в жизни.

Прощай, Баку!

Возвратились после стажировки в Баку. Начались хлопоты, связанные с окончанием училища, назначением по флотам и т. д.

Государственные экзамены прошли буднично, незаметно. Сдал их как бы между прочим, без напряжения.

В составе своей учебной группы дружно и организованно обмыли окончание училища, провели своеобразную репетицию училищного выпускного вечера — банкета. Собрались в небольшом ресторанчике за кинотеатром «Низами». По периметру — кабины-плетенки, средняя часть — с небольшим фонтанчиком в центре — под открытым небом.

После мероприятия, завершившегося уже утром, добрались до училища на попутном бортовом «студебеккере» и сразу же завалились спать. Через пару часов дневальный разбудил меня и направил в кабинет начальника курса. Сидит за столом начальник курса капитан I ранга Иванов. Глядя на меня немигающими, слегка навывкате глазами, прекрасно понимая мое состояние, мрачно спрашивает:

— Где бы вы хотели служить после выпуска? Вы, как Сталинский стипендиат, имеете право выбора флота.

Чтобы было понятно, должен сообщить: мои сверстники по выпуску не рвались на южные и спокойные флота, стремились туда, где служба настоящая, флотская, где корабли плавают много и далеко. В этой табели о рангах на первом месте шел Северный флот, на втором — пятый и седьмой флота на Тихом океане, затем — четвертый и шестой на Балтийском море и только после них шел Черноморский флот, а замыкала таблицу рейтингов Каспийская флотилия.

В разговоре можно было часто услышать: «Буду проситься на Тихоокеанский или Северный флот, там простор, выход в океан, а что Черноморский? Паркетный флот!» На Каспийскую флотилию изъявили желание пойти служить жители Баку, Азербайджана да те, что женились на бакинках. Отвечаю Иванову: в Таллине.

Дело в том, что мой старший брат Евгений окончил училище на два года раньше меня и служил в Таллине сначала на тральщиках, потом — на линкоре «Октябрьская революция».

Иванов:

— Вы мне флот называйте, а не базу.

Я брякнул не раздумывая:

— Четвертый флот, — и расписался в его журнале.

Позже, при объявлении приказа с назначением на флота, выяснилось, что или спросонок, или с похмелья, а скорее всего и с того и с другого, в кабинете Иванова я допустил грубую оговорку. В соответствии с моим желанием я был назначен в распоряжение командующего четвертым флотом (главная база — Балтийск), а Таллин, где служил брат и куда я рвался, был главной базой шестого флота. В те времена на Балтийском море и на Тихом океане было создано по два флота. Видимо, с целью увеличения количества адмиральских должностей.

Для успокоения совести возмущился, что нарушено мое право выбора флота, мне нужно на 6-й, а не на 4-й, но в кабинете мне сунули под нос журнал, где красовался мой автограф рядом со словами «Четвертый флот».

Большую символическую нагрузку несла процедура подготовки к сдаче и сама сдача в арсенал личного оружия — винтовки, которая прошла со своим очередным хозяином ноздря в ноздрю все годы учебы. Подготовил свою родную, из-за которой за эти годы имел одни неприятности, смазал арсенальной смазкой, пошел сдавать:

Прощай, моя подруга боевая!
В последний раз тру насухо канал,
А завтра, с облегчением вздыхая,
Снесу тебя, задрыга, в арсенал.

Сдача в арсенал винтовки (и палаша за компанию, но основное — она, родная) символизировала окончание этапа пребывания в стенах училища, своеобразное символическое «прости» училищу, в которое вошел наивным зеленым юнцом, а вышел зрелым (с румянцем на щеках) мужем и которое стало за годы учебы родным домом

Отшумел звоном бокалов, заздравными тостами, бесконечными разговорами, музыкой и танцами, прощальными словами и последними поцелуями под сенью магнолий и олеандр выпускной вечер — банкет. Вручены так долго ожидаемые погоны морского офицера, диплом и морской кортик. Весело стучат колеса на стыках рельсов.

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе.
И чувствую сильней простое слово: друг.

С. Есенин

Поезд мчится в Калининград, навстречу новой неведомой жизни. Завершен еще один этап жизни, позади — остановка с названием «Каспийское высшее военно-морское училище», впереди — очередная остановка «Служба на флоте», впереди трудная служба на боевых кораблях Северного флота.

Глава 3

ФЛОТСКАЯ СЛУЖБА

Первые месяцы службы

Поезд в Калининград пришел под утро. У меня в запасе оказался целый день до поезда от Калининграда до Балтийска (бывш. Пиллау), который я использовал для ознакомления с тем, что осталось в результате войны от когда-то красивого Кенигсберга. Даже развалины зданий, сооружений, скульптур, памятников сохранили следы былой суровой красоты этой цитадели пруссачества.

Перед отходом поезда в Балтийск — тщательная проверка документов при посадке и затем где-то на полпути между станцией отправления и станцией назначения — повторная. Сохранение секретов, действительных и мнимых, было всегда у нас организовано солидно. Правда, иногда доходило до смешного. В 1964 году я отправил из Северодвинска в Ленинград, в Военно-морскую академию, свою диссертационную работу на соискание ученой степени «кандидат технических наук». Работа имела гриф «Сов. секретно», так как включала в себя отдельные материалы, цифровые данные из конструкторских документов, с таким грифом. Через некоторое время по вызову из академии приехал на предварительную защиту. Спустился в секретный отдел, чтобы получить свое научное творение, плод труда двух лет. Начальник отдела проверил мое удостоверение личности и без разговоров вернул его мне, заявив голосом, не допускающим возражений:

— Документ вам выдать не могу!

— ???

— В сопроводительном письме указана ваша должность как автора — «Начальник научно-испытательной базы», а по удостоверению личности вы являетесь начальником испытательного отдела.

— Только что получил повышение по службе, и кадровики не успели внести в удостоверение личности название новой должности.

— Ничего поделать не могу, возвращайтесь в Северодвинск, пусть вам впишут в удостоверение новую должность, и милости просим, приезжайте.

Я — к начальнику факультета адмиралу Мельникову. Тот не поверил своим ушам. Позвонил начальнику секретного отдела. Поспорил с ним, вызвал к здравому смыслу. Убедился, что у главного хранителя секретов здравый смысл отсутствует полностью.

Вместе с ним отправились к заместителю начальника академии адмиралу Курникову. Тот выслушал нас, позвонил секретчику, послушал его, прервал, очень изычно, интеллигентно обругал матом и мягким, почти задушевым голосом добавил: «Долбоеб ты, Владимир Григорьевич, и при этом абсолютно безмозглый» и далее совсем другим официальным голосом приказал: «Работу автору выдать немедленно, если есть желание, то данное приказание оформить письменно и принести мне на подпись» — и положил трубку.

Утром на следующий день приехал в Балтийск, где прождал четверо суток. Наконец меня назначили командиром 3-й артиллерийской башни главного калибра крейсера «Чапаев», который ушел в Ленинград на гарантийный ремонт. В те времена каждый вновь построенный корабль через год-полтора плавания возвращался на свой завод-изготовитель на гарантийный ремонт и, учитывая годовой срок эксплуатации, заодно выполнял и профилактические ремонтные работы.

Я приехал в Ленинград. Крейсер «Чапаев» стоял вторым корпусом, ошвартовавшись к борту тяжелого крейсера «Таллин» у набережной Лейтенанта Шмидта. «Таллин» строили немцы перед войной. За строительство они сполна получили русский хлеб, хлопок и пр. С завершением строительства корабля, оборудованием его механизмами и т. д. они не спешили, явно тянули резину. К началу войны мы получили за свою сельскохозяйственную продукцию гигантскую коробку из отличной стали — корпус корабля без артиллерийского вооружения, а башни главного калибра по проекту должны были быть оборудованы 180-мм орудиями, без главного турбозубчатого агрегата (ГТЗА) и другой «начинки». Началась война, и вопрос об окончании строительства корабля отпал сам собой. В конце 1950 года «Таллин» был превращен в металл для изготовления иглоков.

Легкий крейсер «Чапаев»

А пока, пройдя через верхнюю палубу тяжелого крейсера «Таллин», я оказался на юте легкого крейсера «Чапаев». Зашел в каюту № 45, ставшую мне постоянным жильем в течение трех лет. Только успел бросить на кровать все свое имущество, поместившееся в двух небольших чемоданах, как вызвали с документами к старшему помощнику (старпому) командира Анатолию Павловичу Подруцкому.

Он посмотрел только «красный» диплом, остался очень доволен и после короткого установочного разговора я, окрыленный перспективой предстоящей службы, вернулся в свою каюту.

Командиром крейсера был назначен на эту должность около года назад контр-адмирал Абашвили. Сменил он капитана 1 ранга Мещерского, потомственного князя и потомственного моряка, осужденного на 5 лет заключения военным трибуналом после Таллинской трагедии, о которой коротко расскажу ниже. Вскоре умер начальник штаба контр-адмирал Романов, на его место назначили Абашвили, а командиром «Чапаева» стал старпом Подруцкий. В начале 1951 года ему было присвоено звание капитана 2 ранга, а в сентябре того же года 34-летний Подруцкий стал капитаном 1 ранга. Очень толковый и, главное, грамотный, думающий офицер. Это не помешало, однако, вскоре

и ему сесть на скамью подсудимых и получить свои три года. Он был лишен воинского звания, наград, уволен из Вооруженных сил, исключен из партии. Но об этом подробно позже, так как я оказался живым и в какой-то степени даже действующим свидетелем тех трагических событий.

А пока я благоустроивался в своей новой «квартире», знакомился с соседом по каюте Игорем Журавлевым, начал принимать дела и обязанности командира 3-й артиллерийской башни дивизиона главного калибра, то есть 240 тонн отличной стали, из коих 165 вращаются, а остальные неподвижны, как египетский сфинкс, начиненный большим количеством электродвигателей, оборудования, устройств, приборов. Все это хозяйство обслуживали по «боевой тревоге» 68 человек (вместе со мной), в перерывах между тревогами — 46. Мой предшественник по должности старший лейтенант Синопальников Володя был назначен на преподавательскую работу, «на бережок». Не скрывая радости от такой перспективы, он только ждал, кому бы сдать дела.

8 декабря 1950 года мы с ним закончили приемку-сдачу дел, оформили акт и договорились процедуру торжественного подписания «Акта сдачи-приема дел...» совершить в понедельник 11 декабря, утвердить у командира БЧ-2 (командира артиллерийской боевой части, старшего корабельного артиллериста) Ф. Н. Зенина, а затем в узком кругу дома у Синопальникова (а он был жителем славного Ленинграда) отметить это радостное событие в полном соответствии с русскими и морскими традициями.

В субботу, 9 декабря, вечером счастливый Володя сошел на берег, уюлившись на «сквозняк», то есть с вечера субботы до подъема флага в понедельник. Однако прибыть ему на корабль в понедельник было не суждено.

Утром 10 декабря, после завтрака, до подъема флага, во время малой приборки по корабельной трансляции всех офицеров собрал в большой офицерской кают-компании командир корабля. Без всяких вступлений выступил заместитель командира по политической части Литвинов. Тихим, каким-то испуганным голосом он объявил о том, что «у нас ЧП, сегодня ночью арестован наш офицер, коммунист старший лейтенант Синопальников». Далее уточнил, подчеркнув: «арестован органами (то есть ребятами из Большого дома на Литейном проспекте), ему предварительно инкриминируется ст. 58 УК РСФСР». А пока: «Не болтать», «Не обсуждать», «Не паниковать», «Органы разберутся».

Вечером того же дня вместе со старшиной башни мичманом Сергеем Васильевичем Рыбаковым, электриком дивизиона Морозовым я отправился домой к Синопальникову. По иронии судьбы он жил с женой Ниной на Литейном проспекте недалеко от Большого дома.

Нина, вся в слезах, с распухшими от бессонной ночи и пережитого глазами, пугаясь и то и дело прерываясь, рассказала, что случилось прошедшей ночью.

Володя пришел вечером вместе со своим другом, тоже морским офицером, Юрием Титовым. Они принесли с собой пару «огнетушителей» и решили обмыть назначение Володи. Крепко выпили. Как всегда бывает в таких случаях у «малопьющих», показалось мало. Пошли за дотацией. Происходило это все накануне выборов в Верховный Совет СССР и везде висели государственные флаги и большие портреты старцев из Политбюро. Встретив по пути висящий на стене какой-то школы подобный иконостас, два друга

спяну понесли громкими голосами всякую непотребную чушь в адрес избитых на портретах. Подвернувшаяся откуда-то из подворотни так некстати дворничиха подняла шум и начала свистеть в свой свисток, призывая к порядку пьяных «фулиганов». Друзья сразу поняли, что дело запахло жареным и, не дожидаясь, когда на свисток дворничихи сбегутся милиционеры, прекратили «критиковать» вождей, безмолвно взиравших с высоты своего положения на расшалившихся «фулиганов». Пьяные Володя и Юрий освободились от «хвоста» в образе свистящей дворничихи, купили две бутылки прозрачного, как детская слеза, «доппель-кюммеля» и благополучно вернулись домой.

Там добавили. Володя загрустил, стал было рассказывать Нине о происшествии под иконостасом, но свалился на кровать и уснул. Юра Титов оказался крепче своего друга, посидел еще немного, выпил пару стопарей, извинился перед Ниной и ушел. Примерно через час он вернулся, но не один, а с двумя молодыми мужчинами крепкого телосложения, которые предъявили Нине удостоверения оперативных уполномоченных областного управления КГБ. «Ребята» разбудили Володю и, когда тот стал отмахиваться от них как от назойливых мух, быстро его «успокоили», затем помогли одеться и увели с собой. Титов, ни разу не взглянув на Нину и не попрощавшись с ней, ушел вместе с ними. Вскоре один из оперативников вернулся вместе с женщиной и женщиной, которая и была, по мнению Нины, той самой дворничихой, что свистела в свисток и ругалась на месте происшествия, а мужчина — ее муж. Оперативник в присутствии понятых произвел обыск в квартире, то есть все перевернул и разбросал в поисках «крамолы». Естественно, ничего, кроме пустых бутылок и обычной утвари, он не нашел и не мог найти. Прихватил для солидности и убедительности несколько бумаг из стола и пару книг с книжной полки и ушел. Нина показала учиненный в квартире разгром. Успокоив ее, насколько это было можно, мы вернулись на корабль. Настроение от всего увиденного и услышанного было, мягко говоря, гнусным, подавленным. Позже мы узнали, что «большая тройка» «оценила» «преступление» Владимира Синопальникова в 25 лет лишения свободы по статье 58 УК РСФСР. До этого момента на все ходатайства о свидании с мужем Нина получала категорический отказ. Но она со дня ареста начала писать во все инстанции. Получала стереотипные ответы: «Суд установит степень вины...», «Приговор вынесен в точном соответствии...», «Оснований для пересмотра дела не усматривается...» и т. д. Обращения даже к Калинин и Сталину никаких конкретных результатов не дали. После смерти Сталина Нина начала писать по новому кругу, писала всем, кто мог помочь. Со своей стороны Синопальников тоже не сидел сложа руки, писал из мест заключения. В результате они все же добились пересмотра дел. Срок заключения «государственному преступнику», «агенту разведывательных служб одного из империалистических государств» скостили на 10 лет. Слышал, что Володя был освобожден значительно раньше вновь установленного срока, а когда точно, мне неизвестно — Нина из Ленинграда уехала.

После моего вступления в обязанности командира башни жизнь потекла как по хорошо наезженной колее: занятия, учения, тренировки. Были на первых порах эпизоды, которые как-то разнообразили однообразные будни. Ситуация как-то в каюте, готовлюсь к занятиям. Телефонный звонок. Снял трубку.

— Каюта № 45? Лейтенант Ежков?

— Вы не ошиблись.

— С вами говорит помощник командира. Вы уже уплатили за проживание в каюте?

— Нет. А что?

— Срочно уплатите. — Короткие гудки.

Чертыхаясь, иду к помощнику командира Гусеву, докладываю о цели прибытия. Несколько секунд он соображал, потом расхохотался и сказал, что проживание в каюте и вообще службу на корабле полностью оплачивает государство, да еще мне будет приплачивать в виде оклада за должность, оклада за звание и кое-каких приплат помимо этого.

Через несколько дней опять звонок:

— Командир 3-й башни?

— Да.

— С вами разговаривает командир электротехнического дивизиона Максюта. В соответствии с приказом командира корабля (№...от...) я провожу инвентаризацию всех потребителей электроэнергии для бытовых нужд. Подготовьте мне, пожалуйста, следующие данные по своей каюте: потребитель (лампа, вентилятор и т. д.), место установки, потребляемая мощность. Через 15—20 минут я зайду за информацией.

Вооружившись отверткой и плоскогубцами, я приступил к работе. Вскрыл плафоны, люстры, бра и вообще все, что можно вскрыть и открутить и что не вскрывалось со дня постройки корабля. Все разбросано, в каюте пылища, беспорядок. Стук в дверь. Входит командир группы управления артогнем Лев Анисимов. Он окончил училище и прибыл на крейсер «Чапаев» всего на два года раньше меня, а ведет себя как ветеран. Хохочет, издевательским тоном спрашивает: «Ну, как дела? Все переписал? Теперь собирай, закручивай, а бумагу с описью оставь у себя, можешь ее использовать в гальюне по прямому назначению. Это я звонил, пошутил. Ты уж извини». Не очень вежливо, но от души обматерил Леву, ведь служим-то мы с ним в одной БЧ и дивизионе. Лев вообще был пижон, как и большинство молодых морских офицеров. Его идеалом был Юрий Левитин из «Капитального ремонта» Л. Соболева. И был готов «...Ирину на улице кидать и материть чужого матроса в три света вполголоса, коли он не откозырял». Вообще-то увлекаться «Капитальным ремонтом» для флотского офицера не оригинально, это была настольная книга большинства морских офицеров, за исключением, пожалуй, механиков (маслопупов). Позже, на эсминце «Отчаянный», у меня будет служить офицер Овчаренко. Так он переложил (или, точнее, пытался переложить) «Капитальный ремонт» на стихи.

Такие шутки, розыгрыши — обычное явление при появлении на корабле молодых офицеров, матросов. Матросов заставляют точить лапы якоря, продвигать макароны и т. д. Эти безобидные шутки быстро прекращаются, как только молодые освоятся на новом месте.

На первых порах на берег сходили с корабля редко, хотя соблазнов в Ленинграде более чем достаточно. В пяти минутах ходьбы от завода Дворец культуры им. Кирова с его знаменитым Мраморным залом. Рядом ресторан «Балтика». В редкие дни увольнения выполнял обязательную программу минимум: Эрмитаж, Русский музей, Петропавловская крепость, крейсер

«Аврора», Военно-морской музей, театры Кировский (Мариинка) и Пушкинский (Александринка), филармония. Стал постоянным гостем в общежитии Библиотечного института (институт культуры), в котором учились девочки из Давлеканово, бывшие детдомовки Вера Тюнина и Вера Массарская.

Но львиная доля времени была заполнена служебными делами. Правда, мне повезло. Старшиной башни был мичман Рыбаков Сергей Васильевич, старшинами команд и отделений — Кузнецов, Киловатый, Бурухин, Балакирев, Татаринов. За спиной мичмана Рыбакова я был как за каменной стеной. Все матросы и старшины в башне были старше меня по возрасту, а Рыбаков был старше всех их, он был 1917 года рождения, то есть одноклассник с командиром крейсера, и его авторитет в башне был непререкаем. Я, молодой лейтенант, допустил по отношению к нему непростительную ошибку и в его лице потерял надежного помощника и товарища. Шел по Невскому проспекту и случайно увидел мичмана в трамвае № 7 (в те времена по Невскому еще ходили трамваи и в том числе № 7), а он должен был быть на корабле, так как был день схода на берег командира башни. Не поленился, мальчишка, вернулся на корабль, дождался, когда вернется с берега Рыбаков. Надо было бы ограничиться разговором или устным выговором: подумаешь, сошел без разрешения на берег на несколько часов. Я же раздухарился, стал с ним разговаривать строго официально и арестовал его на 3 суток. Он сразу отдалился от меня, стал выполнять все «от» и «до», не более. Затем между нами возник еще один конфликт. Командир дивизиона главного калибра, естественно, встал на мою сторону. Рыбаков был оскорблен (на 12 лет старше меня, опытный специалист, авторитетный мичман!), обижен, подал рапорт об увольнении со службы. Я не принял мер, чтобы задержать его. Короче, он ушел со службы, а мне служить стало тяжелее в несколько раз. В 1960 году случайно встретил его на ул. Балтийской (он ленинградец и жил в этом районе). Даже по прошествии 10 лет обида на меня не прошла. Встреча была сухой, даже напряженной. Разошлись, как в море корабли. Ну что же: молодо-зелено, неопытность, гонору много, а знаний, опыта мало.

Упомянутый чуть выше главстаршина Кузнецов был на корабле известным человеком, который чудом избежал смерти благодаря одной женщине. Дело было так. Осенью 1949 года крейсер пришел в Таллин и встал на внешнем рейде. Вечером увольняемые сошли на берег. К полуночи, ко времени возвращения увольняемых на корабль, разыгрался шторм. За уволенными отправили корабельный барказ, хотя сильный ветер развел большую волну. Барказ принял на борт уволенных, загрузившись сверх нормы. Он только отвалил от причала, как появился взмыленный от бега Кузнецов. Главстаршина подбежал к краю причала, решил прыгнуть. Но порывом ветра у него сорвало фуражку. Пока он ловил ее, барказ отошел уже от причала далеко, прыгать было нельзя. Кузнецов крикнул, чтобы доложили дежурному по кораблю, что он прибыл из увольнения, остался на причале, ждет следующего рейса. Не дождался. На барказе заглух двигатель, его развернуло лагом к волне, захлестнуло волной. Барказ перевернулся. Многие матросы были навеселе, одеты в бушлаты. Можно только представить, что творилось в воде, когда там одновременно оказалась плотная масса людей. Темень, волна, ветер, люди как селедки в бочке. В результате — страшная трагедия. По счастливой случайности спаслись единицы. Кого-то волной и ветром набросило на

якорь-цепь стоящего на рейде гражданского судна, а утром увидели чудом уцелевшего переохлажденного матроса и сняли, кто-то случайно в полной темноте доплыл до берега. Погибло 56 человек. Главстаршина Кузнецов родился под счастливой звездой. Началось с того, что его долго не отпускала женщина, у которой он был на берегу. Время поджимало, и всю дорогу до причала Кузнецов бежал. Что было дальше — известно. Этот трагический день Кузнецов отмечал как свой второй день рождения. И каждый раз, когда корабль приходил в Таллин, он обязательно посещал свою спасительницу. Совсем иначе повело себя провидение по отношению к лейтенанту Горюнову. Он доплыл до корабля, хотя был одет в шинель. С борта крейсера на бросательном конце ему подали спасательный круг. Обессиленный до предела, он попытался схватиться за круг. В этот момент высокая волна накрыла его с головой, забросила полы шинели на голову и не оставила ему ни одного шанса на спасение. Несколько человек прыгнули за борт, рискуя собственными жизнями, но помочь ему ничем не могли.

Вопиющая несправедливость судьбы! С таким трудом проплыть в штормовых условиях, в темноте, полностью одетым, доплыть до корабля и погибнуть у самого его борта на глазах у сослуживцев и товарищей!

В отношении командира корабля было возбуждено уголовное дело. Военный трибунал осудил Мещерского на 5 лет лишения свободы. Он был лишен воинского звания, наград, уволен из Вооруженных сил. Так бесславно закончил службу отпрыск известного аристократического рода, потомственный моряк князь Мещерский: несмотря на то что офицеры корабля, за исключением молодежи, состояли в КПСС, все очень переживали эту трагедию и переживали за Мещерского.

Вообще «Чапаев» вошел в историю помимо определенных заслуг, так как впервые в этой самой истории получил приз Главнокомандующего ВМФ по артиллерийским стрельбам, отобрав его у элитного «паркетного» Черноморского флота, еще и какой-то фатальной невезучестью.

До постановки в Балтийский завод на гарантийный ремонт — тяжелейшая, не имеющая аналогов в истории, трагедия с многими человеческими жертвами в Таллине в 1949 году. Вышли с Балтийского завода, где в процессе гарантийного ремонта устранили все поломки, заменили слабые узлы, агрегаты, механизмы, сделали профилактику, конструкторские доработки, то есть все подчистили, проверили. Пришли в Кронштадт, встали в док. Обсохли, «уселись» на киль-блоки. Борта обросли лесами, подвешенными беседками. Закипела работа с водозаборными и водозапорными устройствами, по очистке днища и т. д. Вдруг обнаруживается поступление в док воды из-за неисправного батапорта. Док затопили, батапорт отбуксировали на ремонт. Отремонтировали. Закончили доковать, вышли на рейд. Чуть ли не на первом же учении совершенно случайно главстаршина Аракчеев обнаруживает небрежное, халтурное крепление штормовых захватов КДП (командно-дальномерный пост), удерживающих его от падения (представляете, рухнет «игрушка» весом 22 тонны с высоты 24 метра!). При качке, а ведь он, КДП, вращается в секторе $\pm 175^\circ$! Трудно себе представить возможные последствия такой преступной халатности заводчан.

Несколько позже, уже в Палдиски, горизонтальный наводчик моей 3-й башни матрос Гобин, человек педантичный, дотошный и во всем очень

аккуратный, обнаружил (и опять совершенно случайно) отсутствие боевых захватов, предотвращающих опрокидывание вращающейся части башни (165 тонн!) с неподвижной ее части при залпе. При крене в штормовых условиях эту задачу выполняют штормовые захваты, которые стояли на месте.

Наконец, столкновение крейсера «Чапаев» с эсминцем «Ответственный» 24 марта 1952 года. Погибли два мичмана. Командир корабля осужден военным трибуналом на три года. Были, разумеется, и другие, менее значительные происшествия, которые на общеплотском фоне можно квалифицировать как будничные, рядовые.

Крейсер «Чапаев» даже своей окраской выделялся среди боевых кораблей сначала на Балтике, затем — на Севере.

По приказанию Абашвили, а затем с его легкой руки и его преемниками, корабль покрасили не в мрачный шаровый цвет, как всех его собратьев на флоте, а в веселый светло-голубой. Маскировщики штаба флота возражали, возмущались, но Абашвили, а затем Подруцкий со свойственным сынам солнечной Грузии и Малой России упрямством стояли на своем: светлые тона бортов, надстроек корабля воспитывают у матросов, старшин и офицеров такие качества, как морская культура, флотская аккуратность, бережное отношение и, наконец, любовь к своему кораблю. У кого хватит совести плевать, бросать окурки за светлый борт, прислоняться задницей к такой же светлой надстройке!

Сначала, еще на Балтике, «Чапаев» с уважением называли «Белый лебедь», таким он выглядел при появлении на горизонте: легкий, светлый, стремительный. Затем стали называть снисходительно, свысока — «Балериной». Мы все ожидали, и не без веских оснований, что следующим его прозвищем в ближайшее время будет оскорбительное «Проститутка», но на Северном флоте командование оказалось более жестким и принципиальным, и крейсер «Чапаев» приобрел обычный шаровый цвет, какой имеют все военные корабли, и большие и малые. Да это и правильно. Светлая окраска корабля демаскировала его на фоне свинцовых волн беспокойного Баренцева моря.

В связи с изложенным выше одно интересное наблюдение. Парадоксально, но оба проштрафившихся командира «Чапаева», Мещерский и Подруцкий, осужденные трибуналом к 5 и 3 годам соответственно, не относились к худшим, не были случайными выскочками, карьеристами в плохом смысле этого слова, блатными, с длинной лапой. Оба добились должности добросовестной службой. Оба пользовались исключительным авторитетом и уважением за деловые, профессиональные и командирские качества, как офицеры, фанатично преданные душой и телом военно-морской службе. Не повезло? Нет, судьба расправилась с ними так жестоко за какие-то грехи, о которых знала только она.

Но до этого еще далеко. Пока корабль стоит в Балтийском заводе на гарантийном ремонте. Командует кораблем капитан 1 ранга Подруцкий Анатолий Павлович. Время неумолимо приближается к Новому, 1951 году. В Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова я познакомился с очень симпатичной Тамарой Ивановой, начинающей балериной кордебалета этого прославленного театра.

31 декабря вечером зашел к ней домой на ул. Декабристов, напротив Дворца культуры им. Первой пятилетки. Надо было ехать встречать Новый год к брату, который с женой и тещей жил на 2-й линии Васильевского острова.

Будущая Уланова что-то гладила, надевала, смотрелась в зеркало, снимала, снова что-то надевала, то есть собиралась как большинство женщин, долго и бестолково. Через пару часов она была готова. До Нового года оставалось около часа. Транспорта нет, видимо, водители начали провозжать старый год. А время поджидает. Такси не поймать. Пытаюсь остановить любую попутную легковую машину. Наконец остановилась зеленая «Победа». Сели в нее, поехали. Водитель тоже явно спешит. Попросил его подъехать к углу 8-й линии и набережной Лейтенанта Шмидта. Пригласил зайти в подвальныйчик, где было небольшое кафе. В кафе ни души. Заказал два по 150 граммов коньяка «Двин». Выпили с водителем за Новый год. Стал рассчитываться за коньяк, а водитель опередил, сунул бармену ассигнацию:

— Сдачи не надо.

Я стал протестовать, а он смеется:

— Ладно, пойдемте, а то ваша симпатичная спутница, наверное, ругается, надо спешить.

Подшли к машине, где нервничала Тамара, спрашиваю у водителя:

— Начальника, наверное, возите? Занавески, ковры в машине.

— Не совсем так. Это моя машина, а я — директор фабрики «Красный треугольник».

У меня челюсть чуть не отвалилась от стыда и удивления. Он рассмеялся и будто не замечает моего смущенного вида:

— Садитесь, довезу до места, ехать по пути.

И довез. Попрошались тепло, он дал свой адрес, домашний телефон, быстро сел в машину и уехал. Когда мы с Тамарой вошли в квартиру брата, до Нового года оставалось несколько минут.

Вскоре после Нового года Тамара уехала с мамой в Омск. Позже она переехала в местный театр оперы и балета.

Весной наша 3-я башня весело отметила радостное событие: сменил статус холостяка на женатика горизонтальный наводчик старший матрос Гобин. Рядовое, в общем-то, событие, если не учитывать, что в башне был всего один женатый человек — мичман Рыбаков.

Вскоре стало известно, что в Москве принято решение о перебазировании с Балтийского моря на Север двух новейших в то время крейсеров «Чапаев» и «Железняков». Жизнь на «Чапаеве» закипела. Качество ремонтных работ улучшилось, сроки сжались. Все заявки корабля удовлетворялись быстро, без обычной у наших тыловиков волокиты и формализма. Сдали две задачи КНК («Курс надводных кораблей»), и на грот-мачте заполоскал косицами, лаская взор «чапаевцев», выпел, что означало вступление корабля в строй боевых кораблей и тридцатипроцентную надбавку к денежному довольствию, за что его (вымпел) и называли «длинным рублем».

Вечером, накануне дня выхода из Ленинграда, сошел с корабля попрощаться с красивой и такой родной северной столицей. По дороге к проходной завода встретил главного старшину Кузнецова. Не сговариваясь, выполнили поворот «все вдруг» на обратный курс и двинулись к ресторану «Балтика». Посидели там, поговорили о таком хорошем городе Ленинграде, о таких

хороших ленинградках. Посидели явно лишнее и перебрали. По корабельной сходне, по юту корабля шли к каютам в режиме автопилота. На следующее утро после подъема флага я был вызван в каюту командира корабля. Там уже сидели командир БЧ-2 Зенин Ф. Н., командир дивизиона главного калибра Соловьев В. М. (мой непосредственный начальник) и командир дивизиона малозенитной артиллерии (ДМЗА) Мадунц. Ругани, разносов, душеспасительной беседы не было. Всего лишь несколько уточняющих вопросов: «С кем? Где?» Далее в корректной форме командир крейсера объявил решение: «За возвращение на корабль с берега в нетрезвом состоянии и панибратские отношения с подчиненными лейтенанта... имярек... предать товарищескому суду офицерской чести. Дознание провести командиру ДМЗА Мадунцу». Закончилась эта очень неприятная история благополучно для меня.

Корабль ушел с Балтики, пришел к новому месту постоянного базирования в Североморск. Хлопоты, связанные с подготовкой к перебазированию, с переходом вокруг Скандинавии отодвинули на задний план всю текучку, повседневность. А на Севере вскоре после перебазирования при выполнении первой же калибровой стрельбы в лучшую сторону выделилась моя 3-я башня. На разборе результатов стрельбы командир крейсера положительно отметил 3-ю башню и действия ее командира. В заключение приказал Мадунцу оформить «Постановление о прекращении дознания» по грубому дисциплинарному проступку командира 3-й башни и это постановление утвердил.

Здравствуй, Заполярье!

Подготовка к переходу на Север шла полным ходом. После докования в Большом Кронштадтском доке ушли в Таллин, затем в Лиепаю, Балтийск. Здесь приняли полный комплект боезапаса, мазут, воду и прочие припасы и имущество. Была назначена дата и время выхода в море курсом на Североморск. Старшим на переход крейсеров был назначен командир крейсера «Железняков» капитан 1 ранга Роминов, прозванный за жесткость, угрюмый вид Роммельсбургом.

На период окончания подготовки к переходу и сам переход оба корабля перешли в оперативное подчинение к министру обороны маршалу Булганину Н. А. Хорошие наступили дни! Только отправишь семафор оперативному дежурному флота с заявкой на поставку кораблю топлива или воды, как через пару часов пыхтит тудяга-буксир с баржей, швартуется к борту и пополняет «под завязку» запас воды, мазута.

Переход прошел без приключений. Шли строем кильватера в боевой готовности № 2 (БГ № 2). Только в проливной зоне Балтийского моря и после выхода из нее, когда непрерывно барражирующий в некотором отдалении от крейсеров американский разведывательный самолет «Нептун» приближался на недопустимо близкое расстояние, пролетал над кораблями на малой (30—40 метров) высоте, да при входе в Кольский залив объявлялась боевая тревога, то есть БГ № 1.

Наконец прошли мы Нордкап, самую северную оконечность Европы, обогнули полуостров Рыбачий, вошли в Кольский залив. Миновали остров

Сальный и перед глазами предстала унылая картина: серые мрачные сопки с заплатками снега в ложбинах, низинах, притулившиеся к склонам сопки облупленные стандартные двухэтажные дома, сборные двухквартирные финские домики. Вдалеке просматривалось несколько больших современных зданий. Низкое, серое, без просветов, небо. У причала № 1 стояло несколько допотопных эсминцев английской постройки. Эти эсминцы, прозванные «шипками», англичане передали нам на время войны по ленд-лизу. Позже союзнички забрали свою рухлядь, отбуксировали за пределы наших территориальных вод и затопили: буксировка на «острова» обошлась бы дороже.

В день нашего прихода в Североморск утром 15 июня 1951 года погода была пасмурная, воздух пропитан влагой. Первое впечатление от нашего будущего пристанища было самым неблагоприятным, даже удручающим. Пройдет год-два, и оно сгладится: не Ленинград, конечно, рядом Мурманск, но жить можно.

Несколько успокаивало то, что есть, оказывается, на Северном флоте места и гораздо хуже. Например, Иоканьга в бухте Гремиха, прозванной Терпихой. Унылые, голые каменистые берега. И очень много ветра. Больше чем достаточно. Место на семи ветрах.

Через несколько лет из Таллина в Североморск на крейсере «Адмирал Ушаков» пришел мой старший брат Евгений. Он ругал последними словами Североморск, унылые, безрадостные местные пейзажи, и я как старожил искренне его разубеждал, указывая на его необъективность, предвзятость, как будто и забыл свои первые впечатления. Искренне, от души мы с женой расхохотались, когда увидели, как он был экипирован, сходя на берег с «Ушакова»: свитер, пуловер, теплое белье, шерстяные носки. Словно на Северный полюс собрался, а ведь за окнами стоял сентябрь, не самое холодное время года на Крайнем Севере.

Состязательная артиллерийская стрельба на приз Главнокомандующего ВМФ

Вскоре после прихода на Север на одном из выходов в море, у Новой Земли, мы попали в жестокий шторм. На полубаке волной срезало волнорез, на шкафуте — две вьюшки со стальным тросом, которые носились по верхней палубе, грохоча и круша все на своем пути, оставляя большие вмятины на надстройке. Неожиданно всех офицеров собрали в кают-компанию. Ожидали очередного группового разнosa, на сей раз за недобросовестное крепление «по-штормовому» всех устройств на верхней палубе. Больше всех переживал главный боцман Груздев: верхняя палуба — его епархия. Однако выступление командира корабля своей неординарностью поразило всех. Под беснование волн и ветра за бортом, грохот чертовых вьюшек он поставил на обсуждение два вопроса.

Во-первых, выполнить научно-практическую работу на тему «Основные закономерности влияния штормовых условий плавания на боеспособность корабля (на технику и на людей)».

Во-вторых, подготовить и выполнить одну из самых сложных артиллерийских стрельб на качке с использованием упредителя залпа.

И в первом и во втором случае требуется много выходов в море целевым назначением в наиболее экстремальных штормовых условиях.

Стрельбу на качке необходимо выполнить как состязательную на приз Главнокомандующего ВМФ. Вопрос принципиальный, так как этот красивый престижный кубок традиционен еще не покидал ни разу пределов «паркетного» Черноморского флота, где артиллерийские стрельбы выполняются крейсерами на «самом синем» и ласковом Черном море под жарким южным солнцем. Чаше — во время бархатного сезона. Крейсер «Чапаев» должен быть первым крейсером ВМФ, который нарушил бы эту традицию.

Выступили большинство участников этого необычного «штормового» совещания, даже сонные и очумевшие от непрекращающейся в течение более суток болтанки. Все поддержали инициативу А. П. Подруцкого, который заверил присутствующих, что, не откладывая в долгий ящик, с сего дня начнется разработка плана выполнения поставленных им задач и в нем будут учтены уже высказанные предложения, пожелания, а также те, что будут высказаны впредь. «Желательно до возвращения в базу», — добавил командир корабля.

Так весьма необычно, оригинально началась подготовка крейсера «Чапаев» к состязательной артиллерийской стрельбе на приз Главнокомандующего ВМФ.

Было признано необходимым начать с выполнения стрельбы по полной схеме планируемой состязательной, но с ограниченным числом залпов и на небольшой качке, то есть со стрельбы № 27А с упредителем залпа (УЗ). Для ее выполнения мы направились в Белое море, где обеспечение стрельб и метеоусловия позволяли решить задачу более качественно в короткие сроки.

Стрельба началась как обычно, без каких-либо эксцессов и не было оснований ожидать неприятностей. Именно поэтому одна из них нагрянула так неожиданно. Через 20—25 секунд после выполнения пристрелочных залпов телефонист моей башни матрос Веденин, волнуясь, доложил: «Вышел из строя прибор горизонтального наведения № 23». В голове промелькнуло: «Башня не наводится в горизонтальной плоскости, болтается где-то в промежуточном положении... Завал стрельбы со всеми неприятными последствиями!» И мгновенно родилось решение: «Горизонтальному наводчику — на запасной пост № 142!» Горизонтальный наводчик Гобин за какие-то 3—4 секунды проскочил в люк из верхнего перегрузочного отделения в боевое отделение, занял место у прибора 142, через несколько секунд вспыхнула синяя лампа «горизонтальное наведение выполнено», а еще через несколько — один за другим, как удары гигантского молота по стальному корпусу корабля весом более 20 тысяч тонн, загромыхали залпы на поражение всех четырех башен. Далее стрельба прошла без сучка и задоринки. Однако заминка с наведением 3-й башни не прошла незамеченной для командира корабля на Главном командном пункте (ГКП), заставила его поволноваться. На разборе стрельбы действия личного состава 3-й башни, включая и ее командира, во время выхода из строя прибора 23 были оценены командиром корабля довольно высоко. Он приказал с приходом в базу предоставить 10 суток отпуска с выездом в Ленинград матросу Гобину. А что касается командира 3-й башни, он сказал: «Действия его полностью одобряю. Вообще, командир 3-й башни — грамотный, толковый офицер, но... злоупотребляющий

офицер». Как я выше упоминал, он приказал Мадунцу прекратить дознание в отношении моего «хвоста», который тянулся из Ленинграда.

После стрельбы возвратились на свое место, встали на якорь у Никольского буя, от которого начинается входной фарватер в г. Молотовск (ныне Северодвинск). С разрешения командира корабля старпом Иван Иванович Ратанов организовал и возглавил культпоход офицеров. На берег сошла большая группа офицеров. Возвращение на корабль в 24.00. За уволенными придет тот же буксир, который доставил их на берег.

Побродили мы для общего ознакомления по городу. А был он в то время пасынком. В магазинах — шаром покати. Искали самое элементарное — водку, вино, вареную колбасу. На полках в магазинах — «спирт питьевой», твердокопченая колбаса и консервированный шавель.

Выручил ресторан Эдельмана. Там было все, включая крабов, икру, свежие овощи. Директором ресторана был в то время почти легендарный Эдельман, очень энергичный, деловой человек.

В итоге поздно вечером я оказался на острове Ягры, куда нас доставила самоходная баржа. Добраться назад на Угольный причал Северодвинска к отходу буксира возможности не было. Пришлось махнуть рукой на этот буксир и добираться первой баржей утром в 5.30. Еще на подходе баржи к Угольному причалу заметил на одном из буксиров, стоящих у причала, офицера с «Чапаева» Володю Гринчука. Сколько радости было от неожиданной встречи! Как-то легче стало на душе: все-таки не один я не явился на буксир. Одет Володя был довольно странно: в белой рубашке, без тужурки, без фуражки и даже без галстука, и, как позже выяснилось, без часов. Володя приятно провел время в теплой компании местных девочек. Когда и как он ушел из гостеприимной молотовской квартиры, помнил смутно. Вышеперечисленные предметы мужского туалета, по-видимому, остались в этой квартире, чем Володя был очень огорчен. Тем более, что во внутреннем кармане тужурки лежала приличная сумма денег, которую он взял с собой в Молотовск с благими намерениями — купить отрез драп-кастора на выходную шинель.

Через полчаса к Угольному причалу, к нашему великому удивлению и, чего греха таить, не менее великому удовлетворению, не очень твердой походкой стали подходить поодиночке и парами представители «Чапаева» более высокого ранга, чем мы, фендрики.

Подруцкий подразделял всех офицеров корабля на три категории:

«офицеры» — командиры боевых частей, дивизионов, служб, заместители и помощники командира;

«лейтенанты» — командиры групп, башен, батарей;

«интенданты» — офицеры интендантской и медико-санитарной службы, политработники, капельмейстер, физрук и т. п.

Он, например, объявлял о занятии так: «На занятия соберутся лейтенантам в салоне кают-компаний, офицерам — в большой кают-компаний, интендантам — в малой (старшинской) кают-компаний».

Просто, коротко и понятно.

Так вот, к причалу подходили доблестные представители первой, по командирской классификации, группы «офицеров», не успевших к последнему буксиру, как и мы, из второй группы «лейтенантов».

Только успели перекурить, как к причалу лихо ошвартовался крейсерский командирский катер, быстроходный и красивый. Старпом не выдержал и послал на берег катер за своими «культпоходниками». К тому же был понедельник, а большинство офицеров были руководителями групп политических занятий.

Спустились в кокпит катера, и он понесся по входному фарватеру к Никольскому бую, мимо землечерпалки, которая углубляет фарватер непрерывно с первого дня его создания. Углубляет его начало, добирается до конца, а начало уже заилилось, переходит в его начало, и цикл повторяется перманентно с перерывами только на зимний период, когда Белое море сковано льдами.

Подошли к левому трапу корабля. На его верхней площадке проштрафившихся встретил старпом Ратанов (он, конечно, как руководитель «культпохода», вовремя прибыл на корабль) и не очень радушно «пригласил» опоздавших к себе в каюту. Там уже сидел в мрачном расположении духа заместитель командира по политической части Литвинов: политзанятия под угрозой срыва! Для него это ЧП!

Конечно, старпом, как правило, приглашает к себе не на чашку чая. Володя Гринчук из катера не вышел, остался в его салоне: все-таки неудобно появляться на корабле, да еще пред строгие очи старпома, в таком nepотребном виде. Так и подняли его на борт корабля вместе с катером.

Вечером того же дня под каким-то благовидным предлогом отпросились у старпома и отправились с Гринчуком на берег. Володя напряг обрывки памяти и нашел-таки этот злополучный дом и квартиру. Мы были абсолютно уверены, что это бесполезные хлопоты, но для успокоения совести Володя решительно позвонил. Дверь открыла молодая женщина, она радушно заулыбалась, неподдельно обрадовалась возвращению блудного сына и пригласила пройти в комнату. Когда мы вошли в комнату, а там сидели все участники прошедшего «сабантуя», возникла гоголевская немая сцена, так что великий русский художник Репин мог бы написать с натуры второй вариант своей знаменитой картины «Не ждали». Хозяйка, видимо, женской интуицией, угадала тревожное состояние Володи, ушла в другую комнату и вынесла тужурку с фуражкой и часы. С полчаса посидели, «подремонтировали» головы и отправились, рассыпаясь во взаимных извинениях и благодарностях, на корабль. Второй раз подряд опаздывать на корабль было бы просто неприлично. Кстати, «драповые» деньги в полной сохранности (за вычетом затрат на «сабантуй») лежали в кармане Володиной тужурки.

После этого мы решили, что подготовку к состязательной стрельбе мы начали весьма успешно. Если не считать, конечно, сорванных политических занятий в нескольких группах.

Боцман и Машка

Все выходы в море, учения и тренировки отныне были посвящены одной цели — подготовке к состязательной стрельбе.

Стали обычными спонтанные, очень короткие выходы в море. Идет, например, на корабле плановая большая приборка в субботу. Вдруг всех

срывает с мест протяжный сигнал колоколов громкого боя и команда по корабельной трансляции: «Боевая тревога! Корабль экстренно к бою и походу изготовить!» Корабль споро, отлаженно готовится к выходу, снимается с бочки и, не теряя ни одной минуты, устремляется к выходу из Кольского залива. Оказывается, Подруцкому передали из штаба флота информацию о шторме или «мертвой зыби» в каком-то районе Баренцева моря и дали «добро» на выход. Приходили в указанный район. Получали, как большой ложку микстуры, свою очередную дозу болтанки, проводили учение, тренировки на качке и так же, не мешкая, деловито, полными ходами возвращались в базу, вставали на бочку.

Если же получали прогноз на устойчивую штормовую обстановку, то командир корабля подавал заявку в штаб флота на плановый выход в море «Чапаева» в сопровождении корабля обеспечения (обычно эсминца). Наличие двух кораблей позволяет полноценно имитировать будущую состязательную стрельбу, где крейсер выступает, естественно, в роли стреляющего корабля, а эсминец — в роли цели. То есть проводятся так называемые радиодальномерные учения (РДУ). На заключительном этапе подготовки провели две или три коротких, всего-то по три залпа, фактических стрельбы по эсминцу с выносом по целику. Подробно с отличным флотским юмором аналогичный способ стрельбы описан в одном из рассказов капитана 2 ранга Кирдяги под названием «Две яичницы» в книге Л. Соболева «Морская душа».

Если выход по плану или без такового почему-либо приходился на понедельник, то можно было быть уверенным: «Чапаев» от бочки не отойдет и на 200 м, так как Подруцкий, как очень многие моряки, был суеверным человеком и в понедельник в море не выходил. Как он говорил, «только под пистолетом...»

Короче говоря, подготовка к стрельбе шла полным ходом, во многом благодаря настойчивости в достижении поставленной цели, воле командира крейсера, отсутствию дефицита на штормы в Баренцевом море и, не в последнюю очередь, подъему, молодому задору офицеров, матросов, старшин.

Конечно, плавать все время в условиях жестокой болтанки, и не просто плавать, а специально искать подобно лермонтовскому «Парусу» и, к сожалению некоторых, успешно находить эти самые бури, штормы — далеко не сахар. Качка, особенно на больших кораблях, где она методична и имеет большую амплитуду, изнуряет и физически и морально любого человека. Даже поесть по-человечески нельзя. Тарелки, стаканы, ложки, вилки и ножи привольно гуляют по столу, все выплескивается, а специальная «штормовая» решетка на столе только что не дает свалиться на колени тарелке с флотским борщом. Вестовые матросы двигаются с тарелками и бачками от буфета к столам подобно цирковым артистам, стремясь удержаться на уходящей из-под ног палубе. От отдыха тоже никакого удовлетворения. Кому понравится лежать, когда неожиданно ноги оказываются гораздо выше головы, а через несколько секунд тело уже съезжает по кровати как по наклонной плоскости ногами вперед. Не говоря уж о том, что примерно с равными промежутками испытываешь отвратительное ощущение, будто все внутренности в теле покидают свои годами насиженные места и ты проваливаешься в бездну.

Ну ладно, мы, люди, страдали добровольно за свою навязчивую идею отличаться, получить почетный приз. А за что страдали невинные твари божьи? Им-то приз ни к чему.

Дело в том, что на борту «Чапаева» находились и вместе с нами «готовились» к ответственной стрельбе две сверхштатные единицы: пес беспородный, а попросту — дворняга по кличке Боцман, добродушный, смывленный, легко поддающийся матросской дрессировке, и круглый, как игрушка на новогодней елке, медвежонок по кличке Машка. История появления симпатичного увальня, впоследствии любимца всей команды корабля, такова. Один из матросов получил письмо из родной деревни в Кировской области о том, что их сосед-охотник принес домой из леса медвежонка. Матросы сразу же загорелись желанием заполучить на корабль живую игрушку. Матросы вообще очень заботливо относятся к «братьям меньшим» на кораблях: к собакам, медведям, кошкам и др. Правда, кошки на военных кораблях живут недолго. Видимо, их хрупкий организм несовместим с соседством тысяч тонн стали. По приказанию командования кораблем упомянутому выше матросу, к его неописуемой радости, оформили отпуск с выездом на родину, снабдили документами, деньгами и отправили за «молодым медвежьим пополнением». Сколько было радости на корабле, когда матрос возвратился с медвежонком! Еще бы, «Чапаев» был единственным кораблем на Северном флоте, где жил настоящий медведь! Опасения возможной несовместимости Машки, а именно так называли медвежонка женского пола, с дворовым псом Боцманом оказались напрасными. Машка и Боцман быстро нашли общий язык. Машка снисходительно относилась к проказам своего друга. Надо отдать должное и врожденной сообразительности дворового пса: по отношению к медвежонку он не допускал собачьих фамильярностей, и как только назревал малейший конфликт, с достоинством уступал «девушке», удалялся, не обостряя отношений. Сближала их, видимо, и такая мелочь, как трудности преодоления трапов. Вверх и тот и другой взлетали на одном дыхании, как бы играючи, а вот вниз... Создавалось впечатление, что у них две задние ноги абсолютно лишние и являются обузой.

И Машка и Боцман были великими проказниками и прирожденными попрошайками. Если пес был пассивным попрошайкой: просит, дают — хорошо, если не дают — отходит с независимым видом: «не очень и хотелось», то Машка — явно выраженная активная попрошайка: дают — отлично, воспринимает как должное: «иначе и быть не может», если кто-то не давал, злилась, требовала, пыталась сама взять. Вот, например, подходит она к раздаточному окошку камбуза, где стоят матросы-бачковые. Если кок прозевал этот исторический момент и не выдал сразу «кесарю — кесарево», то она тут же пролезает через окошко на камбуз и устраивает небольшой дебош: что-то смахнула лапой на пол, что-то схватила со стола. Забирает «гостинец» из рук кока и покидает камбуз через то же окно.

Нельзя было без смеха смотреть на «братьев меньших» во время торжественного подъема флага в праздник.

На обоих тельняшки, бескозырки, на шеях висят на цепочках боцманские дудки, на левых передних лапах повязки дежурного. Матросы их надрессировали заранее. На юте и шкафутах построены офицеры, матросы, старшины. Командир корабля стоит на правом фланге по правому борту. На левом борту

на правом фланге напротив командира корабля сидят лохматые друзья. Вахтенный офицер командует: «На флаг, гюйс, стеньговые флаги и флаги расцвечивания смирно!» Офицеры поворачивают голову к кормовому флагу, отдают честь. Боцман и Машка привстают на задние лапы, а верхние (передние) приподнимают вверх к бескозыркам. После подъема флага командир корабля командует «Вольно!» Не дожидаясь, когда вахтенный офицер скамандует «Вольно!», Боцман и Машка срываются с места, вскакивают на все четыре лапы и сломя голову несутся к ближайшему люку в матросский кубрик.

У Машки с Боцманом были дружеские отношения. Этого не скажешь о других представителях собачьего сословия. Нам довелось несколько раз сойти на берег в поселок Могильный, расположенный на восточном берегу острова Кильдин, во время стоянок корабля на рейде Могильный. Цель — прогуляться по бережку и выпулять медвежонка. Как только поселковые собаки унюхивали Машку, так, захлебываясь от ярости, неслись со всех ног к нам и с грозным лаем бросались на Машку. Машка вела себя уверенно, быстро садилась на задницу и проворно поворачивалась то влево, то вправо, но всегда мордой к ближайшей из нападающих собак. Когда та, потеряв голову от близости зверя, ослепленная яростью и азартом, оказывалась на опасном расстоянии, следовал молниеносный взмах тяжелой Машкиной лапы и собака отлетала в сторону с жалобным визгом и переломанным хребтом. За ней — следующая, все повторяется с завидной точностью. Остальные собаки нападающей стороны, понуро опустив головы и поджав хвосты, как по команде отбегают на безопасное расстояние и ограничиваются оглушительным лаем. После пары визитов в Могильный стало ясно, что наша Машка может нанести местному собачьему поголовью невосполнимый урон. Сменили место прогулок на противоположный берег, в устье реки Зарубихи. Собак там не было. А жил в избушке очень интересный старик, Петр Семенович, бывший кулак. В 1929 году после раскулачивания он сбежал от репрессий в эту глушь. Жил бобылем, почти безвыездно. Рыбачил, бил морского зверя, когда тот заходил в Зарубиху. За солью, мукой, спичками и керосином ходил зимой на лыжах в ближайший оленеводческий совхоз. Один раз в год добирался до Мурманска, где у него жила дочь. На все ее приглашения поселиться в Мурманске на постоянное жительство отвечал отказом: «Здесь тихо, спокойно, привык, доживу свой век». Ареста не боялся: «Кому я, старик, нужен?» Ругал незлобиво нас: «Приходите сюда, шума от вас столько!» А шумели-то всего лишь корабельные вентиляторы.

Машка патологически не переносила качку. Снялся корабль с бочки, идет по Кольскому заливу, матросы разбежались по тревоге (прохождение узкости). Машка деловито идет в матросские кубрики, открывает рундуки и шурует в них в поисках туалетного мыла, зубной пасты. В крайнем случае, не брезгует и зубным порошком. Любит полакомиться этими «деликатесами».

Перепахается, разбросает все по кубрику. Только крейсер выскочил из Кольского залива и, как всегда, начинается качка, так Машка сразу же валится там, где ее застала качка, и лежит трупом. С окончанием болтанки вскакивает и продолжает заниматься своими медвежьими делами. Еще очень любила закусывать окурками. Шла в так называемый предбанник — помещение под полубаком, из которого был вход в кают-компанию офицеров и вход

в салон кают-компаний. У поперечной переборки предбанника стоял кожаный диван, у которого собирались офицеры перед обедом, ужином в ожидании приглашения старпома. Над диваном за магистральями хранилась пепельница с окурками, изготовленная из гильзы унитарного 100-мм патрона. Машка залезла на диван, становилась на задние лапы и сбрасывала большую тяжелую пепельницу. Пофыркивая от удовольствия, лакомила окурками: так вкусно, что даже коричневая от табака слюна капает с морды.

Однажды она после легкого обеда из свежих окурков решила нанести неофициальный визит в каюту помощника командира В. А. Гусева, для чего подошла к каюте, привычно, по-хозяйски, нажала лапой на ручку и открыла дверь. Гусева на месте не было. Она лапой смахнула все лишнее, на ее медвежий взгляд, со стола и забралась на кровать. Когда вернулся хозяин каюты и увидел учиненный там погром, то естественным порывом было прогнать лохматую хулиганку. Не тут-то было! Машка встала на задние лапы и недвусмысленно заявила свои права на эту уютную берлогу. Гусев мгновенно ретировался, нашел матроса, который ухаживал за медвежонком. Машка безропотно покинула вместе с ним каюту помощника командира.

Неуклюжий медвежонок и добродушный пес много времени проводили вместе, проказничали, играли. Машка была неуклюжей только на первый взгляд. Она была проворной, ловкой. Матросы очень любили подыгрывать «братьям меньшим» в их совместных играх. Но однажды на одном из выходов в море Боцману не повезло. Гоняясь друг за другом на юте (а качки, к великому сожалению, не было и Машка весело носилась с Боцманом), пес случайно задел стойку, которая удерживала крышку люка, ведущего в кубрик № 10. Небрежно установленная нерасконтреннная стойка не удержала крышку, та упала и перебила пса пополам. Машка очень переживала гибель друга, но потом продолжала проказничать в одиночку. Иногда по воскресеньям офицерам разрешали приводить детей младшего возраста на корабль. Матросы с удовольствием развлекали малышей. Мальчишки самозабвенно играли с медведицей, возлились, боролись на полубаке, где было оборудовано место для курения матросов и старшин. Машка становилась на задние лапы, обхватывала соперника передними лапами и, как заправский борец, к неописуемому восторгу болельщиков, в первую очередь детей, стремилась повалить соперника. Если это ей удавалось, то она сразу теряла интерес к поверженному на палубу мальчишке. Начинался следующий поединок. Если успех сопутствовал, а такое тоже бывало иногда, хотя и очень редко, мальчишке, то Машка злилась, не кусалась, нет, но зубы показывала. Могла за такой необдуманный поступок ударить лапой по спине, плечу победителя. Лапа хоть и мягкая, но тяжелая, и мальчишка отлетал от нее на пару метров.

У Машки клыки были подпилены. Они подросли и стали разрушаться, причиняя ей, видимо, знакомую всем нестерпимую боль. Хозяйка становилась все более злой и раздражительной. Было решено удалить ей клыки. Корабельные врачи Нема Кантор и зубной врач Вася Дашкевич обманным путем заманили Машку в зубо врачебный кабинет, привязали к креслу и вырвали больные клыки.

Сделав доброе дело Машке, эскулапы обрели в ней злейшего врага. Стоило тому или другому встретиться с ней где-нибудь на палубе, как медведица проявляла к нему повышенный интерес. У врача срабатывал врожденный

инстинкт самосохранения, и он с проворством белки взлетал по скоб-трапу на ближайшую надстройку. Медведь по скоб-трапу лазать не умеет.

Со временем всеобщая любимица заметно подросла и стала представлять реальную опасность для окружающих. Возник вопрос: что делать со зверем? Пристрелить? Жалко, Машка стала по существу полноправным членом команды крейсера. Держать на свободе — опасно, в клетке или на цепи — и жалко и неинтересно. Решили отвезти ее в Ленинград и передать в качестве презента местному зоопарку. Так и сделали. Настал момент, и Машка спустилась в сопровождении матросов в катер. Вахтенный офицер построил вахту у трапа, вышел на его верхнюю площадку, приложил руку к головному убору. Катер с крючковыми на носу и корме отошел от борта, горнист сыграл «захождение». Все почести отданы, Машка отправилась в Ленинград. Матросы, сопровождавшие Машку в Ленинград, позже рассказывали, как она рвалась, буянила, когда ее за цепочку повел работник зоопарка, как она не хотела там оставаться. У них защемило сердце и мелькнула шальная мысль: «А не забрать ли ее с собой назад, на крейсер!» Но здравый рассудок и исполнительность одержали верх над минутной слабостью.

Яша, теща, семга и «закон бутерброда»

Примерно этот период времени, а точнее — август 1951 года, ознаменовался одной суперанекдотичной историей. Трудно при первом беглом знакомстве поверить в ее достоверность. Но все было именно так и в той последовательности, как изложено ниже.

Эта история, состоящая из нескольких эпизодов, каждый из которых возникал в результате неотвратимости действия «закона бутерброда», или иначе — «закона подлости», можно объединить под общей рубрикой «Нарочно не придумаешь!». Придумывать никто и не собирался. Жизнь сама преподносит и накручивает так, что лучше и не придумать.

Командиром дивизиона живучести на крейсере «Чапаев» был Яша Пастернак. Неофициальная краткая характеристика Яши должна выглядеть примерно так: невысокого роста, плотный, подвижный, остроумный, шахматист, грамотный специалист. Офицеры и матросы относились к нему с искренним уважением. Периодически Яша организовывал и давал сеансы одновременной игры в шахматы на 10—16 досках и неизменно побеждал с очень внушительным, чаще — разгромным счетом. Он был не начинающим, а уже опытным перворазрядником. Кроме того, был активным пропагандистом и популяризатором на корабле этой умной древней игры. Но у Яши была теща. Относился к ней Яша вполне лояльно, доброжелательно.

Так вот эта самая теща несколько раз писала дочери и любимому зятю о своем огромном желании поесть вволю настоящей семги. А надо заметить, и теща, наверное, знала об этом, что лучшая в мире семга водится на нашем Севере. В частности, она нерестится во многих небольших речках Кольского полуострова, Белого моря.

В те времена семга еще не была большой редкостью. В Мурманске в специализированном рыбном магазине на бывшем проспекте Сталина недалеко от Пяти углов и в так называемом железнодорожном магазине можно было

без особых хлопот приобрести 1 килограмм свежепосоленной в тузлуке семги за 75 рублей.

После настоячивых приглашений Яши и его жены теща приехала в Североморск. Зять ездил в Мурманск и привозил семгу, жена кормила маму. Погостив у дочери с зятем в Заполярье и наевшись семги авансом на всю ближайшую пятилетку, теща засобиравлась домой. Яша вяло возражал, но специально поехал в Мурманск и привез теще сверток деликатесной рыбы, чтобы та взяла ее с собой, не забывала гостеприимный Север и зятя в том числе.

Приехали втроем в Мурманск, пошли в железнодорожную кассу за билетом на поезд. Теща вспомнила в этот момент, что оставила в Североморске, на кухне, сверток с рыбой. Естественно, расстроилась. Яша ее успокоил: «Пустяки, дело элементарно поправимое» — и, чтобы окончательно успокоить ее, купил билет в мягкий вагон. Затем пошли в магазин и без помех купили семгу. В соответствии с расписанием подошел их поезд.

Яша с женой посадили тещу-мamu в ее вагон, растроганная теща всплакнула, а Яша смахнул с ресницы наворачнувшуюся скупую мужскую слезу. Помахали руками, прошли за набирающим скорость поездом с сотню шагов, и теща уехала. Яша зачем-то полез в карман тужурки и извлек оттуда железнодорожный билет в мягкий вагон только что ушедшего поезда. Жена его ойкнула по поводу билета, сразу ойкнула второй раз и побежала в буфет, куда они заходили перед отходом поезда выпить по чашечке черного кофе и где она оставила сверток с рыбой. Яша и в этой критической ситуации не потерял присутствия духа. Он решительно направился к железнодорожному начальству, все объяснил и попросил, чтобы его любимую тещу, которая ехала де-юре заурядным зайцем в мягком вагоне, вежливо ссадили с поезда в Кандалакше, куда он, Яша, поедет ближайшей оказией и доставит теще билет. Начальство робко заявило, что оно телеграммой подтвердит сам факт наличия у Яши оплаченного билета на занимаемое тещей место и та может спокойно ехать дальше. Яша отказался, заявив, что он не может допустить, чтобы его теща ехала на птичьих правах, он сам поедет в Кандалакшу, лично вручит теще билет и принесет ей свои самые искренние извинения. В итоге тещу высадили в Кандалакше, как позже выяснилось, при ее активном сопротивлении, со скандалом. Тем более, что высаживали ее не очень вежливо. Яша взял билет на ближайший поезд, забрал сверток с семгой и выехал в Кандалакшу. Тещу застал на вокзале, скучающей и вконец расстроенной. От ее восторга по поводу приема, оказанного ей детьми в Североморске, не осталось и следа. Через много часов после этой встречи на Кандалакшском вокзале Яша все еще с ужасом в глазах рассказывал, что его теща напоминала разъяренную львицу. На нее убийственно подействовала беспардонная высадка из поезда, но несколько успокоили билет и сверток с семгой.

Переоформив билет и вручив теще злополучную семгу, Яша посадил ее в поезд. Попрошавшись, вяло помахав в очередной раз рукой, теща уже не плакала от умиления, а на Яшиной реснице не появилась скупая мужская слеза.

Вздыхнув с облегчением, что все благополучно закончилось, Яша вернулся в Североморск. Подошел к дому, квартира заперта, жены нет. Он уже ничему не удивился, так как понял, что еще не все кончилось, обреченно достал ключ от квартиры (у них с женой был один на двоих ключ) из собственного

кармана и, не заходя домой, пошел по Североморску искать жену. Нашел у кого-то из знакомых. Как прошла эта не совсем теплая встреча супругов Пастернак, знают только они и приютившие Яшину жену знакомые.

В заключение повторюсь. Все рассказанное выше — не байка, не военноморская травля (ВМТ) и не плод фантазии автора, а неумолимая правда. Хотите верить — хотите не верить.

Приз Главкома завоевал крейсер «Чапаев»!

Примерно к середине октября подготовка к состязательной стрельбе была закончена. Как уже упоминалось, задача стояла перед нами очень трудная. Приз был постоянно «прописан» у избалованных жарким южным солнцем, ласковым курортным Черным морем и покровительством высокого московского начальства черноморцев.

Первым решил посягнуть на монополию Черноморского флота крейсер «Чапаев» Северного флота. Для полного успеха нам нужна была победа, одна на всех, но обязательно убедительная, «чистая», «за явным преимуществом», а не «по очкам», как мексиканцу Диего у Дж. Лондона в его замечательном «Мексиканце». Именно из этих соображений был избран довольно оригинальный и сложный способ стрельбы в штормовых условиях с упредителем залпа прибором 203. Черноморцами этот способ стрельбы никогда не применялся по причине дефицита штормов на их театре. На Севере же наблюдался явный избыток штормов, нередко в «особо крупных размерах». Штормовая погода на Севере — скорее правило, чем исключение, на Черном море — наоборот.

Смысл избранного способа стрельбы заключается в том, что снаряд покидает ствол орудия, проходит срез ствола, когда в процессе качки он (ствол) займет в пространстве положение, обеспечивающее полет снаряда по расчетной траектории, то есть по траектории, проходящей через цель. Соответственно цель стрельбы при этом замыкается автоматически с некоторым упреждением, которое учитывает угловую скорость и угловое ускорение ствола (вместе с кораблем, разумеется) при его подходе к расчетному положению в пространстве.

Стрельба планировалась на конец октября — первую половину ноября. Подготовка завершилась точно по плану-графику. Началось томительное ожидание. Нервировала неопределенность. Два выхода в море были отменены из-за того, что не смог выйти в море корабль-буксировщик с большим корабельным щитом (БКЩ) на буксире. Штаб флота выделил в качестве буксировщика эсминец и на субботу 17 ноября запланировал в третий раз выполнение стрельбы.

Все складывалось удачно. В районе предстоящей стрельбы уже несколько суток бушевал устойчивый шторм, которым вскоре было охвачено все Баренцево море. Корабли обеспечения вышли в море в район стрельбы. Задержка произошла с аэрометеобюллетенем, который дает температуру воздуха, направление и скорость ветра на различной высоте по вертикальному разрезу атмосферы в районе стрельбы. Без него стрелять, вводить в систему управления наземные данные было крайне рискованно, так как у поверхности

земли одни значения этих параметров состояния атмосферы, а в верхних слоях, где полетят снаряды, один бог знает что творится. За пару часов до съемки с бочки радисты приняли бюллетень АМП и теперь все было готово.

Снялись с бочки, и крейсер деловито, быстро устремился к выходу из Кольского залива, в штормовое Баренцево море. Только по правому траверзу остался остров Кильдин, как на корабль обрушился шторм, началась жестокая болтанка. Через пару часов хода динамическая бортовая качка достигла $35\text{--}36^\circ$, килевая $12\text{--}15^\circ$. Огромный корабль тяжело, сопротивляясь стихии, поднимался на гребень очередного пенящегося вала, а взгромоздившись на него, так же тяжело, всей своей массой около 20 тысяч тонн, проваливался, зарывался в пучину, чтобы через десяток секунд упрямо подняться, стряхивая с себя десятки тонн клокочущей воды. Известно, что качка на больших кораблях, более упорядоченная, ритмичная, с большими периодами и амплитудами, переносится человеком гораздо тяжелее, чем на малых кораблях. Из трех видов качки самая противная — орбитальная, то есть перемещение центра тяжести корабля, а проще — перемещение корабля как единого целого в пространстве. Корабль поднимается вверх, человека как бы приплюсчивает к палубе, а внутренности его стремятся опуститься вниз. Затем корабль проваливается вниз, тело человека пытается оторваться от палубы, а те же внутренности устремляются вверх, стремясь вытряхнуть наружу содержимое желудка, если в нем еще что-то осталось. Море, разъяренное вмешательством в его первозданную стихию инородного тела, зло и легко, как щепку, бросает стальной гигант, пытаясь отторгнуть его от себя.

Пришли в район стрельбы. Нервы напряжены до предела, болтанка уже не ощущается, отошла на второй план. Где-то за горизонтом находится «противник». Боевой информационный пост (БИП) выдает координаты и параметры движения цели. Наконец долгожданная, но, как всегда, неожиданная, прозвучала «Боевая тревога». Начался отсчет показателям состязательной стрельбы главным калибром крейсера «Чапаев» за почетный приз Главкома ВМФ. По корабельным закоулкам (шхерам), срывая людей с мест, разносятся требовательные, непрерывные звуки колоколов громкого боя. На ноке рея затрепетало красное полотнище флага с косичками «Н» (флаг «Н» — «наш» означает по однофлажному своду сигналов ВМФ — «Веду артиллерийский огонь»). Лязгнули машинные телеграфы, их стрелки «прыгнули» на «Стоп» и через доли секунды требовательно задрожали на отметке «Самый полный вперед». Мощно взревели турбины главных машин. Крейсер, только что переваливаясь с борта на борт, легко и непринужденно экономходом скользивший по волнам Баренцева моря, вздрогнул всеми тысячами тонн стали, как верховая лошадь, в бока которой вонзились шпоры беспощадного наездника, и, быстро набирая скорость до заданного «самого полного хода», мощно рассекая форштевнем морскую волну, всей своей многотонной громадой устремился на решительное сближение с целью.

Корабль мгновенно преобразился. Отброшены в сторону костяшки домино, отставлена в разгар шахматной баталии черно-белая доска с мгновенно осиротевшими фигурами, отброшены на рундук открытая книга, неоконченное письмо, рывком вскочили с постелей матросы, только что пластом лежавшие в объятиях морской болезни. Топот многих сотен ног, грохочут стальные двери, люки, взревели тысячи электродвигателей. Первое впечатле-

ние — невообразимый хаос. Это далеко не так. Работает хорошо отлаженный механизм. Через 1—2 минуты все так же внезапно стихло. Угрюмо, с сознанием собственного достоинства зашевелились многотонные башни главного калибра (они сегодня герои дня), бешено заплясали в какой-то неистовой пляске Витта стабилизированные башни универсального калибра и посты их наведения.

Стальной корпус корабля как будто сотрясали удары огромной кувалды, от которых вдребезги разлетаются плафоны, закрепленные на подволоке на резиновых и пружинных амортизаторах, тяжело, мощно загрохотали, изрыгая тяжелые снаряды, двенадцатиорудийные залпы всех четырех башен главного калибра.

Внутри башни дьявольский грохот, лязг металла, хаотичные для непосвященного уха. Опытный человек легко уловит в этом невообразимом шуме четкий ритм единого отработанного организма. Грохочут элеваторы, подавая из погребов в боевое отделение снаряды и заряды, лязгают приборники, с силой досылая снаряды в орудия, глухо клацают замки, герметизируя стволы, готовые к выстрелу, с надрывом ревут мощные электродвигатели наведения башни и орудий, монотонно, успокаивающе гудят универсальные регуляторы скорости (УРС, бывшие муфты Дженни). Залп! В башне подскакивает давление, бьет по барабанным перепонкам ушей (вот откуда пониженная острота слуха у артиллеристов), но в следующее мгновение в задней части башни, в шельфе (в «шлейфе», как говорят матросы), с металлическим лязгом срабатывает крышка люка сброса давления. Со свистящим шипением система продувания удаляет остатки пороховых газов в стволе, но они все-таки проникают в башню. Резкий запах пороховой гари. В азарте ничего этого не замечаешь, не слышишь и не чувствуешь. Время остановилось. Внимание приковано к панели с индикаторами выполнения точного наведения башни и орудий, готовности к залпу, его производства и к динамикам громкоговорящей связи (ГГС), откуда раздаются четкие, короткие команды управляющего огнем. Залп следует за залпом. Наконец отгрохотал последний. Долгожданные команды по ГГС и на приборе: «Дробь, не наблюдать!», «Дробь, белое поле!»

Башня фыркнула продуванием в последний раз, замерла с приподнятыми вверх стволами и пошла в исходное положение. Грохот стих. Все замерло. На уши обрушилась, как выражаются писатели, звенящая тишина.

Тогда считать мы стали раны... По всем средствам специальной внутренней связи понеслись доклады о результатах выполнения стрельбы. Предварительно: все отлично! Группы записи докладывают: замечаний нет, все в норме. Тщательный анализ еще впереди, а пока... пока неясным контуром вдали уже замаячил красивый Большой кубок — почетный приз. После первых восторгов, возбуждения наступает спад, возвращение к неумолимой действительности с изнуряющей болтанкой, ревом штормового ветра, ударами о борт громадных водяных валов, с которых ветер срывает белые барашки и со злостью бросает их в разгоряченные лица матросов и офицеров, пытающихся перекурить под защитой надстройки на верхней палубе.

Кстати, о водяных валах вообще и девятом вале в частности. Как это ни тяжело признать, но нет в природе девятого вала. Все валы в море и океане — «девятые», одни побольше, другие поменьше. Овеанный морской

романтикой, воспетый в стихах восторженных поэтов и на картинах художников-маринистов девятый вал — плод фантазии многих поколений суевренных моряков (а моряки в большинстве своем — народ суевренный). Как известно, великий русский художник-маринист И. К. Айвазовский не писал свои картины с натуры, в том числе и такие общеизвестные, как «Черное море», «Девятый вал», «У берегов Кавказа», «Среди волн». Его морские пейзажи ложились на холст как результат ассоциативных ощущений мастера, которые, в свою очередь, являлись плодом живого созерцания моря, игры красок, света и тени, на воде и в воде. Но это так, к слову.

Возвращаемся в базу. Настроение победителей. Состязательная стрельба закончена. На смену первому возбуждению приходит глубокое удовлетворение от хорошо выполненной работы, от того, что многомесячный труд дал отличные результаты. И вот, когда на горизонте открывается остров Кильдин, в голове невольно возникают бесхитростные, сентиментальные строки матросского фольклора:

Один лишь Кильдин, одинокий, как брат,
Всегда из похода нас встретит.
«Здорово, братишка!» — матросы кричат,
«Привет!» — как живой он ответит.

А что касается суеврения моряков, примеров очень много. Так, опытный моряк, командир крейсера «Чапаев» Анатолий Павлович Подруцкий никогда не выходил в море по понедельникам. Найдет тысячу причин, но добьется отмены запланированного штабом флота выхода в море в понедельник. Так происходило даже в те дни, когда корабль напряженно готовился к состязательной стрельбе. Впрочем, эта командирская причуда никак не повлияла на ее результат.

Через месяц мы узнали заключение специальной комиссии, созданной при Главкоме ВМФ, рассмотревшей результаты состязательных стрельб кораблей-претендентов на почетный приз. Предпочтение было единогласно отдано крейсеру «Чапаев».

Приказом Главкома ВМФ почетный приз впервые в истории ВМФ был присужден кораблю Северного флота, а участвовали, кроме Северного флота, корабли Черноморского, Тихоокеанского и Балтийского флотов, то есть с «парадного» Черноморского приз уплыл на «провинциальный» Северный флот.

Торжественное вручение награды по каким-то неизвестным нам причинам откладывалось и откладывалось. Корабельные будни неумолимо поглощали дни, недели, месяцы. Наступил март 1952 года. Приближалось трагическое событие, которое изменило установившийся ритм жизни, когда было точно известно, что будет завтра, а завтра — что нас ждет послезавтра, когда дни во многом, как близнецы, были похожи друг на друга.

На крейсере «Чапаев» опять ЧП

Зимние месяцы для кораблей Северного флота всегда были временем напряженной боевой подготовки, общеслужбских учений. С объявлением по

флоту повышенной боевой готовности в соответствии с планом рассредоточения кораблей наш «Чапаев» уходил в Мотовский залив и укрывался от вероятного противника среди высоких скалистых берегов губы Западная Лица. Первоначально были обследованы все местные закоулки: Арагуба, Урагуба, Титовка и другие, но в конце концов указующий перст командования остановился на Западной Лице. Место внушительное. Голые скалистые берега с пятнами, кажется, не тающего круглый год снега. Высокие отвесные скалы подавляют своим неприступным величием и первозданной красотой. Любуясь суровой красотой Заполярья, невольно вспоминаешь суровую, мужественную музыку и слова арии варяжского (скандинавского) гостя из оперы Н. Римского-Корсакова «Садко», музыку Э. Грига к драме Г. Ибсена «Пер Гюнт» (сцены «В пещере горного короля», «Возвращение Пер Гюнта», «Норвежские танцы»). Для полноты картины необходимо еще учесть дурную погоду, свойственную только полярным морям, когда даже летом откуда ни возмись неожиданно налетают шквальные снежные заряды. Не самым благоприятным образом воздействует на психику и нервы человека полярная ночь, длящаяся здесь два с половиной месяца. Да и полярный день той же продолжительности существенно отличается от романтических петербургских белых ночей.

В марте «Чапаев» в сопровождении двух эсминцев принял участие в общефлотском учении, частными задачами которого была проверка эффективности сил и средств разведки НАТО на нашем театре и, более конкретно, их противолодочной обороны на рубеже остров Шпицберген — остров Медвежий — мыс Нордкап, проходящем через остров Ян-Майен. Официально было объявлено личному составу, что корабли идут из мест рассредоточения к Фарерским островам с целью отработки организации передачи топлива на ходу в открытом море с крейсера на эсминцы. Вскоре после пересечения меридиана мыса Нордкап наш отряд кораблей был обнаружен натовской разведкой и все последующее время похода, до возвращения к полуострову Рыбачий, корабли находились под неусыпным оком американского «Нептуна», барражирующего в некотором отдалении от нас практически непрерывно.

Начиная от Фарерских островов, мы трижды за время перехода передавали топливо на ходу на сопровождающие нас эсминцы. Когда проводили эту, в общем-то, сложную и технически и организационно операцию в первый раз, бедный «Нептун» чуть не упал в воды Норвежского моря: так хохотал экипаж самолета, глядя, как мы бестолково мечемся, суетимся, пытаемся подать-принять топливный шланг с корабля на корабль традиционным русским способом «Эй, ухнем!» на ходу, на океанской волне без каких-либо специальных устройств, механизмов. В последующие передачи топлива натовские летчики не имели оснований подвергать опасности самолет. Ну что ж, первый блин у русских почти всегда бывает комом.

От Фарерских островов по неизвестным для нас причинам дружно двинулись назад, прошли севернее островов Шпицберген, около суток что-то и кого-то обеспечивали у Новой Земли и с чувством выполненного долга отправились в родную базу. Я спешил на собственный день рождения. 22 марта мне исполнялось 23 года. Непосредственно перед входом в Кольский залив получили приказание: крейсеру «Чапаев» и эсминцу «Ответственный», который позже, по изложенным ниже причинам, на Северном флоте называли

«Безответственным», встать на бочки на рейде Могильный. На календаре было 23 марта 1952 года.

Расстроенные тем, что находимся рядом с домом, а домой не пойдешь, и вместо жен и детей офицеры и мичманы получили сомнительное удовольствие лицезреть надоевшие физиономии друг друга и корабельный интерьер, офицеры собрались в кают-компанию посмотреть американские фильмы «Познакомьтесь с Джоном Доу» и «Судьба солдата в Америке». Показалось мало. Зам. командира по политической части приказал киномеханикам «прокрутить» фильмы «Чапаев» и «Кишмиш» («Винегрет»). Кинофильм, одноименный с названием корабля, был на крейсере свой, собственный и использовался в качестве дежурного «блюда»: нечего смотреть — давай «Чапаева»! Мы знали этот фильм наизусть, лучше чем артисты на экране. «Кишмиш» представлял собой сборную киносюжетку, состоящую из сцен, фрагментов, вырезанных из наиболее любившихся кинолент: «Серенада солнечной долины», «Девушка моей мечты», «Любимые арии», «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Музыкальная история», «Подвиг разведчика» и др. Склеенный в единую ленту этот киновинегрет шел около двух часов и пользовался неизменным успехом. Все мои планы, связанные с днем рождения, полетели к чертовой бабушке.

Когда все, что можно было прокрутить и посмотреть, было добросовестно прокручено и просмотрено, желающие остались мрачно пить сверхплановый (не вечерний, предусмотренный распорядком дня!) чай. Кто-то перешел в салон кают-компания забить козла, поиграть в шахматы, погонять шары на большом крейсерском бильярде.

Вася Булгаков сел за пианино. Играл он очень хорошо, и его любили слушать. До сих пор звучат в ушах сочные мощные аккорды романса «Отчего, я сам не знаю...»

Кто-то пошел в каюту поспать или, как говаривал батюшка с линкора «Генералиссимус граф Суворов-Рымникский», «приспнуть с устатку» (современные варианты: «проткнуть рогами подушку», «послушать шумы подводной лодки»).

Кто-то ушел почитать книгу, написать письмо.

В общем, все как обычно в вечернее время при стоянке на внешнем рейде. В этот самый, как всегда, неподходящий момент, разрывая безмятежную тишину, пронзительно, срывая всех с места, раздались колокола громкого боя и команда из динамиков корабельной трансляции: «Боевая тревога! Корабль экстренно к бою и походу изготовить!» Тяжелой рысью, набросив на себя самое необходимое, пробежал на ходовой мостик командир крейсера, человек, в общем-то, далеко не атлетического телосложения. Вахта на корабле стояла в варианте «по-якорному», за исключением вахтенного офицера, который был из «ходовых» и правил вахтой не на юте, а с ходового мостика. Командир бежал, а самого одолевала мысль: случилось что-то экстраординарное, раз вахтенный офицер, тем более такой опытный, как А. Никитин, не теряя времени на доклад ему, командиру, или старпому, сам, на свой страх и риск сыграл «Боевую тревогу» и дал команду подготовить корабль к экстренной даче хода. Скоро выяснилось, что вахтенный офицер в связи с резким усилением ветра начал каждые 5 минут пеленговать ориентиры на берегу и следить за «поведением» пеленга. Когда ветер достиг силы, близкой к

ураганной, он послал рассыльного к командиру с кратким докладом об обстановке, а сам произвел очередные замеры пеленгов. Пеленг менялся! Это означало только одно: корабль перемещается относительно грунта, а так как бридель натянут как струна, то перемещается вместе с бочкой, мертвый якорь ползет по грунту. Берег рядом. Создалась реальная угроза оказаться на камнях. Никитин, не мешкая, по тревоге поднял корабль на ноги. Командир крейсера, поднявшись на ходовой мостик, отдал необходимые приказания и доложил об обстановке командующему эскадрой. Командовал эскадрой Северного флота Герой Советского Союза, прославленный в минувшую войну североморец, бывший командир легендарного гвардейского эсминца «Гремящий» адмирал Гурин Антон Иосифович. В только что завершившемся походе он держал свой флаг на крейсере «Чапаев». Гурин одобрил решение Подруцкого идти вместе с эсминцем в Североморск. Крейсер через 15—20 минут был готов дать ход, снялся с ненужной теперь дрейфующей бочки и направился в сопровождении эсминца в базу, то и дело погружаясь в набегающие плотные снежные заряды.

Вскоре погода несколько улучшилась, заряды прекратились, видимость улучшилась. А. П. Подруцкий, который обычно в подобных ситуациях стоял, прильнув к резиновому растробу экрана ВИКО (выносной индикатор кругового обзора, работает от радиолокационной станции кругового наблюдения «Риф»), облегченно вздохнул и передал через вахтенного офицера приказание на эсминце занять место в строю кильватера головным. Затем выключил ВИКО и закрыл вахту на РЛС «Риф». Вслед за этим Саша Никитин, проявив неуместную и даже вредную в данной ситуации инициативу, выключил ВПС (выносной пост связи) и закрыл вахту на УКВ. По существу, корабль остался без радиолокационного средства наблюдения за окружающей обстановкой и без радиосвязи с кораблем сопровождения.

По закону подлости буквально через несколько минут корабли вошли в адское месиво из секущего лицо мелкого обледеневшего снега, рваных клочьев тумана и водяных брызг, яростно срываемых ветром с гребней волн. Видимость сразу же упала до одного-двух кабельтовых. Между тем «Чапаев» вышел в точку поворота на входной фарватер в Кольский залив. Показав свой поворот проблесками ратьера и одновременно уменьшив ход и показав это шарами, «Чапаев» лег на новый курс. Эсmineц, не увидев в заряде ни поворотных сигналов, ни тем более шаров, продолжал перестраиваться, не учитывая изменения курса и скорости хода флагманского корабля.

В башне все клевали носами, дремали, как говорится, «добирали», так как в последние дни спали мало, урывками. Я, например, уткнулся лбом в резиновую облицовку окуляров башенного визира, предназначенного для стрельбы на самоуправлении, и дремал. Вдруг мощный удар потряс корпус крейсера. Сильно ударился лбом об окуляры. Мелькнула мысль: «Сели на мель». На все боевое отделение башни истошный вопль башенного телефониста матроса Веденина: «Подорвались на mine!» Он мирно спал на удобном для этих целей металлическом лотке, предназначенном для снятия с зарядов термоизоляционного картуза перед заряданием орудия. Ударом его сбросило на стальную плиту, спросонок он завопил от боли, неожиданности и страха. Я решил выяснить, что произошло, отдраил заднюю «броняшку» (броневая дверь) и выглянул наружу.

Недалеко от нашего правого борта в районе кормы задним ходом медленно отходил эсминец «Ответственный». Нос у него был смят в гармошку, сильно разворочен. В обнажившихся внутренностях виден пожар. У нас на юте невообразимый кавардак: палуба залита краской (на эсминце в носовом отсеке расположена малярка), парадный правый трап сиротливо валяется у среза кормы, уперся во флагшток. Спустился на палубу. Наш правый борт в районе третьей и четвертой башен разворочен, в проломе среди покореженных листов металла, теплоизоляции торчат розовые окровавленные человеческие кости. После удара в правый борт крейсера эсминец по инерции многотонной массой стал как бы напоздать на крейсер, круша по пути все, что находилось вне цитадели. Цитадель — это такая, образно говоря, огромная коробка из брони, в которую упрятаны все наиболее жизненно важные объекты крейсера. Носовая часть эсминца едва не вползла и не перекорежила кубрик № 9, где, ничего не подозревая, отдыхали, не раздеваясь, матросы аварийной партии из дивизиона живучести. Их спасло то, что верхняя часть форштевня эсминца уперлась в башню № 4, у которой немного провернулись диски трения, башня развернулась, остановив разрушающее движение «Ответственного». До этого были разрушены топливная цистерна № 53 и две каюты мичманов сверхсрочной службы по правому борту. После погашения инерции эсминец задним ходом сполз с крейсера, отошел от него на пару кабельтовых, ликвидировал пожар.

Совсем иная, более тяжелая ситуация сложилась на «Чапаеве». Забортная вода, попавшая через разрушенную цистерну № 53 в закольцованную топливную систему, засолила все три действовавших котла. Котлы, естественно, сели. Остановились без пара турбины обеих машин.

Корабль потерял ход и беспомощно дрейфовал в направлении находящегося в непосредственной близости острова Торос. Кольцевая топливная система имеет перекрывающий клапан, разделяющий ее на два автономных эшелона, в каждый из которых входят по три котла. По халатности механиков этот клапан был открыт, и вся топливная система с шестью основными и одним вспомогательным котлами закольцевалась в одно-единое целое. По этой причине попадание забортной воды в одну цистерну засолило и посадило все три работавших в разных эшелонах котла.

С верхней палубы создавалось впечатление, что остров Торос совсем рядом, были видны обломки скал, о которые с грохотом разбивались набегające волны. Парусность крейсера довольно большая, и ветер неумолимо гнал корабль на скалы. На корабле принимались все возможные и невозможные меры для его спасения. В нескольких кабельтовых мористее нас малыми ходами и переменными курсами ходил «бобик» (БО — большой охотник за подводными лодками типа «Артиллерист»). Анатолий Павлович в отчаянии от безысходной ситуации дал на БО семафор с просьбой подойти к крейсеру и за кормовую часть попытаться удержать его от навала на камни острова Торос. Это был жест отчаяния: утопающий хватается за соломинку. Командир «охотника» отказался выполнять эту безумную просьбу, увеличил ход и ушел в Кольский залив. (Кстати, командиром большого охотника был Станислав Витальевич Добросельский. В шестидесятых годах мы с ним встретились на Полигоне, он был в должности командира дивизиона опытовых кораблей).

К счастью, примерно через час, когда уже совсем отчетливо были видны буруны у скал и когда казалось, что если хорошо разбежаться, то с юта можно перепрыгнуть на Торос, корабль ожил. Механики продули систему носового эшелона и запустили один котел. Взревели турбины, и крейсер «Чапаев» дал ход, уходя от Тороса, с опасных глубин.

Столкновение «Чапаева» с «Ответственным» не обошлось, к сожалению, без человеческих жертв. В одной из кормовых кают для мичманов сверхсрочной службы, оказавшейся в районе удара эсминца, спали три мичмана из интендантской службы: заведующий вещевым довольствием Панов, финансист Ползик и зав. продовольственным обеспечением Пантелеев. На момент столкновения мичманы Ползик и Панов должны были по боевой готовности находиться на боевых постах, а смена Пантелеева имела право отдыхать не раздеваясь.

В результате аварии Ползик и Панов погибли, а Пантелеев чудом остался жив. В момент удара перекоженные листы металла буквально обогнули его голову, лежащую на подушке, даже не коснувшись ее. Пантелеев задом вылез из ловушки и некоторое время бегал по коридору в состоянии шока. Потом отошел. Мистика? Возможно. А может быть, нет. Может быть, это наказание за нерадивость. Если так, то жестокое, по нашим человеческим критериям, наказание.

Поврежденный крейсер, закрыв брезентом пробойну и приспустив флаг, что означало «На борту покойники», прошел по Кольскому заливу мимо Североморска и ошвартовался у стенки судоремонтного завода СРЗ-35 в поселке Роста.

Через пару дней на «Чапаев» прибыл недавно вернувшийся с Тихоокеанского флота вице-адмирал Кузнецов. В то время должность одного министра обороны была разделена на две министерских — на должность военного министра, которую занял Николай Александрович Булганин, и военно-морского министра, которая досталась очень популярному на флоте Николаю Герасимовичу Кузнецову. Кстати, на флоте даже самый молодой матрос и молодой лейтенант, выпускник училища, в частных разговорах называли Главнокомандующего ВМФ, а теперь военно-морского министра Кузнецова уважительно, не иначе как Николай Герасимович, не стесняясь проявить свое искреннее уважение к этому незаурядному человеку.

Белоснежный красавец катер командующего Северным флотом «Орленок» подходил к левому, не поврежденному при аварии борту крейсера. На юте столпились полдюжины адмиралов. Автору этих строк было приказано выполнить положенный по ритуалу встречи артиллерийский салют. Для этой цели на среднем орудии моей башни закрепили 45-миллиметровый ствол, я вооружился секундомером, свистком. При подходе «Орленка» к трапу горнист сыграл «Захождение», прогремел 21 выстрел салюта. Солидно и с чувством собственного достоинства, без тени подобострастия встретил министра командир крейсера А. П. Подруцкий. Все прошло хорошо, кроме одной досадной мелочи. При подготовке к салюту мои матросы не натянули под стреляющим орудием сетку для ловли стреляных гильз. Они, как и положено, падали на палубу, звеня и подпрыгивая. Одна из них угодила в плечо подвернувшегося ненароком вице-адмирала Фокина. Гильза легко скользнула по адмиральскому погону и упала на палубу, всего-то. Но через долю секунды я

со страхом взирав с высоты третьей башни на взбешенное таким неуважительным отношением к адмиральским звездам на погонах, поднятое ко мне адмиральское лицо. По артикуляции адмиральских губ я догадался, что с них слетает что-то совершенно неодобрительное и абсолютно нецензурное в мой адрес, но изменить что-либо я уже не мог. Закончилось все для меня без последствий, даже очередного ареста при каюте не отхватил.

Видимо, всем, в том числе и Фокину, было не до меня.

По результатам визита на «Чапаев» Николай Герасимович собрал офицеров и подвел итоги, поставил задачу: «К личному составу крейсера, за некоторым исключением, претензий не имею. В причинах аварии разберется комиссия, виновные будут строго наказаны. Если личный состав корабля окажет помощь СРЗ-35 и крейсер будет введен в строй боевых кораблей за 30 суток, приз за состязательную стрельбу ваш. Сам приеду, проверю и, если справитесь с задачей, сам вручу приз. Желаю успехов».

Ремонтно-восстановительные работы велись круглосуточно, в них участвовали четыре бригады специалистов корабля. В причинах, которые привели к тяжелой аварии, разобралась специальная комиссия военно-морского министра. Затем А. П. Подруцкого вызвали в Москву на совместное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума Верховного Совета СССР с привлечением отдельных министров, командующего Северным флотом, специалистов ВМФ. На этом заседании дважды выступил Сталин. Он не вдавался в детали. Его первое выступление сводилось к одному вопросу-тезису: как могло случиться, что современный боевой корабль, только сошедший со стапелей, в мирное время, получив одну небольшую пробоину, потерял ход, 45 минут беспомощно дрейфовал в море, представляя собой легко уязвимую цель для противника в боевой обстановке, и чуть не был выброшен на камни? А ведь согласно тактико-техническим данным он должен сохранять боеспособность после прямых попаданий трех торпед.

Второе выступление длилось две-три минуты. Завершил он его коротко: «Судить!»

Во время следствия Подруцкий вел себя весьма достойно, не валил вину на своих подчиненных, механика и вахтенного офицера, на командира эсминца «Ответственный» Еськова. Как настоящий командир принял всю вину на себя: «Я слишком давно связан с флотом, чтобы валить вину на другого», — вспоминаются в этой связи слова В. Конечного.

Анатолий Павлович Подруцкий был осужден военным трибуналом Северного флота на три года лишения свободы. Естественно, лишен воинского звания «капитан 1 ранга», исключен из партии. Командующий Северным флотом Платонов и командующий эскадрой Северного флота Гурин были сняты с занимаемых должностей и назначены с понижением. Командиром крейсера «Чапаев» был назначен капитан 1 ранга Громов Гавриил Алексеевич, с Черноморского флота.

Крейсер «Чапаев» — корабль парадоксов. Первый его командир — Мещерский был осужден на пять лет. На смену ему пришел Абашвили, которому на этой должности командира корабля 1 ранга было присвоено адмиральское звание. Факт беспрецедентный и в последующем не было такого, если не считать присвоения адмиральского звания через четверть века командиру головной атомной подводной лодки Фролову после успешного завершения

государственных испытаний стратегических баллистических ракет, созданных конструкторским бюро Виктора Петровича Макеева. Преемник Абашвили на должности командира «Чапаева» А. П. Подруцкий в течение одного года получил два последовательных воинских звания, капитан 2 ранга и капитан 1 ранга. Ему было всего 34 года, когда он принял под свое командование современный крейсер и надел тужурку с погонами капитана 1 ранга, а в тридцатипятилетнем возрасте сел на скамью подсудимых.

Задача, поставленная министром перед личным составом корабля, была выполнена. Через 30 суток крейсер, как новенький, покинул СРЗ-35 и возвратился в Североморск.

Николай Герасимович слово свое сдержал и уже в погонах Адмирала Флота Советского Союза прибыл на крейсер. Состоялась церемония вручения кораблю почетного приза за успешное выполнение состязательной стрельбы. Управляющий огнем на этой стрельбе Федор Никифорович Зенин по традиции был награжден золотыми карманными часами, командирам башен и носовой группы управления огнем вручены именные часы. Все до единого, кто принимал непосредственное участие в ремонтно-восстановительных работах, были награждены именными часами, денежными премиями.

Я получил часы более чем кстати: за пару недель до этого у меня в Мурманске украли золотые часы «Звезда». Именные часы «Победа» (II выпуск, плоские) исправно, без единого ремонта отходили у меня 17 лет, после чего я убрал их, как реликвию, как память о службе на Северном флоте в те далекие годы. Часы на ходу и сейчас.

После пережитых потрясений — столкновения кораблей, гибели мичманов, ареста и осуждения командира — жизнь на корабле с назначением нового командира скоро вошла в свое обычное русло с малыми и большим сборами, малыми и большими приборками, учениями, тренировками, выходами в море, рассредоточениями, стрельбами, отработкой курсовых задач, редкими сходами на берег, ежегодными отпусками только в зимние месяцы.

Новый командир Громов, опытный моряк и требовательный начальник, остроумный, не лишенный юмора, вспыльчивый, но отходчивый человек, вошел в командование кораблем как-то незаметно, очень тактично, без потрясений на корабельном уровне. Короче говоря, не стал той новой метлой, которая по-новому метет.

Увезу тебя я в тундру...

Излишне, видимо, говорить о том, что значит для корабельного офицера отпуск. Тем более для тех, кто служит в Заполярье.

Мечта каждого — вырваться на свободу из казенной каморки-каюты, из окружения стали, краски и резины, не вскакивать при каждом звонке, резком звуке из объятий полярной ночи (и дня тоже) туда, где день закономерно сменяется ночью, а ночь — днем и где не горят лампы уличного освещения круглосуточно, а летом солнце не заходит за горизонт и дети не путают день с ночью и наоборот. К великому сожалению, чаще всего, несмотря на наличие подписанного утвержденного графика отпусков, большинство офицеров

получали отпуска в зимние месяцы, реже — в осенне-весенние. В самые хорошие, летние, месяцы отпуска предоставлялись, как правило, политработникам («Солнце жарит и палит — в отпуск едет замполит»), а штатных политработников-офицеров на крейсере было 13 человек, кроме того врачи, интенданты, дирижер военного оркестра, начальник шифрпоста, начальник физподготовки.

За 1952 год я получил отпуск с 15 декабря 1952 года. Поехали вместе с командиром зенитной батареи универсального калибра Володей Гринчуком. На радостях от Мурманска до Москвы ехали в мягком вагоне. Для «разминки» взяли в вагоне-ресторане ящик пива и поставили его охлаждаться в тамбуре. Через пару часов проснулись и решили позабавиться «холодненьким». Вышли в тамбур, а в ящике торчит лишь 4—5 бутылок. В пути любовались солнцем, нормальными высокими деревьями. В Североморске в молодом городском парке какой-то шутник повесил на карликовые деревья таблички «По деревьям не ходить, на деревья не ложиться!»

В Москве, где наши пути с Володей расходились, задержались на сутки, отлично провели время у знакомых москвичек. Через день Володя проводил меня на поезд «Москва — Челябинск» и поехал я в свой родной город Давлеканово. В плацкартном вагоне. С помощью поездного бригадира на ближайшей остановке доплатил в кассу 75 рублей и перебрался в купейный вагон. Сразу же забрался на верхнюю полку и завалился отсыпаться после московских «гастролей». Через несколько часов проснулся голодный, как волк. Решил сходить в вагон-ресторан, сунул руку в карманы, а там шелестят несколько аккредитивов номиналом по 1000 рублей, полпачки «Беломорканала», коробка спичек и одинокая пятнадцатикопеечная монета. Не густо, но расстраиваться не стал: на ближайшей станции обменяю аккредитив на деньги. Не тут-то было! Проехал несколько остановок, обменивают аккредитивы номиналом не выше 300 рублей, а тысячные — надо ехать в центральные городские сберкассы. Совсем я загрузился. Покурю, попользую водичку из вагонного титана и — на полку, а есть хочется ужасно. А тут еще нижние пассажиры раскладывают на столике курочек, колбасу, сыр и прочую аппетитную снедь. Одурачивающие запахи! Один из пассажиров приглашает:

— Садись, лейтенант (истины ради: я был уже старшим лейтенантом), за компанию, ничего особого предложить не можем, но, как говорится, чем Бог послал.

С тоской смотрю на их шикарный, на мой голодный взгляд, дастархан и с идиотским достоинством отказываюсь:

— Спасибо, я уже поел, сыт.

А второй нижний пассажир говорит:

— Что ты его агитируешь, он на каждой остановке высказывает, заправляется коньячком, нужна ему наша курица!

Так, на «Беломоре» и кипяченой водичке, без крошки съестного, и доехал до Куйбышева. Поезд стоит 39 минут. Побежал налегке, без шинели, в ближайшую городскую сберкассу. Хотел получить без очереди, но женщины, не обращая внимания на мою явно не зимнюю экипировку, не пустили. Все-таки в итоге получил я 1000 рублей, прибежал к своему вагону. Рядом с ним на перроне продавали пиво и всякую снедь. Успел выпить две кружки «Жигулевского», булочку с котлетой в ней сунул в карман, и поезд тронулся. Зашел

в купе, в голове от длительного (почти сутки) вынужденного воздержания и выпитого пива слегка зашумело. Полез на свою полку, а один из нижних попутчиков острит:

— Ну, наш бравый лейтенант на сей раз, кажется, основательно принял на грудь.

Спорить не стал. Сжевал приобретенную на перроне булочку с котлетой и пошел в вагон-ресторан. С деньгами в кармане ехать стало на пару порядков веселее.

В Давлеканово в конце отпуска решил покончить со своим холостяцким существованием. С невестой было все ясно: в Давлеканово вернулась из Казахстана, где была по распределению после окончания института, моя еще школьная любовь Валя Павлюк. Но возникло серьезное препятствие. В Давлеканово был дислоцирован югославский авиаполк. В нем служили летчики-югославы, отказавшиеся после войны вернуться в Югославию, и летчики, сбежавшие от режима Тито. Среди последних был красивый лейтенант Костя Княжич, черногорец по национальности. Он недвусмысленно вертелся около Вали и, как я узнал, сделал ей незадолго до этого предложение.

Не раздумывая долго, решил в качестве альтернативы предложить ей свою кандидатуру. Валя Павлюк оказалась истинной патриоткой Родины и девушкой с неиспорченным (на мой взгляд, конечно) вкусом: она предпочла старшего лейтенанта Военно-морского флота СССР лейтенанту военно-воздушных сил Социалистической Федеративной Республики Югославии. Югославская диаспора в Давлеканово была взбешена. Над товарным видом моих внешних данных в очередной раз нависла серьезная опасность. Но на моей стороне были местные, не всегда законопослушные, но физически крепкие и рослые ребята. Несколько спонтанных стычек завершились компромиссом и миром между местными и выходцами из Югославии. Тем более, что многие офицеры-югославы, после того как Тито объявил им амнистию, уехали на родину с давлекановскими женами. Короче говоря, Валя Павлюк стала Валей Ежковой. Ну, а дальше... — дальше все как обычно. Свадьба, поздравления. Одно совпадение — мою первую учительницу звали Валентина Ивановна Виноградова, а первую и, уверен, последнюю жену — Валентина Ивановна Павлюк (Ежкова по мужу).

Наступил последний день отпуска. Вместе с братом молодой жены Петром Ивановичем Павлюком, работавшим в Давлеканово заведующим Горфинотделом, направили свои стопы к коменданту. Тот нас выслушал, поздравил меня с законным браком и приказал своим кадрам отпирать на «Чапаев» телеграмму: «Связи женитьбой отпуск старшему лейтенанту Ежкову продлен пять суток». Командир крейсера «Чапаев» Г. А. Громов, получив сия телеграмму, начертал на ней наискосок: «С приездом из отпуска арестовать при каюте на 5 (пять) суток. Громов».

Пять суток дополнительного отпуска пролетели быстро, как сон. Встретил случайно на улице коменданта:

— А вы все еще гуляете, не уехали? Зайдите срочно ко мне, с Петром Ивановичем вместе.

— Есть!

В тот же день зашли к нему с Петром. Комендант задумался. Я в шутку провокационно подсказал ему:

— Между прочим, сегодня все поезда на Москву из-за снежных заносов опоздали на 1 час.

Комендант оживился и приказал отправить на мой корабль телеграмму такого содержания: «Связи снежными заносами отпуск старшему лейтенанту Ежкову продлен четверо суток».

Громов, получив эту телеграмму, наложил резолюцию: «С приездом из отпуска арестовать на девять (5+4) суток. Громов». К слову сказать, по возвращении из отпуска меня посадили под арест при каюте только на 4 суток, а 5 «списали» на положенные по закону каждому офицеру дополнительные 5 суток отпуска по случаю женитьбы.

Возвращался на Север с молодой женой через Ленинград, где жил брат с женой и тещей. У них оставил жену, а сам поехал дальше. Возвратившись на родной корабль, первым делом отсидел положенные мне четверо суток. Если учесть, что к этому времени за мной числилось уже 60 суток при каюте, а до конца службы на «Чапаеве» мне предстоит, как показало будущее, отсидеть при каюте еще «дополнительно» более 60 суток, то эта мелочь в 4 суток общей картины не меняла. Отдав кесарю кесарево, занялся хлопотами, связанными с тем, что стал женатым человеком. Прежде всего нужно было жилье и желательно работа для жены. В Североморске найти было невозможно ни того ни другого. Поехал в Мурманск, в обком КПСС. С квартирой сразу же получил твердый отказ, а с работой вопрос решили мгновенно. Снял частную квартиру в Мурманске у тети Нюры, в «частном секторе» на ул. Микояна. Назвать квартирой это жилье можно было только с невероятными натяжками, ибо представляло оно собой комнатуху площадью шесть квадратных метров с одним окном. Поместилась в ней только кровать, да в углу аналог вешалки — забитые в стену гвозди. В качестве стола позже приспособили чемоданы, уложенные друг на друга, покрытые салфеткой. Получив в сельхозотделе обкома направление для Вали на работу, вызвал ее из Ленинграда. Через несколько дней под звуки траурных мелодий, лившихся из громкоговорителей (Москва прощалась со Сталиным), на мурманском вокзале встретил молодую жену и проводил до «апартаментов». Фанфар не было, так же как и речей, звона бокалов. Неудобно, конечно, служить в Североморске, а жить в Мурманске. Вечером сойдешь с корабля, с трудом сядешь в рейсовый автобус и едешь в Мурманск. Утром все то же в обратном порядке: с боем садишься в автобус, чтобы не опоздать к подъему флага, приезжаешь в Североморск, затем — катер и борт корабля. Ничего не поделаешь, все же лучше, чем ничего, многие офицеры так жили. Это была моя первая частная квартира, а впереди их, отдельных комнат, комнат вместе с хозяйкой, было много. Только в Ленинграде, когда учился в академии, сменил семь частных квартир. Первую свою квартиру получил значительно позже, когда мне было уже 28 лет. Получили вместе с братом на две семьи двухкомнатную квартиру. Брату, как старшему по возрасту, уступил большую комнату в шестнадцать метров, где он разместился с женой и сыном, мне с женой и сыном досталась комната в четырнадцать метров. Несмотря на убожество, по современным критериям, такого жилья, мы были по-настоящему счастливы. Еще бы! Под нами, на первом этаже разместились поликлиника Северного флота, и в квартиру три раза в неделю подавали такую северную экзотику, как горячая вода!

С днем рождения, «Василий Иванович»!

На флоте существует традиция считать (и отмечать) день рождения корабля в день торжественного подъема Военно-морского флага после его постройки и передачи Военно-морскому флоту.

У крейсера «Чапаев» такой датой было 14 сентября. В конце 1953 года я уходил с «Чапаева», и последний день рождения «Василия Ивановича», который мне довелось отмечать, запомнился лучше других. Состоялось это торжественное и веселое событие 13 сентября, в ближайшее к юбилейной дате воскресенье. Юбилейное торжество было решено рассредоточить по двум независимым эпицентрам: в большой кают-компании и в салоне кают-компании. В кают-компании по терминологии бывшего командира корабля Подруцкого праздновали «офицеры», то есть заместители и помощник командира корабля, командиры боевых частей и служб. В праздновании приняли участие командующий флотом С. М. Лобов, сменивший на этой должности Платонова, и вновь назначенный командующий эскадрой Медведев. Обязанность радушного хозяина возложил на себя командир корабля-юбиляра Гавриил Алексеевич Громов. Салон кают-компании предоставили в распоряжение «лейтенантов», то есть командиров групп, башен, батарей и всех остальных офицеров. Роль распорядителя в салоне предстояло исполнять старшему помощнику Ратанову и его помощнику по развлекательной части врио флагманского механика эскадры Тер-Осипяну. Тер (то есть Тер-Осипян), по натуре веселый и жизнерадостный сын солнечной Армении, имел трех дочерей и, не скрывая, как всякий житель Кавказа, мечтал о мальчике или, как, шевеля усами и причмокивая, говорил, — «кранике». Незадолго до праздника жена Тера в очередной раз легла в родильный дом. «Пошла за краником», — всем говорил Тер-Осипян. Но его ожидало разочарование и почти инфарктное состояние, когда жена родила двойню, а если точнее, то двух девочек. Бедный Тер! Он так переживал! Узнал об этой новости на причале, при возвращении из Мурманска с чемоданчиком армянского коньяка, который был запланирован для обмывания будущего сына. Тер-Осипян так расстроился (причем не от того, что две девочки, а от того, что среди них нет ни одного мальчика), что, когда он прыгал с причала (плавающего причала тогда еще не было) на буксир, идущий к «Чапаеву», заветный чемоданчик раскрылся в воздухе и все его содержимое, включая пять бутылок коньяка, упало в воду и, естественно, утонуло.

Позже легкие водолазы с «шипов» (допотопные эсминцы английской постройки, переданные Советскому Союзу во время войны по ленд-лизу) утверждали, что коньяк отличный. Его недостаток — всего 5 бутылок, мало, если учесть, что в Североморске был «сухой» закон.

Перед праздником офицеры были строго предупреждены о недопустимости употребления спиртных напитков. Впрочем, было известно: накануне праздника из Мурманска на зеленой «Победе» командующего эскадрой на корабль был доставлен и помещен в буфете кают-компании ящик коньяка.

На праздник был приглашен самодеятельный ансамбль песни и пляски города Калинина, который весьма кстати в эти дни гастролировал в Мурманске.

Вечером в день праздника от первого причала Североморска отошел красивый быстроходный командирский катер крейсера «Чапаев». В салоне и

копите катера шумели, смеялись и пели калининские самодеятельные артисты, в основном женщины. Старшина катера — главный старшина Ермаков, за огненно-красный колер буйной шевелюры прозванный Рыжим Биллом, решил «оморячить» хорошеньких «артисточек» и их спутников — мужчин. Делается это весьма просто. Ермаков быстро переключивает руль несколько раз попеременно из положения «Право на борт» в положение «Лево на борт». Катер резко кренится то на левый борт, то на правый, разводит волну; в нее же и зарывается. Качка, удары катера о волну, брызги соленой холодной воды... Эффектно! По всему североморскому рейду разносятся крики и хохот мужской части ансамбля, испуганный визг молодых женщин. Они просят нарочито строгими голосками: «Ермаков, прекратите! Мы уже насквозь промокли, перетопите нас всех, довольно!»

Но Рыжий Билл, ужасно довольный собой и достигнутым эффектом, холодно непроницаем и абсолютно невозмутим.

На борт поднимаются возбужденные артисты, довольные и мокрые. Старпом приглашает их в кают-компанию. Но ни один артист и тем более ни одна артистка до кают-компании не дошли. По дороге их всех перехватили молодые офицеры («лейтенанты»), пригласили «на минутку, чтобы подсохнуть, отдохнуть и привести себя в порядок после дороги», в каюты.

Позже по офицерскому коридору бегал озабоченный «помогайло» (помощник командира корабля) Гусев и собирал из лейтенантских кают рассредоточившийся ансамбль. Мужская часть ансамбля обосновалась в кают-компании с «офицерами», а девушки изъявили единодушное желание украсить своим присутствием общество «лейтенантов». Усадили их за свой стол, и от нас не ускользнула тень легкого разочарования, скользившая в глазах гостей, когда они увидели на столе бутылки с минеральной водой и красивые графины с лимонадом: спиртное-то было запрещено.

Наполнили фужеры из графинов. Командующий флотом в кают-компании громко, чтобы было слышно и у нас, в салоне, предложил первый тост. Одна из артисток с осуждением спрашивает:

— Неужели в такой праздник будем с вами пить эту мерзость — минералку и лимонад?

— Вы сначала попробуйте, может быть, и понравится лимонад!

Демонстративно морщась, выпила залпом. Невооруженным глазом было видно, как у нее перехватило дыхание, но держится молодцом, виду не показывает. Черты лица расправились, и она весело кричит подругам:

— Девочки, пейте! Отличный лимонад!

(В графинах был налит напиток, представляющий собой смесь из спирта-ректификата, кроушена и сиропа).

«Девочки» не заставили себя долго ждать. Еще пара общих тостов, и мы перешли в автономный, не зависимый от кают-компании режим. А через час девочки самозабвенно, чистыми девичьими голосами пели, и соло, и дуэтом, и трио. Подключились молодые голоса «лейтенантов». А когда жительницы Калинина запели какую-то очень популярную песню, то сначала их поддерживали все в салоне, а потом не выдержали и «старички» в кают-компании.

Потом на середину кают-компании вышел поджарый, чуть смуглый, раскрасневшийся от «лимонада» парень. Лихо исполнил «Цыганочку». В этот самый момент в салоне появляется только что сменившийся с вахты лейте-

нант Виталий Кононов, светловолосый, с мягкой улыбкой. Он отлично плясал. Не дав ему опомниться, мы предложили провести поединок-состязание по пляске между нашим Виталием и представителем калининского ансамбля. Житель Калинина снисходительно согласился, не сомневаясь в своей победе: он ведь фактически профессионал, а противник — офицер, любитель. Аккомпаниатор пересел за баян, и состязание началось. Виталий хоть и устал после вахты — несколько часов на ногах, но зато был трезв как стеклышко, плясал просто здорово, да и болельщики помогали, как только могли. Не отставал и представитель ансамбля. Минут через десять он не выдержал и свалился. Вскочил, продолжил, снова свалился, видимо, устал, да еще коварный «лимонад» сделал свое черное дело. Чистая победа нашего представителя! Как истинные джентльмены, мы объявили боевую ничью.

Сделали небольшой перерыв, организовав некое подобие экскурсии по кораблю. Поводили по кораблю, показали боевую и штурманскую рубки, ходовой мостик, командно-дальномерный пост (КДП), башню главного калибра и другие посты. Естественно, визги, охи, ахи. Очень неудобно в узеньких юбочках карабкаться по скоб-трапу на КДП или спускаться по глубокой шахте в зарядный погреб, в котельную. Но гости были довольны. А как не гармонировали чистые девичьи голоса, изящные фигурки в легких платьях и туфельках на высоких каблуках с десятками тонн стали, угрюмыми башнями и сухими короткими командами по корабельной трансляции!

Нет, действительно, женщина и война — понятия абсолютно взаимоисключающие друг друга, хотя они и одного, женского, рода.

Закончили поздно. Горячо, от всего сердца поблагодарили артистов, вручили каждому благодарственную грамоту с военно-морской символикой, памятные сувениры — шлючные военно-морские флаги, тельняшки, бескозырки, гюйсы. Проводили их на катере (без качки!) на причал, на автобусе в Мурманск в гостиницу «Арктика».

После выполнения стрельб

Через несколько дней вышли на выполнение зачетной артиллерийской стрельбы главным калибром и универсальным. Выполнили удачно. И когда встали на рейд Могильный, вполне естественным было желание отметить успех. Возможность, правда, были более чем ограниченными. Тем не менее с разрешения старпома двумя или тремя небольшими группами сошли на берег. Мы втроем, Гринчук, Бабминдра и ваш покорный слуга, сошли с корабля первым рейсом катера. Побродили по поселку, вызывая откровенную недоброжелательность местных Пиратов и Джульбарсов. Пофотографировались на фоне унылого местного пейзажа. Подошли к местному магазину — одной из целей нашего прибытия на остров Кильдин. Встретил он (магазин, конечно) нас огромным амбарным замком. Не мудрствуя лукаво, направили свои стопы отнюдь не первопроходцев к дому продавца. Прервали его мрачные сновидения с тяжелого похмелья, попросили открыть свой «супермаркет». Видимо, он уже привык к бесцеремонным пробуждениям, т. к. беспрекословно встал, дошел, покачиваясь, до магазина, открыл и широким жестом пригласил нас совершить таинство покупки. Полки были девственно пусты и, судя

по толстому слою пыли, давно пребывали в таком первозданном состоянии. Спрашиваем:

— Водка есть?

— Вы что, с луны свалились? Водка только по праздникам и только для дам, а для мужчин у меня есть питьевой спирт. Покупайте, пока немного есть.

Делать нечего. Отоварились «питьевым, 96°», и продавец уполз домой досматривать похмельные сны.

Сразу же возникли традиционные вопросы: «Что? Где?». «Что» — было, спирт. А вот где? — вопрос. Услышал о нашем бедственном положении с временной крышей над головой проходивший мимо мужчина и вежливо пригласил к себе. Без ложных колебаний приняли деловое предложение. Жилье нашего нового знакомого напоминало однокомнатную холостяцкую берлогу площадью 50—60 квадратных метров. Среднюю часть комнаты занимал длинный, грубо сколоченный артельный стол. У стола стояли две длинные тяжеленные скамьи и несколько таких же тяжелых табуретов. Стоявшие у стен железные кровати с пружинными матрацами, покрытыми солдатскими одеялами, дополняли этот отнюдь не импортный гарнитур «жилая комната». На наши удивленные взгляды хозяин, не дожидаясь лишних вопросов, пояснил, что в этой комнате временно живет бригада рыбаков. Рыбаки на промысле, а он приболел и остался на берегу в качестве сторожа. Рассказывая, он быстро достал стаканы, нарезал хлеб, поставил блюдо с холодной жареной навагой, несколько луковиц, зачерпнул из бочки в углу «комнаты» ковш холодной воды: «Этим будем разбавлять». Откуда-то из-под кровати достал и поставил на стол трехлитровую банку с янтарного цвета жидкостью:

— Этим будем запивать.

— Что это такое?

— Рыбий жир...

От одного детского воспоминания об этом лекарстве всех передернуло от отвращения: «Брр!»

— Сам пей эту гадость, нас в детстве напоили ей на всю оставшуюся жизнь.

— А вы сначала попробуйте, а уж потом стройте страшные рожи. Это ведь натуральный, не аптечный, тресковый рыбий жир. Мы его натапливаем на всю зиму, жарим все на нем, едим с хлебом, неразбавленный спирт запиваем.

Разбавили спирт водой, выпили. Осторожно, морщась в ожидании противного вкуса и запаха, запили маленьким, пробным глотком. Отлично! Ничего общего с тем, детских времен, рыбьим жиром! Он по консистенции ближе к воде, не тягучий. Абсолютно отсутствует такой характерный, привычный с детства противный вкус и запах. После того как продегустировали этот рыбий жир, стали запивать смело, с удовольствием, почти по полстакана за один прием. А мне при «сервировке» стола достался негранный. Посидели, поговорили с хлебосольным хозяином. Затем, чтобы развеяться, побродили по сопке за поселком. Не спеша пошли на причал, где нас ожидал катер. Между причалом и КРЛ «Чапаев» на бочке стоял крейсер «Железняков». На ноке рея его фок-мачты развевался флаг командующего эскадрой. Это означает: «На борту корабля находится командующий». Наш катер на большой

скорости направился к «Чапаеву». При проходе мимо «Железнякова» Володя Гринчук вылез из салона катера, прошел на его носовую часть и застыл, держа в руках топорный крюк в вертикальном положении. Я шутку Володи подержал без слов (разыграть молодого вахтенного офицера!), поднялся из кокпита и встал с крюком, как и Володя, у среза кормы катера. Если идет катер с крючковыми на носу и на корме, то это означает, что в катере находится начальник, начиная от командира своего корабля и выше. Вахтенный офицер на «Чапаеве», только начинающий флотскую службу лейтенант Пустовалов, сразу же увидел, как из-за «Железнякова» вылетел на полном ходу катер с крючковыми и несется к «Чапаеву». Сработала мысль: «С „Железняк“ на „Чапаев“ идет командующий эскадрой» и, не мешкая, он нажал трижды на педаль звонка по кораблю, скомандовал «Вахта, на место!»

Офицеры на корабле в то время, удобно разместившись в кожаных креслах в кают-компании, лениво смотрели очередной кинофильм. Громову, видимо, не хотелось покидать уютную кают-компанию и бежать на ют, к трапу, и он попросил старпома встретить начальника. Тот резво прибежал к трапу, осмотрелся. Видимо, его что-то смутило: «Вахтенный офицер, бинокль!» Пустовалов снял с шеи бинокль и подал старпому. Тот внимательно осмотрел катер и неожиданно скомандовал: «Вахте от мест отойти!» С юта не ушел, стал ждать катера. К этому времени нам с Володией надоело торчать на катере в роли крючковых, и мы спустились в кокпит. Эту процедуру и увидел старпом в бинокль. Подошли к трапу. 2—3 человека поднялись и прошли на корабль. Поднялся на верхнюю площадку трапа и я. Слышу над ухом спокойный, доброжелательный голос старпома: «Зайдите ко мне в каюту с запиской об арестовании. Срок я сам проставлю». Отвечаю: «Есть, товарищ капитан 2 ранга!» (Мне все ясно.) На верхней палубе появляется Гринчук. Старпом ему в той же минорной тональности:

— Товарищ Гринчук, сделайте то же самое, что я сказал Ежкову.

— Есть, товарищ капитан 2 ранга! (И ему все ясно.)

Минут через 10—15 с заполненными, кроме срока ареста, записками об арестовании мы с Гринчуком уже были в каюте старпома. Хозяин каюты аккуратно вписал в строку «Количество суток ареста» жирные цифры 5 (пять), возвратил нам записки и начал разбираться по сути дела. В самый разгар живого обсуждения нашего проступка в каюту постучали и довольно бесцеремонно ввалился лейтенант Эберзин, механик по специальности, и начал с ходу:

— Товарищ капитан 2 ранга, почему вы меня не вызываете и не наказываете?

— За что?

— Я был на берегу и тоже выпил. Чем же я хуже Гринчука и Ежкова? Наказывайте и меня вместе с ними!

— Почему «тоже», я этого не смогу сказать о Гринчуке и Ежкове, я их наказываю за другой проступок. А за какой, они сами вам, товарищ Эберзин, расскажут.

— Это неважно. Я выпил (это и так было видно, не надо было рвать на себе тельняшку) и вы должны меня наказать. Или я фендрик, а не офицер? Значит, им можно, а каким-то фендриком Эберзиным вы и заниматься не хотите?

— Ну что же, товарищ Эберзин, пусть будет по-вашему. Вы, действительно, уже не фендрик, а зрелый офицер. Прошу вас прибыть ко мне через 15 минут с запиской об арестовании. Запишите в ней сами: «Арестован на десять суток при каюте за появление на корабле в нетрезвом состоянии».

— Есть, товарищ капитан 2 ранга.

И очень довольный тем, что его считают зрелым офицером, достойным наказания старпомом, Эберзин вышел из каюты.

Классы ВОЛСОК. Служба на эсминцах

Служба на крейсере «Чапаев» шла к концу. Наши с Юрой Бабминдрой рапорта об откомандировании на учебу в Ленинград на Высшие ордена Ленина специальные офицерские классы (ВОЛСОК) благополучно завершили тернистый путь по военно-бюрократической дороге и были удовлетворены. Нам надо было пройти медицинскую комиссию. Вообще-то для этого достаточно три-четыре дня. Мы продлили это так кстати подвернувшееся удовольствие до трех недель. Утром ходим на берег, пройдем одного-двух врачей-специалистов, а затем занимаемся своими делами. Все шло отлично. Неожиданно мой друг споткнулся на враче-окулисте. Врач оценила остроту Юрино зрение 0,5/0,6, а «проходной» балл составлял 0,8/0,8. Получил у несговорчивого врача направление к аналогичному специалисту госпиталя Северного флота, в Мурманск. Врач предупредила, что там (в Мурманске) могут оценить зрение еще ниже, но она вторично принимать Юру не намерена. Выход из положения был найден: я вооружусь «Медицинской книжкой» Бабминдры и под его фамилией «сдаю» зрение за него. В Мурманске зашел к окулисту в кабинет. За столом сидит молоденькая, очень симпатичная окулисточка, а рядом в госпитальной униформе вальяжно развалился в кресле больной. Мельком взглянул на него и — о, ужас! — обомлел от неожиданности: это же наш, чапаевский, заместитель командира электротехнического дивизиона по политической части Жора Пискунов. Не давая ему и слова вымолвить — а то ведь брякнет чего-нибудь, назовет меня моей настоящей фамилией, — бодро подхожу к докторскому столу и нарочито браво представляюсь: «Старший лейтенант Бабминдра Юрий Петрович. Прибыл для зачета по зрению» и кладу на стол «Медицинскую книжку». У ошавшего от удивления Жоры приподнялись остатки волос, а глаза приняли форму геометрически правильных квадратов. Врач задала обычные в таких случаях вопросы «На что жалуетесь?», «Когда и где проверялись в последний раз?» и так далее, просмотрела свой раздел в медкнижке и приступила к проверке зрения с помощью таблицы. Сначала я добросовестно и безошибочно называл буквы у конца указки, у меня острота зрения в те времена была 1,25. Затем, опасаясь вызвать у врача естественное подозрение странным улучшением остроты зрения (в книжке последняя запись зафиксировала 0,8/0,8), начал умышленно ошибаться, чтобы острота была близка к 0,8. Делал это бестолково, невпопад. Окулистка что-то заподозрила и стала проверять меня с помощью набора линз. Я продолжал иногда «ошибаться». Через несколько минут она самоуверенно и строго заявила:

— У вас, товарищ Бабминдра, отличное зрение. Вы симулируете пониженное зрение. Хотите комиссоваться и сбежать на бережок? Надо было

сказать честно. Я бы вам, может быть, и помогла чем-нибудь. Вы меня не проведете.

Записала в книжку четким почерком: «Острота зрения 1,0/1,0» и расписалась:

— В следующий раз не пытайтесь обмануть врача. До свидания.

Изображая расстроенного неудачей человека, я вышел из кабинета.

За мной мгновенно, бледный, взъерошенный, выскочил из кабинета Жора:

— Я не знаю, в чем смысл этой комедии с фамилией, и знать не хочу, не мое дело. Ты только не проговорись случайно моей жене о том, что видел.

Он, оказывается, увидев меня в кабинете врача, испугался больше, чем я.

На следующее утро спешу из дома на остановку автобуса и вдруг лоб в лоб сталкиваюсь с парочкой в составе Жоры Пискунова и миленькой окулисточки, которые неуклюже попытались разыграть роль еле знакомых между собой людей. После этого глазной эскулап в короткой юбочке спрашивает у меня извиняющимся тоном:

— Товарищ Бабминдра, не знаю как вас по имени-отчеству (а фамилию-то помнит). Вы не в обиде на меня за то, что я поймала вас на зрении? Но вы ведь и в самом деле хотели провести меня как сопливую студентку-практикантку. Не удалось!

— Почему же не удалось? — отвечаю со смехом. — Дело в том, что я не Бабминдра, я ... Жора, скажи, как меня зовут.

— Гена Ежков, — ответил Жора.

Теперь настала очередь удивляться молодой врачихе. Пришлось подробно рассказать суть и цель нашей мистификации. Дружно посмеялись втроем и разошлись.

После успешного решения вопроса со зрением Бабминдры медицинскую комиссию мы закончили без каких-либо проблем.

Проводы нас на корабле состоялись по давно отработанному протоколу. Офицеров собрали в кают-компанию, объявили благодарственный приказ командира, вручили нам с Юрой групповую фотографию всех офицеров «Чапаева» с их автографами, памятные подарки (мне, например, достался пылесос «Буран»). Сверх обязательного минимума командир корабля Громов пригласил нас на обед в каюту флагмана. В узком кругу поговорили. Обычные пожелания, в том числе и возвращения на «Чапаев» после учебы. Учитывая, что командир корабля вскоре тоже уезжал в Ленинград, на учебу в Военно-морскую академию им. Ворошилова, он просил в Ленинграде обращаться к нему, не стесняясь, по любому вопросу. Чем сможет — поможет. Кстати, я довольно оригинально воспользовался командирским широким жестом. Уже учась на ВОЛСОКе, я начал оформлять документы для вступления в партию. У меня не хватало одной рекомендации. Решил просить ее у Громова, поехал к нему в академию на Васильевский остров. При встрече Громов поздравил меня с присвоением очередного воинского звания «капитан-лейтенант», с одобрением отметил, что получить капитан-лейтенанта в 24 года — совсем неплохо и пожелал: «Так держать». От его ответа на мою просьбу по поводу партийной рекомендации я просто опешил, уж не шутит ли мой командир. Ответ выглядел так:

— Через три дня приезжай за оформленной рекомендацией, но я тебе рекомендацию, а ты мне адрес хорошего мастера-частника по пошиву женских модельных туфель.

Жена Гавриила Алексеевича — полковник медицинской службы служила в Севастополе начальником госпиталя.

Через три дня, как договорились, я, образно говоря, одной рукой забрал у него рекомендацию, а другой передал нужный ему адрес сапожника. Забавная сделка состоялась. Разумеется, о ней никто не знал. В противном случае... Последний раз я встретил Гавриила Алексеевича в 1968 году в Севастополе на мысе Фиолент. На его плечах красовались адмиральские погоны. Я в феврале получил инженер-капитана 1 ранга. В конце разговор был примерно в том же ключе, что и в 1954 году:

— Сколько тебе лет?

— В марте стукнуло 39.

Одобрительно похлопал по плечу:

— Пока неплохо, жмите дальше, так держать!

Дальше... не получилось. Но об этом позже. А пока вернемся в 1953 год, на крейсер «Чапаев».

Вахтенный офицер вызвал к правому парадному трапу командирский катер, горниста, крючковых. Далее был исполнен церемониал, на который имеют право только начальники, начиная с командира корабля и выше по должности. «Вахта, на место!», «Крючковые, в катер!», «Смирно», «Горнист, играть захождение!» и т. д.

Мы с Юрой сошли в катер, который отошел от трапа и, лихо развернувшись, полным ходом понесся к причалу № 1. Любимец начальника штаба эскадры Чернобая Ермаков (Рыжий Билл) иначе не мог. Он на гонках катеров, организуемых Чернобаем, всегда приходил первым. Правда, не совсем честным путем. Он срывался со старта, выскакивал во что бы то ни стало хотя бы на полкорпуса вперед, подрабатывал рулем влево-вправо «на борт» и разводил волну. Сам терял немного при этом в скорости, но соперники зарывались в волну и теряли скорость и шансы занять первое место.

Мы стояли в кокпите и смотрели на удаляющийся за кормой катера корпус крейсера «Чапаев».

Так завершился один из интереснейших периодов службы, жизни, оставивший немало ярких впечатлений тогда, в дни ранней молодости, и ностальгических воспоминаний сейчас, в годы, когда жизнь вышла на финишную прямую.

Когда приезжаешь в Северную Пальмиру, все дороги неумолимо ведут вас в первую очередь в квартирную Мекку — на Малков рынок. Он тогда функционировал на улице Садовой в районе ее пересечения с улицей Майорова. Пожалуй, только там и через знакомых можно было обзавестись временным жильем. Снял небольшую комнату на улице Ракова (ныне — Итальянская). В ее интерьер не очень изящно вписались закамуфлированные перегородками, фальшпотолком и т. п. стропила, чердачные перекрытия. Комната была на самой верхотуре и, видимо, когда-то, до переоборудования, была частью чердака. Как, впрочем, и все квартиры нашего этажа. Правда, через несколько месяцев и эти апартаменты пришлось освободить, так как хозяйка комнаты смертельно боялась, что у нее государство отберет ее

«хоромы» или, как минимум, эту злополучную комнату. Когда тылы были более или менее обеспечены, все внимание, время и энергию можно было направить на учебу.

Нагрузка на ВОЛСОКе с первых дней учебы была высокая: 6 часов лекций, практических занятий, 4 часа — обязательная самоподготовка. Ежедневно семинар с оценкой или зачет. По этой причине самоподготовка добровольно продолжалась столько времени, сколько требовала учебная обстановка. Домой возвращался обычно в 21.00—22.00. Уставал чертовски. Уровень подачи изучаемого материала на классах был довольно высоким, преподавательский состав — подготовленным. Особые места в программе занимала теория вероятностей, теория ошибок и поправок, теория стрельбы. Базовым учебным пособием по этим вопросам были труды В. А. Унковского. В связи с этим запомнились преподаватели Зворыкин, Гордеев, Батраков. Много часов в программе уделялось изучению новейших систем управления артиллерийским огнем. Вспоминается, правда, и такой забавный факт. На кафедре тактики нас обучали тактическим приемам применения артиллерийского оружия, разработке так называемых комбинированных диаграмм три капитана 2 ранга, каждый из которых имел заурядную фамилию, а при произнесении их вместе (все трое — на одной кафедре) нельзя сдержать улыбку — Малинкин, Цибульский, Половинкин. Если учесть, что все трое были отнюдь не богатырского роста, а где-то в пределах 165 см, а также то, что фамилии звучат как зарифмованные, то эффект усиливается вдвое-втрое. При этом надо отметить: такой подбор кадров на кафедре — результат неумолимого проявления законов теории вероятностей, а не сознательной коварной деятельности не лишенных юмора кадровых работников, как это было, например, во времена Л. Соболева, когда «адмиралу моча в голову ударила, подбирает офицеров по фамилиям».

Наша учебная группа занималась самоподготовкой в кабинете оптических приборов кораблей ВМФ. От стены до стены, упираясь объективами в форточки крайних окон кабинета, стоял восьмиметровый артиллерийский дальномер с увеличением 28 крат и просветленной оптикой. Остальные приборы примостились возле этого мастодонта подобно бедным родственникам. Напротив здания ВОЛСОКа через площадь (там, где сейчас въезд на мост Александра Невского) располагался Институт повышения квалификации врачей, а прямо напротив окон нашего кабинета, а следовательно, и объективов дальномера, находились окна женской душевой комнаты института. Сильное увеличение и «голубая» оптика дальномера позволяли без труда пересчитать родинки и родимые пятна на теле купающейся в данный момент молодой докторши, повышающей в институте свою профессиональную подготовку.

3 марта 1954 года закончились плановые лекции и я позвонил в приемный покой роддома, куда накануне поздно вечером отвез жену. Сначала в трубке прозвучал стереотипный ответ: «Пока никого нет, вы — не папа еще». Но буквально через мгновение медсестра на той стороне провода попросила не вешать трубку, так как в данный момент «решается ваш вопрос». Через пару минут веселый девичий голос в трубке поздравил меня с рождением сына и попросил позвонить позже и тогда они сообщат основные ТТД (тактико-технические данные) новорожденного, то есть вес, рост.

Год учебы промелькнул быстро, как-то незаметно. Только вошли в установившийся режим, и уже конец учебы. Экзамены, практика, распределение по флотам.

Видимо, с учетом отличного окончания ВОЛСОКа мне предложили должность преподавателя в Ленинградском высшем военно-морском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского. Смешно и стыдно сейчас вспоминать, каким же наивным и глупым был тогда, а точнее, просто дураком, когда с возмущением отказался от такого прекрасного предложения. Жена позже отреагировала на это так: даже если бы тебе (то есть мне) предложили не должность преподавателя, а только доверили носить портфель преподавателя, то надо было бы не думая соглашаться. Я же не мог в то время мысли допустить, что я — классный опытный корабельный артиллерист (!) буду читать лекции каким-то механикам с их турбинами, котлами, турбо- и дизель-генераторами и бейпасными клапанами. Ничего они не понимают и никогда не смогут ничего понять в корабельной артиллерии, в этой самой сложной, самой интересной и вообще в самой прекрасной технике. Чего греха таить, я был в те времена наивным восторженным поклонником морской артиллерии, хотя хватало ума понимать, что на артиллерию начинает активно наступать очередное поколение оружия — ракетное. Но в ракетной технике, рассуждая, конечный результат определяется совершенством реализованных инженерных идей, заложенных в конструкции ракеты, надежностью ее работы и ничего не зависит от человека, когда это оружие применяется по своему прямому назначению. Успешность поражения цели морской артиллерией во многом зависит от подготовленности людей, обслуживающих ее, начиная от рядового матроса и кончая управляющим огнем. Есть даже такой критерий оценки подготовленности и правильности действий последнего, как «искусство управляющего огнем».

Кроме того, я психологически не мог принять это предложение еще и потому, что во время прощального обеда на крейсере «Чапаев» Г. А. Громов порекомендовал мне возвратиться после учебы на Северный флот, гарантируя вакантную должность на крейсере, и я заверил его, что именно так и поступлю. Впрочем, я догадывался, что особой ценности как специалист для крейсера не представляю. Короче говоря, отказался и отказался. Съездил в отпуск и вскоре предстал пред ясные очи Сошникова, старшего офицера по кадрам эскадры Северного флота. На мой вопрос Сошников только развел руками: подходящей вакантной должности на крейсерах нет и в ближайшее время не ожидается. Предложил послужить пару лет командиром артиллерийской боевой части (БЧ-2) на эсминце «Отчаянный», а там, мол, будет видно. Попросил на обдумывание неделю. Ничего, естественно, не придумал и согласился. Командовал «Отчаянным» Михаил Иванович Забаев, человек спокойный, рассудительный, сухощавый и сутулый, как все рослые люди на кораблях.

Теперь надо было решать жилищную проблему. С жильем на флоте был жесточайший кризис. Жил вначале в квартирах офицеров, которые уезжали в отпуск. Затем сначала в шутку, а потом всерьез разработал тактику выколачивания квартиры из заместителя командира бригады эсминцев по политчасти Забродина по принципу «капля воды камень точит» или «не мытьем, так катаньем». Каждое утро перед подъемом флага как бы случайно я встречал

Забродина на юте у сходни и невинным голосом вежливо осведомлялся: «Как с квартирой?» До инфаркта довести его не успел, но уверен — предынфарктное состояние ему было гарантировано. Наконец он не выдержал и однажды утром на мой традиционный, засевший ему глубоко в печенку вопрос: «Как с квартирой?» — с облегчением доверительно сообщил мне, что на улице Корабельной в доме № 16 на первом этаже завтра освобождается комната, выезжает флагманский минер бригады. Затем добавил: официально он ничем помочь не может, а вот если его информация поможет, то будет очень рад. Намек я понял с полуслова. На следующий день взял с собой двух матросов, новый врезной замок и пару чемоданов с вещами, и как только флагманский минер вышел из квартиры, мы втроем вошли, поставили посредине комнаты чемоданы, врезали в дверь новый замок. Запер его на свой ключ и пошел по Корабельной искать жену с сыном. Так я стал ответственным квартиро-съемщиком, незаконно заняв освободившуюся комнату. Комната на первом этаже — далеко не Рио-де-Жанейро. Квартира двухкомнатная на две семьи. Отопление печное. Когда топишь печь, наверху у потолка — тропики, а внизу вода на полу замерзает за 5—10 минут. Водопровод — на улице, в форме общественной колонки. Короче говоря, удобств абсолютно никаких.

В каждой свой прилет в Североморск ко мне в гости заходил родственник, о котором я уже упоминал, Томплон Константин Михайлович. Он прилетал из Москвы с какой-то научной экспедицией на самолете Ту-4. Садился на Большом Сафоновском аэродроме в Верхней Ваенге и уже отсюда периодически с какими-то военно-научными целями летали к Северному полюсу. Москвича Константина Михайловича «восхищало» мое жилище, на его взгляд, совершенно непригодное для жилья из-за отсутствия каких-либо бытовых удобств, он называл его «квартира без сортира». Правда, после первой бутылки, а при его комплекции а-ля артист Меркурьев выпить он мог очень много, а потом еще немного, уже более сдержанно говорил, успокаивая меня: «А вообще-то, как говорится, за неимением гербовой пишется на простой. Раз не нашлось ничего лучшего, можно жить и в этом морозильном шкафу». Кстати, тяжелый бомбардировщик Ту-4, на котором он прилетал из Москвы, представлял собой почти точную копию американской «летающей крепости» В-29. Когда-то на нашем Дальнем Востоке В-29 совершил вынужденную посадку. Американцы, естественно, потребовали срочно возвратить им экипаж и материальную часть (самолет). Летчиков им возвратили сразу же, воспользовавшись восточными коммуникациями, а самолет довольно остроумно возвращали по Транссибирской магистрали через весь СССР и Западную Европу. Константин Михайлович участвовал в летных испытаниях Ту-4 и много рассказывал об этом самолете. Воздерживаюсь от пересказа, ибо известно, что летчики любят потравить не меньше моряков.

Служба на эсминце принципиально мало отличалась от крейсерской. Учения, приборки, занятия, выходы в море, штормы, снежные заряды, стрельбы и т. д. Иногда были неожиданные, странные на наш взгляд, выходы в море. Например, на корабль прибывает начальник политического управления — член Военного совета Северного флота адмирал Сизов. Эсминец экстренно готовится к бою, походу, быстро отходит от причала № 4 и спешит в режиме одиночного плавания к мысу Святой Нос, заходит в бухту Гремиха, отдает якорь у острова Медвежий. Оборудованного причала нет, грунт

скалистый, якорь держит плохо. Сильный ветер, снежные заряды — обычное здесь явление. Сизов сходит на берег. Через сутки, сделав свои дела, поднимается на борт и все повторяется в обратном порядке. Эсминец, как посыльный катер, возвращается в Североморск.

Вскоре перевелся на эсминец «Отчетливый» той же 122-й бригады. Командиром корабля был умный, грамотный, но излишне импульсивный и самонадеянный Владимир Ильич Майоров, позже переквалифицировавшийся в политические работники.

Служба на «Отчетливом» была естественным продолжением службы на «Отчаянном». Здесь я впервые в жизни получил свою, законную, квартиру, а точнее, комнату в двухкомнатной квартире (три раза в неделю — горячая вода!), где и стал жить с женой и сыном. Вторую комнату получил брат Евгений с женой и сыном. Он служил на крейсере «Адмирал Ушаков», который совсем недавно был переведен с Балтики на Север. Вместе с крейсером «Александр Невский», который был передислоцирован на Север еще раньше, на Северном флоте стало четыре новых крейсера. В конце года у нас с братом произошло забавное событие. По итогам года приказом командующего Северным флотом я был награжден ценным подарком — красивой шкатулкой палехской работы. Не ожидал, так как знал, что моей фамилии в приказе быть не должно. Но пути господни неисповедимы! Принес домой подарок, похвастал перед братом и нашими женами и поделился своими сомнениями в связи с этим сюрпризом. Брат тоже засомневался: по его информации, он был представлен к награждению ценным подарком, которого не получил. Через несколько дней зашел я в штаб флота к знакомому мичману, который готовил приказы командующего флотом, и все прояснилось. Он (мичман) меня хорошо знает, так как я давно служу на Севере. В проекте приказа, посчитав, что кто-то допустил ошибку, исправил «ошибку», то есть исправил имя с «Евгений» на «Геннадий». Попытался я возвратить симпатичную безделушку законному владельцу, но брат и его жена Татьяна категорически отказались от такого жеста. Тем более, что на злополучной шкатулке закреплена медная табличка с гравировкой, где указано мое имя. Так и лежит эта шкатулка у меня дома в память о службе на Северном флоте двух братьев Ежковых.

И в огне не горит, и в воде не тонет

Вспоминается один довольно интересный эпизод, связанный с легкомысленным, мальчишеским отношением к морской стихии одного самоуверенного, бравого военмора, лишь по чистой случайности не окончившийся трагически для последнего.

Событие, изложенное ниже, произошло в бытность мою командиром артиллерийской боевой части (БЧ-2) эскадренного миноносца «Отчетливый» эскадры Северного флота. На «Отчетливом» в должности командира машинно-котельной группы (МКГ) БЧ-5 служил молодой и духаристый в большей степени, чем его одноклассник, уроженец Риги Валера (Валерий Дмитриевич) Павленко. Симпатичный, холерный, самоуверенный, толковый офицер. Так вот, если бы мне загадали популярную детскую загадку: «И в огне не горит, и в воде не тонет; что это такое?», я, не задумываясь, ответил бы: «Валера Павленко».

Очень коротко в подтверждение ответа на первую часть загадки.

Валера совершенно случайно, благодаря настойчивости своего начальника командира БЧ-5 Леонарда Илларионовича Головкина, получил очередной отпуск в разгар лета 1955 года, вопреки флотской шутке «Солнце жарит и палит — в отпуск едет замполит». Поехал он в сказочный город Сочи. Дикарем, разумеется. К какой-то троюродной тетке. Дорвавшись до знойного южного солнца, он решил вскусить его прелестей сполна в самые короткие сроки, легкомысленно провалявшись на лежаке пляжа «Ривьера» в первый же «рабочий» день с восхода до захода ласкового по отношению к благоразумному человеку южного солнца. В итоге он довольно быстро превратился в дымящуюся головешку. Ночью ему стало плохо: страшные боли от солнечных ожогов, высокая температура и т. д. Тетка вызвала «скорую». Выдавший виды врач пришел в тихий ужас, разглядывая распластавшийся перед его взором шашлык по-сочински из рижского филе. Валеру госпитализировали. На больничной койке он подобно презренной рептилии сменил пришедшую практически в полную непригодность и легко снимаемую, как кожа со спелого банана, кожу на более привычную для его возраста и расы белорозового колера. Подремонтировался и, не теряя ни минуты, во избежание повторной болезненной линьки, позорно бежал от южного солнца в милую его сердцу и безопасную для товарного вида Ригу. Но облегченно вздохнул он только за Полярным кругом, в Североморске. С трудом доставшийся летний отпуск был безнадежно испорчен. Тем более, что дни вынужденной линьки на сочинской больничной койке шли в зачет драгоценных отпускных дней.

Теперь о второй части утверждения, вынесенного в заголовок. Как-то поздно вечером во время очередной партии в малый со стальными шарами бильярд (только в крейсерских салонах кают-компаний красовались стационарные классические большие бильярды) зашел разговор об одном недавнем случае, когда волной во время шторма едва не смыло за борт матроса. Матрос спасся чудом. А точнее — благодаря командиру зенитного спаренного 37-мм автомата. Старшина второй статьи Мегаев, единственный на Северном флоте аvarец из Дагестана, не растерялся, мигом спустился по скобтрапу с кормовой надстройки и успел подхватить за робу незадачливого матроса. Валера, расстроенный проигрышем в бильярд, с присущим ему апломбом заявил, что волной может смыть только неуклюжую размазню, мешок с дерьмом, физически слабенького хлюпика. Если быть осмотрительным и принять все доступные меры предосторожности, то неприятностей легко избежать. Сам Валера был крепко сбитым парнем. Ему возразили, что с морской стихией шутки плохи и неуместны. Слово за слово, возник спор. Валера обязался в ближайший штормовой выход в море в самой неблагоприятной обстановке (по крену и волне) спокойным шагом пройти от носовой надстройки, от входа в офицерский коридор по правому борту шкафута, до люка в кормовые офицерские каюты на юте.

В один из последующих выходов в море через несколько часов резвого хода корабля от выхода из Кольского залива обстановка в море стала соответствующей спору. Эсминец вошел в зону шторма. Сильный порывистый ветер, яростно срывающий гребни волн, превращал их в плотную завесу из мириад мелкий, секущих лицо брызг. Болтанка нарастала с каждой

минутой. Качка была в полном ассортименте: и орбитальная, и килевая, и бортовая. Волны по-хозяйски гуляли по верхней палубе, сметая все на своем пути, с грохотом разбиваясь о надстройки. Особенно вольготно они чувствовали себя на юте и шкафуте. Еще до отхода от причала № 4 корабль, естественно, был подготовлен по команде «корабль по-штормовому изготовить», то есть задраены все люки, иллюминаторы в корпусе и надстройках корабля, принято все, что в штормовых условиях будет пытаться покинуть свое штатное место. Над верхней палубой в районе минных рельсов туго натянуты штормовые леера, тонкие стальные тросы, по которым скользят полые рукоятки, — с их помощью при крене можно удержаться на ногах и не сыграть за борт.

А шторм разыгрался не на шутку. Корабль, как бы вздыхая, тяжело вздымается на очередной вал, сглатывая с себя сотни тонн воды, на мгновение замирает, бесстыдно задрав над водой на всеобщее обозрение носовую часть своего днища, и вдруг стремительно проваливается в клокочущую пучину. Нутро человека по законам физики устремляется вверх, пытается найти (и часто находит) выход наружу. Орбитальная качка — основная причина морской болезни, заклятый враг любого морехода.

В такой обстановке невольно, но весьма некстати, вызывая невеселые ассоциации, вспоминаются трагедии на Баренцевом море времен минувшей войны. В мае 1942 года на штормовой волне оторвало носовую часть эсминца «Громкий». Обошлось без жертв. Корабль и людей удалось спасти. Тяжелее были последствия 10 ноября того же года, когда на волне в штормовом море в полном смысле слова переломился, как пресловутая сопроматовская балка, эсmineц «Сокрушительный». Оторванная носовая часть с основной массой личного состава была спасена, кормовая — затонула, погибло несколько человек. Командир эсминца Курлех спасся в числе первых, за что был осужден военным трибуналом и расстрелян.

Но я отвлекся. У нас шторм нарастает. По корабельной боевой трансляции командир корабля капитан 2 ранга Майоров Владимир Ильич лично объявил о категорическом запрете ходить по верхней палубе. А в то же время Валера Павленко изъявил желание и готовность немедленно приступить к разрешению недавнего спора. Попытались предотвратить этот неразумный, опасный поступок. Сказали Валере, что он может доказать нам свою правоту в другой раз. Предлагали засчитать ничейный результат спора, великодушно соглашались на наше поражение. Предложили, в конце концов, пробежать бегом в наиболее безопасный момент. Куда там! Валера завелся и упрямо стоял на своем: «Я сказал», «Я поспорил и докажу, что прав я» и т. д., а нас и слушать не хотел. Исчерпав красноречие, собрались у выхода из офицерского коридора на правый шкафут. Выждав момент, когда корабль резко накренился на правый борт и вздыбился, как взнузданная лошадь, а волна обрушилась на палубу, Валера ухватился за штормовой леер и не спеша пошел по палубе на корму. Мы в ужасе увидели, как волна накрыла нашего пижона, сбила с ног, легко поставила вверх ногами, оторвала его руки от спасительного леера.

В следующий момент где-то в волне мелькнули черные военно-морские ботинки и вал откатился с палубы, увлекая с собой за борт Валеру. В голове молнией мелькнула мысль: «Все! Это конец!» (Валера ведь был уже за пределами палубы). Но никто еще не успел ничего сообразить, не успел повер-

нуться и побежать на ходовой мостик, чтобы вахтенный офицер сыграл «Человек за бортом!», как очередная волна подхватила Валерия и, шутя, играючи, забросила назад на палубу. Но было ясно: откатываясь назад, волна-спасительница прихватит с собой жертву и на этот раз — безвозвратно: два раза подряд повезти не может. В этот критический момент открылась дверь поста энергетики и живучести (ПЭЖ) БЧ-5 — там видели в иллюминатор все происходящее, — кто-то перешагнул через комингс ПЭЖ, подхватил Валерия и затащил в помещение. Волна откатилась назад, за борт, в одиночестве, видимо, недовольная тем, что у нее отобрали ее законную жертву.

Валера отделался легко: ушибы, синяки, ссадины при ударе о палубу и о стойку бортового леера. Ну и состояние, близкое к шоку, естественно. Родился он в рубашке, под счастливой звездой. Видимо, судьба уготовила ему иной вариант завершения брэнного жизненного пути, в котором не было места соленой морской воде Баренцева моря, так как кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Так что Валера не сторе, хотя и основательно, как на вертеле, обжарился со всех сторон, и не утонул, а ведь был в двух шагах от этого. Так что не настолько глуп и наивен мой ответ на детскую загадку.

Несколько слов о корабельной артиллерии, артиллеристах и не только о них

В один из дней в соответствии с планом УБП (Управление по боевой подготовке) штаба Северного флота 122 БЭМ (бригада эсминцев), как обычно, вышла в море на зачетные артиллерийские стрельбы. Позволю себе небольшое отступление и замечу, что морская корабельная артиллерия по сложности не идет ни в какое сравнение с сухопутной. Система управления артогнем корабля на пару порядков сложнее своей сухопутной тезки. Определяется это тем, что морская цель движется, маневрирует, находясь, как правило, за пределами визуальной видимости. Стреляющий корабль тоже движется, да к тому же болтается в пространстве, располагая шестью степенями свободы по прихоти так называемого случайного ветрового волнения моря. Следует еще добавить влияние ветра, который обожает открытые морские просторы и с усердием, достойным лучшего применения, сносит летящий снаряд с расчетной траектории. При этом параметры злодея-ветра непрерывно изменяются по высоте и времени. Задача управляющего огнем корабельной артиллерии заключается в том, чтобы с помощью системы управления, используя свой опыт, теоретическую и практическую подготовку, «построить» в пространстве такую траекторию полета снаряда, которая бы, невзирая на ухищрения цели, движение и витовту пляску на воде стреляющего корабля и неприятное поведение ветра, в момент прохождения снарядом переднего среза ствола орудия проходила через цель. Эта траектория называется расчетной. Все так просто на словах и на бумаге и ох как не просто на практике. Принципы управления артогнем регламентируются ПАСами (Правилами артиллерийской стрельбы). Но кроме этого требуется хорошая теоретическая и практическая подготовка, опыт управляющего огнем, высокая квалификация личного состава, обслуживающего приборы системы управления, орудийных расчетов, высокая слаженность всего коллектива артиллерийской боевой

части корабля в целом, его хорошей физической подготовки. И именно поэтому каждая стрельба для артиллерийского офицера — это неповторимая любимая мелодия. Хорошо выполненная стрельба для него — хорошо выполненная работа.

Но я немного отвлекся. За это время наш «Отчетливый» вышел в район стрельбы, лег на боевой курс, развил ход до «самого полного» и устремился в «атаку». Долгожданная и всегда неожиданная «Боевая тревога!» На ноке рея фок-мачты взметнулся и затрепетал на ветру флаг «Н» (флаг «Н» — «наш» — красное полотнище с двумя короткими косичками по однофлажному своду сигналов означает «Веду артиллерийский огонь»). Быстро, как белка, взлетаю по скоб-трапу и занимаю свое место управляющего огнем в КДП (командно-дальномерный пост). Короткие команды командира корабля с ГКП, управляющего огнем из КДП, — и корабль дважды резко вздрогнул от первых двух пристрелочных залпов. Томительные секунды ожидания, пока снаряды летят к цели. Наконец короткий звонок, что означает падение снарядов залпа. Наблюдаю и оцениваю отклонения на экране «всплесков» от падающих в воду снарядов относительно цели. Отклонения больше, чем хотелось бы. Это означает, что общая оценка стрельбы уже не может быть отличной, так как она соответствует величине наихудшего из пяти показателей. Расстроенный первым неудачным результатом, как-то машинально, как бы про себя выругался не совсем цензурно, а палец с кнопки включения ГГС (громкоговорящая связь) не убрал, и микрофон остался включенным. Ввел необходимые корректуры и перешел на поражение. В это самое время зам. командира бригады по политической части капитан 1 ранга Забродин находился в рубке связи; услышав в динамике задумчивую нецензурную брань (в общем-то, вполне безобидную), взбеленился: «Что это такое! Безобразие! Кто это ругается матом?!» Начальник связи эсминца, который конечно же все понял, снисходительно улыбаясь, успокоил его: «Это товарищ капитан 1 ранга, не у нас, на другом корабле, но УКВ». Забродин: «Вернемся в базу, разберусь и накажу этого хулигана» и побежал на ходовой мостик к Майорову, командиру корабля.

Отгремел последний залп. Развернулись, пошли в другой район БП (боевая подготовка) для обеспечения стрельб других кораблей, потом пошли выполнять учебную задачу в интересах торпедистов.

Вернулись в Североморск, ошвартовались к своему родному 4-му причалу бортом к борту у крайнего корабля нашей бригады. 122 БЭМ в сборе, мы пришли последними. Как только на нашем «Отчетливом» прозвучала команда «От мест отойти!», с первого борта получаю семафор: «Командира БЧ-2 приглашаю в каюту командира БЧ-2 ЭМ „Опасный“». Подпись — Болдырев. Дело в том, что у нас на бригаде эсминцев была традиция: после успешных артиллерийских стрельб кораблей бригады и возвращения к причалу № 4 командир БЧ-2 эсминца, который первым подошел к стенке, организует у себя в каюте маленький фуршет для командиров БЧ-2 остальных кораблей бригады. На сей раз ответственным за организацию «банкета» был Толя Болдырев. Пришел к нему в каюту. Там уже в сборе все корабельные артиллеристы бригады во главе с флагманским артиллеристом 122 БЭМ. Рэм Николаевич Булатов, прекрасный специалист и человек, красивый мужчина, любимец женщин. Остроумный, веселый. Он хотел продвигаться далее по службе не

по специальности, а по командной линии, но старпомом его не назначали до тех пор, пока он не вступил в партию.

В выдвинутом ящике письменного стола Болдырева, как всегда и у всех в аналогичных случаях, стояли пустые стаканы, лежала незатейливая закуска. На нижней кровати за шторой стояли графин с чистым спиртом-ректификатом и с питьевой водой. Каюту, естественно, заперли изнутри. Не успел налить по первой, как в дверь постучали. Замерли. Дверь не открываем. Стук повторяется. Не открываем и не откликаемся. В третий раз постучали более настойчиво. Рэм не выдержал, подошел к двери: «Чудак-человек, зачем ломиться? Сам понимаешь, раз не открывают дверь, значит, в каюте никого нет». Из-за двери голос заместителя командира корабля по политчасти: «Рэм Николаевич, откройте, я тоже хочу поздравить всех вас с успешной стрельбой». Мгновенно поставили стаканы в ящик, который задвинули. «Дастархан» исчез. Задернули штору у кровати, открыли двери. Зашел замполит, осмотрелся, не увидел ничего крамольного, поздравил всех с успехом. Но из каюты не вышел, подошел к умывальнику, подвернул у бачка с водой кран, хотел напиться, а вода потекла какая-то ржавая. Решил слить ржавую воду, так как такую пить нельзя. Неожиданно к нему подошел Толя Болдырев, бесцеремонно развернул кран, закрыл воду: «Вода вся такая ржавая, бесполезно сливать». Замполит, видимо, обиделся за такое не очень тактичное поведение хозяина каюты и, ни слова не сказав, вышел из каюты. Мы снова заперли дверь, спрашиваем Толю, зачем он грубо обошелся с неплохим, в общем-то, безобидным замполитом, еще чего доброго, капнет командиру. А Толя в ответ: «Я специально ездил в Мурманск, притащил канистру пива, слил из бачка воду, залил его пивом, хотел вам устроить сюрприз, а он (то есть замполит), чудак на букву „м“, чуть не слил его в фановую систему». Посмеялись от души. Ну а потом все пошло по проторенной дорожке.

Будни службы

В завершение темы расскажу еще о паре эпизодов, связанных со службой на эсминце «Отчетливый». Заранее предупреждаю, что они не являются характерными для нашей службы на этом прекрасном корабле. И пусть у потенциального читателя не создается впечатление, что на боевых кораблях Северного флота офицеры много и часто пили. Нет, разумеется. Эпизоды, о которых повествуется ниже, лучше врезались в память как уникальные, единственные в своем роде, а серьезные повседневные дела, связанные с трудностями и неприятностями в корабельной службе в условиях сурового Севера, быстро улетучились из памяти. Видимо, таково свойство человеческой памяти в долговременном запоминающем отделе человеческого мозга, надежнее фиксируется и со временем восстанавливается что-то из ряда вон выходящее, чем серая будничность, повседневность.

Итак, в одну из августовских суббот 1956 года начальнику МТО, корабельному интенданту нашего эсминца Вене Брееву, исполнялось 24 года. Дата не круглая, и Веня решил отметить это событие в пятницу, накануне. Но вот незадача, впрочем, довольно обычная для тех, кто служит в плавсоставе, — на берег мы сойти не могли, так как это проделала другая очередь,

а наш удел в этот день — сидеть на корабле. Тогда новорожденный принял решение, не отличающееся гениальностью и оригинальностью: устроить «генеральную репетицию» в корабельных условиях, а основное действо — на следующий день, в субботу. Вечером собрались в каюте Вени вчетвером: виновник торжества Бреев, командир БЧ-3 (минно-торпедная боевая часть) Володя Матвеев, начальник РТС (радиотехническая служба) Дима Меркушев и командир БЧ-2, ваш покорный слуга. В каюте все было готово к приему гостей: стол застелен скатертью, на тарелочках — нехитрая закуска (консервы, колбаса, сыр, сгущенка, хлеб). На нижней кровати за занавесом графины со спиртом и водой, водка и вино: последние два наименования привезены из Мурманска, так как в Североморске свирепствовал «сухой» закон. Дверь, естественно, надежно заперта изнутри. После первых тостов за героя события, произнесенных, разумеется, вполголоса, и чокаясь так, чтобы при этом касались не стаканы, а беззвучно — костяшками пальцев рук, держащих эти самые стаканы, начались разговоры, споры, шутки. Вполголоса. Время незаметно перевалило за полночь. Вдруг Вениамин неожиданно обращается ко мне:

— Геннадий Флорович, я уже дослужился до старшего лейтенанта, а, к моему величайшему стыду, ни разу не стрелял из настоящего автомата.

Я его успокоил:

— Сейчас же, не откладывая в долгий ящик, устраним этот досадный пробел в твоей биографии, это будет одновременно и салютом в честь твоего дня рождения.

Прошел к себе в каюту (благо, она совсем рядом), вызвал заведующего корабельным арсеналом (который по корабельному повседневному расписанию был в моем подчинении), приказал ему принести автомат и магазин с патронами. Когда приказание было выполнено, отпустил арсенальщика в кубрик досматривать сон, прошел на ют, предупредил дежурного своего корабля, прошел по всем кораблям бригады, ошвартованным борт о борт, предупредил дежурных этих кораблей, чтобы они не обращали внимания и не реагировали, когда услышат стрельбу на юте «Отчетливого». Затем с Веней Бреевым зашли ко мне в каюту, я объяснил ему основные правила стрельбы и обращения с автоматом. Вместе пошли на ют, прямо за кормой корабля мыс Окольный — безлюдное место. Веня по всем правилам вскинул автомат в сторону мыса Окольный, приподнял ствол градусов на 45° выше горизонта и по моей команде нажал на спуск. Автомат, естественно, разразился длинной, раскатистой очередью, загрохотал в ночной тишине. Трассирующие пули прочертили ночное небо и светлячками исчезли где-то вдаль. Удовлетворенный интендант отпустил спусковой крючок только когда автомат затих — в магазине кончились патроны. Спрашиваю стрелка:

— Теперь-то доволен, не будешь больше плакаться, что никогда в жизни не стрелял из настоящего автомата?

— Доволен, Геннадий Флорович.

Вернулись в мою каюту, вызвал арсенальщика, возвратил ему автомат, пустой магазин, сказал, чтобы утром он его почистил и смазал, оформил акт на списание боезапаса.

Затем пошли в каюту Бреева. Он осмотрел стол хозяйским интендантским взглядом. Видимо, остался недоволен его состоянием, так как взял за уголки

скатерть-салфетку, аккуратно выбросил этот узелок со всем содержимым (остатки закуски, тарелки, стаканы, вилки и т. д.) в иллюминатор за борт, не обращая внимания на наши недоуменные взгляды и вопросы. Затем так же деловито постучал в носовую перегородку, за которой, как мы знали, находится продовольственный склад. И когда в ответ раздался чей-то заспанный голос, коротко приказал: «Козулин, зайдите ко мне!» Через несколько минут в каюту, протирая глаза, шурясь от яркого света, зашел заспанный, растрепанный (по одному его виду было ясно, что сие божье создание относится к разгильдяям) заведующий продскладом: «Товарищ начальник, старший матрос Козулин прибыл по вашему приказанию!» Наш Венья совсем раздухарился: «Товарищ Козулин, накройте стол заново» — и кивнул головой на девственно-чистый стол. «Есть, товарищ начальник!»

Через несколько минут стол был накрыт заново. Конечно, сервис был далек от ресторанного, но в корабельных, скрытно от глаз начальников, условиях этого было вполне достаточно. Мирно посидели, поговорили за «рюмкой чая» о том о сем еще час-полтора и разошлись по каютам спать. На сон оставалось 2—3 часа.

А вечером, имея за кормой «генеральную репетицию», проведенную накануне, мы все, но уже в расширенном составе, сошли на берег и отметили день рождения Вени в кафе «Ягодка», что в Верхней Ваенге.

К концу 1957 года передо мной вновь стоял вопрос: «Что делать дальше? Кем быть?»

Продвигаться по командной линии: старпом, командир? Быть отцом-командиром мне не хотелось. Значит, надо идти по специальности, а это означает цепочку: флагманский артиллерист бригады, эскадры, но, начиная с флагманского артиллериста бригады Рэма Булатова, у всех «флажков» отличное здоровье, служат они хорошо, назначены недавно и уходить никуда не собираются. Кроме того, и это главное, артиллерия постепенно уступает позиции новому, более мощному и более совершенному оружию — ракетному. Скоро наша славная морская артиллерия вымерет, как вымерли в свое время мамонты. Следовательно, надо переквалифицироваться из артиллеристов в ракетчики. Для этого требуется закончить академию. Начал понемногу самостоятельно штудировать основы ракетной техники и зондировать обстановку с поступлением в академию. Неожиданно подвернулся хороший вариант: мне предложили должность командира артиллерийского дивизиона на крейсер «Железняков», который ушел на ремонт в Ленинград. А это в перспективе: масса свободного времени; Военно-морская академия рядом; управление кадров ВМФ в Москве, от Ленинграда гораздо ближе, чем от Североморска; перед поступлением в академию, если я туда поступлю, можно получить очередное воинское звание.

Это плюсы. Минус был один, но какой! Я покидаю свою выстрадавшую квартиру и опять превращаюсь в безлошадного, в военно-морского бомжа.

Плюсы одолели один, хотя и очень весомый, минус и накануне наступления нового, 1958 года я отправился из Североморска в Ленинград к новому месту службы. Мы еще не покинули на такси пределов Североморска, как жена Валя ойкнула от досады — вспомнила, что в покинутой квартире в кладовке, скрытно от нескромных мужских глаз, у нее остались лежать две «новогодние» бутылки «Шампанского» и две бутылки «Столичной». Она чисто

по-женски расстроилась из-за своей оплошности, но брат Евгений успокоил: «Не переживай, ничего не пропадет, все будет использовано по прямому назначению». Так и произошло, без нашего с женой участия, правда.

Ленинград. Адмиралтейский завод. КРЛ «Железняков»

Что представляет собой служба офицера на корабле, который стоит в заводе, ремонтируется или строится заново — значения не имеет, знает каждый, кому посчастливилось пройти через нее. Не жизнь, а мечта! Особенно, если, как было в моем случае, завод находится в таком городе, как Ленинград.

Перед началом корабельной службы в центре бушующего и веселящегося города-гиганта, второй столицы (а может быть, первой?) необходимо помянуть на полке в каюте местами «Корабельный устав» и «Устав внутренней службы», предоставляя приоритет общевоинским уставам.

Служба монотонна и неинтересна: контроль за качеством заводских работ, контроль за соблюдением техники безопасности при проведении этих работ (в первую очередь — сварочных), несение обязанностей якорного вахтенного офицера и дежурного по кораблю, занятия, учения, внешний вид матросов и т. д. и т. п. В остальном жизнь вольготная, приятная во всех отношениях. Увольнение на берег практически ежедневно (!), за исключением дней, занятых несением дежурно-вахтенной службы.

От избытка свободного времени и желания использовать его в интересах повышения общей культуры офицеров старпом командира «Железнякова» Крысак организовал две группы изучения иностранных языков: немецкого и английского.

Офицеры поддержали инициативу старпома, командир крейсера Илясов Степан Алексеевич, по прозвищу Степанида, милостиво разрешил функционировать на корабле кружкам. Нашли и договорились с преподавателями, имевшими практический опыт натаскивания Митрофанушек в немецком и английском.

В группы отбирали если и не по конкурсу, то уж с учетом деловых и моральных качеств — точно, столько было желающих. Занятия проходили на корабле организованно, интересно. Уровень преподавания был очень высоким. «Немке» и «англичанке», видимо, интересно было вести занятия на военном корабле. Успешнее пошла учеба у тех офицеров, кто занимался на Всесоюзных заочных курсах иностранных языков. Наша «немка» — интеллигентная забальзаковского возраста женщина, типичная для того времени ленинградка, прожившая всю жизнь, в том числе и блокаду, в этом прекрасном городе, была буквально покорена воспитанностью и предупредительностью своих учеников. Через несколько месяцев она заболела и была вынуждена отказаться от дальнейших занятий. На прощание мы троим поехали к ней домой, на Кировную, привезли ей зарплату за прошедший и очередной месяц и подарили на память хрустальную вазу — ладью с гравировкой по «планширю» борта, заполненную выше этого самого планширя «Трюфелями». Женщина была тронута до слез таким вниманием со стороны офицеров «Железнякова», напоила его полномочных представителей чаем, и мы, довольные друг другом, распрощались.

Кольский залив. Вид на Североморск с борта крейсера на внешнем рейде

Кольский залив. «Шестерки» выходят на линию старта

Северный флот. Маршал Советского Союза Булганин Н. А.
и Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов Н. Г. среди личного состава крейсера

Северный флот. Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, Маршал Советского Союза
Малиновский Р. Я., Адмирал Флота Советского Союза Горшков С. Г. на борту крейсера

Баренцево море. Эсминец «Отчаянный». Командир БЧ-2 Ежков Г. Ф.

Северный флот. Крейсер «Чапаев».
Личный состав 3-й артиллерийской башни главного калибра

Баренцево море. Огонь по зенитной цели ведет дивизион универсального калибра
крейсера «Чапаяев»

Группа личного состава 3-й башни главного калибра крейсера «Чапая». Командир Ежков Г. Ф. – шестой справа

Крейсер «Чапая». Офицеры корабля с переходящими призами Главкома ВМФ за стрельбу главным калибром (справа) и универсальным калибром (слева)

Северный флот. Эсминец «Отчетливый»

Остров Кильдин. Полярный день лета 1953 г.

Встреча друзей детства на реке Дёма. «За тех, кто в море!»

На крейсер «Чапаев», поврежденный в результате столкновения с эсминцем, прибыл Н. Г. Кузнецов

Норвежское море. Передача топлива в открытом море на ходу с танкера на два эсминца

Баренцево море. «А волны и стонут, и плачут, и бьются о борт корабля...»

В свободное время неплохо померяться силами

Рейд Могильный, устье реки Зарубиха. 1955 г. В воскресный день на берегу

Остров Кильдин. Участники охоты на полярную куропатку

Остров Кильдин. Первый охотничий трофей. 1955 г.

Рейд Могильный, устье реки Зарубиха.
Скалолаз

Приказ министра обороны Г. К. Жукова об обязательной физической подготовке офицеров выполняется неукоснительно

Североморск. В редкие часы отдыха с женой Валентиной и старшим сыном Сергеем

ВМА. Стипендиат Ленинской и им. П. С. Нахимова
стипендий Г. Ф. Ежков

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

Тов. *Г. Ф. Ежков*

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР
приглашают Вас на прием
ВЫПУСКНИКОВ
ВОЕННЫХ АКАДЕМИЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

Проход через Спасские и Вороньцкие ворота

ПРИЕМ СОСТОИТСЯ
5 июля 1962 г. в 16 час.
в Большом Кремлевском дворце

ДЕЙСТВИТЕЛЕН ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ДОКУМЕНТА

Вскоре на «Железнякове» произошло ЧП: какие-то подонки убили в городе нашего офицера, командира носовой группы управления артиллерийским огнем Михаила Золотова. Убили с целью ограбления, а взяли у него в качестве платы за жизнь старенькие наручные часы. Не буду утомлять читателя подробным изложением событий этого рокового для Михаила вечера. Это профессионально сделано в рассказе «Этого могло и не быть» в книге «Будни милиции», написанной начальником Ленинградского управления МВД СССР Героем Советского Союза генерал-лейтенантом танковых войск Соловьевым. Мы каждое утро брали катер и по Фонтанке отправлялись в областной суд, не пропустив ни одного заседания на процессе по данному делу. Убийство совершила группа из 12 подонков.

Лидером группы был Анатолий Живолуп, двадцатидвухлетний (самый старший) студент архитектурного техникума, единственный сын генерал-лейтенанта авиации и директора средней школы. Роль наводчицы, а точнее — живца, исполняла красивая восемнадцатилетняя Нина Сосырева, единственная дочь очень хорошо обеспеченных родителей. Непосредственные убийцы Орлов и Озеров были приговорены к «вышке», Живолуп и Сосырева — к 15 годам лишения свободы каждый.

В связи с расследованием обстоятельств убийства мы познакомились с некоторыми офицерами ленинградской милиции и в первую очередь с ее начальником генералом Соловьевым. Симпатии были взаимными: мы с удовольствием приглашали его на корабль, а Соловьев с неменьшим удовольствием принимал эти приглашения.

При таких встречах генерал не раз говорил нам: «Если возникнет необходимость в моей помощи, обращайтесь без лишних формальностей, не стесняйтесь. В пределах своей компетенции всегда помогу. Просто приходите и говорите моему секретарю, что вы с крейсера „Железняков“ и просите доложить об этом мне. Дверь моего кабинета будет для вас открыта без промедления».

Через некоторое время, когда я уже поступил в академию, необходимость в такой помощи возникла. При очередном переезде на очередную частную квартиру в отделе милиции мне было отказано во временной прописке: «Жилплощадь не позволяет». Формально все верно, но фактически не совсем. Хозяйка комнаты и ее муж, прописанные на этой жилплощади, уехали в Омск, и комната временно пустовала. Поехал на прием к Соловьеву. Симпатичная секретарша хорошо поставленным казенным голосом стереотипно ответила: «Приема нет. Записывайтесь в очередь, это будет месяц через два». Я ее попросил доложить хозяину кабинета, что в приемной ожидает такой-то, офицер с крейсера «Железняков». Секретарша вышла из кабинета Соловьева через минуту-полторы, широко распахнула дверь и, лучезарно улыбаясь, гостеприимно пригласила: «Пожалуйста, входите! Комиссар вас ждет». Генерал радушно встретил у двери, спросил, как дела на корабле, какие новости, а уж потом — о цели моего визита. Внимательно, не перебивая, выслушал, взял мое заявление и размашисто написал на нем: «Начальнику отдела такому-то. Срочно прописать. Об исполнении доложить. Соловьев». Не «Разобраться и доложить...», а «Срочно прописать...» Когда я явился пред правоохранительные очи начальника отдела и положил на стол заявление с резолюцией Соловьева, его чуть нехватила кондрашка. Затем через

силу он процедил сквозь зубы: «Раз так решил начальник, то... Послезавтра зайдите к паспортистке за готовыми документами». Так что генерал оказался человеком дела.

Критика сверху и снизу

Периоды, когда у личного состава оставалось от основной службы много свободного времени, были наиболее любимы политработниками, так как предоставлялась возможность без ущерба для боевой подготовки еще более повысить ее интенсивность. Политподготовка на кораблях всегда была организована неплохо и постоянно находилась под неусыпным контролем политработников всех уровней и званий.

В один из летних дней (летом! Такое могло присниться только в страшном сне, если бы корабль плавал, находясь в боевом ядре, занимался боевой подготовкой, а не стоял у стенки завода в ремонте) руководители групп политзанятий — офицеры всех корабельных специальностей шумно заполнили зал базового матросского клуба (БМК) Ленинградской военно-морской базы (ЛенВМБ), расположенного на площади Труда. Натаскивал политгрупповодов опытный заместитель начальника политотдела базы Симоненко по прозвищу Карабас-Барабас. Все шло раз и навсегда установленным политработниками порядком. Настала очередь вопросов.

Вопрос из зала: Когда готовиться к политзанятиям? Совершенно нет времени.

Симоненко: В распорядке дня вам выделяется не менее четырех часов в неделю для самоподготовки.

Тот же голос из зала: На кораблях фактически это время нам не предоставляется.

Симоненко: Требуйте предоставления времени от командиров кораблей, критикуйте их на партийных собраниях за недооценку политического воспитания матросов. Все это законно, это — критика снизу.

В этот момент я вспомнил: в левом нагрудном кармане моего кителя лежит остроумная карикатура какого-то чешского автора, вырезанная из журнала «Огонек». Карикатура под общим названием «Критика сверху и снизу» состояла из двух рисунков. На первом изображены две тупорылые физиономии, высунувшиеся из окон, расположенных одно над другим. Верхняя бросает вниз кирпич, который попадает в нижнюю. Искры, брызги от удара в разные стороны!.. Надпись под рисунком «Критика сверху». На втором рисунке нижний персонаж бросает кирпич в верхнего. Кирпич описывает в воздухе дугу, пролетает мимо верхнего и с силой бьет по голове того же нижнего. Те же искры, брызги от удара!.. Подпись под рисунком «Критика снизу».

Достал я эту замечательную карикатуру, подошел к сцене и вручил ее наклонившемуся ко мне со сцены Симоненко со словами:

— Здесь наглядно изображен самый вероятный результат критики командира снизу.

Карабас-Барабас тупо посмотрел на меня, на карикатуру, со зловещей ухмылкой положил ее к себе в карман, еще раз посмотрел на меня:

— Мы с вами и с этим зарубежным пасквилом разберемся отдельно, чтобы было неповадно злопахать.

На следующий день я нес службу дежурным по кораблю, когда к трапу сходне подкатила зеленая «Победа» начальника политотдела. Из машины вышел начальник политотдела, прошел на корабль. Я представился и по уставу спросил:

— Кому и как прикажете доложить?

Тот угрюмо буркнул:

— Так это вы вчера отличились? Проводите меня к командиру.

Через несколько минут по вызову я отправился в каюту командира крейсера Илясова. На столике перед командиром и начПО лежала злополучная карикатура из «Огонька». НачПО без лишних слов объявляет мне:

— Мы тут с командиром разобрались в вашем поступке. Карикатура опубликована в нашем советском журнале «Огонек», достойном доверия и уважения. Претензий к вам лично нет. Но данная карикатура бичует отдельные недостатки критики, как движущей силы в нашем обществе, и обобщений делать не следует. Поняли?

— Так точно!

— Забирайте себе на память свою карикатуру и продолжайте нести службу дежурного по кораблю.

Через несколько минут Илясов проводил начПО и, проходя мимо меня, приказал: «После смены с дежурства зайдите ко мне!» — час от часу не легче. Как в сказке о Колобке: от начПО ушел без взыскания, теперь предстоит идти на ковер к командиру корабля.

Являюсь к командиру корабля в каюту. Тот с ходу, без подготовки, как ушат холодной воды вылил на голову:

— Вы вместе с вахтенным офицером встретили начПО с нарушениями Корабельного устава. Вахтенный офицер не проверил у него удостоверение личности, а вы, как дежурный по крейсеру, не исправили его ошибку.

— Да я начПО прекрасно знаю в лицо. Кроме того, я проводил его до дверей вашей каюты.

— Это неважно, по уставу вахтенный офицер обязан был проверить у начПО документы, за что я получил замечание от начальника политотдела.

И «за низкий контроль и т. д.» арестовал меня на 5 суток с содержанием на гарнизонной гауптвахте.

Тогда я решил, что Илясов просто мстит мне за один конфликт, который произошел у него, в бытность командиром крейсера «Адмирал Ушаков», с командиром БЧ-2, моим братом Евгением. Произошло это года за полтора до описываемых событий. Конфликт носил принципиальный характер. Илясов, как командир корабля, посчитал допустимым включить в месячный план боевой подготовки Северного флота, не согласовав сроков с командиром БЧ-2, выполнение стрельбы универсальным калибром по морской цели.

Когда подошел срок стрельбы согласно месячному плану, Евгений доложил Илясову, что дивизион не готов выполнять стрельбу, для завершения подготовки согласно «Журналу боевой подготовки» (ЖБП) требуется еще месяц. Илясов требует: «Стрелять!» Брат: «Отказываюсь. Дивизион не готов. Берите ответственность на себя и будем стрелять». Илясов в ЖБП собственноручно записал: «Стрельбу разрешаю» и поставил автограф.

Стрельба получилась крайне неудачной, аварийной. Одним из шестиружийных 100-мм калибра залпов крейсер чисто накрыл корабль-буксировщик. Прямых попаданий не было. Спас нормальный закон распределения случайной величины отклонения падений снарядов от цели. Но вероятность прямых попаданий была вполне реальной. Работала комиссия командующего Северным флотом. В итоге родился на свет приказ комфлота, в котором командиру крейсера «Адмирал Ушаков» Илясову объявлен выговор, а командиру БЧ-2, т. е. брату, — благодарность («за проявленную принципиальность и т. д.»).

Вот я, грешным делом, и подумал, что арест на 5 суток мне следует записать на лицевой счет брата. Позже, когда я узнал Илясова ближе, пришел к выводу, что связи между конфликтом полугодовой давности и моим арестом нет. Илясов вполне принципиальный, порядочный человек и не способен на мелкую месть.

На гауптвахте меня поместили в офицерскую камеру № 6. Камера с «телевизором», то есть с окном, которое выходит во двор школы, с видом на ее спортивную площадку. Основной же достопримечательностью «моей» камеры был тот исторический факт, что когда-то давно в ней отбывал свое очередное наказание великий русский поэт М. Ю. Лермонтов.

Отсидка в исторической камере прошла с большой пользой для дела. На гауптвахте офицерам разрешается читать техническую, политическую литературу, уставы. Я прихватил с собой «Высшую математику» Толстова, «Теоретическую механику» Лойцянского и Лурье и без помех готовился к экзаменам в академию.

Этими пятью сутками ареста у меня завершился личный «послужной список» арестов. В «активе» оказалось в общей сложности 38 суток, отбытых на гауптвахтах городов Давлеканово, Кировограда, Баку, Одессы, Североморска и Ленинграда, не считая 124 суток, отбытых под арестом при каюте.

У кого-то может появиться мысль, что, мол, автор гордится своим не очень законопослушным прошлым и кокетничает, перечисляя гауптвахты в городах, разбросанных по всему бывшему Союзу и знакомых автору не по туристическим проспектам. Ни в коем случае! Если бы кто из читателей удостоился чести отсидеть хотя бы пяток суток на гарнизонной гауптвахте тех времен в прекрасном южном городе Баку, у того язык не повернулся бы сказать подобную чушь.

Королевский подарок

В связи с инцидентом в базовом матросском клубе вспоминаю с улыбкой еще об одном эпизоде, произошедшем позже в доме офицеров в Северодвинске, во время инструктажа офицеров-руководителей групп марксистско-ленинской учебы (МЛУ) младших офицеров.

Весной 1972 года в конференц-зале Дома офицеров БелВМБ (Беломорская военно-морская база) происходило плановое инструктивное занятие с офицерами-руководителями МЛУ младших офицеров. Специфика этого рядового занятия заключалась в том, что проводили его (читали лекцию) лекторы ЦК КПСС, а они имели в своем распоряжении закрытую, не публикуемую

в СМИ информацию, которая, как правило, была наиболее интересной. Лектор мог ей воспользоваться по своему усмотрению, но записывать, конспектировать ее было нельзя. Использовать в работе можно было только в устной форме, не ссылаясь на источник. Смешно и трудно понять все эти ограничения, но «такова селяви», как любил говорить В. П. Макеев.

Через каких-нибудь 40—50 минут мы уже не слушали этого суперлектора ЦК КПСС, генерал-майора авиации, Героя Советского Союза (фамилию не помню, так как больше я его ни разу не встречал). Лектор добросовестно и нудно излагал всем известные прописные истины, подкрепляя их не менее известными цитатами и ссылками на классиков марксизма-ленинизма. Мы занимались своими делами: дремали, читали, играли в карманные шахматы и т. д.

Заметив это «безобразие» в зале, опытный лектор, понимая, что никакими окриками, увещеваниями, призывами к сознательности обстановку не изменишь, решил вывести аудиторию из этого анабиоза своим излюбленным, не раз проверенным методом. Он извлек из своего заглавника закрытой информации необычную историю, способную разбудить самую образцовую пожарную команду.

И вот что поведал нам лектор ЦК КПСС, генерал-майор авиации, Герой Советского Союза. Он сначала предупредил, что расскажет нам о поучительном примере находчивости советского офицера, оказавшегося в крайне затруднительной ситуации. Тем более речь в лекции идет о личных морально-боевых качествах, которыми должен обладать каждый офицер.

...В Йемене шла гражданская война. Советское руководство поддерживало законное (с точки зрения СССР) правительство, оказывая ему всяческую помощь, в том числе и чисто символическую военную: в районе столицы была дислоцирована отдельная усиленная эскадрилья штурмовой авиации.

Мятежники успешно наступали на столицу. Вооруженные допотопным оружием и совершенно неорганизованные правительственные войска столь же успешно отступали, сдавая один оборонительный рубеж за другим. Представители законного правительства неоднократно обращались к командиру авиаэскадрильи подполковнику, если мне не изменяет память, Кривошеенко, оказать им помощь с воздуха... Командир неизменно им отказывал, дипломатично объясняя, что разрешение на это может дать только посол СССР, заручившись разрешением Советского руководства, а таковым посол, к сожалению, пока не располагает.

Наступил критический момент, когда падение столицы казалось неизбежным, со всеми вытекающими из этого военными и политическими последствиями. Обороняющаяся сторона в последней отчаянной попытке от имени короля и йеменского народа буквально молила подполковника спасти народ Йемена и его любимого короля.

Сердце Кривошеенко — не камень. На свой страх и риск он поднял подчиненную эскадрилью в воздух. Ясно, что плохо вооруженные, необученные полупартизанские отряды мятежников не выдержали ракетно-бомбового удара с воздуха и были обращены в паническое бегство. Их по пятам преследовали «доблестные» подразделения оборонявшихся, перешедшие в решительное контрнаступление. Произошел перелом в войне, опасность миновала, столица и король были спасены.

Естественно, по случаю блестящей победы король устроил не менее блестящий прием.

На самых почетных местах близ его величества короля восседал посол СССР и командир эскадрильи штурмовиков.

После обычных протокольных мероприятий к героям дня и присутствующим торжественно обратился король: «По законам и традициям наших предков, которые мы свято чтим и соблюдаем, человек, спасающий короля, должен быть королем по-королевски награжден». Еле уловимый жест, и в зал, где происходило это действие, ввели очень молодую, необыкновенно красивую полуобнаженную девушку. И, обращаясь к подполковнику, король сказал: «Вот вам наш королевский подарок!»

Присутствующие одобрительно и с завистью загудели.

В голове вконец потерявшегося и ошалевшего от такого неожиданного «королевского подарка» офицера возникли страшные видения:... он прилетает в Москву со смуглой молодой восточной красавицей, его встречают жена, дети, друзья... позорное исключение из партии... увольнение с треском из армии... позор, тихий ужас, одним словом... Что делать? Где выход? Тупиковая ситуация.

Посол тоже в ужасе. И в его голове проносятся картины одна страшней другой: Москва, подполковник, его жена, дети и молодая красавица... журналисты с кино- и фотокамерами... тяжелейший разговор в МИДе: «Как вы допустили?» ... прощай, партбилет ... прощай, уютная, хотя и не очень престижная должность (посол в Йемене, но все же посол!)... прощайте, мечты о посольской должности в какой-нибудь более цивилизованной спокойной стране... одним словом, прощай, карьера... полная катастрофа, фиаско... где выход?... что делать?..

И тому и другому было ясно: откажешься от «подарка» — нанесешь смертельное оскорбление королю, народу страны за неуважение к их традициям; примешь «подарок» — все видения станут явью, беспощадной действительностью. Ситуация, как у того сказочного героя, стоящего на дороге у камня с надписями: «...налево пойдешь — .., направо пойдешь — .., прямо пойдешь — ...».

Мысли посла и подполковника работают в бешеном темпе, отыскивая выход.

Подполковник первым вышел из состояния шока, взял себя в руки. Он встал, почтительно поклонился монарху и, прижав правую руку к левой стороне груди, обратился к нему: «Ваше королевское величество, я сердечно благодарен вам за ваш поистине королевский подарок, но по законам и традициям наших предков, которые мы так же чтим и неукоснительно соблюдаем, я, простой смертный, не королевской крови, человек, не достоин и не могу принять такой подарок из ваших рук».

Мгновенное замешательство присутствующих, и тень недовольства на лице короля сменились одобрительным оживлением в зале на такое рыцарское поведение иностранца по отношению к их традициям, к их королю. Король польщен: он выполнил свой долг и высоко оценен русскими (по русской поговорке: «и волки сыты, и овцы целы»).

Опять следует едва уловимый жест короля, и «подарок» исчез за дверью.

У посла камень свалился с сердца, мгновенно исчезли страшные видения, остался только один вопрос: не санкционированное высшим руководством

своей страны вмешательство во внутренние дела страны пребывания. Придется взять этот грех на свою душу, сославшись на форс-мажорные обстоятельства, угрозу падения законного режима в стране пребывания.

Эпилог: командир эскадрильи был повышен в должности и звании, посол переведен на другую посольскую работу с повышением.

Закончив рассказ и убедившись, что слушатели вышли из дремотного и апатичного состояния, лектор с воодушевлением продолжил прерванную лекцию.

«Первый апрель — никому не верь!»

1 апреля 1959 года наша узковедомственная «могучая кучка» в составе ее руководителя командира БЧ-2 Владлена Кузьмичева, помощника командира корабля Анатолия Голошапова, командира электромеханической боевой части (БЧ-5) Матвеева, командира дивизиона главного калибра (ДГК) Егорова, начальника радиотехнической службы (РТС) Владислава Цыбульского и вашего покорного слуги утром, как обычно, собрались в каюте Кузьмичева, нашего местного Балакирева, чтобы подвести итоги прошедшего дня, в первую очередь — вечера, обсудить возможные планы времяпрепровождения дня и вечера грядущего. Помимо, разумеется, занятий основной, военноморской службой. В качестве примера можно привести, как звучало начало рассказа — отчета Владлена о том, как они с Толей Голошаповым и женами посетили накануне ресторан при гостинице «Европейская» (в разговорах именовался коротко — «Европа»). Кстати, к тому времени запрет на посещение ленинградских ресторанов «Астория» и «Европа» офицерами в военной форме был снят. Сохранился только запрет для всех граждан посещать крупные рестораны в костюмах без обязательного галстука.

Владлен на следующее после визита в ресторан утро так начал свою сагу: «Пришли мы с Толей и нашими верными спутниками жизни в „Европу“, отыскиали свободный столик. Сели, ждем, когда кто-нибудь из obsługi снизойдет до нас. Наши благоверные начали оживленно обсуждать свои несуществующие болезни, а мы с Толей — внимательно рассматривать, скользь взглядом снизу вверх, симпатичных, длинноногих официанток...»

Только закурили, в каюту заходит корабельный почтальон и, лукаво улыбаясь, со словами «из Москвы» вручает Владлену телеграмму. Прочитав телеграмму, наш предводитель буквально преобразился на наших глазах: рот от еле сдерживаемой радости растянулся до ушей, плотоядно поглаживает красивые пышные усы. Чекая каждое слово, с нескрываемым удовольствием информирует нас: «Мальчики, сего дня в 04 часа 30 минут пополудни поездом из Москвы в славный город Ленина прибывает моя Тамара!» Нам было известно, что в столице живет «любовь» Кузьмича, некая Тамара, которую никто из нас не видел, но в сравнении с которой, как утверждал Владлен, лермонтовская Тамара — рядовая дурнушка. Поэтому вполне объяснимы были буквально выпиравшие из нашего бравого Дон-Жуана эмоции. Далее Владлен кратко сформулировал свои апрельские тезисы в связи с достойной встречей на ленинградской земле дорогой его сердцу столичной гостьи: «хата», где можно укрыться от дождливой погоды в ночное время, есть, а по

прогнозу синоптиков в ближайшие дни дожди будут идти каждый божий день, простите, я хотел сказать — «ночь», отличные рестораны в Ленинграде еще, славу богу, функционируют нормально, хотя попасть в них иногда бывает трудно. Но выход здесь есть, можно воспользоваться испытанным приемом — зажать между указательным и большим пальцем руки хрустящую ассигнацию и постучать раскаты ладонью в стеклянную дверь ресторана так, чтобы деньги увидел только швейцар. «Но есть одна убедительная просьба к вам, господа офицеры. Надеюсь, вы не откажете мне в любезности стать моими кредиторами, так как в связи с предстоящими непредвиденными расходами мне понадобится энное количество советских дензнаков, которых, к величайшему моему сожалению, в данный момент в необходимом количестве у меня нет. Мое бедственное положение вам известно лучше, чем мне самому». Мы сразу, как говорится, не отходя от кассы, понимая ситуацию, дружно сбросились и вручили великовозрастному Ромео требуемую сумму. Затем Кузьмич занялся наведением мужского марафета: белоснежный, туго накрахмаленный воротничок, парадные золотые запонки и булавка для галстука, брюки, отутюженные до состояния, когда «стрелками» можно бриться, фуражка с высокой, а-ля Мюллер, тулей, выбритый до блестящей синевы подбородок, пышные, подстриженные в парикмахерской усы, тонкий запах духов.

Задолго до прибытия поезда приехавший на такси Владлен нервно вышагивал по перрону Московского вокзала. Наконец долгожданный поезд появился и началось что-то непонятное. Владлен метался в толпе встречающих и приехавших от вагона к вагону, но — увы! — Тамары не было. И только когда последний пассажир покинул поезд и перрон опустел, вконец расстроенный лидер «могучей кучки» вернулся на корабль в свою каюту. Фанфарами мы его не встречали и «Встречный марш», тем более туш, не играли. Мы просто ждали его возвращения и не стали еще больше травить его израненную душу неуместными в данной ситуации вопросами. Теребя остатки измочаленной телеграммы, Владлен унылым голосом первым нарушил молчание: «Ничего не понимаю, почему-то не приехала...» Мы сочувственно вздохнули. Неожиданно завершал городской телефон на столе. Владлен не торопясь снял трубку и упавшим голосом, вяло ответил: «Да... вас слушает Кузьмичев...»

После первых же слов с Владленом произошла мгновенная, не поддающаяся описанию метаморфоза. Он возбужденно вскочил, весь как-то преобразился и начал горячо оправдываться перед невидимым собеседником на другом конце провода: он ездил встречать, только что вернулся с вокзала, страшно расстроен и что он сейчас выезжает, через 30—40 минут будет на месте и т. д. и т. п. Окрыленный перспективой встречи, трубку положил на рычаг уже не тот унылый, убитый несостоявшейся встречей Владлен, а веселый, возбужденный воскресшей надеждой на близкую встречу. Нам он только успел торопливо сказать: «Тамара ждет у вокзала со стороны площади Восстания, возле кассы по продаже перонных билетов», и через несколько мгновений мы уже слышали, как он размашистой рысью пронесся по правому шкафуту. Он пробежал по территории завода, у Калинкина моста удачно схватил такси и помчался на вокзал.

Через час-полтора он вернулся в каюту в еще более удрученном состоянии, чем после первой поездки на вокзал. На наш участливый вопрос: «Как

дела?» — раздраженно ответил: «Какая-то чертовщина творится, в это дело, видимо, вмешалась нечистая сила. У кассы перонных билетов ее нет, на вокзале — тоже нет. Нигде нет. Исчезла как сон, как утренний туман!» Покурили, выразили Владлену искреннее сочувствие, близкое к соболезнованию. Неожиданно (для Владлена, естественно) раздался звонок. Звонил заводской телефон. Сидящим близко к телефону было слышно, как приглушенное, но все-таки обворожительное женское контральто с обидой в голове отчитывало нашего Дон-Жуана за невнимательность и отсутствие истинного джентльменства по отношению к молодой женщине, которая, помимо всего прочего, была еще и не равнодушна к нему: «Вадик, куда ты пропал? Я ждала тебя — ждала у вокзала. Хотела уже, не повидавшись с тобой, уехать назад в Москву. Но все же решила сделать последнюю попытку встретиться с тобой и сама вот приехала к тебе. Звоню из проходной вашего противного завода». Владлен ошалево посмотрел на телефон, на нас и стал не спеша, как во сне, приводить себя в порядок. Затем довольно спокойно, без намека на былой щенячий восторг, вышел из каюты, направился к проходной. Там его уже ожидал один из членов нашей «могучей кучки», взваливший на себя роль камикадзе, Егоров. Он не спеша подошел к Владлену и спокойно посоветовал: «Владлен, возвращайся на корабль. Никто к тебе из Москвы не приезжал и скорее всего пока что не придет. Ты что, забыл, что сегодня 1 апреля? Вот мы немного и разыграли тебя. Извини великодушно». Владлен тупо посмотрел на него, ничего не сказал, круто повернулся на 180° и пошел на корабль. Вечером мы решили отметить полный успех веселого первоапрельского розыгрыша. Сидя в кафе-мороженом на Садовой, подробно рассказали Владлену всю технологию розыгрыша. Телеграмму профессионально, до самой незначительной служебной цифири, так что комар носа не подточит, изготовила жена командира БЧ-5 Матвеева, она работала на почте. По телефону звонила тоже она, так как была единственной из участников розыгрыша, кто видел и слышал Тамару. При разговоре приглушала голос то ли рукой, то ли носовым платком. Липовую телеграмму положил в пачку полученной на корабль корреспонденции Матвеев. Оба посещения Владленом вокзала были зафиксированы для потомков на фото пленку. Для этой цели на вокзал заблаговременно выезжал Егоров с фотокамерой и незаметно с телеобъективом отснял наиболее интересные кадры.

Позже изготовили фотографии, но Владлен порвал и их и пленку, которую ему великодушно подарили на память.

В первый момент Владлен, оскорбленный до глубины души нашей жестокой первоапрельской шуткой, естественно, здорово психанул: «Это непорочно, не по-товарищески, друзья так не шутят...» и т. д. и т. п. Потом с какой-то затаенной грустью спросил: «И вам не жалко было гонять влюбленного чудака как молодого мартовского кота по всему Ленинграду?» — «Жалко, Владлен. Но надо, Владлен, надо».

Когда откупорили очередную бутылку коньяка, он как-то смягчился, оттаял и даже подтрунивал над собой, рассказывая некоторые перипетии розыгрыша, которых мы не знали и знать не могли.

Вот на этой веселой ноте можно и завершить главу. Именно из этих соображений автор позволил себе нарушить хронологическую строгость изложения материала, поменяв местами две последние истории, изложенные выше.

Глава 4

ВОЕННО-МОРСКАЯ АКАДЕМИЯ

На подступах к академии

Как уже упоминалось выше, я окончательно решил взять курс на академию. Другого пути переучиться нет, даже не переучиться, а приобрести современную специальность дополнительно к имеющейся, морской артиллерийской, я не видел. Поэтому начал подготовку к поступлению в академию еще в бытность службы на эсминцах «Отчаянный» и «Отчетливый», на крейсере «Железняков». Доставал в библиотеках, в том числе и в областной в Мурманске, покупал в магазинах все, что как-то связано с ракетной техникой вообще и ракетным оружием в частности. Литературы по реактивной тематике было до обидного мало. Лучше других для учебных целей оказались книги: «Введение в ракетную технику» В. И. Феодосьева, Г. Б. Синярева, «Жидкостные ракетные двигатели» Г. Б. Синярева, М. В. Добровольского, «Динамика полета» Д. П. Лебедева, Л. С. Чернобровнина.

В первую очередь было необходимо уточнить новые условия приема офицеров в Военно-морскую академию Ленина академию (ВМОЛА). Дело в том, что началась работа по реорганизации академий, объединению командной Военно-морской ордена Ленина академии им. К. Е. Ворошилова и инженерной Военно-морской академии кораблестроения и вооружения (ВМАКВ) им. А. Н. Крылова в одну общую академию. В отличие от всех прочих военных академий в Военно-морскую принимались только офицеры, имеющие диплом о высшем военном образовании.

Взял несколько суток в счет очередного отпуска и поехал в Москву, в Главное управление кадров ВМФ. Там меня ошарашили: в связи с реорганизацией академий набор для поступления на все факультеты объединенной академии, за исключением первого, командного, предусматривался только из офицеров, имеющих инженерное образование. Мой диплом о высшем военном образовании права поступления на факультет вооружения академии не давал. После долгих разговоров удалось заручиться поддержкой старшего офицера Управления кадров ВМФ капитана 1 ранга Тукана. Он пообещал изыскать возможность и включить мою фамилию в список офицеров-инженеров, допускаемых к конкурсным экзаменам. Несколько успокоенный таким небюрократическим отношением кадровика к офицеру с флота, возвратился в Ленинград. Позже позвонил и узнал: Тукан свое слово сдержал, и моя

фамилия фигурирует в списке офицеров, допущенных к экзаменам в академию. Налег на самостоятельную подготовку. За месяц до начала экзаменов был объявлен приказ Главнокомандующего ВМФ, которым разрешалось включать на общих основаниях в число претендентов на поступление в академию офицеров, закончивших подобно мне в свое время полный курс командных высших военно-морских училищ.

Тем не менее большинство офицеров, которые приехали в Ленинград для поступления в академию, имели дипломы военных инженеров и молоточки на погонах. Выпускники командных училищ были включены в общий инженерный поток претендентов. Высота, на которую оказалась поднятой планка для стремящихся поступить, была, естественно, рассчитана на военно-морских офицеров с инженерными дипломами в кармане.

Жил я в то время на частной квартире на Лермонтовском проспекте. Квартира подвальная, до ее переоборудования после Октябрьской революции представляла собой каретник, то есть там стояли когда-то кареты. Жил один, жена с сыном были в отъезде. Утром вставал, завтракал яичницей с жареной колбасой, занимался до обеда, обедал оставшейся на сковороде от завтрака жареной колбасой с яичницей, занимался до 16.00. Ужинал где-нибудь в кафе или ресторане. Вечерами не занимался. Вернее, занимался, но не подготовкой к экзаменам. Ходил в сад отдыха, «сад последней надежды», как его называли завсегдатаи. Ходил в гости, иногда ко мне в полухолостяцкую берлогу наведывались гости из числа тех, кто подобно мне стремился поступить в академию. Чаше других заходили Виктор Сморчков и Юрий Родионов. Я, как лучше подготовленный, пытался чем-нибудь им помочь. Но Виктор был озабочен не столько штудированием учебников, сколько подготовкой к экзаменам хороших удобных шпаргалок. Жена Тамара пришила ему на внутренней стороне бортов тужурки, к подкладке массу карманчиков, каждый из которых предназначался для одной шпаргалки. В общем, элемента новизны здесь нет. Аналогичной конструкцией пользуются проводники поездов для хранения билетов пассажиров. Виктор изготавливал компактные высокоинформативные шпаргалки для размещения в кармашках.

Юра Родионов не надеялся даже на чудо. Честно признавался: «Экзамены я завалю, поэтому не стоит тратить время, силы, мешать готовиться другим».

Забегая вперед: он оказался прав. Из шести экзаменов он один за другим завалил пять. Шестой не заваливал, так как, не дожидаясь полного фиаско, уехал в Москву, где получил назначение в Главное разведывательное управление Генерального штаба МО. Сделать такой финт ему не представляло большого труда, он имел длинную лохматую лапу, даже не одну, а две: его папа был незадолго до этого чрезвычайным и полномочным послом СССР в Швеции, а затем — на какой-то очень ответственной работе в МИДе СССР, а отец его жены был командующим воздушной армией ПВО в Московском округе ПВО.

Судьба Виктора сложилась иначе. Он успешно добрался до экзамена по иностранному языку. Перед ним встал вопрос: какой язык сдавать? Как правило, выбор ограничивался одним из трех языков: немецкий, английский, французский. Экзамен принимала лично заведующая кафедрой Тамара Львовна, которую за строгость и высокую требовательность все звали между собой уважительно Тигрой Львовной. Виктор не был даже знаком ни с одним

из перечисленных выше языков и на вопрос Тамары Львовны изъявил желание сдавать вьетнамский. В душе у него шевельнулась хрупкая надежда: вдруг заведующая кафедрой не найдет ему экзаменатора по такому экзотическому языку. Опытная в подобных ситуациях, как воробей, которого на мякине не проведешь, Тамара Львовна в присутствии Виктора позвонила в Ленинградский госуниверситет и нашла там необходимого специалиста. Кроме того, пообещала пригласить в качестве эксперта грамотного вьетнамца из числа вьетнамцев, обучающихся в академии на последнем курсе. Виктор сдался и честно признался, что и вьетнамский, как и традиционные три европейских языка, он не знает. Естественно, получил двойку и добрый совет Тамары Львовны сделать второй подход к снаряду на следующий год с учетом опыта года текущего. Виктор внял этому совету и на следующий год повторил попытку, «взял вес» и поступил в академию. Но вернемся к экзаменам.

Женя Востриков, Миша Шишкин и английский математик Д. Грин

Экзамены шли своим чередом, не без волнений и нервозности, естественно, но гораздо легче, чем я ожидал и к чему психологически подготовил себя.

Я готовился показать товар лицом экзаменационной комиссии уже четвертого созыва. На сей раз была радиотехника. За два дня до экзамена в гости приехал старший брат из Североморска. По случаю встречи братьев-военноморцев, североморцев, жена накрыла стол, за которым мы просидели до глубокой ночи. Таким вот нерациональным способом был использован последний день подготовки. В день, предшествующий экзамену, я никогда не занимался, отдыхал, чтобы улеглось, равномерно распределилось в голове все, что туда было в спешке, в беспорядке набросано в процессе подготовки. Своими тревогами по поводу того, что самую малость не успел закончить подготовку, поделился с женой. Не нарушать же установленный порядок, не заниматься же перед самым экзаменом!

Валю вдруг изрекает тоном оракула: «Не нарушай, не занимайся! Просмотри еще раз билет № 14 и возможные дополнительные вопросы к нему. Тебе достанется билет № 14». Разумеется, я, как убежденный атеист, посмеялся над этим предсказанием, заметив Вале между прочим: все жены — ведьмы, это всем известно, но не до такой же степени. Правда, вопросы из билета № 14 на всякий случай еще раз просмотрел, в порядке исключения, накануне дня экзеку... простите, экзамена. Вопросы в билете № 14 были довольно простые: волновое уравнение, основные характеристики и область применения триода, методика расчета УНЧ и что-то еще. Времени потребовалось совсем немного.

Каково же было мое удивление, доходящее до мистического ужаса, на следующий день, когда я взял со стола билет и, не веря собственным глазам, громко назвал: «Номер 14!» Какая-то чертовщина, мистика! Об экстрасенсорике, НЛО, парапсихологии в те времена широкой публике еще ничего не было известно. Из опубликованного материала на эту тему можно назвать статью о Вольфе Мессинге в трех номерах журнала «Наука и религия». Астрология, хиромантия, парапсихология и пр. и пр., как в свое время теория относительности, кибернетика, бионика были преданы анафеме, объявлены

лженауками, а кое-что и просто бредом больного воображения отдельных ученых загнивающей западной науки загнивающего буржуазного общества. А тут, оказывается, у меня рядом, под боком, в прямом и переносном смысле этого слова пристроилась своя, домашняя ясновидящая, прорицательница, этакий Нострадамус в юбке. Было от чего голове пойти кругом. Несмотря на вмешавшиеся потусторонние силы, а возможно, благодаря их вмешательству, экзамен по радиотехнике сдал на «пять».

Еще один, более курьезный случай произошел на экзамене по высшей математике с моими бывшими сослуживцами по крейсеру «Чапаев» командиром 2-й башни главного калибра Мишей Шишкиным и его другом, командиром батареи универсального калибра Женей Востриковым. Готовились к экзаменам они вместе. Миша, как более добросовестный и усидчивый, лучше подготовленный в этом тандеме, исполнял роль лидера, ведущего, Женя — ведомого, особенно в вопросах, связанных с математикой и другими точными науками.

Накануне экзамена по математике они засиделись, как обычно, допоздна. Миша обратил особое внимание Жени на вывод формулы Грина, довольно оригинальном и сложном, требующем логического абстрактного мышления. Невыспавшиеся, усталые, неуверенные в себе, с головами, в которых царил математический кавардак, где хмурые двойные и тройные интегралы путались с изящными гиперболами и параболоми, утром друзья приехали в академию сдавать самый трудный, как считалось среди абитуриентов, экзамен. Принимали его заведующий кафедрой высшей математики Киселев и старший преподаватель Меленевская, то есть основной состав кафедры. Первым двинулся на Голгофу Женя Востриков. Миша болел за друга и подонечного у двери. Через некоторое время дверь открылась и из нее, понуро опустив голову, вышел расстроенный Женя.

Миша бросился к нему:

— Ну что, как дела?

— Дело труба, двойка!

— На чем погорел?

— На твоей, будь она трижды проклята, формуле Грина.

— Да ты что, совсем тупой? Вчера весь вечер я вдавливал в твою пустую голову ее вывод...

Искренне переживая провал друга, Миша не щадил его самолюбия, сравнивая с далеко не самыми изящными предметами, такими как колун, дуб, паровоз, болван. Миша был до глубины души возмущен, как его друг мог провалиться на таком простом, вы зубренном от «а» до «я» вопросе. Уму непостижимо! Наконец, израсходовав весь запас обидных цензурных ругательств, он иссяк и замолк. Ненадолго — подошла его очередь идти в камеру пыток.

— Ни пуха ни пера! — пожелал ведущему ведомый.

— Пошел к черту! — бодро, самоуверенно огрызнулся, как положено по ритуалу, Миша и уверенно распахнул дверь.

Долго тянулись для Жени, болеющего за друга больше, чем за самого себя, томительные минуты ожидания. Наконец дверь с шумом распахнулась и из нее в коридор вывалился растрепанный, красный от возбуждения Миша. Женя — к нему:

— Ну, у тебя-то как, все нормально?

— Нет, твердые 2 балла.

— На чем сгорел?

— На той же, черт бы ее побрал, формуле Грина!

Женя чуть не подпрыгнул от негодования. Он задышался от бессильной ярости, оскорбленного самолюбия, обиды за себя и друга:

— Оказывается, не я, а ты глупее паровоза. Бревно! А еще взялся других учить. Да тебе нельзя доверять не только консультации по высшей математике, я бы тебе не доверил и не доверю никогда бахчи сторожить в Ростове.

Миша пытался оправдаться:

— Понимаешь, заклинило намертво, ничего не мог вспомнить, все было в тумане. Хочешь, я сейчас выведу тебе треклятую формулу этого самого, будь он неладен, Грина.

— Надо было это делать Елене Сергеевне и Киселеву, а не мне. Мне ты уже навыводился. Если только когда-нибудь позже... А вероятнее всего, это придется проделать в следующем году.

Женя оказался, к сожалению, прав. На высшей математике их экзаменационный марафон закончился. Кстати, таких, как эти два друга, оказалось немало. К экзаменам приступили 2,5 человека на место, 1,5 отсеклось по дороге. Подавляющее большинство «погорельцев» начали собирать чемоданы для возвращения восвояси после экзамена по высшей математике. Миша и Женя, не солоно хлебавши, возвратились на крейсер «Чапаев». В следующем году фортуна оказалась более благосклонной. Экзамены они сдали, прошли по конкурсу и поступили в академию.

Мои конкурсные дела оказались более удачными. Из 30 возможных очков (6 экзаменов) мне удалось выбить 29. Четверку получил на самом легком экзамене, по «Боевым средствам Военно-морского флота». Недооценил эти самые средства или легкомысленно переоценил свои возможности.

Там, где правят бал военно-морские науки

...которых, как сказал профессор Свешников А. А., оказывается, и нет.

В большой и очень уютный читальный зал академической библиотеки вошел профессор Арам Арутюнович Свешников, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, крупный ученый в области теории случайных величин и случайных функций, теории ошибок, стрельбы и т. д. Подошел к стенду «Новые поступления», внимательно рассмотрел и полистал демонстрируемые экземпляры и, обращаясь к своему спутнику В. В. Селиховкину, с иронической улыбкой, громко, громче, чем принято в читальных залах, сказал своим характерным, чуть высоким для мужчины голосом:

— Каждому мало-мальски грамотному военному человеку известно, что военная наука едина для всех родов Вооруженных сил, самостоятельной военно-морской науки нет. В то же время кандидатов и докторов военно-морских наук полно, хоть пруд пруди! Забавно, правда, Витольд?

Действительно, в строгом научном понимании военно-морская наука в качестве самостоятельной философской категории не выступает. Она

выступает только под эгидой военной науки, являясь составной частью последней.

В академию, как уже упоминалось, принимались только офицеры ВМФ и только имеющие высшее военно-морское образование и получившие опыт службы на флоте, но в пределах возрастного ценза. В период обучения они получали академические знания, соответствующие высшей квалификации по командной и инженерной специализации в соответствии с требованиями, предъявляемыми качественно новым Военно-морским флотом. До 1960 года выпускники инженерных факультетов, то есть всех, за исключением первого, командного, получали дипломы инженеров высшей квалификации по своей специальности. Затем такие дипломы прекратили вручать, так как они не соответствовали общесоюзной классификации. Слова «высшей квалификации» исчезли из дипломов.

Одной из основных целей обучения офицеров являлось повышение общенаучной подготовки слушателей, без которых невозможно обеспечить усвоение сложной теории современных средств борьбы на море и приобрести навыки в научно-исследовательской и конструкторской работе. Особое внимание уделялось в процессе учебы в академии овладению слушателями современным сложным математическим аппаратом.

Со своей классной артиллерийской подготовкой я обучался на «Факультете вооружения» по специальности «Морское специальное вооружение и системы управления» (читай: «Морское ракетное вооружение...») и далее по тексту).

Уровень подготовки слушателей в академии очень высокий. Он обеспечивается в первую очередь высочайшим уровнем подготовки и отбора профессорско-преподавательского состава, современной учебно-лабораторной базой, отличной передовой организацией учебного процесса и научно-исследовательской работы, а также тем приоритетным положением, которое занимают в учебных программах и планах общетеоретические дисциплины и в первую очередь — математика. Впрочем, анализ учебного процесса и всех других видов деятельности академии не входит в планы автора в силу его некомпетентности в данном вопросе. Автор считает себя вправе только коснуться отдельных деталей, эпизодов, сохранившихся в памяти через тридцать с лишним лет после окончания академии.

Одна из особенностей организации учебного процесса в академии — небольшая численность учебных групп. Учебная группа, в которой учился я, например, состояла всего из пяти слушателей. В самой малочисленной группе было четыре человека, в самой многочисленной — десять.

Постепенно сокращался объем обязательных лекций, увеличивалось время для самостоятельной учебы. Наиболее успевающим и организованным слушателям предоставлялось право заниматься по персональным графикам без обязательного посещения лекций.

Успешно практиковалось предоставление для самостоятельных занятий одного-двух дней в неделю, полностью свободных от плановых лекций, занятий. Эти и другие новации, вне всякого сомнения, способствовали повышению качества учебного процесса. Кстати, у меня еще в бытность слушателем академии не раз возникала крамольная мысль: а почему бы гражданским вузам не воспользоваться опытом академии и не внедрить в свою практику

отдельные элементы организации учебного процесса, апробированные и оправдавшие себя в условиях академии?

Практически все слушатели с момента поступления в академию становились активными членами Военно-научного общества слушателей (ВНОС).

Тщательно продумана тематика курсовых работ. При этом соблюдались основные принципы — актуальность и непрерывность, то есть каждая курсовая работа, начиная с первого семестра, являлась фундаментом для последующей, включая дипломную работу. Этой же проблемой, как правило, занимался слушатель и во ВНОС. В качестве примера приведу свою работу. Кратко тему можно сформулировать так: «Условия подводного старта баллистической ракеты с движущейся подводной лодки». Эта тема перманентно переходила из одной курсовой работы в другую, в дипломную работу и — стала основой кандидатской диссертации на соискание ученой степени «кандидат технических наук», которую я защитил через два года после окончания академии. Огромная, если не основная заслуга в такой организации разработки научной проблемы принадлежит моему научному руководителю, профессору, доктору технических наук, заслуженному деятелю науки и техники Мневу Евгению Николаевичу. С присущей ему мудростью и дальновидностью опытный Евгений Николаевич ненавязчиво, но настойчиво помогал, если считал это необходимым, подправляя, удерживая в избранном русле своего неопытного подопечного, к тому же пришедшего в академию с флота. За огромную помощь не могу не выразить моему ангелу-хранителю Евгению Николаевичу Мневу свою самую глубокую и искреннюю признательность и благодарность.

Самые яркие впечатления от учебы в академии в той или иной степени связаны с именем Е. Н. Мнева. Еще один пример его дальновидности. Когда я начал работать над кандидатской диссертацией, будучи уже в качестве начальника отдела Полигона, то попросил Евгения Николаевича взять на себя научное руководство моей работой. Он отказался и пояснил: «Без научного руководителя ты сейчас можешь прекрасно обойтись, задел хороший, желания работать достаточно. Если понадобится консультация — пожалуйста, приезжай в Ленинград, всегда с удовольствием помогу. А вот когда дойдешь до защиты, тебе понадобится оппонент — доктор технических наук. Найти такого не так просто. Тем более тебе, человеку приезжему, с флота. Вот тогда ты и обратишься ко мне и у тебя будет оппонент — доктор наук».

В дальнейшем все произошло именно так, как сказал Евгений Николаевич.

Помимо преподавательской работы Е. Н. Мнев напряженно работал как ученый, успешно решал сложные теоретические научные проблемы.

Одна из специфических особенностей работ Евгения Николаевича как ученого — доведение их результатов, несмотря на сложность решаемой проблемы и используемого в процессе исследований математического аппарата, до формы, доступной к использованию инженерами-практиками, так как он всегда отлично понимает проблему, ибо еще Нильс Бор утверждал, что «...если человек не понимает проблемы, он пишет много формул, а когда поймет в чем дело, их остается не более двух...»

При испытаниях одного из морских ракетных комплексов Евгений Николаевич был приглашен в качестве ученого-консультанта к главному конст-

руктору комплекса Петру Александровичу Тюрину. В процессе испытаний вопреки расчетам и конструкторскому решению схемы старта из шахты вместе с ракетой выносило амортизаторы. Было предложено несколько гипотез и моделей процесса, но удовлетворительного объяснения они не дали. Взявшись за эту практическую проблему, Евгений Николаевич проанализировал сложнейшие процессы, происходящие при старте ракеты в системе «система амортизации — заракетное пространство — корпус ракеты», нашел изящное объяснение «поведению» амортизаторов и предложил простое конструкторское решение проблемы.

Академия может законно гордиться своим уникальным «золотым фондом» — опытным высокопрофессиональным профессорско-преподавательским составом.

Например, начальник кафедры высшей математики Киселев весь курс лекций, несмотря на его большой объем, читал сам. А ведь этот курс иногда, особенно его прикладные разделы, существенно отличался для различных специальностей слушателей. Киселев был универсальным, безупречно знающим свой предмет математиком. Пифагор утверждал, что «знание математики более всего приближает человека к богам». Следовательно, Киселев обитал где-то на подступах к вершине Олимпа. Входя в аудиторию, он неизменно спрашивал: «На чем мы в прошлый раз остановились?» А это могло быть один, два, три дня назад. Ему напоминали по конспекту последнюю фразу прошлой лекции. Он сразу продолжал так, как будто и не было перерыва в несколько суток.

Нам удалось нащупать его ахиллесову пяту: он очень любил шахматы. Перевести его лекцию на разговор о шахматах, а в то время проходил матч на первенство мира, к нашему великому удивлению, удалось без особого труда. Киселев с удовольствием и квалифицированно анализировал возникшие в матче позиции, с азартом обсуждал наши варианты, но в итоге у нас ничего не получилось. Продолжая лекцию, перед перерывом, мягко улыбаясь, он предлагал: «Мы тут из-за шахмат потеряли 10—15 минут. Компенсируем их за счет перерывов». Он патологически не переносил шпаргалок. Готовиться к его экзамену по билетам было делом абсолютно безнадежным. У него было заготовлено большое количество билетов, и на экзамен он брал из этого вороха пачку без всякой системы. Неизменным помощником Киселева на экзаменах была Елена Сергеевна Меленевская. Импонировала не только тем, что ее имя и отчество совпадали с Еленой Сергеевной Вентцель, но главным образом тем, что математиком она была от бога.

Елена Сергеевна (Меленевская, не Вентцель) — бывшая актриса, круто сменила профессию и стала математиком. Не знаю, какой актрисой она была, а математик из нее получился первоклассный. Обычно бывает наоборот: не артисты уходят со сцены, чтобы стать инженерами, экономистами, кандидатами технических наук, а обладатели дипломов вышеперечисленных специалистов точных наук переквалифицируются в эстрадных певцов, танцоров, пародистов и т. д.

В академии развивалась, внедрялась и всячески поощрялась разумная свобода посещения лекций. Как и любая новация, она сопровождалась неизбежными издержками.

Учет посещаемости лекций осуществлялся старшими учебных групп. Если у кого-либо из группы возникало неодолимое желание сачкануть с лекций,

то согласно джентльменскому неписаному правилу ему было достаточно сообщить об этом желании старшему. Далее события могли развиваться в основном в двух вариантах, которые проиллюстрирую на двух фактически имевших место примерах.

Звонок. В аудиторию с педантичностью военного человека входит доцент генерал Ермолаев, специалист по внутренней и внешней баллистике. В небольшой аудитории сидят два человека: Герман Сандалов и старший группы — ваш покорный слуга.

Старший группы, обращаясь к присутствующим в аудитории, командует: «Товарищи офицеры!» (Сандалов бодро вскакивает.) «Товарищ генерал, на вашей лекции незаконно отсутствующих нет». Действительно, все остальные отсутствуют «законно», с ведома старшего: Сергей Хлопов играет в преферанс, Грант Апресов, достойный сын великого армянского народа, — в своем ампула, как он любил говорить: «Член вперед, и я за ним», Саша Яруков самозабвенно трудится на тещиной даче под Ленинградом.

Генерал прекрасно видит, что присутствуют всего два человека, это нонсенс, но его это не интересует, его дело — лекция. Он подходит к доске и начинает лекцию, которая длится два часа без перерыва (в порядке компенсации он заканчивал лекцию на 10 минут раньше). Доски только успевают подниматься-опускаться, меняясь местами. Как и все преподаватели в академии, он считает признаком недостаточной личной подготовки и дурного тона пользоваться планами, тезисами, конспектами и другими официальными шпаргалками.

Ермолаев (обращаясь к старшему):

— Лекция окончена, офицеры свободны!

Старший группы, обращаясь к аудитории, где одиноко маячит в гордом одиночестве все тот же Сандалов:

— Товарищи офицеры!

Герман вскакивает, и мы вслед за Ермолаевым выходим из аудитории.

Скажите: анекдот, плод буйной фантазии? Совсем нет! Это, как говорится, картинка с выставки.

Вторая картинка.

Однажды на пятом факультете, где обучались офицеры-механики для службы на атомных подводных лодках, вскоре после начала занятий возник небольшой переполох. Начальник факультета вызвал к себе старшего одной из учебных групп и поинтересовался, где находится в данный момент слушатель его группы Х. Старший уверенно докладывает, что названный начальником слушатель там, где ему и положено быть, то есть на лекции, хотя прекрасно знает, что с его ведома Х. увлеченно ловит рыбу в Финском заливе. Начальник факультета удовлетворен ответом и отпускает старшего, но через час-полтора вызывает повторно и с пристрастием пытается выяснить, где же все-таки находится сейчас Х. Старший клянется, чуть не божится, что Х. в академии на занятиях. Тогда начальник факультета, располагая, как оказалось, другой информацией, приказал старшему явиться пред его ясные очи вместе с Х. Старший не выдержал напора начфака и честно доложил, что Х. с его ведома где-то на побережье Финского залива ловит со льдины корюшку и т. д. Позже выяснилось, что накануне вечером льдину, с которой бедолага Х. ловил рыбу, оторвало от берега и унесло в территориальные воды Фин-

ляндии. Финские пограничники взяли его под белые ручки и отвели в финскую кутузку, отметив в финском журнале: «Назвал себя Х-ом, слушателем морской академии. Одет в голубой спортивный костюм. При нем обнаружены удочки для подледного лова рыбы, начатая бутылка минеральной воды „Ессентуки“, сигареты, спички». Финны занялись выяснением личности злоумышленника, позвонили в Москву, дошли до Главного штаба ВМФ. Из ГШ последовал запрос в академию: «Где ваш Х.?» Последовал успокаивающий ответ из академии: «В академии, на занятиях». Звонок из ГШ финнам: «Названный вами Х. действительно учится в академии, сейчас находится на своем рабочем месте. Не наводите тень на плетень». Финны незамедлительно отфутболили «плетень» на советскую половину поля: «Х. находится у нас, сидит рядом, можем пригласить его к телефону». Советская сторона ответила, что приглашать не надо и так ясно... Короче говоря, ситуация очень напоминала ту, что сложилась после побега командира эсминца Артамонова в сопровождении молодой красивой польки в Швецию. Там в роли старшего группы выступал старпом, прикрывая командира своим телом.

С Х. в нашем случае в конце концов разобрались. Незадачливого рыбака вернули на родину. Руководство ВМФ хотело выгнать его из академии, затем смиростивилось и разрешило учиться дальше. Старшего по группе убрали с его высокого поста и отправили на несколько суток на гарнизонную гауптвахту. Начальник факультета отхватил какой-то серьезный «фитиль». Все сестры получили по серьгам.

Вскоре спокойное размеренное течение жизни на факультете было нарушено приездом в академию министра обороны СССР маршала Малиновского Р. Я., а точнее — последствием его визита на факультет вооружения. В сопровождении большой свиты, которую составляли московские гости, руководящий состав академии, маршал спустился в бокс, где были размещены образцы всех ракет, находившихся на вооружении ВМФ. В качестве гида выступал начальник факультета Михаил Алексеевич Шишкин. В процессе осмотра ракет Малиновский попросил дать характеристику боевым возможностям крылатых ракет — сугубо советского вида ракетного оружия («гордости нашего ВМФ»), как позже скажет Главком ВМФ Горшков С. Г.), сравнив советские крылатые ракеты с американскими аналогами.

С оценкой боевых возможностей ракет у Михаила Алексеевича все прошло благополучно. А вот критически оценить их и сравнить с американскими более или менее внятно ему не удалось. Во-первых, у него язык не мог повернуться, чтобы произнести хоть единое слово хулы в отношении родных «самых, самых». А раскритиковать в пух и прах американские крылатые ракеты он не мог, так как за исключением безнадежно устаревших и снятых с вооружения «Регулусов» американский ВМФ такого вида ракет не имел, считая, что он им не нужен. Шишкин растерялся. Последовали неопределенные, нечеткие оценки, полное отсутствие принципиальной позиции специалиста. Малиновский, обращаясь к своей свите вообще, а не к кому-то конкретно, выразил недоумение: «И этот адмирал занимает такую ответственную должность начальника факультета вооружения?» Эта реплика министра оказалась не такой безобидной, как может показаться на первый взгляд. Ее оказалось достаточно для крутого поворота в судьбе уже немолодого адмирала. Люди в свите не дремали. Через несколько дней на свет божий появился приказ

министра обороны об отстранении М. А. Шишкина от занимаемой должности начальника факультета и назначении его главным инженером Полигона. Понижение в должности вообще-то незначительное, если не учитывать, что оно связано с переездом Шишкина из обжитой за многие годы второй столицы в периферийный молодой северный город Северодвинск.

Через несколько лет мне довелось встретиться с М. А. Шишкиным. Встреча произошла в Североморске в ресторане при гостинице «Океан». Там в те дни шла съемка отдельных сцен известного кинофильма «Океан» с участием артистов Н. Олялина и Н. Белохвостиковой. На какое-то время обслуга ресторана забыла о своих клиентах. Мы сидели с Михаилом Алексеевичем и беседовали. Интеллигент до мозга костей старого ленинградского закала, спокойный, безупречно вежливый Михаил Алексеевич с какой-то затаенной грустью, как бы продолжая начатый когда-то разговор, остроумно рассуждал сам с собой по поводу своего вынужденного перевода из Северной Пальмиры в мало кому известный Северодвинск (в Североморске он, как и я, был в командировке): «В чем принципиальное отличие моей жизни в Северодвинске от жизни в Ленинграде? Когда я жил в Ленинграде, то в последние годы не ходил ни в музеи, ни в театры. Но я знал, что в любой день, когда захочу, могу пойти в любой, самый хороший ленинградский музей, театр. В Северодвинске я тоже не хожу в театр, музей, но меня гнетет, убивает сам факт, что я не могу в них пойти, так как таковых в Северодвинске нет».

Кстати, тогда же, в ту встречу, но совсем по другому поводу, с мягкой улыбкой Шишкин сказал: «Водка не делает человека скотиной. Она просто показывает, какой он есть на самом деле». Через несколько лет «ссылки» в Северодвинск М. А. Шишкин был переведен в свою альма-матер в Ленинград. Позже он уволился в запас и работал в Ленинградском государственном университете зам. декана факультета «Прикладная математика — процессы управления».

ЧУК и ГЭК, Н. С. Хрущев и Козьма Крючков

Как ни интересно было учиться в академии и как бы ни хотелось продлить дни учебы, но всему приходит конец. Близилась к завершению и наша учеба в академии. Окончание учебного заведения всегда связано с волнениями, переживаниями в связи с предстоящим распределением, назначением: «Куда?», «Кем?».

Я находился в кабинете начальника кафедры, готовился к сдаче последнего кандидатского экзамена по специальности, узкий профиль. Был уже готов к ответу на поставленные мне вопросы, когда вместо ожидаемых экзаменаторов, начальника кафедры Василия Васильевича Исакова и профессора Евгения Николаевича Мнева, в дверь заглянул Герман Сандалов и торопливо, явно куда-то спеша, сообщил: на факультет прибыли ЧУК (человек из управления кадров ВМФ) и ГЭК (государственная экзаменационная комиссия). Решив, что сдавать кандидатский экзамен нет смысла, есть дела поважнее, пошел к начальнику факультета. В его кабинете застал Мнева. Он, как всегда, мудро порекомендовал не бузить, горячку не пороть, а идти назад и спокойно сдавать последний экзамен, так как сданные кандидатские экзамены не

помешают в дальнейшей службе и жизни, вполне могут пригодиться. Как всегда, он оказался прав. Экзамен я сдал. Позже, когда закончил работу над диссертацией, сданные кандидатские экзамены оказались более чем кстати. А пока я начал зондировать обстановку, вопросы, связанные с распределением, назначением.

При распределении выпускников академии кадровики из Управления кадров ВМФ действуют не экспромтом, как бог на душу положит, а тактически и психологически продуманно, грамотно. Например, используется так называемый в среде слушателей закон Рагуната. Судья Рагунат — персонаж из нашумевшего в свое время лучшего из индийских фильмов «Бродяга». Профессиональная концепция судьи, его кредо — «сын вора всегда будет вором». Другая формулировка этого же «закона»: «Азия — азиатам». В нашем случае это означает: с какого флота пришел офицер в академию, на тот он и должен получить назначение после ее окончания. То есть если он прибыл из Заполярья — отправляйся назад за Полярный круг, в край непуганых оленей и моржей. Прибыл с Дальнего Востока — прекрасно. Закончил учебу — собирай вещички и поезжай с женой и детишками в восточном направлении. Но если офицер явился с берегов Москва-реки или Невы, то по окончании учебы перспектива совершенствовать могущество родного флота в столице нашей Родины или в граде Великого Петра ему обеспечена. Технологія назначения отработана до мелочей, проста, как потрепанная доперестроечная трешница, но действует безотказно. ЧУК не хуже старой опытной цыганки владеет приемами физиогномистики, внушения.

Для наглядности приведем один конкретный пример назначения. Участники этого захватывающего действа — ЧУК и выпускник пятого факультета мой друг Леонард Илларионович Головков.

В кабинет заходит Леонард и по приглашению ЧУКа садится у стола напротив кадровика.

Кадровик начинает издаലെка:

— Нам известно, Леонард Илларионович, что вы прекрасно зарекомендовали себя во время учебы в академии, активно занимались научно-исследовательской работой и достойны самого хорошего перспективного назначения (Леонард в знак согласия скромно кивает головой и с надеждой ожидает конкретного завершения обнадёживающего начала разговора), но я сначала хотел бы выслушать вас. Каковы ваши желания, планы?

Леонард, ободренный такой демократической постановкой вопроса, уверенно отвечает (этот ответ он заранее продумал и мысленно отрепетировал):

— Я считаю себя, а точно так же считает руководство факультета, и вы отметили только что, склонным к научно-исследовательскому характеру работы и поэтому прошу назначить меня в научно-исследовательский институт ВМФ № 1 в Ленинграде.

ЧУК согласно кивает головой:

— Я с вами совершенно согласен, нам известны ваши наклонности, способности, возможности и назначение в НИИ-1 вполне соответствовало бы этим качествам, но...

ЧУК, как опытный артист, держит паузу и неожиданно наносит точно рассчитанный удар по психике собеседника:

— Но мы хотим предложить вам более перспективную должность: интереснейшая работа по специальности, штатная категория — капитан I ранга, самостоятельность, двойной оклад...

У Головкова от таких перспектив загораются глаза, лицо розовеет.

— Мы хотим предложить вам должность главного инженера базы в Петропавловске-на-Камчатке, — заканчивает кадровик после психологически рассчитанной паузы.

У бедолаги Лео отхлынула кровь от головы, он бледнеет, еле удерживаясь на стуле, чтобы не свалиться от нанесенного удара. В голове мелькают обрывки мыслей: «Жена... двое детей... плакала моя НИР...», разговоры о Камчатке: «...приезжаешь туда человеком, получаешь два оклада, скапливается мешок денег, уезжаешь с мешком денег и половиной мешка зубов и костей». Лео невнятно, пытаясь сохранить в голосе уверенность в себе, твердость:

— Категорически не согласен. Ни в коем случае.

ЧУК мягко, как горьковский Лука, участливо советует почти нокаутированному Головкову:

— Леонард Илларионович, не спешите с ответом, не будьте так категоричны. Поезжайте домой, спокойно обговорите с женой, друзьями. Жена у вас — трезвомыслящая, разумная женщина и, конечно же, посоветует вам принять наше предложение. Жду вас завтра в это же время, в этом же кабинете.

Потрясенный Леонард уходит из кабинета. Дома его ожидает долгий, до утра, тягостный разговор с женой, который иногда прерывается вспышками ее гнева и истерики. Под утро «разумная» женщина сказала, как отрезала, свое последнее слово:

— Можешь соглашаться! Поезжай один, я в эту Тмутаракань с детьми не поеду!

Леонард, как и большинство мужей, храбрился своей независимостью от жены, но Анну Николаевну откровенно побаивался и очень считался с ее мнением (в бытовых вопросах — безоговорочно). По этому поводу он добродушно шутил: «Мы, вятские, — народ хвацкий: семеро одного не боимся, а один на один все котомки отдадим».

После того как эмоции уступили место здравому рассудку, супруги выработали тактику поведения на предстоящем разговоре: на Ленинград не претендовать, от Петропавловска отказываться категорически.

В назначенный час в кабинет кадровика входит уже другой человек: усталый, подавленный, неуверенный в себе, невыспавшийся и ко всему безразличный. ЧУК, безусловно, все эти перемены отмечает, внутренне победно усмехается, но вопросы задавать не спешит. Лео не выдерживает и, как бы продолжая прерванный накануне разговор, первым делает заявление:

— На Камчатку не согласен. У меня двое детей, поищите что-нибудь более подходящее.

ЧУК внимательно выслушивает Леонарда, обдумывает сказанное и не спеша отвечает:

— Не ожидал отказа. Конечно, можно назначить и без согласия, с припиской в приказе «назначен без личного согласия», но я морально не могу игнорировать ваше мнение, а Петропавловск... свято место пусто не будет. Семейное положение надо, конечно, учесть.

Он долго роется в grossбухе, делает вид, что добросовестно ищет в нем «что-то более подходящее» и, наконец, с видимым облегчением сообщает бледному как полотно Леонарду:

— Вот нашел. Должность будто создана для вас. Мы ее держали в резерве для такого именно случая, как ваш. Город Комсомольск-на-Амуре, судостроительный завод им. Ленинского комсомола. Заместитель старшего военпреда. Теперь-то, Леонард Илларионович, все ваши желания удовлетворены?

Лео, как голодная щука весной, без раздумий, ударом заглатывает живца:

— Согласен.

ЧУК удовлетворенно:

— Так и запишем в журнал.

Он привычно имитирует человека, удовлетворенного найденным в итоге разговора решением, раскрывает grossбух в нужном месте и делает вид, что записывает в него. В клетке напротив найденной в результате компромисса должности четким каллиграфическим почерком вписана еще в Москве, до приезда ЧУКа в Ленинград, фамилия, имя и отчество «Головков Леонард Илларионович».

Автор этих строк на следующий после описанного эпизода год должен был пройти аналогичную экзекуцию. Но у меня был на руках небольшой козырь. Как выпускник, закончивший академию с золотой медалью и занесением фамилии на Мраморную доску, в соответствии со статьей 17 Устава академии, я имел право выбора. Решив не повторять ошибку, допущенную при окончании ВОЛСОКа, не мудрствуя лукаво, попросил меня назначить на преподавательскую работу. Вакантных должностей не оказалось. ЧУК порекомендовал подождать и вывел меня в резерв Главкома ВМФ. Таким образом я опять стал подопечным Тукана. Вскоре последний предложил преподавательскую должность в Черноморском высшем военно-морском училище им. П. С. Нахимова (Севастополь). Я сразу же дал согласие. Предполагалась цепочка перемещений. Из Каспийского высшего военно-морского училища (Баку) товарищ перемещался в Ленинград. Его место должен был занять преподаватель из Черноморского высшего военно-морского училища, а его стул по плану должен был занять ваш покорный слуга. При обмене квартир такой обмен называется у маклеров двойным. «Цепочка» в каком-то звене не состоялась. При очередной моей поездке в Москву Тукан извинился за сбой и предложил на выбор две другие должности. Остановился на должности начальника отдела испытаний крылатых и баллистических ракет с наземных стенов научно-испытательной базы Государственного центрального морского полигона.

Теперь можно было бы и отправляться к новому месту службы, но автор считает необходимым хронологически вернуться немного назад и «побыть» на приеме ЦК КПСС и Совета министров СССР, устроенном 5 июля 1962 года в Кремле в честь выпускников академий Вооруженных сил Союза ССР. По времени этот прием, к сожалению, совпал с традиционным прощальным вечером по случаю выпуска, который проводила академия.

На прием поехали в основном выпускники, закончившие академию с золотой медалью. Перед отъездом в Москву на торжество участников очень коротко и остроумно проинструктировал руководитель нашей делегации заместитель начальника академии адмирал Котов В. Ф.: «Можно

сформулировать две возможные цели поездки на прием. Первая. Поехать в Кремль, чтобы на приеме основательно выпить, а заодно посмотреть, послушать руководителей партии, правительства, Вооруженных сил. К сожалению, иногда так бывает. Садится лара друзей-выпускников на подоконник окна в трапезной Грановитой палаты, благо стены там толстые и подоконники широкие, ставят между собой бутылку коньяка, закуски и под коньяк ведут традиционную русскую беседу „про жизнь“ и выясняют друг у друга „Ты меня любишь?“ и т. д. Второй вариант. Поехать, чтобы посмотреть, внимательно послушать наших высших руководителей партии, государства, поднять бокал и выпить за их здоровье, благополучие народа, за наши дальнейшие успехи. Надеюсь, что вы, морские офицеры, не уроните честь академии, флота и будете строго придерживаться второго варианта поведения.

И последнее. Когда закончится прием, а вы этот момент почувствуете сразу, не задерживайтесь. Не спеша, вместе со всеми направляйтесь к выходу. Вовремя уйти из гостей, не ожидая, когда напомним хозяева, — признак хорошего воспитания».

Нужно ли говорить, забегая вперед, что все мы оказались горячими приверженцами второго варианта поведения!

Приехали в Москву, оформили пропуска в Кремль, заняли свои места в Зале заседаний Верховного Совета СССР. Открыл торжественную часть министр обороны СССР маршал Малиновский Р. Я. С докладом выступил Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Говорил он по сути дела неплохо, но очень нудно, не отрываясь от шпаргалки, часто повторялся. Действовали на нервы его бесконечные мычания «э-э-э», когда он на мгновение отрывался от написанного текста и мучительно подбирал нужное слово. В общем, особого впечатления речь его не произвела. Наконец, слава богу, Хрущев благополучно дочитал по бумажке сухую, казенную речь. Естественно, бурные, долго не смолкающие... Но Никита Сергеевич с трибуны не уходил. Когда аплодисменты затихли, выждав одному ему известный момент, он с улыбкой сказал: «Мне завтра предстоит выступать на Всемирном совете мира. Поэтому я сейчас говорю то, что был обязан говорить. Теперь, когда из зала удалены представители средств массовой информации, и наших, и зарубежных, я скажу не то, что мне написали помощники (и он потряс в воздухе пачкой листов), а то, что думаю на самом деле». И он заговорил. И как заговорил! Непринужденно, остроумно, самобытно. Зал сразу встрепенулся, ожил, вышел из дремотного состояния. Правда, его шутки, особенно адресованные нашим бывшим союзникам — американцам, были грубоватые, излишне резкие и по форме и по содержанию. Из речи исчезли изматывающие душу «э-э-э». Перед нами на той же трибуне стоял совсем другой оратор, раскованный, ироничный, какой-то разудалый, совсем не похожий на того, что несколько минут назад произносил безликую нудную речь.

Вот как примерно он рассказывал о только что завершившемся очередном конфликте в Берлине. В Берлине американцы спровоцировали серьезный конфликт. Они вызвали в Берлин из Штатов своего генерала Клея, выдвинули танки к линии разделения Берлина на оккупационные зоны. Мы в ответ немедленно вызвали в Берлин из Москвы своего Коня (и кивнул головой в сторону маршала Конева И. Е. который сидел в Президиуме позади оратора. Польщенный вниманием, Конев с довольным видом подобострастно заулы-

бался), поставили против американских, лоб в лоб, свои лучшие танки. Так безмолвно, угрожающе и стояли танки, наши и наших бывших союзников, так сказать «тет-а-тет». Американские танкисты оказались слабаками, первыми не выдержали напряжения, стали вылезать из своих стальных коробок и бегать, поддерживая штаны, за угол по нужде (в этом месте Никита Сергеевич грубовато-насмешливо конкретизировал действия американцев, увязав их с нервами, работой желудочно-кишечного тракта). Развернуться и показать русским тыльные части своих машин заносчивым янки не позволяло их звездно-полосатое высокомерие. У наших танков не открылся ни один люк. Советский солдат в очередной раз продемонстрировал высокую дисциплину и выносливость.

Наконец у американцев сдали нервы и желудки окончательно, не хватило англосаксонской выдержки. Опасаясь, что их танки превратятся в бронированные сортиры на гусеничном ходу, американское командование дало отбой. И танки, соблюдая свое реноме, не разворачиваясь, а пятясь задним ходом, быстро нырнули в близлежащие улицы и переулки. После этого, оставшись в гордом одиночестве, наши танки развернулись и с достоинством ушли от линии противостояния. Вскоре американцы отозвали в Штаты генерала Клея, а мы поставили на место, в Москву, своего Коня (опять угодливая улыбка на лице заслуженного, боевого маршала Конева)...

Самодовольно, с юмором и грубоватыми шуточками в адрес бывших союзников, рассказал Никита Сергеевич о создании в СССР самой мощной в мире водородной бомбы мощностью 50 мегатонн и добавил, ссылаясь на авторитетных специалистов в области ядерного оружия: можно создать и более мощное, но дальнейшее повышение мощности взрыва нецелесообразно, так как львиная доля энергии взрыва тратится впустую, уходит в космическое пространство, то есть коэффициент полезного (разрушительного) действия заряда быстро падает.

После доклада, плановых штатных выступлений представителей от выпускников академий всех родов войск распорядитель торжества маршал Малиновский со скалозубовским остроумием объявил: «Торжественная часть закончена. После небольшого перерыва прошу всех занять места согласно диспозиции!»

Наш военно-морской стол находился в трапезной Грановитой палаты. Стол высшего руководства был расположен по соседству, в Георгиевском зале. Чисто символически он был отделен от всего зала невысокими красивыми стойками, на которые натянули провисающие до пола бархатные темно-вишневого цвета жгуты, своеобразные фалрены. Подобные ограждения можно увидеть в музеях, мебельных и антикварных магазинах у экспонатов, которые разрешается обозревать визуально, но запрещается трогать руками.

Банкетная часть приема прошла а-ля фуршет. На столах стояли бутылки с армянским и грузинским коньяком, шампанское, массандровский портвейн, маленькие оригинальные бутылочки с водкой, лимонад, минеральная вода, холодные закуски, лимоны, конфеты.

Право первого тоста тамادا в маршальских погонах министр обороны Малиновский неожиданно для большинства присутствующих предоставил начальнику нашей академии адмиралу Пантелееву Ю. А. Сам по себе этот факт вызвал у нашего стола чувство гордости за Военно-морской флот,

бурный восторг и не менее бурные аплодисменты. Пантелеев говорил все так, как обычно говорили в те времена в подобных ситуациях. Говоря о заслугах Хрущева, о том, что Никита Сергеевич недавно был в Ленинграде, посетил Военно-морскую академию и, перефразировав известные слова Суворова: «Я хотел бы быть мичманом флота при взятии моряками острова Корфу», сказал, что хотел бы быть мичманом Военно-морского флота. Эффектно выдержав паузу, акцентируя внимание всех присутствующих, Пантелеев предложил здравицу в честь первого мичмана флота, Никиты Сергеевича Хрущева. Зал аплодировал, наш же стол неистовствовал, буквально взорвался овациями и одобрительными криками. Хрущев снисходительно, одобрительно улыбался. Следующие выступающие начальники академии срочно перестроились, внесли в свои тосты корректировки с учетом удачного и очень уж заразительного опыта Пантелеева. И посыпалось трафаретное: «...за здоровье первого танкиста...», «...за здоровье первого ракетчика...», «...за здоровье первого летчика...» и т. д. Сначала улыбавшийся, довольный, Хрущев от тоста к тосту мрачнел и злился. И вдруг неожиданно, резко прервал на полуслове очередного словоблуда: «Хватит! Первый мичман, первый танкист, первый летчик! Что я вам, Козьма Крючков, что ли!» Прерванный на полуслове невезучий подхалим растерялся, на несколько секунд замолчал и, скороговоркой завершая испорченный репликой Хрущева тост, предложил тост за родное советское правительство, за не менее родную партию и ее испытанного вождя — Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, за советский народ — строитель коммунизма. Далее все пошло по годами проторенной дорожке.

После того как здравицы и тосты закончились и все разбрелись по залам, мы дружно окружили своего начальника адмирала Пантелеева, поздравили его с удачным, остроумным, в кавказском духе тостом. А потом спросили, не оговорился ли Хрущев, назвав фамилию Козьмы Крючкова. Наверное, он хотел сказать «Козьма Прутков»? Пантелеев, находясь все еще под впечатлением от своего оригинального и вовремя сказанного, более чем удачного тоста, с улыбкой пояснил: «Никита Сергеевич не оговорился. Просто он знает исторические, легендарные персонажи лучше, чем вы, молодежь. Во время Первой мировой войны из уст в уста передавались легенды о небывалых похождениях находчивого, бесстрашного и вездесущего солдата Козьмы Крючкова. В Крымскую войну такой же легендарной личностью был матрос Кошка».

Все бродили по залам. То тут, то там собирались группы вокруг маршалов, героев войны, которым, видимо, было дано указание спуститься «в народ». У нас появилась прекрасная возможность посмотреть в натуре, а не на ретушированных фотопортретах сильных мира сего. В разных частях зала окруженные офицерами ходили 7—8 маршалов Советского Союза, прославившихся в годы войны. Окружили возбужденного, раскрасневшегося от тостов, живую легенду, С. М. Буденного. Он начал с жаром вспоминать минувшие войны, успел заявить, что всегда был в душе конником, любил конницу, а после Великой Отечественной полюбил еще Военно-морской флот. Но подержавшие его по бокам два генерала бесцеремонно прервали «интервью» и увели из зала своего словоохотливого поддатого шефа. Что поделаешь! Возраст.

«Отловили» и взяли в плотное кольцо маршала Рыбалко П. Е., который в годы Великой Отечественной войны командовал легендарной 3-й гвардейской танковой армией. Он оказался очень общительным человеком, прекрасным рассказчиком. Попытались прервать наш с ним разговор, а точнее, рассказ маршала, офицеры-танкисты: «Товарищ маршал! Мы — танкисты, расскажите нам». Бронетанковый маршал со смехом отмахнулся от них: «С вами я наговорюсь в другой раз, а сейчас хочу поговорить с моряками». И начал вспоминать эпизоды войны с участием моряков, которых, как он сказал, с тех пор очень любит.

Очень понравился разговор с маршалом Рокоссовским К. К. Один его внешний вид вызывал искреннее уважение и восхищение. Стройный, подтянутый, в безупречно сшитой военной форме. Трезвый до безобразия, корректный, он охотно, но коротко, по-военному, без особых эмоций ответил на наши вопросы и, извинившись, начал давать «интервью» другой подошедшей группе офицеров, жаждущих пообщаться с легендарным маршалом.

В самой дальней части зала выступали известные артисты. По залу при слегка приглушенном освещении между участниками приема как тени скользили симпатичные молодые официантки с подносами в руках. Они предлагали желающим бокалы с шампанским, сладости, бутерброды, забирали пустые фужеры.

В какой-то момент, как по чьей-то неуволимой команде представители руководства, маршалы покинули зал, исчезли девушки с подносами, опустела импровизированная эстрада. Мы поняли: «Finita la comedia», прием закончен и, не мешкая, покинули стены гостеприимного Большого Кремлевского дворца, а чуть позже — и златоглавую.

Итак, закончен еще один этап учебы. Видимо, последний в общем цикле подготовки офицера ВМФ. Впереди — конечная остановка долгого пути, начатого почти 40 лет назад в муззвводе, в городе Давлеканово Башкирской АССР. Впереди — Полигон.

Глава 5

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

Переход на коду

Бесстрастный дирижер человеческих судеб Всевышний поднял два пальца вверх — «переход на коду» и поезд «Ленинград — Северодвинск» на станции Исакогорка решительно повернул налево и доставил автора на конечную остановку многолетнего пути, в город Северодвинск, на Полигон. Как показала дальнейшая жизнь, после этого финиша, достижения основной цели службы, будет еще короткий, протяженностью всего 7 лет остаток пути. Но он, по существу, — если можно так выразиться, результат импульса последствий тяги.

Все сделанное до этого момента, пройденный путь — прелюдия, время накопления жизненного и профессионального опыта, знаний, формирование характера, навыков. Одним словом, преамбула к службе на Полигоне. Наступило время собирать камни, наступило время отдачи.

Переночевав в так называемом офицерском общежитии Полигона, я утром сел в предоставленный мне мотовоз (это пассажирский вариант мотодрезины) и через час на железнодорожной станции Ненокса уже знакомился со своим будущим заместителем, капитаном 2 ранга Журавлевым Александром Ивановичем. Осмотрелся вокруг, обозревая унылый серый пейзаж. Передо мной расстилался... нет, не Байкал, а озеро Нижнее, мелкое само по себе и от обилия дрови на дне, которую, не жалея, высыпали охотники на утренних и вечерних зорьках, так как озеро было кормовым для перелетной водоплавающей дичи. За озером раскинулось большое поморское село Ненокса. А дальше, на сколько хватит глаз, в поле зрения попадал только лес. И тишина. Курмыши, одним словом! Сели в машину, которая по хорошей бетонной дороге быстро домчала нас до водозабора, откуда открывался прекрасный вид на Белое море и на новенькие, сияющие свежей краской служебные постройки научно-испытательной базы Полигона, где мне предстоит прослужить в должностях начальника отдела и командира части до перевода в Северодвинск на должность заместителя начальника Полигона по испытаниям.

По пути в гостиницу подъехали к стартовой позиции стендовых наземных испытаний крылатых ракет (КР). Позиция окружена тремя рядами колючей проволоки. Между первым и вторым рядами по углам оборудованы карауль-

ные вышки, между вторым и третьим — блокпосты служебных собак, у въездных ворот — караульное помещение. В центре позиции еле заметен из-под земли обвалованный и засеянный травой бункер, где размещена корабельная часть системы управления ракетой. Перед бункером высятся громады стендов с контейнерами, в которые загружаются испытываемые ракеты. Кстати, в этом бункере без единого источника естественного освещения, за стальной тяжелой дверью при мертво-бледном искусственном освещении мне предстоит провести четыре года. В бункере, выкраивая редкие часы свободного времени, которое почти всегда совпадало с поздним вечером (для глаз какая разница: все равно естественного освещения нет), за первые два года написал, поставил эксперимент, подготовил к защите диссертационную работу на соискание ученой степени «кандидат технических наук». Защитил ее в 1964 году на ученом совете факультета вооружения Военно-морской академии в Ленинграде, для чего с большим трудом, после вмешательства начальника Управления ракетно-артиллерийского вооружения ВМФ вице-адмирала Сычева Вениамина Андреевича, удалось получить 8 суток в счет очередного отпуска.

В правом ближнем углу от въездных ворот высилась антенна РЛС и «курятник» метеостанции. Портили общий приличный вид стартовой позиции два неказистых, грубо сколоченных из необрезной доски сарая, где, по всей видимости, хранился всякий ненужный хлам общехозяйственного и специального назначения.

Теперь настало время познакомить читателя с тем, что представлял собой в то время структурно и функционально военно-морской Полигон.

Ракеты учат здесь летать, или

Что такое военно-морской Полигон и для чего он нужен

Полигон был создан Постановлением Совета Министров СССР от 3 ноября 1954 года для проведения и обеспечения проведения натурных, летных испытаний крылатых и баллистических ракет, разработанных и предназначенных для вооружения надводных кораблей и подводных лодок Военно-морского флота.

Основная цель испытаний — проверка пусками ракет соответствия достигнутых технических характеристик объекта испытаний согласованному между ВМФ и разработчиком Техническому заданию на разработку ракетного комплекса.

Испытания новых образцов вооружения — совместная работа двух категорий специалистов по их ведомственной принадлежности.

С одной стороны участвуют специалисты ВМФ (от Полигона, научно-исследовательских учреждений Министерства обороны и Военно-морского флота, военных представительств при конструкторских бюро и заводах-изготовителях). Для краткости условно назовем их представителями заказчика или кратко — «заказчиком».

---

* За большие заслуги в деле вооружения ВМФ новой техникой Полигон в 1984 г. был награжден орденом Ленина

С другой стороны — специалисты организаций — разработчиков оружия (КБ, НИИ) и заводов-изготовителей отдельных элементов и ракеты в целом. Для краткости условно назовем их «разработчиком». На бытовом уровне, в условиях Полигона их называли «промышленниками».

Вторая сторона, естественно, заинтересована по возможности быстрее сдать разработанный ракетный комплекс первой стороне, которая, в свою очередь, стремится к высокому качеству принимаемого на вооружение комплекса, максимально соответствующего техническому заданию. В этом проявляется различие и единство подхода сторон к процессу испытаний, то есть по большому счету в действии закон единства и борьбы противоположностей.

В процессе испытаний ракета, поступившая со сборочного завода-изготовителя, где она прошла полный технологический цикл проверок и контроля, на ТП (техническая позиция, представляющая собой монтажно-испытательный корпус (МИК), цех) Полигона силами комплексных бригад, включающих в себя специалистов «разработчика» и «заказчика», подвергается автономным и комплексным проверкам на соответствие конструкторской документации. На той же технической позиции проводятся всесторонние проверки контрольно-проверочной аппаратуры (КПА), которая представляет собой составную часть ракетного комплекса и после испытаний в составе комплекса передается в эксплуатацию на ракетно-технические базы флота (РТБФ).

Пройдя полный курс проверок на технической позиции, ракета передается на стартовую позицию на этапе наземных испытаний или на корабль-носитель на этапе государственных испытаний корабля-носителя. Перед погрузкой в контейнер ракеты, подготовленной для испытательного пуска, в него загружается учебно-действующая ракета (УДР), своего рода эталон ракеты, с помощью которой проверяется работоспособность корабельной аппаратуры ракетного комплекса. По результатам этой проверки Государственная комиссия принимает решение о готовности наземного стенда (корабля-носителя) к погрузке ракеты. Затем следует проверка бортовых систем ракеты с помощью корабельной аппаратуры, то есть по-штатному. По результатам проверок ракеты в штатном контейнере, предназначенном для пуска, принимается решение на пуск.

В соответствии с этой весьма схематично и очень кратко изложенной технологией подготовки комплекса к пуску по-штатному (в жизни все сложнее) определяется специфика работы (именно работы, а не службы) офицеров Полигона в двух ипостасях, перманентно переходящих одна в другую:

- обеспечение испытаний на их начальном этапе (летно-конструкторские, совместные береговые);

- непосредственное участие в приемке комплекса на вооружение ВМФ в качестве полноправных ответственных представителей ВМФ. При безусловном участии в том же качестве специалистов НИИ ВМФ, НИИ МО, военных представителей в КБ, на заводах-изготовителях, личного состава принимаемого от судостроительной промышленности корабля-носителя.

Фактически пусками ракет с кораблей-носителей по полной боевой схеме или, как говорят рыцари пера, в условиях, максимально приближенных к боевым, завершаются испытания ракетного комплекса, одновременно и совместно с ходовыми испытаниями головного корабля-носителя.

По их результатам делается заключение о приемке ракетного комплекса и корабля-носителя на вооружение ВМФ.

В своей книге «Ракеты стартуют с моря» (СПб.: СПМБМ «Малахит», 1994) Л. П. Запольский утверждает: «Я не ошибусь, если сравню морской полигон с ГЦП в миниатюре, только еще с морем в придачу, со всей многосложной его спецификой». Позволю себе с ним не согласиться. Говоря о ГЦП, автор, знакомый с морским полигоном не понаслышке, имеет в виду полигон МО, начальником которого много лет был хорошо известный среди военных генерал-полковник Вознюк Василий Иванович.

Чтобы читатель не обвинил меня в излишнем полигонном патриотизме — а я не скрываю, что являюсь патриотом морского Полигона, всю службу имевшим дело с оружием ВМФ, сначала артиллерийским, а затем ракетным, — сошлюсь на мнение независимых специалистов, прекрасно разбирающихся в специфике работы Полигона.

Начальник Главной инспекции Министерства обороны (МО), Главный инспектор МО Маршал Советского Союза Москаленко Кирилл Семенович после завершения трехнедельной инспекции нашего морского Полигона, которая проводилась в 1974 году в общем по МО Плану инспекций полигонов МО, в числе прочего отметил следующее:

1. Морской полигон территориально разбросан по всему Северу Европейской части страны, что чрезвычайно усложняет работу, жизнь Полигона и управление им.

2. Ряд подразделений Полигона расположены за Полярным кругом на большом удалении от главной базы Полигона со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

3. Сезонность работы Полигона по той простой причине, что Белое море — замерзающее, приводит к дополнительной неритмичности нагрузки, и без того присущей всем полигонам. Изменения в штатном расписании не могут отслеживать эти колебания. В итоге нагрузка в первую очередь на офицеров на морском Полигоне может периодически превышать таковую на общевойсковых полигонах.

4. Финансирование, материально-техническое обеспечение, укомплектованность значительно ниже, чем в МО, так как у некоторых руководителей ВМФ, включая его главкома, бытует мнение, что моряки, мол, могут решать большие задачи меньшими силами и средствами.

Эти мысли изложены в преамбуле «Акта о результатах инспектирования Полигона ВМФ».

В основном аналогичные мнения были высказаны начальнику нашего Полигона контр-адмиралу Новикову Евгению Дмитриевичу в приватной беседе начальником космодрома «Байконур» генералом Курушиным А. А., начальником Северного полигона (позднее — космодрома) в Плесецке генералом Алпаидзе, а раньше — заместителем генерала Вознюка В. И. во время их полуофициальных визитов военно-морскому коллеге.

По объемам работы, по насыщенности техническими средствами и людскими ресурсами, конечно, полигоны МО и ВМФ трудно сравнить. Полигоны МО (типа ГЦП) компактны, хорошо оснащены, укомплектованы, обеспечены. Вполне допускаю, что говорить об этом надо в прошедшем времени.

Так что это за организация такая — морской Полигон? Не касаясь деталей и секретов, постараюсь очень кратко ответить на этот вопрос.

Морской полигон — сложная разветвленная структура, организационно представляющая собой ряд испытательных и обеспечивающих испытания подразделений, территориально расположенных на Севере Европейской и Азиатской частей России от Североморска до Норильска с главной базой в Северодвинске.

Служба на Полигоне имеет специфические особенности. Упомянем наиболее характерные из них.

При испытаниях новой техники никто не застрахован от аварий различной степени тяжести. В качестве трагического примера можно привести тяжелейшую аварию на Байконуре 24 октября 1960 года. При заправке топливом ракеты Р-16 (по американским обозначениям СС-7) произошел мощный взрыв. Погибло 400 человек, в их числе бывший Главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) Маршал Советского Союза Неделин Митрофан Иванович. На нашем морском Полигоне, к счастью, не было крупных аварий. Об одной из них, когда ракета, заправленная аналогичными с Р-16 компонентами топлива, взорвалась над шахтой непосредственно сразу после выхода из нее, будет написано ниже. Тогда, в марте 1971 года, обошлось без жертв и пострадавших. Я не говорю о моральных травмах, они неизбежны.

Неритмичная нагрузка. В упомянутой выше книге ее автор Л. Запольский пишет, что на Полигоне труд чередуется по схеме «вынужденное безделье — интенсивная работа». Я бы уточнил расклад времени. Обычный повседневный размеренный труд (боевая подготовка, учения по гражданской обороне, обслуживание материальной части технических средств, занятия по специальности, хозяйственные работы, несение дежурно-вахтенной службы и т. п. и т. д.) сменяется периодом интенсивных испытательных работ. При этом не исключаются, а только как бы уплотняются вышеперечисленные работы. Интенсивность работы всех участников возрастает до близкой к предельной. Выходные и праздничные дни превращаются в абстрактные понятия, работы очень часто организуются в две или три смены круглосуточно. Офицеры Полигона по своей натуре (точнее, воспитанию) — трудоголики, и они с пониманием относятся к подвижническому труду, считают, что так надо, так должно быть. Я прослужил на полигоне 15 лет и гарантирую, что сказанное выше имело место. Во всяком случае — до 1975 года.

Уже упоминалась разбросанность объектов Полигона. Многие оторваны от административных, культурных центров страны. Жилые, бытовые условия приличными назвать язык не повернется.

Работы, связанные с испытаниями, разумеется, превалируют над всем прочим, но совершенно не исключают, а обязывают поддерживать высокую трудовую и воинскую дисциплину, высокую организацию службы участников испытаний, одетых в военную форму.

Частые посещения Полигона, в первую очередь его испытательных подразделений и объектов (стартовая и техническая позиция и т. д.), представителями правительства, заинтересованных министерств на уровне министров и их заместителей, представителями руководителей Министерства обороны, ВМФ. Не забывали о нашем существовании и члены ЦК КПСС, Политбюро,

члены комиссии при Совете министров СССР по военно-промышленным вопросам, которую в обиходе называли коротко ВПК — военно-промышленной комиссией. Назову несколько фамилий и должностей таких руководителей высокого ранга: кандидат в члены, а позже член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, курирующий военные, оборонные вопросы Устинов Дмитрий Федорович, министр судостроительной промышленности Бутома Борис Евстафьевич, председатель ВПК Смирнов Леонид Васильевич, зам. начальника оборонного отдела ЦК КПСС Лужин Николай Матвеевич, Главнокомандующий ВМФ Адмирал Флота СССР Горшков Сергей Георгиевич, зам. министра обороны по вооружению генерал-полковник Алексеев Николай Николаевич и т. д. Список можно продолжать, и только на уровне заместителей министров можно назвать 7—8 человек.

Неизбежные разногласия, а иногда и откровенные нелицеприятные стычки между «разработчиками» и «заказчиками». В случае если объект разногласий носит принципиальный характер, то не исключается и взаимное стремление свалить вину за неудачный результат работы на голову партнера. Такие разногласия и решали у нас на месте, между заинтересованными сторонами, не вовлекая в конфликт вышестоящих руководителей.

Пожалуй, одна из особенностей службы офицера на Полигоне, являющаяся решающим критерием оценки качества его службы, — способность и готовность офицера принимать волевое решение с соответствующей ответственностью, не перекладывая последнюю на чужие плечи в случае неудачи, то есть опять совсем по В. В. Конечному: «Я слишком долго прослужил на флоте, чтобы перекладывать ответственность на чужие плечи». А Понтий Пилат вообще заявил коротко и четко, по-военному: «Что я написал, то написал».

Для успешного проведения испытаний, включая и летные, совместными бригадами от всех специалистов «заказчика», и в первую очередь от офицеров Полигона, которые входили операторами в расчеты стартовой команды и технической позиции на контрольно-проверочной аппаратуре (КПА), требуется профессиональная подготовленность, во всяком случае, не ниже, чем у операторов — представителей «разработчика». Как правило, узкие специалисты, до тонкостей знающие свой прибор, блок «от» и «до», но не более того, лучше были подготовлены у «разработчика». Зато комплексники, знающие систему в целом, во взаимодействии и функциональной взаимосвязи, традиционно были привилегией военных — офицеров Полигона, НИИ ВМФ. Этот факт признавался и «разработчиками». В качестве примера можно назвать фамилии прекрасных комплексников при испытаниях крылатых ракет: капитан 2 ранга Гительсон Владимир Самуилович, капитан 1 ранга Чернышев Василий Михайлович, молодые талантливые капитан-лейтенанты Чабаненко Павел Павлович, Ефремов Евгений Владимирович.

Между военными участниками испытаний, то есть «заказчиком» и «разработчиком», должны быть хорошие, деловые, принципиальные отношения от рядовых операторов до руководителей самого высокого уровня. Забегая вперед, могу привести такой пример. При испытаниях баллистических ракет, разработанных в Конструкторском бюро машиностроения (КБМ), в основном были полное взаимопонимание и взаимное деловое уважение в интересах дела, высокого качества испытаний, достижения высоких боевых характеристик поступающих на вооружение ВМФ ракетных комплексов. Пример таких

деловых взаимоотношений подавали ключевые руководители — Генеральный конструктор (первоначально — Главный конструктор), технический руководитель испытаний и заместитель председателя Госкомиссии Виктор Петрович Макеев и начальник Полигона, председатель Государственной комиссии по проведению испытаний контр-адмирал Новиков Евгений Дмитриевич, оба, к великому сожалению, преждевременно ушедшие из жизни.

При испытаниях ракетных комплексов в условиях безудержной гонки вооружений, жесточайшей конкуренции ведущих стран мира в процессе создания новейших видов оружия, в обладании наиболее совершенным оружием поражения, первостепенное значение приобретает фактор времени.

Как уже упоминалось выше, в связи с жесткими временными требованиями работа на Полигоне всегда сопряжена с огромной затратой физических и душевных сил. Нередко в наиболее напряженные периоды работы такие основополагающие категории КЗоТа, как продолжительность рабочего дня, выходные и праздничные дни, превращались в сугубо абстрактные понятия. Мы знали и прекрасно понимали одно всемогущее, магическое слово — «надо!» И работали, не жалея сил и времени, столько, сколько требовали дело, обстановка. Подчеркну: работали в таком режиме без понуканий, напоминаний, абсолютно добровольно, не за деньги (премии были, но очень ограниченные по размеру и нерегулярно), не за награды (так называемые «знаки», то есть ордена, медали и т. д., «выделялись» участникам испытаний только после завершения испытаний очередного комплекса). Короче — не корысти ради, а сознавая, что беззаветной преданности делу, работе требовали от нас народ, Отечество. Такой подход к делу, гипертрофированное чувство ответственности за порученное дело можно объяснить, видимо, во-первых, тем, что Полигон наш был молод, он еще не пересек двадцатилетний рубеж, завершая стадию взросления, его еще не успел поразить вирус формализма, лениности и голого прагматизма. А во-вторых, воспитание костяка флота — офицеров в духе флотских традиций делать все основательно, добросовестно. Подобный настрой поддерживался высокими московскими руководителями. Опять же, забегаю вперед, приведу пример.

На стартовой позиции для испытаний баллистической ракеты, созданной в КБМ В. П. Макеева, шла напряженная работа по стыковке математической модели движения ракеты на траектории полета, выработке исходных данных для пуска. Главными конструкторами стыкуемых систем были Николай Александрович Семихатов и Ярослав Афанасьевич Хетагуров. Стыковка шла с трудом, хотя находились уже на пути к началу испытаний (согласно «сетевому графику» подготовки к испытанию). Работа велась круглосуточно, в две смены по 12 часов.

Заместитель министра общего машиностроения Михаил Александрович Брежнев, ответственный от министерства за этот участок работы, на общем собрании «стыковщиков» объявил от имени министра общемаша: «Если работа будет завершена на двое или более суток раньше планируемого срока, то каждый участник стыковки получит, как говорится, не отходя от кассы, немедленно, премию в размере двух месячных окладов; если на одни сутки раньше — то по одному окладу; если позже — то внеплановых премий не будет». Если мне не изменяет память, участники работы получили по два оклада внеплановых премиальных. А за несколько дней до этих событий состоялся интересный разговор между начальником Полигона Е. Д. Новиковым и Д. Ф. Устиновым.

В один из обычных рабочих дней мы, несколько офицеров, сидели в кабинете начальника Полигона и занимались скучным делом — совещались. Неожиданно зазвонил телефон ВЧ. Е. Д. Новиков подошел к столу в нише кабинета, снял трубку:

— Новиков вас слушает.

— Товарищ Новиков, с вами сейчас будет разговаривать товарищ Устинов.

— Устинов? Какой Устинов?

— Дмитрий Федорович.

— Ясно. Извините, я сразу вас не понял. Эта фамилия очень распространенная, у меня на Полигоне два офицера с фамилией Устинов.

Мы не сговариваясь поднялись и вышли из кабинета, оставив своего начальника один на один с телефоном и Устиновым на московском конце его провода.

Через 20—30 минут Новиков красочно пересказывал содержание разговора с Москвой.

Дмитрий Федорович озабочен состоянием дел на стартовой позиции Полигона, ходом подготовки к испытаниям новейшего ракетного комплекса, вышедшего из недр КБ В. П. Макеева. Он спросил, в частности, у Новикова, как идет на старте стыковка двух систем: ИПЭСУ (испытательно-пусковое электрооборудование системы управления, главный конструктор — Н. А. Семихатов) и «Альфа-РИ» (главный конструктор — Я. А. Хетагуров). Интересовался, в чем задержка, нужна ли помощь. Видимо, Д. Ф. Устинов был хорошо проинформирован о самом узком месте в работе на Полигоне, то есть критическом пути на «Сетевом графике» подготовки к испытаниям.

Евгений Дмитриевич в присущей ему манере, разыгрывая эталонного хитроватого мужичка-простачка, начал объяснять высококвалифицированному инженеру Устинову, как говорится, на пальцах: «Представьте себе, Дмитрий Федорович, в жизни встретились два человека. Каждый в отдельности — прекрасный во всех отношениях человек, а вот вместе ужиться не могут, не могут притереться друг к другу. Вот так и с системами ИПЭСУ и „Альфа-РИ“. Работы по стыковке, притирке их друг к другу ведутся круглосуточно в две смены специалистами экстра-класса от фирм Николая Александровича Семихатова и Ярослава Афанасьевича Хетагурова. Есть уверенность, что эти системы признают друг друга, притрутся друг к другу и будут работать прекрасно вместе. Помощь не требуется». Образно? Да. Популярно? Да. Даже слишком, и поэтому некорректно.

Такая манера разговаривать на техническую тему вполне удовлетворила бы человека, чей багаж технического интеллекта был в пределах объема знаний, получаемых в ЦПШ (церковно-приходская школа) или ВПШ (высшая партийная школа). В нашем случае собеседником Новикова был человек с очень хорошей инженерной подготовкой.

Вопросов Устинов не задавал, вежливо поблагодарил Новикова и положил трубку.

Далее события развивались так. В телефонном разговоре с Главкомом ВМФ Дмитрий Федорович выразил свое крайнее недоумение тем, что председатель Госкомиссии, начальник Полигона не в состоянии грамотно, толково проинформировать о состоянии дел, ходе подготовки полигона к испытаниям, отделяясь какими-то сомнительными аналогиями, неуместными

шуточками. Главком ВМФ Адмирал Флота СССР С. Г. Горшков позвонил по этому поводу Виктору Петровичу Макееву. Как позже рассказал Макеев, он немедленно позвонил своему всемогущему, самолюбивому шефу. Как и что он объяснял Устинову, осталось неизвестным. О деталях разговора В. П. не рассказывал. О них можно только догадываться. Вероятно, пощадил самолюбие Евгения Дмитриевича или посчитал это излишним. Во всяком случае, статус-кво сохранился. Новиков сохранил за собой хорошо обжитое кресло начальника Полигона. Остался он и председателем Государственной комиссии по испытаниям новейшего макеевского комплексного ракетного оружия.

«Деревня моя...»

Прибыв в часть в качестве начальника отдела испытаний крылатых ракет с наземного стенда, я доложил об этом историческом событии, как того требует устав, своему новому начальнику Кошееву Ивану Ивановичу.

После неизбежной беседы и «отеческого» напутствия отправился в гостиницу, где меня встретил и устроил в своем номере Вениамин Николаевич Маслов. С Вениамином мы вместе учились в академии, с семьями жили в одной трехкомнатной квартире офицерского семейного общежития. Третью комнату в квартире занимал тоже слушатель академии Федор Иванович Новоселов, будущий начальник Управления ракетно-артиллерийского вооружения (УРАВ) ВМФ.

На следующий день на 14.00 была запланирована погрузка ракеты в контейнер наземного стенда на стартовой позиции — теперь моей епархии.

Естественно, я пошел на погрузку, хотя был пока как слепой котенок, ничего не знал и ничего не понимал, то есть в части, касающейся знаний своей будущей специальности, был девственно чист как агнец божий или, как говорят японцы, представлял собой чистый лист бумаги.

Ракету благополучно погрузили, закрыли крышки контейнера, включили систему микроклимата в контейнере, осмотрели помещения стартовой позиции на предмет пожарной безопасности, задраили и опечатали дверь в бункер, сдали стартовую позицию под охрану караулу. Главный инженер части Николай Александрович Рябцев пригласил нас с Вениамином Николаевичем Масловым к себе в гости, дабы отметить нашу первую погрузку и для нашего общего знакомства. Хотя, честно говоря, моя заслуга в этой погрузке заключалась только в том, что я никому благодарному не мешал, а просто смотрел на контейнер и ракету как баран на новые ворота. У Рябцева жена Лида уехала с дочерью на несколько дней в Ленинград. По этой прозаической причине стол у него был накрыт просто до примитивности, то есть по-холостяцки. Хрустящих свеженакрахмаленных салфеток мы не обнаружили, но зато посредине стола стояло большое красивое блюдо, на котором возвышалась приличная по высоте горка грубо нарезанной крупными ломтями и навалом сложенной, истекающей каплями жира на срезах нежно-розовой семги.

Рядом хлебница с такими же небрежно накромсанными ломтями ржаного и пшеничного хлеба, тарелки с солеными огурцами, капустой, помидорами, дымящейся паром вареной картошкой. Завершал сервировку графин со спир-

том и чайник с чистой холодной водой на столике рядом. А в качестве альтернативы для желающих — пара откупоренных бутылок с водкой. Вот тогда я впервые попробовал семгу — царскую рыбу. Такими ломтями — в первый и последний раз. Потом я сообразил, что такой стол был накрыт хозяином умышленно, подчеркнуто нарочито, дабы попижонить перед новичками, прибывшими в безукоризненно белых рубашках хоть и из северной столицы, в глухую, забытую цивилизацией и богом, если не считать командования ВМФ, архангельскую деревушку. Правда, происходило это гастрономическое действо не в самой деревне, а рядом с ней, в каких-нибудь пятистах метрах от стартовой позиции, где в контейнере спокойно отдыхала перед трудной далекой дорогой ракета, представлявшая собой конгломерат новейших достижений современной науки и техники.

Уголок Русского Севера

Только попытаюсь восстановить в памяти затерянное в архангельских лесах старинное поморское село Нёнокса, как перед глазами возникают образы окружающей его исключительной своеобразной красоты северной природы.

Вспоминаю слова А. Трапезникова, жителя Нёноксы, сказанные об этом уголке Русского Севера:

Потому и слышишь от поморов:
Пусть не скажут: «Э, какой шутник!»
Ничего, что Нёнокса — не город,
Нёнокса — России золотник.

С одной, северной, стороны — исконно русское, «самое светлое в мире Белое море мое», с противоположной — озеро Нижнее, за которым — Нёнокса, окруженная истинно русскими архангельскими лесами. Русский Север — одно из немногих мест на карте России, которое не изменило до неузнаваемости неумолимое быстротечное время и сопутствующее ему бесцеремонное, грубое вмешательство человека в эту первозданную красоту, неповторимое богатство флоры и фауны. Девственная природа Севера легко ранима, нанесенные ей человеком раны заживают долго, тяжело и болезненно, если вообще заживают. Человек же очень часто ведет себя в этих местах не аккуратно и не умно. Можно сколько угодно восторгаться успехами добывающей, перерабатывающей и прочей промышленности, целлюлозно-бумажных комбинатов-гигантов, распространяющих в округе зловоние и убивающих вокруг себя все живое, но достаточно побыть один на один с тишиной и природой где-нибудь на берегу затерянного в северных лесах озера, например Островистого или Плоского, чтобы по достоинству оценить благотворную силу воздействия на человека красоты и величия природы Русского Севера.

Эта природа создает особый микроклимат, обладающий мощной биоэнергетикой. Русский Север, край поморов, всегда рождал сильных, честных, храбрых и, главное, свободолюбивых людей. Поморы, архангелогородцы не допустили в свой край монголо-татарских завоевателей, никогда не знали,

что такое рабство, крепостное право. Именно благодаря красоте человека и природы, величию, силе и биоэнергетике Русского Севера «архангельский мужик стал велик и разумен не только по своей и божьей воле — ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком, помором, не носившим крепостного ошейника», — писал о М. В. Ломоносове Г. В. Плеханов.

Оставим на время высокий штиль и возвратимся в типичный уголок, частицу Русского Севера — старинное поморское село Нёнокса. Первое упоминание о поселе Нёнокса датируется в летописях 1397 годом. Несколько раз его захватывали воинственные соседи — шведы и сжигали дотла. А она, Нёнокса, как сказочная птица Феникс, возрождалась из пепла, каждый раз в другом месте, пока не обрела постоянной прописки в том месте, где находится сейчас. Жители продолжали ловить рыбу, охотиться в лесах, добывать морского зверя, сочинять незатейливые стихи и песни, создавать сказочные узоры резьбой по дереву, вышивать не менее красивые по полотну, строить величественные, без единого гвоздя храмы, такие как Троицкая многошатровая церковь в Нёноксе. Жизненная сила северян способна поразить самое богатое воображение. Монахи на Соловецких островах примитивными средствами воздвигли монастырь-крепость. На его стенах до сих пор сохранились следы от чугунных ядер, выпущенных с эскадры английских военных кораблей. Ядра отлетали от стен как горох и не причинили стенам ни малейшего вреда. Монахи построили на островах оригинальную и очень сложную гидротехническую систему для докования морских судов, построили в 150 км от Полярного круга, за 65-й параллелью оранжереи, в которых выращивали диковинные южные цветы, овощи и фрукты, в том числе и экзотические ананасы.

Село Нёнокса раскинулось на берегу озера Нижнее, вокруг него — леса, озера и очень много болот. Традиционно не одну сотню лет основными видами промысла ее жителей были рыболовство, охота на лесную, боровую, водоплавающую дичь, на морского зверя. До сих пор мужская часть населения принципиально не приемлет сельхозпроизводство за занятие, достойное мужчины, считает ниже своего поморского достоинства копаться в земле. Видимо, по этой причине на огородах жителей Нёноксы выращивается только картошка. Хотя на пришкольном участке Нёнокской средней школы силами учеников под руководством учителей прекрасно выращивали и, надеюсь, выращивают и сейчас, все овощные культуры, присущие средней полосе России, — огурцы, морковь, помидоры и прекрасные цветы. Среди преподавательского персонала школы большую прослойку (~ 40 %) составляли жены офицеров. Все они приехали с мужьями из средней полосы России и не были обременены грузом нёнокских традиций, не занимались охотой и рыбалкой и из-за незнания местных условий успешно выращивали многие огородные культуры. Энтузиастами растениеводства на пришкольном участке стали Маслова Галина Иосифовна, жена Вениамина Николаевича Маслова, и Ежкова Валентина Ивановна, жена автора этих строк. Замечу, что Галина Иосифовна трудилась на этом поприще в обстановке, когда ее муж Вениамин Николаевич был страстным охотником, настоящим фанатиком охоты и свысока, пренебрежительно, даже осуждающе относился к такому виду человеческой деятельности, как сбор грибов, выращивание «цветочков», копанье в земле,

навозе, да и «рыбу ловить — не мое амплуа». Муж второй энтузиастки с одобрением относился к сельхозработам наших жен, любил собирать грибы, не пренебрегая возможностью на собственном опыте опробовать все прелести охоты на все виды дичи вообще везде и в северных лесах в первую очередь.

Наша часть обосновалась надолго, по-хозяйски, на сухом, возвышенном месте на берегу Белого моря, на противоположном относительно Нёноксы берегу озера Нижнее. Это место жители Нёноксы называют Сопкой. Старожилы утверждают, что лес на Сопке всегда был богат боровой дичью — тетеревами, рябчиками и даже глухарями. Что касается глухарей, то очень сомневаюсь, скорее это обычные охотничьи байки. С приходом на Сопку военных «лес зазвенел, застонал, затрещал, заяц послушал и прочь побежал». Поэтому мы были для местных жителей гостем, который, как известно, «хуже татарина», неудобным, нежеланным и даже вредным. И все же это не мешало установиться хорошим добрососедским отношениям между Сопкой и поселком. В нашей части работали по вольному найму в качестве служащих и рабочих 35 жителей села. Жены наших офицеров работали в Нёнокской средней школе. По мере необходимости часть помогала Нёнокскому военному совхозу рабочей силой, техникой. Военным совхоз назывался потому, что, по замыслу его создателей, должен был обеспечивать своей продукцией, в первую очередь молочной, учебный отряд в Северодвинске, где обучались будущие подводники. Начальник совхоза и агроном по штатному расписанию — офицеры с высшим сельхозобразованием. Помогали техникой, материалами школе, сельскому совету. В совхозе для личного состава части, семей офицеров покупали картошку, молоко. Молоко совхоз получал первоклассное, известное всей области, совхозное стадо было «укомплектовано» элитными «холмогорками». Приезжавших начальников мы всегда угощали нёнокским молоком. Вернее, в том числе и молоком. Московские руководители утверждали, что в столице такого молока они не пили. Не удивлюсь, если это говорилось искренне, а не из вежливости.

В Нёнокской средней школе учился и закончил ее мой старший сын Сергей и сын В. П. Макеева Сергей.

Еще один пример добрых отношений с соседями. В части был свой детский сад. Летом 1969 года он был закрыт, так как количество детей стало ниже установленного нижнего предела. В числе «сокращенных» оказались мой младший сын Дима и дочь Вениамина Маслова — Надя. Девать их было некуда, так как их мамы работали в школе, а папы служили. Моя жена стала брать Димку и Надюшку с собой в школу, в кабинет, где малышня играла, развлекалась. Однажды учительница 1-го класса Таисия Александровна застала их за этими естественными детскими занятиями. Квалифицированно проверила их «профессиональную» подготовленность. Читали и писали они очень даже неплохо, пересказывали прочитанное — тоже. Таисия Александровна предложила Валентине Ивановне и Галине Иосифовне: «Давайте я заберу малышей к себе в 1-й класс в качестве законных учеников, по подготовленности они вполне сойдут за первоклассников». Так и сделали, директор школы Вера Николаевна разрешила, заявив, что ответственность за нарушение берет на себя. Дело в том, что Диме Ежкову только за два месяца до

описываемого события исполнилось 6 лет, а в школу принимались дети с 8 лет. В результате мой младший закончил 1-й класс в возрасте 7 лет.

В один из приездов в часть заместитель по быту директора Северного машиностроительного предприятия (СМП) — Северодвинского судостроительного завода, головного в России по строительству атомных подводных лодок, Иван Мартемьянович Костюшко рассказал интересную историю. Костюшко был известен в городе своей любовью и профессионализмом в вопросах посадок деревьев, кустарников, цветов, планировки посадок. Кстати, его фамилия неофициально вошла в историю города именно в связи с этим его талантом. Между заводом и чертой города был обширный пустырь — санитарная зона. По инициативе Ивана Мартемьяновича и под его руководством этот пустырь был грамотно спланирован и засажен деревьями и кустарниками. Посадки эти в городе называют не иначе как «парк Костюшко». Пора бы узаконить это название зеленой защитной зоны. Так вот Иван Мартемьянович в 1938 году был членом государственной комиссии, которая производила рекогносцировку побережья Белого моря с целью закладки нового города — военно-морской базы. Первоначально комиссия выбрала для закладки будущего Северодвинска то место, где находилась Сопка, село Нёнокса. Позже этот вариант был отвергнут из-за недостаточных глубин моря у побережья. В результате комиссия окончательно выбрала то место, где ныне расположен город Северодвинск (в «девичестве», при основании, — город Молотовск) — Беломорская военно-морская база.

В романе Валентина Пикуля «Из тупика» есть строки, посвященные Нёноксе, ее виду со стороны моря, упоминается Нёнокская солеварня, которую автор представляет читателю как «знаменитая» и где из соляного источника добывалась в те времена пищевая соль. Добротный сруб старинной солеварни, сработанный надолго, прочно из крупных мощных бревен, сохранился до наших дней. Источник высококонцентрированного раствора пищевой соли функционирует по сей день, но дебит его стал настолько мал, что практического интереса не представляет.

Коротко об испытаниях крылатых ракет

Когда мы, выпускники академии, в середине сентября 1962 года приехали в Нёноксу, здесь все еще находились под свежими впечатлениями от только что закончившегося визита в часть Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Рассказы еще долго не затихали и среди жителей Нёноксы, и в основном среди военных моряков.

Визит Н. С. Хрущева по времени совпал с завершением этапа береговых испытаний одной из крылатых ракет — детища Генерального конструктора Владимира Николаевича Челомея. Постараюсь восстановить в памяти отдельные факты и эпизоды, связанные с неординарным событием в жизни части, Нёноксы, которые известны мне со слов очевидцев.

Подготовка к визиту Хрущева велась по всем направлениям. Во-первых, готовился пуск ракеты в присутствии высокого гостя. Специально для Никиты Сергеевича и его окружения недалеко от стартовой позиции на берегу моря был построен просторный, не лишенный изыска наблюдательный

пункт, названный сразу же «беседкой Хрущева», «Хрущевкой». Из беседки открывался прекрасный визуальный обзор стартующей ракеты и начального участка траектории ее полета. В «беседке» были установлены выносной индикатор ракеты, на котором можно было наблюдать положение ракеты в пространстве, и выносной индикатор визира, на котором индцировалась обстановка, которую как бы «наблюдал» радиолокационный визир ракеты, находящейся в пределах радиовидимости цели, и транслировал «картинку» на стартовую позицию (корабль-носитель), так как ракета использовалась в качестве ретранслятора. Проложили высокочастотные кабели, соединив индикаторы в «беседке Хрущева» с корабельной системой управления на стартовой позиции.

На всех объектах и территории части наводился тщательный порядок. Чистота бетонных дорог, а их суммарная длина превышала 15 км, была доведена до девственной белизны. Вдоль дорог убирался сухостой, мусор. Все, что можно было покрасить, покрывалось слоем свежей краски. Краску не жалели. Ремонтировался, красился, изготавливался новый штакетник. Облагораживались газоны, клумбы, производилась посадка, не считаясь с несезоньем, молодых елочек, сосен. Злые языки утверждали, что были поползновения подкрасить зеленой краской, придать более естественный вид хвойным деревьям, растущим вдоль дорог, потерявшим от возраста свой товарный вид. Правда, большого распространения это ноу-хау зарвавшихся очковитирателей не нашло. Перед самым проходом «царского» поезда по участку Северодвинск — Нёнокса железнодорожники под контролем сотрудников КГБ расшили все стрелки и передали их под охрану железнодорожников и сотрудников ГБ. У особистов было очень много хлопот, они работали по своему плану. Хлопот хватило всем. В такой нервной обстановке не обошлось без курьезных, почти анекдотичных эпизодов.

Техническая позиция (цех, МИК) крылатых ракет тоже готовилась к встрече Первого. В цехе навели порядок, расставили ракеты, контрольно-проверочную аппаратуру (КПА). Руководил работами начальник отдела испытаний крылатых ракет Владимир Петрович Ефремов. Для проверки хода подготовки приехал начальник ракетно-артиллерийского управления ВМФ вице-адмирал Сычев Вениамин Андреевич. Он зашел в цех, наметанным глазом все осмотрел, задержал взгляд на ракетах, расчетах операторов, в качестве которых выступали представители фирм-разработчиков, занявшие свои места у ракет, у КПА. В цехе находились ракеты только одного, 1-го литера. Литерность ракет означает некоторое различие частотных и импульсных характеристик систем управления ракет, что позволяет одновременно управлять полетом нескольких ракет в залпе. Каждому литеру соответствует свой цвет, в который окрашивается кончик носика радиопрозрачного носового обтекателя ракеты. Первому литеру соответствовал красный цвет, то есть красный кончик носа обтекателя.

Оторвав взгляд от ракет и окинув начальственным взглядом окружающих, Сычев спрашивает у Ефремова:

— Владимир Петрович, а почему у них у всех такие красные носы?

Ефремов на секунду-другую замешкался, а потом, оправдываясь перед начальником, раздраженно-осуждающим тоном отвечает:

— Спирт пьют, мать их перемать, Вениамин Андреевич! (Операторы виновато опустили взоры долу, зарделись застенчивым румянцем, как некоторые ильфовские персонажи.)

— Я спрашиваю не о людях, а о ракетах. (Операторы гордо подняли головы, расправили плечи.)

— Извините, Вениамин Андреевич, я вас не так понял. Все ракеты в цехе 1-го литеры и подготовлены к пускам в условиях мирного времени.

Долго потом все хотело по поводу этого казуса. Но чего не бывает в обстановке спешки, нервозности!

Перед пуском ракеты Хрущев в сопровождении свиты двинулся по почти белоснежной бетонной дороге к одноименной с ним «беседке». В момент, когда они проходили мимо питомника служебного собаководства, произошел забавный инцидент.

В питомнике содержались кавказские и немецкие овчарки, которые в ночное время несли охрану на блокпостах, оборудованных между рядами ограждения из колючей проволоки. Это, естественно, дополнительно к часовым на вышках. Собаки в питомнике содержатся в вольерах и выпускаются погулять на внутреннюю территорию питомника по графику парами в составе как на блокпосту.

На день посещения части Хрущевым прогулки собакам были отменены, но сердобольные собаководы продолжали выпускать из вольер на короткое время своих злобных питомцев.

Можно только представить себе состояние окружения и охраны Хрущева, когда, поравнявшись с питомником, они вдруг услышали многоголосый яростный собачий лай и увидели над сплошным высоким забором, окружавшим питомник, толстые лохматые собачьи лапы и оскаленные свирепые собачьи морды. Свита Хрущева всполошилась (Какое безобразие! Какая наглость! Кто-то осмелился обляять Самого!). Все обошлось благополучно. Собаководы, поняв свою оплошность, быстро отогнали гулявшую пару от забора, загнали их в вольеры, но заставить замолчать два десятка собачьих глоток, находившихся в вольерах, оказалось не под силу даже им.

Процессия удалилась вдоль берега моря вперед, а псы в питомнике еще долго продолжали облайивать Хрущева и К^о.

Позже произошел еще один эпизод с участием служебных собак. Поздней осенью по тропе в лесу, проходившей недалеко от бетонки, параллельно ей, шел не спеша со стартовой позиции в штаб мой заместитель капитан 1 ранга Телпаев Александр Николаевич. В это время по обледеневшей бетонной дороге собаковод вел в питомник на длинных поводках двух собак, снятых с блокпостов. По инструкции он был обязан вести по одной. Но чего не сделаешь ради экономии времени! В результате не он вел псов, а они буксировали его по обледеневшей как каток бетонке, как катер-буксировщик — спортсмена на водных лыжах. Завидев в лесу постороннего человека, собаки в ярости налегли на поводки, вырвались из рук собаководы и молча ринулись в сторону Телпаева с намерениями, весьма далекими от дружелюбных. Александр Николаевич, участник Великой Отечественной войны, человек уже не молодой и далекий от спорта, завидев несущихся на него двух свирепых «друзей человека», мгновенно оценил обстановку как опасную для целостности и сохранности его военно-морского тела и, не теряя ни секунды драгоценного

времени, резво взлетел, как молодая белка, на ближайшую сосну. Потом он показывал нам это дерево и удивлялся, как ему без тренировки и посторонней помощи удалось проделать этот трюк и проворно занять безопасное место на дереве. Подбежавший не на шутку испуганный собаковод забрал и успокоил своих питомцев. Телепаев, ругаясь последними словами, с опаской слез с дерева. Повторить сей акробатический этюд в присутствии друзей и сослуживцев Телепаев категорически отказался, заявив, что это физически невозможно. Если только с помощью «дрессированных собачек»...

Однако вернемся от Телепаева и «друзей человека» к Никите Сергеевичу с компанией, которые продолжали движение к «беседке».

Хрущев был весел, оживлен, шутил и острил. Около него крутились, поддакивали, откровенно подхалимски хохотали над каждой остротой и шуткой Первого. Выделялся на этом поприще начальник политотдела Полигона Калинин. Он успевал везде. Как говорится, был женихом на всех свадьбах и покойником на всех похоронах. Не без успеха стремился попасть на передний план рядом с Хрущевым на всех фото- и кинокадрах, а братии с фото- и кинокамерами было хоть отбавляй. После визита Калинин очень любил демонстрировать эти снимки всем, обращая их внимание на свою персону, везде соседствующую с Никитой Сергеевичем. Остряки советовали начальнику политотдела подписать все эти фотографии коротко и скромно: «Я и Хрущев».

Хрущев обратился к Калинин, который, естественно, оказался рядом, под рукой:

— Какая отличная погода (а она, действительно, как по заказу, была отличной: солнце, тихо, тепло)! И это Север, которым всех пугают! Да здесь надо строить дома отдыха и санатории; я первый приеду отдохнуть сюда. А вы еще просите ввести вам северную надбавку к зарплате. Вот скоро уйду на пенсию, приеду сюда, к вам. Найдете мне какую-нибудь небольшую должность? Например, сторожа? Возьмете меня сторожем?

Калинин, млея от господских шуток, захлебываясь в щенячьем восторге, по глупости, присущей большинству политработников, принял за чистую монету шутку Никиты Сергеевича, на полном серьезе заверил могущественного и очень самолюбивого, своенравного собеседника:

— Найдём, Никита Сергеевич, должность, возьмём (!!!) на работу! Не беспокойтесь, приезжайте, без работы не останетесь!

До сих пор непонятно, как этот сверхидиотский ответ сошел начальнику политотдела Полигона с рук. В той-то обстановке! Видимо, окружение Хрущева не поняло пикантности и двусмысленности диалога. А может быть, эти неглупые люди сразу поняли, что Калинин глуп, но не ожидали, что до такой степени. Возможно, Хрущев большего от начальника политотдела и не ожидал и оказался выше этого. Как бы там ни было, но задница Калинина не была отлучена от насиженного ею места.

Из «беседки» прекрасный обзор, отлично видно кромку берега, стенд, контейнер. Динамики громкоговорящей связи (ГГС) сообщают: «Начало предстартовой подготовки!», чуть позже: «Автопилот готов!», «Радиотехническая аппаратура готова!» «Общая готовность системы управления!» Контейнер развернулся в плоскость стрельбы. Открылись крышки. «Запуск маршевого двигателя!» Выхлоп газов из задней части контейнера, гул

заработавшего маршевого двигателя. Гул нарастает, нарастает, неумолимо ползет вверх по нотному стану, переходит в рев на звенящих нотах, достигает апогея. ГГС: «Двигатель готов!» «Ракета к старту готова!» В динамике ГГС короткое, властное: «Старт!» Взрывом сработали пороховые стартовые двигатели. Прекрасно виден и слышен ревуший факел огня, и через доли секунды ракета, как артиллерийский снаряд, выносится из контейнера (тяга стартового агрегата СА примерно в 12 раз превышает стартовый вес ракеты, то есть ее тяговооруженность составляет 12, к тому же ракета стартует не вертикально вверх, а под небольшим углом к горизонту). ГГС информирует: «Старт состоялся, ракета вышла из контейнера». Впрочем, сей факт прекрасно виден невооруженным глазом. Скорость ракеты стремительно нарастает. Проходит около двух секунд. Стартовые двигатели, отработав и выполнив свою задачу, отбрасываются двигателями отброса вниз и в стороны. Ракета на мгновение «преседает», но подхваченная тягой маршевого двигателя и заработавшими рулями высоты, с нарастающей скоростью продолжает стремительный красивый полет, быстро набирая высоту, пока не пропадает в облаках. В «беседке» благоговейная тишина. Зрелищно старт ракеты всегда и на всех зрителей без исключения, даже на самых бывалых, производит очень сильное эмоциональное впечатление, завораживает своеобразной неповторимой красотой, мощью.

Из динамиков ГГС хорошо слышны спокойные, бесстрастные доклады с измерительного пункта № 1 (ИП-1): «Системы ракеты функционируют нормально! Полет проходит в норме». А из бункера стартовой позиции — торжественный, эмоционально окрашенный, хорошо поставленный голос «радиокомментатора»-самоучки, начальника отдела, беззаветно влюбленного в крылатые ракеты, Василия Михайловича Чернышева: «Ракета слева от плоскости стрельбы», «Радиокомандами ракета вводится в плоскость стрельбы!», «Ракета в плоскости стрельбы», «Полет ракеты в норме». Присутствующие в «беседке Хрущева» наблюдают «картинку» на выносном индикаторе ракеты (ИР), вежливо отгалкивая плечами друг друга, чтобы хоть через плечо стоящего впереди увидеть радиолокационное изображение на ИР. Из динамика: «Ракета в плоскости стрельбы. Высота программная», «Ракета достигла дальности включения радиолокационного визира (РЛВ)», «Радиокомандой включен радиолокационный визир», «Ракета проходит остров Самба-Луду».

Все присутствующие в «беседке» перешли к выносному индикатору визира (ИВ), на который транслируется радиолокационная обстановка (РЛО) на поверхности моря, наблюдаемая визиром, шепотом обсуждают (кто понимает наблюдение) РЛО на ИВ. Хорошо виден слева от плоскости стрельбы небольшой отраженный сигнал от крохотного, затерявшегося в морских просторах островка Самба-Луду. Динамик: «Вижу цель!», «Прошла команда „Выбор цели!“», «Прошла команда „Захват!“», «Ракета выполняет противозенитный маневр, перешла в пикирование», «Ракета перешла в режим самонаведения». Изображение на выносных индикаторах пропало. Через несколько минут Генеральный конструктор Владимир Николаевич Челомей возбужденно доложил Никите Сергеевичу: «Прямое попадание! Надводная цель поражена!» «Беседка» мгновенно взорвалась аплодисментами. Радостные одобрительные возгласы. Шум. Взаимные поздравления. Когда первые

эмоции иссякли, шум немного стих, Никита Сергеевич поздравил присутствующих и всех участников пуска ракеты с успехом, с отличной безупречной работой, с очередным огромным успехом в деле повышения обороноспособности Родины.

Так прошел и действительно блестяще завершился прямым попаданием в цель этот необычный пуск.

Визит высокого гостя на этом закончился, но отголоски его иногда проявлялись самым неожиданным образом. Вскоре ракетный комплекс был принят на вооружение подводных лодок ВМФ. За этим последовал небывалый «звездопад» — награждение орденами, медалями, званиями разработчиков, испытателей и т. д. Был разработан и согласован между организациями-претендентами список наиболее заслуженных, отличившихся для представления к присвоению звания «Герой Социалистического Труда». Среди кандидатов на это звание был, и вполне заслуженно, специалист по гироскопическим устройствам и системам Сергей Никитич Хрущев, сын Никиты Сергеевича. У авторов списка кандидатов на «Героя Труда» возникло опасение, что московское начальство список сократит. Как правило, отсекались красным карандашом несколько нижних фамилий, ибо по неписаному закону «заслуженность» кандидатов уменьшалась в списке сверху вниз. У тех, кто составлял список, возникла оригинальная мысль, чтобы сохранить его нетронутым. Используя тот факт, что начальная буква фамилии именитого сына находится в конце алфавита, они вписали сына Никиты Сергеевича последним в злополучный список кандидатов: мол, у кого поднимется рука вычеркнуть несколько последних фамилий, ведь в числе вычеркнутых в любом случае окажется фамилия Хрущева-младшего. Расчеты хитрых царедворцев полностью подтвердились. Список кандидатов прошел все бюрократические инстанции без купюр, и все кандидаты на героические звания получили золотые звезды Героев Труда.

«Захват!» Цель поражена!

Не всегда пуски ракет заканчивались так удачно, как описанный выше, «генеральский». Были, естественно, аварийные, с падением ракет. Результаты пусков анализировались, причины устранялись и испытания продолжались. Издержки, к сожалению, неизбежны при испытаниях. Такой немалой ценой приобретается ценная информация о функционировании приборов, устройств и систем ракеты в комплексе в процессе ее полета. Речь далее пойдет о совсем другом пуске, когда безупречная работа систем ракетного комплекса привела к тяжелому ЧП.

Ракетная стрельба выполнялась с серийной подводной лодки, покидающей родной заводской причал и переходящей под юрисдикцию ВМФ. Лодка выходила в точку старта. Силы обеспечения развернуты, «цель» заняла свое место. Один из кораблей охранения уже готов был доложить на командный пункт «Район чист!», как неожиданно обнаружил рыбный тральщик, который, спеша к родным берегам самой короткой дорогой, пренебрег запрещающим оповещением и вошел в опасную зону. Корабль охранения пошел ему наперерез курса, сблизился и дал нарушителю указание немедленно

покинуть опасную зону. «Рыбак» безропотно развернулся на 180° и вскоре вышел за пределы опасной зоны. Корабль охранения убедился в этом, доложил на КП «Район чист!» и продолжил выполнять задание. Как только сторожевой корабль (СКР) оказался вне пределов визуальной видимости, настырный «рыбак» упрямо изменил курс на 180°, увеличил ход и резко зашлепал через опасную зону, зато самой короткой дорогой, в родные пенаты. Подводная лодка, получив «Д» («добро») с командного пункта на пуск, произвела его резервным способом, при котором ракета вольна автономно захватить первую обнаруженную радиолокационным визиром цель и автономно наводиться на нее. Не повезло рыбному тральщику-нарушителю. Он по воле случая оказался тем самым первым объектом в море, обнаруженным бесстрастным визиром ракеты, то есть целью для нее. Так как «цель» оказалась в стороне от плоскости стрельбы, то бездушная, но исполнительная ракета, наводясь на нее (цель), была вынуждена выполнить крутой разворот, «просела» по высоте и устремилась на избранную жертву.

Позже, при анализе маневра, конструкторы-прочности придут в состояние бурного восторга: конструкция блестяще выдержала огромные перегрузки, возникшие при таком нештатном маневре, значительно превышающие расчетные значения. При подходе на малой высоте к цели потерявшая высоту ракета на огромной скорости коснулась гребней волн и, не выдержав удара, развалилась на отдельные фрагменты. Двигательная установка ракеты, как наиболее массивная часть ее конструкции, по инерции продолжала лететь по законам механики вперед, врзалась в ходовую рубку рыбного тральщика, доказав лишний раз, что на море прямая линия далеко не всегда самый короткий путь к цели. Погибли два человека, в том числе и капитан «рыбака», по чьей вине судно оказалось в опасной зоне, один из прямых виновников трагедии. Последствия могли быть и тяжелее. Если бы ракета не коснулась гребня волны, то последствия для тральщика могли быть просто катастрофическими. Прямое попадание в рыбный тральщик было гарантировано со всеми самыми тяжелыми последствиями. Капитан, по вине которого судно оказалось в опасной зоне, был не единственным виновником ЧП, но это особый разговор, который не входит в планы автора.

Были и другие случаи, при которых создавались предпосылки для ЧП, но которые не реализовывались в эти самые ЧП. Приведу пример. При стрельбах в условиях Полигона в интересах безопасности стрельбы полет ракеты ограничен как по боковому направлению, относительно плоскости стрельбы, так и по дальности. Для реализации ограничения по дальности на ней устанавливался самый обычный программный часовой механизм: пересекла ракета линию, ограничивающую опасную зону по дальности, что фиксируется по времени полета, — «будь добра, дорогая, самоликвидируйся!»

Все было гладко на бумаге, да забыли про овраги. Часовой механизм имеет дурную привычку ошибаться. Мы это знаем по собственному жизненному опыту, когда наши часы иногда показывают что угодно: погоду в Красноярске, курс акций на нью-йоркской фондовой бирже и т. д., но не точное время. При одном из пусков у этого самого ограничителя по дальности реализовалась ошибка механизма со знаком «—» (на отставание) и ракета без особых потрясений для себя пересекла линию, ограничивающую опасную зону по

дальности, не самоликвидировалась, а продолжала полет. Для ограничения по дальности и самоликвидации она по времени еще не дошла до этого рубежа. По вине оператора подводной лодки ракета захватила корабль обеспечения чистоты района, который находился впереди по курсу ракеты вне опасной зоны, и устремилась к нему с отнюдь не дружественными намерениями. К счастью, с опозданием, но все-таки сработал прибор ограничения и ракета, не добравшись до выбранной жертвы, самоликвидировалась без каких-либо последствий, если не считать нервного стресса у отдельных начальников на берегу, на командном пункте и командира корабля обеспечения. Предпосылка к тяжелым последствиям пуска возникла по вине прибора, ограничивающего дальность полета ракеты в условиях Полигона, а точнее, конструктора этого устройства и в какой-то степени оператора подводной лодки. На замену несовершенного прибора было разработано новое, более совершенное, созданное на иных принципах устройство.

Вспоминается в этой связи еще один пуск, довольно забавный, если не учитывать большие материальные потери. Производилась рядовая ракетная стрельба с вновь построенной заводом подводной лодки, сдаваемой флоту. В процессе управления полетом неопытный оператор подводной лодки ошибся в анализе радиолокационной обстановки на индикаторе визира и выдал команды «Выбор цели» и «Захват» преждевременно по ложной цели — острову Самба-Луда, который по закону подлости оказался в плоскости стрельбы, но гораздо ближе к подводной лодке по дальности, чем цель. Контролер не успел вмешаться в ошибочные действия молодого оператора. Крылатая красавица лихо щелкнула каблучками: «Есть!» и четко, не задумываясь, выполнила команды. В результате — прямое попадание, которым надо не гордиться, а стыдиться. Ракета «поразил» совсем маленький безобидный клочок земной тверди среди волн, гордо именуемый островом, вся вина которого состояла только в том, что он высунулся выше поверхности моря. (Впредь не высовывайся! Не то — знай наших!) К счастью, людей на этом острове не оказалось.

Бить или не бить?

Жить рядом с лесом, где водится зверь, боровая и водоплавающая птица, рядом с морем, реками, где еще водится морская, включая благородную семгу, и речная рыба, и не взять в руки ни разу в жизни охотничье ружье и рыболовные снасти — искушение не для нормального человека. Не избежало этого искушения большинство офицеров Полигона, коих судьба забросила в архангельскую глубинку.

Практически все офицеры в свободное от службы и работ время чем-то увлекались: одни — охотой, вторые — рыбалкой, третьи — «тихой» охотой. Некоторые ухитрялись заниматься двумя из трех видов хобби, а отдельные были вообще поражены всеми тремя видами этого недуга.

Удовлетворяя естественное любопытство и для общего развития, я принял участие во всех видах охоты, кроме лосиной. На лосиную облаву не ходил ни разу, так как, во-первых, я в душе не охотник, нет во мне охотничьего азарта. Во-вторых, и это основное, я принципиальный противник такого

жестокого убийства беззащитного зверя бандой организовавшихся и находящихся в предварительном сговоре людей, вооруженных цейсовскими, с «голубой» оптикой биноклями и современными боевыми карабинами. За что убивать этих гордых лесных красавцев? За несколько десятков килограммов мяса на всю кровожадную ораву? Да убитая красота во много раз дороже этих килограммов говядины! Правда, ее, красоту, не бросишь на шкворчащую сковородку и не закусишь ею стакан водки.

Почти все виды охоты, как правило, используют врожденное, инстинктивное поведение дичи в период, в момент, когда самец и самка ищут друг друга по зову природы, чтобы продолжить свой род. Так распорядилась природа. И за это самца, а часто — и самку убивать? Аморально. Это во-первых. А во-вторых, нарушается установившееся за тысячи лет равновесие в природе, из общей взаимосвязанной цепочки выбивается одно связующее звено. Дичи, даже в относительно глухих архангельских лесах, становится все меньше.

Единственный вид охоты, в коем можно с оговорками признать наличие элементов именно спортивной охоты, на мой взгляд, сугубо личный и не бесспорный, естественно, охота на току на глухаря. При этом виде охоты соревнуются человек и осторожная птица: кто кого перехитрит? Правда, и в этом случае стороны состязаются в разных весовых категориях. Перехитрит человек — глухарь платит за это жизнью. Перехитрит птица — человек рискует только тем, что покинет ток налегке, без добычи, нагруженный дополнительно байками об охотничьих трофеях, приключениях. Короче говоря, я считаю себя в отношении лесной дичи безоговорочным пацифистом и, будь моя воля, запретил бы все виды охоты в лесу на любую дичь круглый год. Без оговорок, без лазеек. И не надо слушать никакие лукавые объяснения, т. н. научные расчеты апологетов уничтожения фауны в наших лесах, целых звеньев в цепочке, именуемой природой.

На глухариной охоте привлекает больше не сама возможность завалить крупную птицу, а все, что предшествует этому роковому для птицы моменту.

Известно, что опытные охотники не разглашают координаты известного им тока. Новичок по неопытности, из-за жадности может очень быстро выбить ток, и тот прекратит свое существование. Навсегда.

Мой сослуживец и товарищ, страстный охотник Вениамин Николаевич Маслов узнал у местного охотника координаты устойчивого глухариного тока. Пару раз в качестве экскурсанта, как молодого спаниеля, которого натаскивает более опытный, бывалый, взяли они меня с собой. Базовый лагерь развернули в рыбацкой избушке на берегу озера Островистое. От него до тока всего 7—8 километров. Вечером посидели у костра. Когда совсем стемнело, один из охотников, Василий Яреньгин, продемонстрировал нам свой охотничий класс. Услышав металлические резкие и далеко слышные крики самца куропатки, он без манка, имитируя самку куропатки, подозвал к себе самца. Их диалог в переводе на русский язык выглядел примерно так:

Куропач: Я здесь, я здесь, откликнись, моя красавица.

Куропатка (в исполнении Василия): Иди сюда, милый, жду с нетерпением.

По голосу самца можно было определить, что он движется по снежной целине поверхности озера с противоположного его берега в нашем направлении, периодически напоминаая о себе:

— Бегу, бегу, иногда даже лечу к тебе, дорогая!

В ответ «самка»:

— Жду с нетерпением, но поторопись, другой самец может тебя опередить.

Так, мило переговариваясь, самец приблизился к «самке», но в последний момент почувствовал неладное: догорают головешки костра, голос «самки» какой-то подозрительный. Решил взлететь от греха подальше, но было поздно. Раздался выстрел человека, и самец, поддавшийся зову природы, за свою доверчивость поплатился жизнью.

В 1—1.30 ночи начали последний бросок к току. По лесу, то и дело проваливаясь по пояс в снег, а была ранняя весна, по болотам, за пару часов добрались до цели. Расположились на бугре, покрытом прошлогодней травкой, на котором снег уже съели весенние лучи солнца. Ток находился рядом, в 1—2 километрах, поэтому надо соблюдать полную тишину. Разговаривать нельзя, сидеть по возможности неподвижно, о курении и речи быть не может. Еще до того как забрезжили утренние сумерки, лес начал оживать. Заулюлюкали тетерева. Впечатление такое, что улюлюкает, а затем чуфыкает весь окружающий лес и очень близко. Но это ощущение обманчивое. Звуки разносятся ранним утром очень далеко. Вдалеке раздавались резкие металлические крики зайца: тоже токует! Сейчас он может стать легкой добычей хищника. Наконец, с началом рассвета заявил о своем присутствии глухарь. Вот раздались далекие щелчки, перерыв, опять щелчки, опять перерыв — глухарь проверяет, не крадется ли кто к нему. Если услышит что-то подозрительное во время перерывов между сериями щелчков, то раздастся тяжелое хлопанье крыльев и, был таков! — глухарь улетит. Сиди и жди, когда проявит себя другая птица. Если же глухарь убедится в своей полной безопасности, то жди долгожданную песню. Ради нее добирались до озера по лесу и болотам 18 километров. Вообще-то песня токующего глухаря совсем не песня в общепринятом смысле слова. Скорее она напоминает звук, который издается, если с силой тереть металл о металл. Песня то и дело прерывается: глухарь прислушивается, проверяет. Момент перерыва необходимо очень точно уловить и замереть на месте. В позе, иногда самой нелепой, экзотической, в которой застал момент перерыва в песне: стоишь, как изваяние, на одной ноге. Вторая застыла в воздухе, рука с ружьем нелепо откинута в сторону. Так и стой, не шелохнись, пока глухарь не продолжит свою брачную песню. За одно колено песни можно успеть сделать 2—3 резвых шага-прыжка. Очень действуют на нервы глухарки. Зафиксировал позу мима, стоишь, затаил дыхание, а они рядом в нескольких метрах, ничего не опасаясь (знают, что находятся под охраной закона!), бесцеремонно пробегают в траве. Так и хочется запустить чем-нибудь в ярко-пестрых невест, чтобы ненароком не демаскировали. В таких вот условиях надо подобраться к токующему глухарю на дальность надежного выстрела. Лучше — с его кормовых курсовых углов, так как токующий глухарь исполняет полную страсти любовную песню и ничего не слышит, а увидеть опасность перед собой в какой-то момент может.

Естественно, охотник находится в азарте; предел его мечтаний — верный выстрел, после которого на землю тяжело, с шумом, ломая ветки, падает глухарь, которому не повезло, его перехитрил человек. Как видим, состязание не в равных условиях. Глухарь рискует жизнью, а человек только настроением и репутацией бывалого охотника. Представьте себе дуэль, когда один дуэлянт держит в руках настоящий заряженный пистолет, а его противник — игрушечный или настоящий, но не заряженный, то есть так, как «планировалась» дуэль Печорина с Грушницким. Трудно представить? Но в дуэлях с братьями меньшими человек позволяет себе такие милые шутки.

Мне довелось однажды услышать, как падает глухарь после моего выстрела, но твердое убеждение в необходимости абсолютного запрета на все виды охоты повсеместно на всей территории от этого ничуть не поколебалось. Естественно, нельзя запретить промысловую охоту, а также охоту представителям некоторых малых народностей на Крайнем Севере, в тайге, чье существование традиционно зависит от ее результатов. Одновременно должна быть усилена борьба за экологию окружающей среды, чтобы свести к возможному минимуму ущерб, наносимый природе человеком.

Старожилы поселка Нёнокса рассказывали: на Сопке, где разместилось одно из испытательных подразделений Полигона, когда-то был большой глухариний ток. Сейчас там круглый год, за исключением зимы, «токуют» мощные ракеты. Наносится ущерб природе? Безусловно. Издержки испытаний неизбежны. Но, видимо, настало время, когда необходимо уже на этапе проектирования минимизировать ожидаемый ущерб, наносимый природе.

О других видах охоты, таких как облава на лося, самая распространенная — на водоплавающую дичь, и упоминать не хочется. Это — хладнокровное беспощадное уничтожение братьев наших меньших, инстинкт самосохранения которых не успевает за непрерывным совершенствованием «старшими братьями» средств поражения дичи бегающей, летающей, плавающей.

Хитрый рябчик

Как-то ранней осенью, во второй половине дня, а было воскресенье, решил сходить (сбегать, как говорят местные) на пару часов в лес, благо он начинается от порога дома. Сошел с бетонки — и ты в лесу. Прихватил ружье, сунул в карманы спортивной блузы десяток патронов и вышел из дома. Через час ходьбы за Черным ручьем наткнулся на полянку, сплошь усеянную красноголовыми красавцами-подосиновиками. Срезаешь один гриб, а сканирующими глазами удерживаешь в поле зрения еще пару. Вырезал всю поляну. Снял блузу, завязал рукава, получился мешок, куда сложил срезанные грибы. Побродил без особой цели по лесу. Осенний лес, пожалуй, самый красивый. Буйство красок, в основном красных и желтых тонов на земле и на деревьях, сухо, светит еще не зашедшее солнце, чистый прозрачный воздух, дышится легко, свободно. Настроение отличное, сразу на задний план отодвигаются дневные заботы, неприятности. Одним словом, отдыхаешь на лоне природы. Что может быть лучше! По пути попалась колония лисичек. Срезал и их. Импровизированный мешок наполнился, решил повернуть домой. Вдруг низко

над землей промелькнул «рябой» (рябчик) и взлетел невдалеке на дерево. В одной руке у меня блуза с отличными грибами, в другой — ружье.

Блузу с грибами быстренько положил под сосенку, чтобы не мешала, и в одной рубашке налегке побежал по перелеску за рябчиком. Он сидел на дереве и, выглядывая из-за ствола, хитро блестя глазами-бусинками, наблюдал за моими манипуляциями, будто что-то понимал. Только я оказался на дальности надежного выстрела, он свалился с дерева и, низко стелясь над землей, весело, как бы играючи, понесся от меня и невдалеке опять взлетел на дерево. Так повторялось много раз. Я за ним — он раз за разом от меня. В какой-то момент я не выдержал: когда рябой полетел к очередному дереву, вскинул на бегу ружье и навскидку, влёт выстрелил. В белый свет, как в копеечку! А рябчику ничего: забрался на дерево, выглядывает из-за ствола и кажется, укоризненно покачивает пестрой головкой: «Мазила ты, а не охотник!» Вынужден признать, он был недалеко от истины. Побегал я еще за этим летающим хитрюгой. Наконец у рябчика не выдержали нервы, надоела ему эта канитель и в очередной раз улетел он далеко в чашу леса. Остановился я, осмотрелся. Рябчик далеко, у меня в руках ружье, в нем один патрон. Блуза с грибами и патронами лежит где-то в лесу под деревом. Пошел искать. Долго бродил. Когда стемнело, все деревья стали одинаковыми, как кошки в темноте. Отчаявшись найти, решил двинуться в сторону дома. И в этот момент случайно наткнулся на ориентир — гладкий валун, рядом — сосна, а под ней куртка. Одна проблема решена. Теперь надо решить еще одну — выйти из леса. Уже совсем стемнело. Лес подступил вплотную. Небо давно затянуло тучами. Начал моросить мелкий нудный дождь. Долго бродил по лесу. Ориентиров никаких. Выручил меня свисток тепловоза на станции. Более или менее сориентировался. Вышел из ночного леса около двух часов ночи. Пришел домой. Никакой досады на хитрого рябчика не испытывал. Во-первых, он молодец, 1:0 в его пользу. А во-вторых, я получил за все свои злоключения компенсацию в виде крепких, как на подбор, красноголовых подосиновиков и нежных лисичек. Беспокоило только одно. Следующий день — рабочий. До «подъема» осталось три часа. Само собой, впоследствии я никому из настоящих охотников не рассказывал, как простая лесная птица запросто перехитрила, обвела вокруг пальца инженера высшей квалификации, кандидата технических наук: они бы хохотали до упаду, до колик в животе.

Две рыбалки

Как я уже упоминал выше, подавляющее большинство наших офицеров чем-то увлекалось. Кто-то каждое утро, как на работу, бежал на озеро Нижнее, на утреннюю зорьку, а потом быстро переодевался и спешил на службу. Кто-то был фанатом рыбалки. Все остальные занимались в свободное время «тихой» охотой. Среди рыбаков были специалисты по благородной, «царской» рыбе — семге. Она водилась около нашего побережья. Рядом впадает семужная речушка Сюзьма. Двое из этих специалистов, Соиреф Ефим Маркович и Кулагин Николай Николаевич, гласно и негласно соревновались между собой: кто больше поймает. Подполковник Кулагин Н. Н. с издевкой утверждал, что Ефим (то есть майор Соиреф) и иже с ним, прочие

«специалисты» по семге — рядовые дилетанты в этом вопросе по сравнению с ним. Кулагин предложил организовать под своим руководством постоянно действующий научный «семинар» на тему «Что такое семга и как ее ловить». Острил он не без оснований, был удачливым рыбаком. Начал с того, что тщательно изучил рельеф дна моря у нашего побережья, обнаружил проходы в подводных дюнах, ориентированные перпендикулярно кромке берега. В этих подводных проходах он и ловил сетями деликатесную рыбу.

Потом семужный ажиотаж под влиянием ряда причин, не последней из которых была резкая отрицательная реакция общественности поселка, затих, а вскоре эту лавочку (лов семги) вообще прикрыли. И без откровенного семужного браконьерства рыбалка в наших краях была неплохая. Особенно на озерах Островистое, Плоское, Круглое, Чертежное. Правда, надо было отшагать по лесу, болотам и прочему бездорожью 15—20 километров. Это в одну сторону. Зато что может быть красивее лесного озера! Лес, вплотную подступающий к воде, песчаные отмели, гладь озера, кристально чистый воздух, рыбацкая изба, костер, уха и т. д. Многокилометровый бросок по бездорожью от Нёноксы до озера оправдывает себя и обилием положительных эмоций, и процессом увлекательной рыбалки, и хорошим уловом.

Мы облюбовали озеро Островистое, где хорошо ловилась на жерлицу щука. Построили на берегу хороший дом на две комнаты с кухней и верандой. Рядом две лесные быстрые речушки, Верхняя Рёжма и Нижняя Рёжма, в кристально чистой воде которых специалисты с успехом ловили северную форель — кумжу, хариуса. А что может быть приятнее для рыбака, чем вытаскивать из быстрой воды осторожного, чуткого хариуса, кумжу, а из озера — стремительную, как ракета, разбойницу щуку!

Однажды осенью ко мне в гости приехал из Ленинграда наш общий с Вениамином Масловым друг, Михаил Николаевич Воробьев. Решили организовать для гостя из Питера необычную, экзотическую рыбалку. Вечером погрузили на грузовую машину лодку, острогу, автомобильную фару, аккумулятор и необходимую бытовую мелочь.

Втроем поднялись на машине вдоль реки Верховка до Куртяво, где когда-то был монастырь. Место монахи выбрали исключительно живописное, сухое, возвышенное. Сейчас на месте монастыря осталась часть сруба. Просто поразительно: мощные бревна сруба диаметром 800—850 миллиметров совершенно не тронуты червоточинной, тленом. Впечатление такое, что они уложены совсем недавно, а ведь им более 200 лет. Рядом находится целебный источник. К нему приходило много паломников, но с введением режима секретности и предельного ограничения доступа посторонних людей в этот район поток паломников резко иссяк, но не полностью. К источнику и сейчас ухитряются добраться отдельные богомольцы. Источник как бы состоит из собственно родника, бьющего из земли, и двух «бьефов»: верхнего и нижнего. Добравшись до источника, богомолец смачивает лицо, руки, набирает воду в принесенную с собой посуду в верхнем «бьефе». Затем, не снимая нижнего белья, купается в нижнем «бьефе», снимает с себя мокрое белье, развешивает его на окружающих деревьях. С веток снимает и надевает сухое белье, оставленное предшественниками, и, забрав с собой воду, отправляется в обратный путь. При подобном «хадже» местному паломнику необходимо преодолеть 25—35 километров бездорожья и просочиться через довольно

мелкую режимную сеть. С этого исторического места начиналась наша необычная рыбалка. Проверили снаряжение, аккумулятор, который, по закону подлости, оказался разряженным. Завели машину от штатного аккумулятора, заменили его на разряженный и отправили машину назад, в Нёноксу. Спустили на воду лодку. Дождались полной темноты и начали спускаться вниз по течению реки Верховка. Лодка, шурша, задевая ветки спустившихся к воде кустов, скользит по воде. Один из трех членов экспедиции, номер первый, стоит, как монументальная статуя первооткрывателя, на носу лодки с острогой в одной руке и включенной фарой — в другой. Лучом от фары он шарит в воде, около дна (глубина речушки небольшая). Как только в световое пятно попадает рыба, он должен удержать ее в световом пятне, подвести острогу и заострожить добычу. Второй номер сидит на корме и с помощью пропешки управляет движением лодки. Третий сидит на средней скамейке с ружьем в руках; на всякий случай, вдруг с воды из-под кустов взлетит что-нибудь водоплавающее или заскользит по воде ондатра. В основном он дремлет. И его основная задача — не шарахнуть спросонок из двух стволов по зашумевшим от порыва ветра или по другой причине кустам. За всю нашу «рыбалку» третий номер не сделал ни одного выстрела. Периодически номера меняются местами. Первый меняет острогу и фару на ружье, то есть отправляется дремать, третий берет в руки пропешку, а второй — острогу и фару. Так и спустились по реке всю ночь. Острога была небольшая, с четырьмя зубцами, чтобы не сильно калечить рыбу. Попадались в луч света небольшие щучки, налимы, изредка — хариусы. Наш гость Миша, азартный по характеру человек, по собственному желанию стоял с острогой на первом номере по две «смены» подряд. Из-за резкого движения пропешкой второго номера он дважды упал в лодку. Один раз, развеселив всю экспедицию, упал в воду. Ничего страшного, конечно: глубина небольшая, вода не очень холодная. Но обстановку однообразия и уныния от хилого «улова» разрядил, развеселил на несколько минут весь наш экипаж.

К утру спустились до озера Нижнее, которое раскинулось между Сопкой и Нёноксой. Усталые, невыспавшиеся и, конечно, голодные заявили домой, когда уже рассвело. «Улов» был небольшой: несколько небольших щук, налимов, хариусов, на две хорошие ухи, если добавить ершей. Валя открыла дверь, посмотрела наш «улов», ехидно улыбнулась и позвала нас всех троих в ванную комнату: «А теперь посмотрите на мой улов, на него я вчера вечером потратила 15 минут». Заинтригованные, вошли в ванную: в ванне лежали, блестя серебром чешуи, две красавицы семги на 5 и 6 кг весом и горка на 2—3 кг наваги. Оказывается, накануне вечером в квартиру позвонил местный рыбак из Нёноксы и предложил купить жене у него 2 семги: ему заказали его знакомые из соседнего подъезда, а дома их нет, хотя они и договорились о времени встречи. Ждать он не может, так как не хочет туда-сюда таскать рюкзак, да и выпить хочется, просто невтерпех. Жена согласилась. Отдала ему деньги, сдачи у того не оказалось. Рыбак нашелся: вывалил на «сдачу» из вещмешка навагу.

Короче говоря, мы вдвоем со своим жалким уловом, на который потратили всю ночь, сидя в лодке, были посрамлены: за ночь вдвоем поймали 2,5 кг, а жена за 15 минут, не выходя из квартиры, столько «поймала»! Да и семга — не чета нашим щучкам, налимам и редким хариусам. Между прочим

и «сдача» — навага — рыба хорошая. Костей почти нет, а те, что есть, — по существу хрящи. Для хорошей ухи надо еще наловить ершей, которые водятся в подводной яме у подвешного моста через речку Нёнокса. Любители-специалисты за час-полтора удочкой надергивали там с сотню этих колючих, слизистых и непрехотливых, но незаменимых для ухи рыбешек.

Через пару дней мы сидели втроем на кухне, перед нами стояло блюдо с кусками розовой, блестящей, с капельками жира на срезе семги, которую жена посолила в тузлуке. Естественно, была и бутылка, даже две, по-моему. Все ели и нахваливали семгу: нежная, жирная, вкусная. Наш гость Миша тоже вместе со всеми хвалил семгу, но налегал на докторскую колбасу: видимо, не привык в Ленинграде к царскому деликатесу такими ломтями!

Михаил Николаевич вообще был большим оригиналом в части, касающейся выпивки и закуски. Так, например, в 1964 году наша академическая компания сидела в ресторане «Москва» на Невском проспекте в Ленинграде, в том числе и Михаил Николаевич. Обмывали мою защиту кандидатской диссертации. На столе стояли бутылки с армянским и грузинским коньяком, тарелочки с лоснящейся от жира на косом срезе осетриной, нежно-розовыми крабами и прочими деликатесами. Михаил Николаевич подозвал официанта, заказал и поставил возле себя запотевшую бутылку «столичной» и тарелочку с сервелатом. Весь вечер пил из «своей» персональной бутылки и закусывал сервелатом...

В самый разгар испытаний крылатой ракеты мы узнали, что в Москве, в верхах, наконец-то принято окончательное решение о проведении испытаний новейшей баллистической ракеты, разработанной конструкторским бюро Главного конструктора Макеева Виктора Петровича, у нас на морском Полигоне. Предыдущий комплекс В. П. Макеева испытывался на армейском полигоне, где начальником был генерал-полковник Вознюк Василий Иванович.

О Макееве мы знали очень мало, но то, что знали, создавало образ мифической фигуры, окруженной легендами и просто небылицами. Теперь нам предстояло в ближайшие несколько лет работать в тесном деловом контакте с ним и его «командой». Это ко многому обязывало и очень не хотелось нам, как Полигону, морскому Полигону, ударить лицом в грязь. Кроме того, было ясно, что испытания новейшего, очень нужного нашей стране ракетного комплекса, привлекут к себе внимание руководителей нашей страны самого высокого ранга. Полигон начал готовиться к важной, ответственной работе, в том числе и к достойному гостеприимным традиций флота приему высокопоставленных гостей.

Так училась летать морская баллистическая стратегическая ракета с подводным стартом

Моя первая встреча с Виктором Петровичем Макеевым состоялась довольно неожиданно и сопровождалась несколько необычными обстоятельствами.

Утром в начале рабочего дня из Северодвинска позвонил оперативный дежурный (ОД) Полигона и передал приказание командира контр-адмирала

Новикова Евгения Дмитриевича: «В 12.00 из Северодвинска в Нёноксу на командирской матрисе (она представляла собой дрезину, но в форме вагончика, переоборудованного внутри: авиационные кресла, столики, занавески на окнах, ковровые дорожки и т. д.) к вам в Нёноксу (то есть в нашу часть, а я был в то время ее командиром) выезжают Чуйков, Макеев и сопровождающие их лица, всего 9 человек, встречайте». Уточняю: «Какой Чуйков? Маршал? Если да, то какая цель его приезда, он к нам никакого отношения не имеет?» В ответ: «Я сказал все, что мне приказали. Вы знаете больше меня». События начали развиваться почти по сюжету, прекрасно описанному в рассказе — военно-морской байке «Маршал Чойболсан» А. Покровским. Кстати, за время службы я слышал этот шедевр военно-морской травли (ВМТ) от нескольких офицеров, и каждый из них начинал повествование с того, что сии события произошли на их флоте.

В описываемом случае события не зашли так далеко, как у Покровского. Все было проще.

Собрал офицеров, проинструктировал по вопросам встречи прославленного Маршала Советского Союза. Каждому была поставлена конкретная задача. Фигура Макеева как-то незаметно отошла на второй план. Матриса прошла поселок Солза, то есть половину пути, когда я, удивленный тем, что Новиков передал приказание о приезде такого начальника не лично, а через ОД, решил уточнить и позвонил Новикову. В ответ услышал насмешливый голос:

«Что-то вы с ОД все перепутали. Едет Чуйков, но не маршал, а капитан 2 ранга — офицер отдела баллистических ракет от Сычева — начальника ракетно-артиллерийского вооружения (УРАВ) ВМФ. Но если вы наводите порядок, то продолжайте, дело это хорошее. Хотя порядок должен быть всегда, не только к приезду маршала».

После такой хорошей новости внес коррективы в мероприятия по встрече маршала. В сторону резкого их сокращения, разумеется.

Вскоре к Нёноксе резво подкатила свежепокрашенная, аккуратненькая матрица. Из нее вышел на «перрон» Главный конструктор Виктор Петрович Макеев, через несколько лет получивший ранг Генерального. Среднего роста, даже невысокий, плотно скроенный, симпатичный. Честно говоря, ожидал увидеть высокого, под стать своему начальнику министру общего машиностроения Сергею Александровичу Афанасьеву и его заместителю Николаю Дмитриевичу Хохлову, высокомерного баловня судьбы, с иконостасом во всю грудь. Передо мной стоял, мягко, дружелюбно улыбаясь, обычный, сразу располагающий к себе человек, одетый в простой, хорошо, по фигуре сшитый и тщательно отутюженный серый костюм (Виктор Петрович в одежде любил серые тона), на котором сверкал красной эмалью продолговатый, в виде флажка значок депутата Верховного Совета СССР. С первого взгляда поражало в нем необыкновенное внешнее сходство с Генеральным конструктором Сергеем Павловичем Королевым, которого, конечно же, все мы хорошо знали по фотографиям. Красиво посаженная крупная голова со слегка вьющимися волосами, подернутыми пеплом благородной седины. Высокий, сократовского типа с залысинами лоб. И улыбка... Кто-то очень точно сказал: «Существо человека определяет его улыбка, смех». Улыбка Макеева — располагающая к себе, доброжелательная, как бы поощряющая на разговор,

откровенность, а в глазах блестит задором ироничная смешинка. За всем этим чувствовалась твердость, хорошее упрямство, сила воли и деловитость руководителя большого масштаба.

Расселись по машинам и, не откладывая в долгий ящик, объехали с целью первого знакомства места, где предполагалось развернуть объекты для проведения и обеспечения предстоящих испытаний. Более подробное и предметное ознакомление с ходом подготовки Полигона к испытаниям состоялось на следующий день, когда приехали начальник УРАВ ВМФ вице-адмирал Сычев Вениамин Андреевич, начальник Полигона контр-адмирал Новиков Евгений Дмитриевич, группа офицеров-строителей, представители организаций-смежников КБМ в создании комплекса.

В общем, впечатление о Викторе Петровиче после первого знакомства сложилось очень хорошее, самое благоприятное. А первое впечатление, как известно, самое верное.

Нам на Полигоне уже были известны некоторые из трудностей, с которыми встретилось КБМ, его Главный конструктор в процессе создания новейшей баллистической ракеты для ВМФ, стартующей с атомной подводной лодки, движущейся в подводном положении.

Идея вооружения подводных лодок баллистическими ракетами зародилась в нашей стране в 1952—1953 годах, а уже 3 февраля 1955 года состоялось решение Совета министров о проведении исследовательских работ в области подводного старта баллистических ракет.

По заказу ВМФ ОКБ-1 под руководством Генерального конструктора Сергея Павловича Королева была создана баллистическая ракета Р-11ФМ, первый пуск которой состоялся из надводного положения подводной лодки Б-67 проекта В-611 16 сентября 1955 года, а 10 сентября 1960 года модернизированная в ОКБ-1 ракета Р-11ФМ впервые в мире стартовала из подводного положения подводной лодки Б-67 проекта АВ-611. Именно этим стартом была открыта эра баллистического ракетного оружия с ракетами, стартующими с подводных лодок, движущихся в подводном положении, и заложены основы каркаса морского ядерного щита нашей страны.

Первый старт, как первая ласточка, доказал принципиальную возможность старта из-под воды, он был громоздким, сложным и совершенно непригодным для боевого использования подводных лодок ВМФ, учитывая бурное развитие их тактико-технических характеристик.

Современное состояние средств противолодочной обороны настоятельно требовало организации старта баллистических ракет из подводного положения современных подводных лодок. В противном случае, по оценкам специалистов, с вероятностью, близкой к единице, подводная лодка обречена на гибель. С высокой вероятностью — вместе с оставшимся боезапасом на борту. Это было прекрасно известно специалистам НИИ ВМФ, авторам Технического задания на разработку нового комплекса. Отлично понимал и В. П. Макеев, что имеют право на существование и перспективны только ракетные комплексы с ракетами, стартующими из подводного положения движущихся современных подводных лодок.

Вообще перед КБМ в процессе проработки и разработки нового комплекса возникло много проблем, вопросов. Если на вопрос «Каким быть старту, надводному или подводному?» ответ был предельно однозначным: «Только

подводный, с движущейся на глубине подводной лодки», то на другие так сразу, категорично ответить было нельзя.

Попытаемся сформулировать некоторые из них, наиболее очевидные.

1. Каким быть старту: из «сухой» шахты (т. н. «сухой» старт) или из затопленной («мокрый» старт)? Симпатии американских конструкторов были на стороне «сухого» старта. После тщательного анализа, многочисленных экспериментов в КБМ В. П. Макеев отдал предпочтение старту из затопленной шахты.

2. Какой двигатель должен быть на ракете, жидкостный (ЖРД) или твердотопливный (РДТТ)?

Американские специалисты обогнали наших в создании твердотопливных двигателей (состав смесового топлива, технология заливки, контроль целостности топливного заряда). Наши же конструкторы (Алексей Михайлович Исаев в первую очередь) опережали их в области ЖРД (высокие параметры газа в камере сгорания, жаропрочность камер сгорания и т. д.).

Макеев В. П. и Исаев А. М., имея богатый опыт создания ракет с ЖРД, остановились на этом типе двигателя.

3. Как повлияют условия подводного старта на тактико-технические характеристики ракеты (на ее вес, дальность полета)?

В КБМ проведен огромный объем теоретической и экспериментальной исследовательской работы, проведена серия испытаний в гидродинамической лаборатории ЦАГИ им. Жуковского. Для физического моделирования условий подводного старта в КБМ была создана гидродинамическая лаборатория с вертикальным бассейном и движением модели шахты ПЛ.

4. Как обеспечить заданную точность падения головных частей, в пределах заданного, допустимого квадрата?

В США высокая точность стрельбы баллистическими ракетами с подводных лодок обеспечивается инерциальными навигационными системами на борту лодки и ракеты.

Наши инерциальные системы уступали американским по точностным, весовым и габаритным характеристикам. КБМ со смежниками пошло по принципиально новому пути — установке на борту ракеты впервые в мире системы астрокоррекции. Первоначально — азимутальной, с решением астрономической задачи по одному светилу, позволяющей скомпенсировать ошибку наведения ракеты в горизонтальной плоскости, возникающую за счет ошибки навигационного комплекса лодки. Позже была реализована полная астрокоррекция, позволяющая скорректировать отклонение точки падения головной части от точки прицеливания за счет ошибки места лодки в момент старта, то есть решается классическая штурманская задача обсервации своего места в море астрономическим методом по двум светилам.

При этом в стремлении повысить боевую эффективность вновь создаваемой ракеты не в последнюю очередь проектировщики руководствовались следующим соображением: если повысить мощность боевого заряда головной части (ГЧ) ракеты в два раза, то поражающий эффект ГЧ возрастет на 40 %, а при повышении точности падения в те же два раза ее поражающая способность увеличивается на 400 %. Кроме того, в проектируемую систему управления (СУ) новейшего ракетного комплекса был заложен принцип — «нажал кнопку и забыл», то есть предполагалось, что все необходимые

техпроцессы СУ выполнит самостоятельно, без участия человека. И даже замыкание цепи старта производится СУ автоматически в момент времени, необходимый для системы астрокоррекции, в интересах точности ее работы.

С целью существенного сокращения количества натурных испытаний (пусков) за счет более тщательной наземной отработки систем ракеты в КБМ был создан оригинальный и эффективный комплексно-моделирующий стенд (КМС). КМС — сочетание натурных блоков, устройств (рулевые исполнительные органы, астровизир и т. д.) и электронно-вычислительной машины, которая моделирует условия старта, внешние факторы. Основная заслуга в разработке и создании КМС принадлежит в первую очередь талантливому ракетчику-комплекснику Лейбу Мееровичу Косому.

Разумеется, подобных задач и проблем перед разработчиком возникло великое множество.

Для уменьшения отклонения точки падения головной части от точки прицеливания по дальности за счет случайного разброса импульса последствия тяги (относительно расчетного значения) после ее отсечки в КБМ была разработана и реализована простая (относительно, конечно!) и весьма оригинальная система парирования разброса импульса последствия тяги.

Еще одна проблема возникла позже, уже во время летных испытаний. После одного неуспешного пуска анализом была установлена причина — механическое повреждение одной из рулевых тяг, находящихся на днище ракеты. Присутствовавший на Полигоне во время пуска Главный конструктор двигателя установки легендарный Алексей Михайлович Исаев со своими специалистами поставил «диагноз»: «виновник» аварии — крупный фрагмент заглушки, герметизирующей двигатель от воды, находящейся в шахте. С запуском двигателя заглушка, по замыслу конструкторов, должна разрушаться на мелкие элементы. Но вот не разрушилась на мелкие. Достаточно крупные фрагменты после запуска двигателя летали и металась в замкнутом объеме ракетного пространства, как булыжники в огненном аду. Располагая большой кинетической энергией (за счет большой скорости), в своем хаотическом движении они стремились сокрушить, покалечить все на своем пути. Не делали они исключения и для рулевых приводов. За разработку мероприятий по устранению причины аварийного пуска засели сами главные конструкторы А. М. Исаев и В. П. Макеев, которые, почти как всегда, при пуске были на Полигоне. Решили — нужны заглушки новой конструкции. А. М. Исаев за одну ночь разработал новую конструкцию заглушек. Утром по телефону ВЧ-ПС передал к себе на фирму все исходные данные для конструкторов. Через двое суток несколько заглушек новой конструкции были доставлены на место (самолетом — до Архангельска, далее до Нёноксы — вертолетом). Задержка очередного пуска была минимальной. Очередной пуск прошел успешно. Алексей Михайлович собрал чемодан, сказал: «Я израсходовал весь запас лекарств, поеду, заправлюсь новой дозой» — и улетел в Москву. Он был очень большим человеком.

Автор не ставил перед собой задачи даже просто перечислить, сформулировать проблемы и задачи, стоявшие перед КБМ, Макеевым при создании нового ракетного комплекса. Да это ему и не по силам.

У Макеева было практически незыблемое правило — быть на Полигоне при подготовке пуска и на самом пуске, чтобы принимать оперативные

решения в случае каких-то задержек, неувязок. Сказывалась школа Королева. При подготовке одного из пусков произошла досадная задержка. На стартовую позицию доставили ракету для очередного пуска. Только все подготовили к погрузке, как обнаружили: в ящике комплектующих изделий отсутствует небольшая, простейшая по конструкции деталь весом 800 граммов — фиксирующий штырь колодки слепой стыковки. Изготовить в цехе части или в ремонтном поезде? Нет проблем. Но нет легированной стали необходимого ГОСТа. Макеев на месте и принимает на первый взгляд странное решение: доставить штатный штырь из Красноярска. Поездом — долго, 5—6 суток, как минимум. По указанию Макеева самолет Ил-18, арендуемый КБМ в Киеве, срочно направляется из Киева (порожняком!) в Красноярск (завод-изготовитель ракеты и штыря в том числе), нарочный от КМЗ (Красноярский машиностроительный завод) с несколькими штырями в чемоданчике встречает самолет в аэропорту, грузится вместе с чемоданчиком, в котором лежит несколько штатных штырей, и летит в Архангельск. Там, в аэропорту Талаги, штыри с сопровождающим перегружаются в вызванный из Лахты военный вертолет, обеспечивающий испытания Полигона, и доставляются к месту испытаний. Вся эта операция по доставке заняла 30 часов. На первый взгляд расточительно, дорого. Отнюдь. Если только посчитать, то окажется: только затраты на тридцатичасовое содержание всех командированных в Нёноксу участников испытаний во много раз превысят расходы на доставку этого злополучного штыря воздушным путем.

Аналогичный эпизод вспоминает Л. Запольский в цитируемой выше книге «Ракеты стартуют с моря», когда гораздо раньше, при подготовке к старту ракеты Р-11ФМ с подводной лодки, вышел из строя трансформатор блока питания бортовых гироскопических приборов. С. П. Королев принял оперативные меры, и через сутки подводная лодка вышла в море на стрельбу.

Талантливый ученик Макеев оказался достоин своего Учителя Королева!

Успешно преодолев целый комплекс трудностей, проблем, связанных с подводным стартом, в том числе и те несколько, не самых сложных и принципиальных, что очень схематично упомянуты выше, КБМ Макеева создало и представило заказчику — Военно-морскому флоту принципиально новый современный очередного поколения ракетный комплекс с баллистической ракетой дальнего действия (БРДД), стартующей с атомных подводных лодок, движущихся в подводном положении. В случае принятия на вооружение новейшего ракетного комплекса подводные лодки в условиях войны будут способны решать оперативные и стратегические задачи, поражая объекты противника в глубине его территории, важные промышленные, административные и политические центры. Из любой точки Мирового океана. Недостаток звено нашей триады ракетно-ядерных вооружений становится на свое законное место, и наша страна делает решающий шаг к достижению паритета с США в ракетно-ядерных вооружениях. Но до этого еще много месяцев тяжелой работы, без выходных и праздников, много потрепанных нервов, стрессов, затраченных сил и здоровья. Одним словом, еще предстоит испытания комплекса. Только они, их положительные результаты, могут включить зеленый свет, открывая столбовую дорожку новейшему ракетному комплексу на новейших подводных лодках. А пока...

Начались испытания двух таких разных ракетных комплексов: «крылатого» и «баллистического», параллельно. На первых порах было много трудностей, были трения. «Крылатчики» обосновались на Полигоне сравнительно давно, основательно и чувствовали себя хозяевами положения. Не так просто было потревожить их с насиженных за много лет работы мест. В то же время бытовые возможности, и в первую очередь возможности гостиниц, столовой были весьма ограничены, а ущемлять не хотелось ни тех ни других. Кроме того, каждый пуск баллистической ракеты предварялся эвакуацией из района пуска всех, кто непосредственно не связан с пуском. А это вызывало недовольство, ворчание «крылатчиков», которые на время эвакуации были вынуждены прекращать свои работы и терять такие дорогие при испытаниях часы.

Две экспедиции очень ревниво относились к успехам (и неудачам) друг друга. Если успех второй стороны переносился молчаливо, с некоторой завистью, то неудача вызывала реакцию (не злорадство!) в стихотворной форме. Оказалось, что среди участников испытаний с той и другой стороны немало непризнанных специалистов в области изящной словесности. Так, например, один из пусков баллистической ракеты закончился неудачей, не прошла команда на отделение первой ступени и ракета упала в море, в районе острова Колгуев. Поэты-самоучки от «крылатчиков» отреагировали мгновенно. Через несколько часов после пуска среди участников работ из уст в уста передавалось двусутишье, повествующее якобы от имени макеевцев (литературный прием!):

Мы ракету уронили у острова Колгуева,
Ну и пусть лежит на дне железяка х...ва.

В первый момент Виктор Петрович Макеев воспринял этот выпад соперников вполне серьезно: ругался в своем кругу, в том числе и нецензурно, хотя позволял себе это крайне редко, возмущался, говорил, что это не джентльменское поведение. У него и без этих издевательских стихов было тошно на душе. Потом чувство здорового юмора, присущее складу характера Макеева, взяло верх и он вместе со всеми хохотал, воздавая должное псевдопоэтическим изыскам челомеевской команды. Экспедиция Макеева не оставалась в долгу, когда неудача постигала «крылатчиков». Работа у тех и других шла с переменным успехом, так что поводов и тем для пикировки, словесной дуэли устами доморощенных поэтов с московской и миасской пропиской было вполне достаточно. Фольклор во время испытаний процветал. Поклонники лирической и любовной поэзии скромно оставались в тени. Когда начальник отдела испытаний крылатых ракет Полигона А. А. Шелест, череп которого был голым и блестящим, как голенище усердно надраенного хромового сапога, с жаром взялся изучать влияние мощной струи газа из сопла работающего стартового агрегата при старте ракеты на корабельную надстройку, появилась короткая, хлесткая эпиграмма:

Один старый, лысый х...
Изучал влиянье струй.
Оказалось, что струя
Не влияет ни ...я!

Разумеется, фольклорные, не всегда изящные, вирши не спутаешь с настоящими стихами настоящих поэтов, но они вносили некоторое разнообразие в повседневную жизнь людей, веселили, поднимали жизненный тонус. Тем более и настоящие, признанные, даже великие поэты, например Пушкин, любили иногда похулиганить с помощью рифм. Эти же так называемые стихи нигде не опубликованы, но, скорее всего, они сохранились в записи, в памяти у самих авторов, их друзей, поклонников. Возможно, найдется энтузиаст — исследователь прикладной поэзии, который напишет роман об испытаниях, проводимых в Нёноксе, в форме стихов. Можно порыться в памяти и восстановить немало стихов, родившихся в муках творчества во время испытаний, но пусть это будет совершенно самостоятельной темой.

Феодосия, художник Айвазовский и композитор Вагнер

С началом подготовки Полигона к натурным испытаниям баллистических ракет нового ракетного комплекса я отправился в командировку в Севастополь, близ которого на живописном, возвышенном берегу мыса Фиолент проводились бросковые испытания ракет из-под воды с притапливаемого стенда. Вместе со мной были начальник отдела наземного оборудования подполковник Кривомаз Юрий Павлович, на которого возлагались все вопросы, связанные с заправкой ракеты компонентами топлива, и начальник отдела испытаний баллистических ракет с наземных стендов капитан 2 ранга-инженер Маслов Вениамин Николаевич. Цель командировки — ознакомление с организацией обеспечения безопасности при заправке ракеты, транспортировке и т. д. Дело в том, что в соответствии с конструкторской документацией ракета поступает с завода-изготовителя в эксплуатирующие подразделения ВМФ в заправленном, ампулизированном состоянии. В период испытаний комплекса заправку и ампулизацию ракет со всеми возможными, в том числе и неприятными, последствиями предполагалось проводить в условиях Полигона на этапе подготовки ракеты к пуску.

Нам, командированным с Полигона ВМФ офицерам, как принимающим эстафету испытаний была предоставлена неограниченная возможность изучить опыт фиолентовских коллег. Результаты командировки оказались выше ожидаемых. Этому способствовала и большая помощь, которую оказал нам присутствующий на испытаниях начальник Управления боевой подготовки (УБП) Черноморского флота, бывший командир крейсера «Чапая» контр-адмирал Громов Гавриил Алексеевич, уже упоминавшийся автором.

С бросковым пуском нам, правда, немного не повезло. Стенд с бросковым макетом ракеты был успешно притопплен на глубину около 30 метров. Без замечаний прошли предстартовые проверки и подготовка всех систем, обеспечивающих испытательный пуск. Наконец прозвучала тревога, долгожданный «Ноль!» отсчета, и ракета через несколько секунд с ревом покинула зеркальную гладь «самого синего в мире», но сразу же начала терять устойчивость по углу тангажа, быстро завалилась и взорвалась. Взрыв получился небольшой, почти беззвучный, напоминающий хлопок, но опасность для участников испытаний представляло ядовитое облако, образовавшееся при взрыве. Штатные участники испытаний, фиолентовские «аборигены»,

быстро нырнули в противогазы и стали спокойно ожидать, когда пройдет облако. Мы же, не укомплектованные этим чудом техники, без особых иллюзий на успех резво укрылись в складку местности — неглубокую ложбину, которая прорезала берег и спускалась к морю, становясь глубже по мере спуска. К счастью, убедиться в эффективности своего укрытия нам не пришлось. За 300—400 метров до нашего укрытия облако изменило курс и двинулось в северо-западном направлении, оставляя Севастополь справа, и вскоре рассеялось. Из этого, в общем-то, незначительного эпизода мы сделали серьезный вывод. При испытаниях ракет, объектов очень высокой опасности для окружающих в вопросах обеспечения безопасности мелочей нет, все должно быть предусмотрено заранее и выполнено скрупулезно, педантично, без малейших отступлений.

Находясь в Севастополе, я просто не мог не воспользоваться предоставившейся возможностью и не съездить в Феодосию в музей Айвазовского. В годы учебы в академии я проходил учебную практику после второго курса на полигоне Черноморского флота, что располагался в Песчаной балке, недалеко от Феодосии. Кстати, там, где были установлены кинофототеодолиты (КФТ), находится лучший пляж Черноморского побережья бывшего СССР (включая и знаменитый Золотой феодосийский). Вместо песка на нем — мельчайшая золотистая перламутровая ракушка. Искупаешься в обществе бесчисленного множества медуз, вываливаешься в песке-ракушечнике, полежишь 5—7 минут под солнцем, а затем встанешь, отряхнешься как собака, вылезшая из воды, и тело абсолютно чистое, сухое. До депортации крымских татар здесь размещался татарский пионерский лагерь.

Несколько раз смог съездить в Феодосию, сходил в знаменитую Феодосийскую картинную галерею Айвазовского (ФКГА), где разместилось, пожалуй, самое большое (400 единиц) собрание произведений великого русского мариниста. Точнее — российского, ибо отец художника Константин Гайвазовский был по национальности армянином, а мать — красавицей-армянкой, и при рождении третьего сына, будущего художника, родители нарекли его армянским именем Ованес.

Когдаходишь в Феодосийскую галерею, перед глазами возникает огромное полотно «Среди волн». Эта картина по оценке специалистов является выдающимся шедевром из богатейшего наследия Ивана Константиновича, синтезом всего его творчества. Взглянешь на картину «Среди волн» и так хочется сбросить с себя все и окунуться в бирюзовую прохладную воду, освежиться, но волна на переднем плане картины и небо на заднем предупреждают: осторожно, на море еще не стих шторм!

На том же этаже слева висит огромное, во всю стену полотно «Жизнь», представляющее собой аллегорическую по своему характеру картину и являющуюся, по-видимому, плодом раздумий автора.

На полотне изображена жизнь человека, любовь в сложных перипетиях Судьбы, в борьбе с темными силами, в конечном счете — величие, вечность, бессмертие жизни, любви. Эта незамысловатая по сюжету, но выполненная кистью Мастера картина всегда ассоциировалась в моем сознании с музыкой «Траурного марша на смерть Зигфрида» из оперы «Гибель богов» («Сумерки богов», «Закат богов») тетралогии другого большого Мастера, маэстро Р. Вагнера, «Кольцо нибелунга». «Траурный марш...» — величественная

эпитафия герою, в выразительных музыкальных образах повествующая о жизни, любви и гибели юного Зигфрида в неравной борьбе с коварными, злыми, темными силами.

Вопреки поговорке про первый блин

Нам, офицерам Полигона, очень нравился стиль работы членов экспедиции Макеева. Высокий профессионализм, деловитость и полная самоотдача, самоотверженность, когда этого требовала работа.

Лучшей наградой за труд большого коллектива стал первый пуск. Вопреки известной поговорке первый блин оказался не комом, а большим успехом. После тщательной, скрупулезной подготовки — полный успех. Ракета пришла на боевое поле «Кура» (на Камчатке, близ Елизово). Данные привязки точки падения — в пределах заданных Техническим заданием. После доклада с Камчатки о привязке точки падения головной части В. П. Макеев и председатель госкомиссии Е. Д. Новиков в окружении замов и помощников быстро переместились со стартовой позиции в гостиницу, в «люкс», где жил Макеев. Он сел за телефон ВЧ-ПС и попытался выйти на квартиру Л. И. Брежнева, но Генсека дома не оказалось, он был на даче. Виктор Петрович позвонил Д. Ф. Устинову, доложил о результатах долгожданного пуска. Устинов поздравил с успехом, поблагодарил Макеева и всех участников испытаний от своего имени и от имени Брежнева. Затем мы перешли в гостиницу, где жил Е. Д. Новиков. Здесь все было готово к банкету на скорую руку в узком кругу. Все пошло по обычному сценарию, разработанному для подобных ситуаций. Тосты, поздравления, шутки, остроты. После напряженной работы, волнений наступила неизбежная разрядка... В «люксе» стоял радостный неумолчный гул. Вино, как говорится, лилось рекой, дым стоял коромыслом. Среди присутствующих на пуске был первый заместитель ГК ВМФ Герой Советского Союза, бывший командующий Северным и Балтийским флотами адмирал Касатонов Владимир Афанасьевич и вместе с ним еще один высокопоставленный адмирал, кажется, из Генерального штаба МО. Занимаемую им должность и фамилию не помню, так как он был у нас один-единственный раз. Для удобства изложения назовем его условно адмирал С. Он очень нервничал, спешил, ему надо было срочно быть в Северодвинске. Евгений Дмитриевич Новиков как радушный хозяин его удерживал, а делать это он умел прекрасно. То предложит тост за Военно-морской флот, то за «ваших львят и вашу львицу». Нагрузка, учитывая возраст адмирала С., нервное напряжение, связанное с первым пуском, оказались выше его сил. Он приказал мне вызвать вертолет, что и было немедленно выполнено. Через 15—20 минут оперативный дежурный доложил начальнику полигона: вертолет вылетел из Лахты (там базировался приданный Полигону авиаполк), а еще через 30 минут вертолет сел на бетонную площадку рядом с частью.

Выбрав удобный момент между тостами, я доложил адмиралу С. о выполнении его приказа. Он громко объявил, что очень спешит, вынужден с большим сожалением покинуть «съезд победителей», в связи с чем принесит свои искренние извинения и еще раз поздравляет всех участников пуска ракеты с успехом, будучи уверенным, что он первый, но не последний.

Некоторые из участников банкета вызвались проводить адмирала, которого с двух сторон поддерживали два прибывших с ним офицера, так как С. не очень уверенно удерживался в строго вертикальном положении.

Не доходя метров 50 до КПП-6, за которым находилась вертолетная площадка, я понял, что адмиралу с двумя поддерживающими его офицерами не пройти через «вертушку» проходной, и приказал дежурному по КПП открыть ворота. Все вышли за территорию части. Адмирал взглянул на вертолетную площадку, где стоял вертолет, и сделал мне неожиданное замечание:

— Командир! Я приказал вызвать один вертолет. А вы вызвали зачем-то два. Один отправить назад в Северодвинск.

Смотрю на площадку — стоит один вертолет. Какая-то чертовщина! Спокойно докладываю:

— По вашему приказанию прибыл один вертолет.

Тот обрывает меня:

— Прибыло два, один отправить назад!

Адмирал начинает злиться — не привык, чтобы ему возражали.

Спорить, тем более возражать, бесполезно и даже небезопасно, еще схлопочешь неприятности. Ведь среди военных есть шутка: «Дисциплинарный устав Вооруженных Сил можно свести к двум статьям:

Статья 1. Начальник всегда прав.

Статья 2. Если начальник не прав, то руководствоваться статьей 1».

Поэтому последовало:

— Есть, товарищ адмирал! Один вертолет будет отправлен в Северодвинск!

Подходим ближе к вертолетной площадке. Адмирал посмотрел на вертолет и стоящий у его трапа экипаж. Обращаясь ко мне:

— Все правильно, один вертолет. Вы четко выполнили мое приказание.

Он попрощался с проводившими его, принял рапорт командира экипажа вертолета, не без помощи офицеров поднялся по трапу.

Минут через 30—35 оперативный дежурный Полигона доложил: «Вертолет прибыл в Северодвинск, адмирала встретили, сейчас он находится в кабинете начальника Полигона, проводит назначенное им совещание».

А мы вернулись назад в гостиницу. Е. Д. Новиков и В. П. Макеев назначили на 10.00 следующего дня заседание Государственной комиссии по результатам проведенного пуска. Все разошлись по рабочим местам — надо подготовить материалы к предстоящему заседанию Госкомиссии.

После удачного, а точнее — успешного, так как со словом «удачный» подсознательно ассоциируется что-то случайное, неопределенное, пуска, если позволяла обстановка, КБМ устраивало короткий банкет с приглашением всех, кто принимал непосредственное участие в подготовке и производстве пуска, а также гостей, приехавших на пуск. Не принимали участия в банкете только убежденные хронические трезвенники, язвенники и печеночники. Участники банкета, за исключением указанных выше лиц, собирались в столовой Военторга, где обслуга устанавливала несколько длинных столов. Банкет проводился а-ля фуршет. Участники «парковались» у длинных столов, стоя вполоборота, как автомашины на больших автостоянках. Первые три-четыре тоста, которые предоставлялись «штатным» на подобных мероприятиях тамадой начальником отдела подготовки к испытаниям ракет (ОПИР)

капитаном 1 ранга Добросельским Станиславом Витальевичем председателю Госкомиссии Новикову Е. Д., техническому руководителю испытаний — заместителю председателя Госкомиссии Макееву В. П., кому-нибудь из высокопоставленных гостей, почтивших всех своим высоким присутствием на пуске, исполнялись по полной схеме: «один тост — одна рюмка», «тост — рюмка», а дальнейшие по уплотненной: «два-три тоста — рюмка», «два-три тоста — рюмка». Причина такого необычного нарушения протокола банкета ясна, надеюсь, каждому: больше тостов, чувств — меньше рюмок. Банкеты отличались деловитостью, оперативностью. Не было обычных для русского застолья вопросов-признаний: «Ты меня уважаешь?», не было песен про камыш, который шумел, и деревьев, которые гнулись, про удалого Хазбулату с его бедной саклей и красивой женой. Один — максимум полтора часа, и участники банкета покидали зал. Некоторые наиболее ярко выраженные трудово-голики, такие, например, как Авдонин и Шипулин (оба — представители НИИ ВМФ, члены группы анализа), Виктор Егорович Каргин (заместитель Макеева), уходили с банкета на свои рабочие места и продолжали добросовестно трудиться, готовились к заседанию Госкомиссии на следующее утро. Отличный конечный результат первого пуска не заглушил чувства привычной настороженности у опытных Макеева, его помощников, членов группы анализа Государственной комиссии по приему ракетного комплекса на вооружение, так как они знали, что, по примете, если с самого начала испытаний все идет хорошо, то это плохо. Поэтому при анализе результатов первого пуска все внимание было сконцентрировано на недостатках, узких, слабых местах, когда системы ракеты работали на пределе допусков или близко к нему. Подавляющее же большинство участников расходились по своим гостиницам, где после, так сказать, «пленарного заседания» в столовой Военторга организовывались локальные «заседания по секциям», т. е. по принадлежности к фирмам, организациям, банкеты местного значения (сабантуи — на местном сленге). В отличие от головного банкета пили здесь все подряд, что бог пошлет, а он почему-то был почти всегда щедр на спирт. К счастью, чаще на ректификакт, реже, но не редко, — на гидролизный, именуемый кратко ГДР (не путать с аббревиатурой Германской Демократической Республики), высшей очистки. Естественно, через пару часов обе гостиницы синхронно ходили ходуном, и только их случайная, достигнутая по рассеянности строителей высокая сейсмостойкость спасала от разрушительных последствий с человеческими жертвами. Из открытых настежь окон и форточек дым валил, как из дымовых шашек при постановке дымзавесы. Одним словом:

Князь Игорь и Ольга
На холме сидят,
Дружина пирует у брега...

Макеев поочередно заходил в номера гостиниц, где собрались на банкет представители той или иной фирмы-смежницы, демократично присаживался на свободное место у общего стола, произносил тост за достигнутый и будущий успехи, за совместную работу, отдавая должное данной фирме. Принимал ответные поздравления. Посидев 20—30 минут, Виктор Петрович извинялся и шел в следующий номер, где проходил банкет другой фирмы-смежницы. Обход суверенных компаний, взаимные поздравления,

тосты закончились ранним утром. Такая организация поздравлений с успешным пуском участников испытаний у Макеева была законом, и он его никогда не нарушал.

Утром в 10.00 Госкомиссия собралась на свое заседание. Члены комиссии и приглашенные на заседание после бессонной ночи и обилия тостов сидели мрачные. Председатель комиссии Новиков и технический руководитель испытаний Макеев не были, разумеется, исключением. Оба были физически крепкими, довольно легко переносили ночь, проведенную без сна за дружеским столом с обильной выпивкой. Но невооруженным глазом было видно, что Макеев чувствует себя разбитым, не пригодным к активной творческой работе. Новиков внешне выглядел более свежим, чуть усталым (еще бы: 112 килограммов веса!).

Макеев быстро написал и по рядам передал мне записку. Читаю: «Флорыч, выйди, пожалуйста, под благовидным предлогом из зала и организуй в своем кабинете (он находился напротив зала заседаний Госкомиссии. — (Примеч. авт.) пару флаконов шампанского, а затем вызови меня с комиссии».

Выждав несколько минут, встал и попросил у Новикова разрешения выйти для решения текущих вопросов части. Новиков кивнул головой в знак согласия. Я вышел, вызвал мичмана Волкова. Виктор был раньше водителем командирской автомашины, затем стал мичманом, но остался доверенным лицом командира для выполнения его отдельных, не подлежащих разглашению поручений. Попросил его принести из магазина пару бутылок шампанского. Через несколько минут расторопный и догадливый Виктор принес в кабинет бутылки, завернутые в бумагу, как букет цветов, и коробку конфет.

Шампанское, фужеры, конфеты я поставил на столике в переговорной кабине, где был установлен телефон ВЧ-ПС. Затем зашел в зал заседаний госкомиссии и деловым озабоченным голосом доложил Новикову, что Макеева срочно просит к телефону ВЧ зам. министра общего машиностроения Николай Дмитриевич Хохлов. Макеев встрепенулся, вопросительно посмотрел на Новикова. Тот поощрительно улыбнулся: «Виктор Петрович, мы закончим без вас, а вы идите к телефону, раз надо — значит надо». Виктор Петрович вскочил из-за стола чуть резвее, чем обычно, когда зовут к телефону, вышел из зала, зашел в мой кабинет: «Запри, пожалуйста, дверь и пока никому не открывай». Я запер дверь на ключ. Зашли в переговорную кабину, только подняли фужеры, как раздался неуверенный стук в дверь. Макеев недовольно поморщился: «Не открывай, подождут минут пять, ничего с ними не случится, мы же заняты срочным делом». Повторный, уже требовательный стук и из-за двери слышим голос адмирала Новикова, который ни с чьим не спутаешь — нарочито ворчливый, негромкий, врасстяжку: «Виктор Петрович, откройте дверь, у меня тоже голова трещит, раскалывается, я просто вида не подаю; я ведь тоже хочу шампанского». Опытного воробья на мякине не проведешь. Новиков же сразу все понял, только притворился простачком. Он вошел и уверенно направился в переговорную кабину, потирая руки в предвкушении близкого облегчения. Макеев поощрительно расхохотался:

— Вас, Евгений Дмитриевич, на мякине не проведешь.

Новиков самодовольно улыбнулся во весь рот:

— Поэтому даже и не пытайтесь этого делать, Виктор Петрович.

А затем шутливо добавил:

— А вообще-то вы, Виктор Петрович, становитесь эгоистом, не думаете о других, только о себе. Нехорошо. Очень плохо.

...После первых двух успешных пусков открылась полоса неудач, которую «крылатчики» мстительно отметили доморощенными виршами под общим названием сериала «Дымились, падая, ракеты...»

Макеев болезненно переживал свалившиеся на его в первую очередь голову неприятности. Его самолюбие инженера, конструктора было уязвлено. На одном из пусков в марте 1971 года ракета, поднявшись на 50—60 метров, взорвалась буквально над стартовой позицией. Осколки от того, что было чудом современной ракетной техники, взрывом разбросало на площади в радиусе 1—1,5 километра. Если судить по звуку, то взрыва как такового не было, был мощный глухой хлопок. Зато вспышка, световой эффект выглядели как мини-атомный взрыв. В эпицентре все клокочет, зловещие, красноватого оттенка отблески ревушего огня, продукты взрыва, образовали некоторое подобие ядерного гриба. Многотонная масса непрореагировавших самовоспламеняющихся компонентов топлива рухнула на землю, создавая на болоте локальные очаги пожаров. Члены стартовой команды надели противогазы, покинули бункер. С трудом вывели из бункера Макеева, находившегося в состоянии, близком к шоку. Противогаз надевать он отказался наотрез. Головная часть, начиненная вместо ядерного заряда телеметрической аппаратурой, упала рядом с пусковой установкой, горела, но работала вполне исправно. Еще некоторое время после аварии телеметристы измерительного пункта добросовестно докладывали: «Видю цель. Пеленг — ..., угол места — 0, цель — неподвижна». (Еще бы! Она лежала на бетоне, обьятая огнем.) Представитель ижевского института — разработчик телеметрической аппаратуры Анатолий Васильевич Чуркин был «на коне», мог по праву гордиться надежностью своего детища. Один из компонентов топлива (четыреохокись азота) заполнил приямок у входной двери в сооружение, в котором была пусковая шахта и обслуживающие ее системы. К утру нижняя часть стальной двери («броняшка») в это сооружение толщиной 70 миллиметров оказалась как будто срезанной по линейке фантастической бритвой на уровне компонента в приямке. Никто из людей при аварийном пуске не пострадал. Рабочая группа специалистов быстро выяснила причину: разнесло турбонасосный агрегат (ТНА).

Хуже было с несколькими другими пусками. Рабочие группы несколько раз перелопатили имеющийся фактический материал, проанализировали десятки рабочих гипотез, но удовлетворительных объяснений общих причин отказов ракет сформулировать не могли. Первое, что решила Госкомиссия, — приостановить испытания, осмотреться, продолжать анализ и искать, искать, искать причину (или причины). Практически непрерывно работала Госкомиссия, Макеев собирал Совет Главных конструкторов (СГК). Собрал техническое совещание военных специалистов данного профиля Главкомандующий ВМФ. Все было безрезультатно. Наконец Макеев принял мужественное, волевое решение, которое отстоял на Госкомиссии: перестать «лупить блох», а решать вопрос кардинально, принципиально, для чего:

1. Разобрать, разрезать и осуществить дефектацию всех ракет «задела», т. е. уже готовых к отправке на испытания, на сборочном заводе-изготовителе.

2. Собрать Совет Главных конструкторов, разработать и утвердить план-график проведения дефектации «задела».

3. Проверить соблюдение технологии производства ракет на заводе-изготовителе и ознакомиться с его культурой производства вообще.

В Северодвинск на судостроительный завод в очередной раз прибыл Дмитрий Федорович Устинов. Основная цель его визита — ознакомиться с ходом строительства на заводе головной атомной подводной лодки — носителя ракетного комплекса Макеева и, естественно, разобраться с причинами задержки испытаний ракетного комплекса. Если потребуется, то оказать необходимую помощь.

Такие приезды кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС, курирующего оборонные дела страны, а позднее — министра обороны СССР, члена Политбюро ЦК КПСС Д. Ф. Устинова не были для нас чем-то необычным, из ряда вон выходящим. Минимум раз в год он приезжал к нам, на Север.

Дмитрий Федорович Устинов — незаурядная личность руководителя государственного масштаба своего времени. Талантливый инженер, блестящий организатор, волевой, требовательный до жесткости, поразительной работоспособности человек. Дмитрий Федорович был скромн в быту, он был хорошим семьянином, безумно любил своего внука.

В период разгула гонки в ракетно-ядерных вооружениях между сверхдержавами США и СССР наша страна оказалась в невыгодном положении, так как у нас отстало развитие одной из трех компонент триады стратегических ядерных сил (СЯС) — атомных подводных лодок, вооруженных стратегическими баллистическими ракетами, которые, как известно, комплектуются исключительно ядерными боеголовками для внезапного ядерного удара по высокозащищенным неотложным целям противника. США имели на вооружении ракетные комплексы «Трайидент-1» и «Трайидент-2» на подводных лодках типа «Лафайет», а позже — на подводной лодке типа «Огайо».

За ликвидацию «бреши» в триаде и достижения паритета с США в СЯС с присущей ему энергией и деловой хваткой взялся опытный руководитель-организатор и эрудированный инженер Дмитрий Федорович Устинов. Он сделал ставку на двух конкретных исполнителей этой трудной задачи. По ракетному комплексу на Главного (позже Генерального) конструктора нескольких поколений комплексов баллистических ракет Виктора Петровича Макеева, по носителю макеевского ракетного комплекса — подводной лодке — на очень талантливого Главного (позже Генерального) конструктора целого семейства подводных лодок Сергея Никитича Ковалева. Так была создана «лихая русская тройка» в составе: Д. Ф. Устинов, В. П. Макеев, С. Н. Ковалев.

У всех еще в памяти был блестящий тандем Сергей Павлович Королев — Николай Никитич Исанин, осуществивший создание родоначальницы современной баллистической ракеты морского базирования Р-11ФМ, впервые в мире стартовавшей с подводной лодки проекта АВ-611, движущейся в подводном положении.

Во вновь сформировавшейся «тройке» место «коренника» занял всесильный Д. Ф. Устинов, который оказывал Главным конструкторам Макееву и Ковалеву практически неограниченную помощь.

Кто в этой «тройке» играл решающую роль в процессе выполнения задачи государственной важности? Думаю, что все трое были «решающие», каждый выполнял (и блестяще выполнил!) отведенную ему историей задачу. Выпадение любого звена из этой «тройки» могло привести к удручающим последствиям в борьбе за паритет с США в СЯС.

Почему у Устинова выбор пал на В. П. Макеева? Видимо, здесь сыграли роль два основных фактора.

Во-первых, Макеев был учеником С. П. Королева. И конечно, этот гений отечественного ракетостроения и космонавтики увидел в молодом, полном творческого задора Викторе Петровиче незаурядный талант конструктора-новатора, восходящую звезду в этой области науки и техники. Результаты передачи морской тематики Макееву полностью подтвердили ожидания Королева, который, не сомневаясь в блестящем будущем таланта Макеева, дал последнему соответствующую характеристику.

Во-вторых, Устинов в Макееве увидел самого себя в его годы. Молодой инженер Устинов, выпускник известного всей стране и за ее пределами Ленинградского военно-механического института, за несколько лет вырос от должности рядового инженера-конструктора до главного инженера огромного, единственного в своем роде в стране ленинградского завода «Большевик», а затем и его директора. В 34 года Дмитрий Федорович назначен наркомом (позже — министром) вооружений, затем министром оборонной промышленности. И это при Сталине! Генсеки приходили и уходили, сменяя друг друга, а он уверенно шагал по служебной лестнице. Председатель ВСНХ (Всесоюзный совет народного хозяйства), председатель ВПК (Комиссия при Совете Министров СССР по военно-промышленным вопросам — военно-промышленная комиссия), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарь Политбюро, член Политбюро и министр обороны СССР. Дважды Герой Социалистического Труда. Будучи востребованным за деловые качества при Сталине, Хрущеве, Брежневе, Андропове, он уверенно всходил по иерархической лестнице.

В период описываемых событий он был секретарем, кандидатом в члены Политбюро, курирующим все вопросы, связанные с обороной страны, а затем — членом Политбюро ЦК КПСС, министром обороны СССР.

Ракетно-космический уклон его деятельность приобрела после окончания войны, когда он занимался изучением наследия небезызвестного конструктора ракет «Фау-1» и «Фау-2» Вернера фон Брауна. Двадцать с лишним лет курирование ракетно-космической отрасли в нашей стране было основным содержанием деятельности Д. Ф. Устинова.

Еще один участник «тройки», С. Н. Ковалев, заслуживает самых лестных и восторженных эпитетов как конструктор современных подводных ракет-носцев. Достаточно сказать, что под его руководством разработаны и переданы Военно-морскому флоту в боевую эксплуатацию подводные лодки четырех (!) поколений, что все (!) подводные лодки ВМФ, оснащенные макеевскими ракетными комплексами, созданы КБ под руководством дважды Героя Социалистического Труда, действительного члена Академии наук СССР, Генерального конструктора Сергея Никитича Ковалева.

Д. Ф. Устинов предоставил в распоряжение В. П. Макеева и С. Н. Ковалева необходимые финансовые, материальные и людские ресурсы. Обладая

огромной властью, огромными финансовыми возможностями, Дмитрий Федорович обеспечивал устойчивый, надежный зеленый свет созданию новейшего ракетного комплекса, так необходимого в тот период нашей стране.

Не знаю, как другие главные и генеральные конструкторы, но, как мне рассказывал один из весьма ответственных работников Минобщемаша, Виктор Петрович мог позволить себе входить в кабинет Устинова тогда, когда в приемной ожидали своего часа многие высокопоставленные руководители, в том числе и начальник Макеева — министр Общемаша Сергей Александрович Афанасьев.

Главным судостроительным заводом по строительству атомных подводных лодок разработки С. Н. Ковалева — носителей макеевских ракет было избрано Северное машиностроительное предприятие (СМП) в Северодвинске (директор — Евгений Павлович Егоров, позже — Григорий Лазаревич Просянкин).

Устинов всячески помогал Макееву, контролировал его, многое прощал, но и требовал от него полной самоотдачи. Не меньшую помощь оказывал он и Главному конструктору подводных лодок С. Н. Ковалеву. Так, под патронажем Д. Ф. Устинова на заводе был построен так называемый комплекс, который позволял строить лодки в закрытом помещении, в тепле, при электрическом освещении, когда на качество работы не оказывала влияния северная погода, а точнее — непогода с ее морозами, сильными ветрами. В комплексе строилось одновременно несколько подводных лодок, то есть строительство практически ставилось на поток.

Совещание на СМП под руководством Устинова прошло активно, деловому, не в пример нудным партийно-хозяйственным активам. Доклады сделали зам. министра судостроительной промышленности Игорь Сергеевич Белоусов и заместитель С. Н. Ковалева Олег Дмитриевич Рудый. Совещание длилось с 16.00 до 23.00 с одним коротким перерывом, в течение которого можно было успеть только выпить стакан минеральной воды, покурить. Дремлющих и скучающих не было. Энергия, активность руководителя незримо передавалась участникам совещания. К концу его Устинов выглядел слегка уставшим, но энергичным, бодрым.

Работу Устинова проиллюстрирую двумя эпизодами, не самыми значительными по существу, но зато такими, где я был живым свидетелем.

В период подготовки технической и стартовой позиций к испытаниям макеевского комплекса на Полигон приехал Д. Ф. Устинов. Собрал техническое совещание. Сразу замечу, что главные конструкторы, их замы, ведущие чисто по-человечески боялись Устинова за его жесткость, требовательность (самый яркий пример — заместитель В. Н. Челомей — Аркадий Ионович Эйдис, который патологически его боялся) и старались остаться в тени, а на первый план (показывать, докладывать) выдвигали военных участников совещания, к которым у Устинова отношение было более терпимое, лояльное. О ходе строительства объектов докладывали начальник управления капитального строительства (УКС) Северного флота, затем — начальник отдела подготовки к испытаниям ракет (ОПИР) Полигона Иван Георгиевич Полозов. Устинов внимательно слушал, задавал деловые вопросы, уточнял, долго рассматривал сетевой график подготовки к испытаниям. Затем взял большой красный карандаш, зачеркнул на графике флажок, знаменующий окончание работ,

сделал шаг влево, что соответствовало примерно пяти месяцам времени на временной оси графика, размашисто провел жирную красную черту по вертикали и жестко сказал: «Вот вам срок окончания работ, перенесите сюда свой флажок, график переработать в соответствии с новым сроком окончания работ. В новом графике с целью экономии времени предусмотреть совмещение монтажа общепромышленного оборудования с поставкой и монтажом спецтехнологического оборудования. Помощь будет оказана любая, какая потребуется, в том числе и финансовая. Дадим все в нужном количестве. Кроме... времени, которого у нас нет. Предложения, просьбы об оказании помощи представить мне лично в рабочем порядке. Совещание окончено».

Д. Ф. Устинов и его команда, не жалея сил, средств, материально-технических и финансовых ресурсов, стремились предельно сократить сроки оснащения ВМФ новейшими ракетно-ядерными комплексами. Их девиз при этом: «Дадим все, что необходимо, но работа должна быть выполнена качественно, в кратчайшие сроки. Время решает все!» В связи с этим вспоминается весьма популярная в среде испытателей шутка. Партийно-государственный босс вызывает молодого, физически здорового мужчину и ставит ему задачу:

— Родине срочно требуется ребенок!

— Нет вопросов. Сколько угодно и когда угодно!

— Что вам для этого необходимо?

— Молодая красивая женщина и 9 месяцев срока.

— Такой срок нас не устраивает. Вот вам 9 молодых красивых женщин и чтобы через один месяц был ребенок!

Незатейливая шутка очень точно и остроумно моделирует ситуацию на Полигоне во время подготовки к испытаниям.

Страна была готова на любые жертвы, только чтобы достичь и удержать военно-стратегический паритет с США в ракетно-ядерных вооружениях. Дорого обходилось это состояние нашему народу.

Следующий эпизод связан с более поздним приездом Д. Ф. Устинова, когда все наземные сооружения в основном были возведены, общепромышленное оборудование смонтировано, заканчивался монтаж специального технологического оборудования. Е. Д. Новиков приболел. Серьезно он заболел позже, а пока периодически ложился на несколько дней в госпиталь, то есть он еще старался служить, но болезнь уже неумолимо наступала. Он позвонил, приказал мне приехать в Северодвинск и сопровождать в Нёноксу Д. Ф. Устинова. Вместе с ним выезжали председатель ВПК Л. В. Смирнов, зам. главкома ВМФ адмирал П. С. Котов, зам. начальника УРАВ ВМФ контр-адмирал М. И. Ковалевский, сотрудник ВПК В. И. Савин и, возможно, кто-то еще. Из Северодвинска в Нёноксу выехали в персональном, довольно комфортабельном купейном вагоне. Время в дороге я решил использовать с пользой для дела. Как бы случайно зашел в купе, где у окна сидел Леонид Васильевич Смирнов. Разговор начал он первым, спросил о Северодвинске, показывая рукой в окно, за которым проплывал наш северный красавец. Я, как заправский чичероне, с гордостью рассказывал обо всем, что было видно в окно. Подъехали к Кудьме. Я плавно перевел разговор на дела испытательные. Посетовал, что в КБ В. Н. Челомея падает интерес к испытаниям своей крылатой ракеты и вообще к нашей военно-морской тематике. Смирнов как-то неожиданно и довольно

резко сказал: «У Челомея все стремятся работать на космос — как же, престижно! — а заниматься земными делами не очень-то хотят. Мы дали им слишком большой портфель. Ничего, со временем подправим».

Позже, когда шел по проходу, в конце его встретился с Д. Ф. Устиновым. Он, остановившись у окна, вытирал салфеткой мокрые руки. Какой-то крупный мужчина (видимо, из охраны) вынул из кармана кусок ваты и пузырек с какой-то жидкостью, обильно полил вату этой жидкостью и подал Устинову. Тот вытер пальцы, ладони смоченным тампоном, отдал мужчине использованные тампон и салфетку, повернулся ко мне:

— Зайдите, пожалуйста, ко мне в купе.

У меня первая мысль: «Будет разнос за какое-то бытовое неудобство!»

Зашел вслед за ним в купе. Он дружелюбно:

— Присядьте, пожалуйста.

Сел, все жду разноса или хотя бы упреков, замечаний за недостатки, упущения и т. д. Но слышу вопрос:

— Вы можете рассказать свои личные впечатления о состоянии дел, подготовке к первому пуску? Главное, в чем причина задержек, если они есть?

— Могу.

Начал рассказывать. Вопросы — ответы. Сразу почувствовал, что передо мной не просто администратор, но и грамотный, эрудированный инженер, к тому же прекрасно разбирающийся в комплексе, который мы готовились испытывать.

Приехали в Нёноксу, вышли из вагона. На платформе встретил и представился Устинову зам. командира части полковник Модин Владимир Михайлович. Я подошел к головной из нескольких выстроившихся в строй кильватера машине, как радушный хозяин, открыл переднюю дверь и пригласил Дмитрия Федоровича. Но тут решительно вмешался вышеупомянутый крупный мужчина, сопровождающий Устинова, и вежливо, но твердо «порекомендовал» мне: «У вас, у военных, принято сажать начальников и высокопоставленных гостей на переднее место, рядом с водителем, а у нас, у гражданских, им предлагают места на заднем сиденье». С этими словами он открыл заднюю дверцу, пригласил Дмитрия Федоровича, а меня попросил занять «свое законное место» впереди, рядом с водителем. При этом он успел негромким голосом посоветовать: «Когда будем объезжать объекты, решительно входите в помещения первым или пропускайте первым меня, а Дмитрий Федорович будет входить за нами. И отбросьте ложное чувство неловкости, что это будет выглядеть не очень вежливо. У нас так принято. Устинов об этом знает и не обидится. Так надо».

Расселись по машинам. По просьбе (читай: указанию) Дмитрия Федоровича поехали по новым объектам, предназначенным для испытаний нового ракетного комплекса, не заезжая в штаб, гостиницу, зал заседаний Госкомиссии. По ходу осмотра объектов и смонтированных в них систем, приборов Устинов задавал много вопросов, судя по которым можно было подтвердить первое впечатление в поезде, что дело мы имеем не только и не столько с партийным функционером и государственным деятелем высшей пробы, но в первую очередь с высококвалифицированным эрудированным инженером, прекрасно понимающим суть дела.

На стартовой позиции задержались. Перед уходом Устинов неожиданно заявил, что хочет осмотреть район испытаний с бетонной башни, внутри которой была смонтирована стальная пусковая шахта. Зам. главкома П. Г. Котов и В. П. Макеев пытались отговорить его от этой затеи: башня высокая (около 20 метров), в кольцевом зазоре между бетонной башней и пусковой шахтой есть только технологический трап для монтажников и обслуживающего персонала. Устинов не посчитался с этими доводами, попросил рукавицы. Ему дали черные кожаные офицерские перчатки, поручили моему заместителю, крупному, физически крепкому полковнику Модину Владимиру Михайловичу подниматься по трапу вслед за Устиновым, подстраховывая последнего. Забрались на верх башни. Осмотрели ближайшие окрестности. Оказывается, Устинов хотел предварительно лично провести рекогносцировку с целью выбора возможного места «посадки» стартовой позиции для проведения испытаний следующего, еще более мощного и совершенного макеевского ракетного комплекса. Спускаться с башни он пожелал по наружной ее части. А снаружи башня была оборудована скоб-трапом с тремя решетчатыми промежуточными площадками. Опять уговоры не делать этого и опять тот же результат. Первым спускался с целью подстраховки В. М. Модин, за ним — выше — Д. Ф. Устинов.

Все это происходило в конце ноября. Был холодный, с резким пронизывающим ветром и режущим лицо мелким снегом вечер. Со стартовой позиции поехали в «домик для гостей», построенный в сосновом лесу рядом с частью, вне охраняемой территории, и предназначенный для совещаний, работы и отдыха высокопоставленных гостей. Замерзшие, голодные зашли в билльярдную, немного отогрелись. Затем прошли в столовую, по пути туда П. Г. Котов шепотом мне приказал: «Чтобы за столом не было ни капли спиртного!» — «Есть!» Стали размещаться за столом. Я немножко замешкался, не знал, где сесть. Ведь надо занять такое место, чтобы в любой момент при необходимости можно было встать, выйти (к телефону и т. д.). Д. Ф. Устинов, видя мои затруднения, положил руку на мое плечо и дружелюбно пригласил: «Вы здесь хозяин, садитесь рядом, между мной и Леонидом Васильевичем». В таких ситуациях отказываться неприлично. Сел на предложенный стул и оказался так, что слева от меня сидел председатель ВПК Леонид Васильевич Смирнов, а справа — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, курирующий все оборонные дела в стране, Дмитрий Федорович Устинов.

Наконец расселись.

Модин голосом хлебосольного хозяина предлагает: «Кто желает отличного молока из Нёнокского военного совхоза? Такого молока в Москве нет» (в Нёнокском военном совхозе действительно было первоклассное молоко). Сидящие за столом понуро опустили головы и промолчали.

Устинов, потирая покрасневшие руки и поеживаясь от перенесенного холода, добродушно спросил:

— А может быть, с такого холодины нам хозяева по рюмке коньяку нальют?

(Несколько бутылок армянского, «на всякий случай», стояло в серванте.)

В. М. Модин направился к серванту, но его остановил командный голос Котова:

— Никакого коньяка! Дмитрий Федорович, извините, но я категорически запретил на территории воинской части употреблять спиртное.

— Павел Григорьевич, но ведь мы не на территории части, а в лесу, вне колючей проволоки!

Котов (упрямо, твердо):

— Я запретил.

(Евгений Дмитриевич Новиков такую глупость не сделал бы.)

Устинов — добродушно, смирившись с судьбой:

— Ну, если вы, начальник, запретили, то так тому и быть, ничего не поделаешь. Давайте тогда ваше знаменитое молоко.

Все дружно, но без особого восторга разобрали бокалы с молоком. После обеда и короткого отдыха начальники и их сопровождающие уехали в Северодвинск.

Честно говоря, мы ожидали каких-то последствий от такого явно не флотского гостеприимства.

Но все закончилось благополучно, без продолжения.

Один день службы

Точно в 6.00 обычного рабочего дня на тумбочке в изголовье диванакровати, на которой я мучительно силился досмотреть последний, самый интересный и самый сладкий сон, противно завершал будильник. Правда, если я лег накануне не очень поздно, в 6.00 вставал без напоминаний извне. Как обычно, быстро встал, слегка размялся парой-другой упражнений с тугим жгутом, переделся в спортивный костюм и — на утреннюю пробежку. Бегом трусцой я заразился после того, как прочитал брошюру новозеландского автора Гилмора «Бег ради жизни», а наш местный эскулап — начальник медслужбы майор Миренков Петр Семенович опробовал рекомендации Гилмора и Лидьярда на себе и убедил меня, что это очень полезно и приятно. Я выбрал маршрут, накручивая на свой спидометр каждое утро 7 километров. В конце концов утренняя пробежка стала жизненной потребностью, своего рода наркотиком. Позже в Северодвинске заметил: если по каким-то причинам утром пропускал пробежку и вдруг сквозь дрему слышал за окном характерный топот пробегающего «трусака», то эти звуки действовали на меня как звуки трубы на боевого коня. Я вскакивал, одевался и бежал. В Северодвинске дальность ежедневной пробежки увеличил до 10 километров (время — 58 минут), раз в неделю пробегал 16. Решил проверить себя и несколько раз бежал на 25 километров (2 часа 15 минут). Первый раз побегал в воскресенье. Жена знала, когда я возвращаюсь с обычной пробежки, и через час начала немного беспокоиться, а через два часа моего отсутствия не выдержала и позвонила оперативному дежурному (ОД) (в то время я уже занимал должность заместителя начальника Полигона). Мол, Ежков убежал, как обычно, в сторону Кудьмы, давно должен вернуться, а его все нет, не случилось ли чего. ОД Тикунов А. И. все понял, вызвал моего водителя Семена Егорова, проинструктировал.

В это время вспотевший и довольный (еще бы! — без особых усилий пробежал 25 км!) я ввалился в квартиру. Короткая, молниеносная головомой-

ка. Не дожидаясь ее окончания, позвонил оперативному, извинился за беспокойство, поблагодарил и попросил задержать машину, если она еще не выехала (так и оказалось).

Вообще в Северодвинске утренние пробежки стали интереснее, чем в Нёноксе. В Нёноксе я бегал как одинокий волк, и это оправданно, когда начинаешь бегать, вырабатываешь свой стиль, скорость. В Северодвинске у нас сложилась теплая компания уже бывалых любителей бега. В нее вошли: заместитель председателя горисполкома (вице-мэр в новой транскрипции) Клемушин Дмитрий Михайлович, заместитель начальника штаба Полигона по авиации полковник авиации Корнев Анатолий Семенович, начальник 3-го управления — заместитель начальника Полигона по измерениям и обработке информации инженер-капитан 1 ранга Шурмелев Евгений Ефремович, офицер УГРО горотдела МВД майор милиции Владимир Петрович Шевелев и ваш покорный слуга заместитель начальника Полигона по испытаниям инженер-капитан 1 ранга Ежков Геннадий Флорович. Наши пробежки превратились в своеобразный ритуал. Маршрут проходил в основном по аллеям и тропинкам так называемого «парка И. М. Костюшко». Пока мы «накручивали» 10—12 привычных ежедневных километров, Клемушин рассказывал о принятых и готовящихся решениях горисполкома, о городских новостях; Шевелев эмоционально, в красках информировал нас, что называется из первых рук, о последних городских криминальных событиях; мы с Корневым и Шурмелевым ограничивались свежими анекдотами и фактами из жизни Полигона, которым место было под рубрикой «Нарочно не придумаешь».

Чтобы завершить «беговую» тематику, остановлюсь на забавном «беговом» эпизоде, который произошел со мной уже в Куйбышеве, на закате моей военной службы. В январе 1977 года встал, как обычно, в 04.30, а жил я тогда в служебной квартире завода «Прогресс» на площади Кирова.

Взглянул на термометр за окном: -38°C . Но тем не менее решил режим не нарушать, оделся и побежал. На проспекте Кирова впереди по курсу — блестящее пятно чистого от снега асфальта. Уверенно направился к нему. Когда почти по колено оказался в воде и пробежал по инерции по ней несколько шагов, понял, что в темноте вбухался в глубокую лужу воды, скопившейся в низинке тротуара напротив каких-то ворот. Вода не успела замерзнуть, подпитываясь из тривиального «гейзера» над прорванной трубой горячей воды. Вылез из рукотворного водоема, расстроился, что пробежка безнадежно испорчена, побежал назад, домой. По дороге полные водой кеды сверху обмерзли и превратились в колодки, а штанины шаровар внизу больно били по ногам и только что не звенели как стеклянные. В квартире еле стянул с ног кеды и брюки. Подумал-подумал: времени всего 5 часов, ни туда и ни сюда, надел все сухое и — охота пуще неволи! — тяжело вздохнул и обреченно выбежал на мороз. Интересно, что от этой зимней процедуры не получил даже намек на кашель или насморк.

Но вернемся в Нёноксу. Возвратился с пробежки, забрался под холодный душ. Отлично! Как будто заново родился! Погладил брюки, позавтракал и, попрощавшись с женой, отправился в свою часть. Расположена она в нескольких минутах ходьбы от дома. Прошел КПП-6 (контрольно-пропускной пункт № 6), оказался на территории части. Дежурный по КПП, видимо,

позвонил об этом дежурному по части, так как около корпуса, где внизу размещалось управление частью, была видна его фигура с повязкой «Рцы» на левой руке. Сейчас эта фигура доложит начальнику о том, что «За время вашего отсутствия происшествий не случилось!» Правда, я и без его доклада знал, что «происшествий не случилось»: жил-то ведь рядом. Но, приняв этот ежеутренний доклад, невольно внутренне улыбнулся, вспомнив широко известный анекдот о «собачке». Суть его звучала в исполнении Л. Утесова дуэтом с дочерью Эдит в популярной шуточной песенке «Все хорошо, прекрасная маркиза». Воспроизведу этот анекдот.

Утром командир полка прибыл во вверенный ему полк. Дежурный по полку встретил его, скомандовал «Смирно!» и доложил: «Товарищ полковник, за время вашего отсутствия в полку никаких происшествий не случилось!» Полковник скомандовал «Вольно!» и привычно пошел вперед, дежурный — чуть сзади, справа, осторожно добавляет:

— За исключением того, что собачка Жучка сдохла.

Полковник на ходу, не останавливаясь, небрежно:

— Что еще с ней приключилось? Вчера была такая шустрая.

— Да конины обожралась!

— Какой еще конины?

— Да наш мерин Васька подох!

— А с ним что приключилось, он ведь еще не старый?

— Так он всю ночь воду возил, не выдержал нагрузки.

— Какую воду и куда?

— На пожар, товарищ полковник!

— Что??? Какой пожар?

— Так... штаб сгорел ночью!

— Ну и...?

— Начальник штаба сгорел, нет у вас больше начальника штаба!

Взбешенный командир полка:

— Что же ты мне, так твою мать, сразу обо всем не доложил???

— Да я вот замполиту нашему сразу обо всем доложил, а он сразу же схватился за сердце и упал, как подкошенный. Инфаркт... В общем, нет у вас больше замполита.

Командир полка схватился рукой за сердце и, жадно хватая воздух ртом, стал медленно оседать на землю.

В отличие от анекдота пожара у нас не было. Здание, где на первом этаже находится управление частью, стоит на месте, а начальника штаба у меня нет по штату, так как нет штаба. К сожалению, и с замполитом все в порядке. Инфаркт у него будет, но позже и по другой причине — на почве пьянства. Но мой дежурный тоже добавляет к своему «благополучному» докладу:

— Оперативный дежурный звонил: в 10.00 к нам выезжает из Северодвинска начальник Полигона.

Это, разумеется, не собака Жучка и не пожар, но каждый приезд начальника вполне соизмерим с пожаром средней величины. Позвонил Новикову, он подтвердил время выезда и уточнил цель визита: на поздний вечер планируется пуск макеевской ракеты с работой системы астрокоррекции по звезде из списка «вечерних» звезд. Он проведет Госкомиссию предпусковую, будет на пуске и проведет Госкомиссию после пуска.

Зашел к Макееву, обсудили некоторые вопросы в связи с предстоящей работой вечером. К гостинице вызвал машину и вместе с Макеевым поехали на станцию встречать председателя Госкомиссии контр-адмирала Новикова Е. Д.

Встретили Новикова и, прихватив по пути секретаря Госкомиссии, поехали ко мне в кабинет. Вчетвером уточнили проект повестки дня Госкомиссии, проект ее решения и список приглашенных на предпусковое заседание комиссии и вопросы, связанные с эвакуацией, учитывая, что старт планируется на поздний вечер, а даже при пуске в дневное время желающих уклониться от эвакуации, остаться в зоне пуска было хоть отбавляй, особенно среди представителей организаций-смежников КБМ, а также представителей организаций, участвующих в испытаниях крылатой ракеты. Последние рвались продолжать работы по своей тематике, невзирая на пуск баллистической.

Затем втроем, исключая секретаря комиссии, поехали на стартовую позицию. Председатель комиссии и технический руководитель проверили все помещения, готовность систем к работе, условия хранения в шахте ракеты, предназначенной к пуску вечером.

Вернулись назад. Макеев и Новиков остались в гостинице, а я вызвал начальника отдела наземного оборудования подполковника Кривомаза Юрия Павловича, и мы с ним поехали на склад спецтоплива, где в цистернах хранились агрессивные компоненты топлива: цистерна с амилем и цистерна с гептилом. Несколько дней назад на складе спецтоплива в хранилище, где стояли цистерны, возник пожар. Как выяснилось позже, пожар, к счастью, оказался небольшой, но поволноваться заставил. Еще бы! Можно без труда представить себе, что могло бы произойти, доберись огонь до цистерн. Разгерметизация любой из них приведет к испарению ядовитого агрессивного компонента, смертельно опасного для жизни человека. А если двух цистерн? Страшно даже подумать! Компоненты-то самовоспламеняющиеся! А дело было так.

Утром у меня в квартире раздался звонок. Открыл дверь — стоит старший сын Сергей, студент третьего курса Ленинградского государственного университета: приехал в гости («на побывку») к родителям. Не успел толком поздороваться с ним, как зазвонил телефон, взволнованный голос дежурного по части доложил: «Сработала пожарная сигнализация, на складе спецтоплива пожар!» Уточняю:

— Пожарной команде и аварийной партии объявили тревогу?

— Так точно!

— Водителей дежурного тепловоза (который стоит в том же сооружении, где и цистерны, в готовности вывозить их из сооружения) вызвали?

— Так точно!

— Доложите оперативному дежурному, вызовите подполковника Кривомаза.

— Есть! Вам машину выслать?

— Проверьте выполнение всего, что сказано выше, и пришлите к дому машину.

— Есть!

Положил трубку, а беспокойство растет с каждой секундой. На месте стоять не могу... А Сергей удивляется: «Ну и выдержка у тебя, папа! У тебя в части пожар, а ты не мчишься сломя голову к месту пожара, стоишь

спокойно (знал бы он как спокойно!) у тумбочки с телефонами». Пытаясь казаться спокойнее, чем был на самом деле, отвечаю студенту: «Сейчас на месте пожара нужны только те, кто занимается его ликвидацией, а лишние люди не нужны. Если организация службы есть и сработает, то все будет выполнено без моего вмешательства. А если в части бардак, то помочь я уже ничем не смогу».

Наконец к дому подошла машина. Поехал на место пожара. Цистерны выкачены из хранилища, находятся вне опасности. Лишних, любопытствующих нет, есть только работающие. Очаг пожара уже ликвидирован. Везде плотная пена от пеногенератора, на полу валяется пара отработавших углекислотных огнетушителей. Причина возгорания установлена — от перегревшегося электрического кабеля воспламенилось утепляющее покрытие ворот сооружения. Электрики копаются со своим кабелем. Был еще небольшой очаг в приямке, в который по желобам, проложенным в бетонном покрытии, от места, где стоят цистерны, тепловоз, стекаются остатки масла, соляра и т. д. Этот очаг тоже, конечно, погашен.

Вместе с Юрием Павловичем (склад спецтоплива — его епархия) все осмотрели, причины возгорания установлены, следов пожара нет.

В 22.00, по плану, собралась Госкомиссия. Заслушали и утвердили «Полетное задание» на пуск, выступили руководители организаций — разработчиков отдельных систем комплекса, доложили о готовности. Я доложил комиссии о результатах эвакуации из части, из поселка Нёнокса. В заключение — выступление технического руководителя. Он торжественно доложил о готовности к работе комплекса, всех служб и попросил у Госкомиссии разрешения произвести пуск ракеты согласно «Полетному заданию». Разрешение, естественно, дается решением Госкомиссии. Начинается беспокойное ожидание времени «Ч». В установленное Госкомиссией время с точностью до сотых долей секунды производится старт. Такая высокая точность достигается автоматическим замыканием системой управления цепи старта с целью достижения высокой точности результатов работы системы астрокоррекции. Зрелищно старт баллистической ракеты из затопленной шахты производит очень сильное впечатление. Сколько раз ни смотришь, эффект не ослабевает. В ночное время эффект многократно усиливается. Старт действует на человека завораживающе, восхищает мощью освобожденной человеком первозданной энергии, вызывая внутренний восторг. Итак, время «Ч» — время старта наступило. За несколько секунд до этого момента открывается стальная крышка шахты. Где-то в ее недрах возникает приглушенный стальной стенок шахты и водой, заполнившей ее, далекий грозный гул. Гул быстро нарастает, вода в верхней части шахты сверкает яркими сполохами, подсвеченная снизу. Еще мгновение, и из кольцевого зазора между шахтой и ракетой с силой выбрасывается, сверкая в огне, мощная, бешено клокочущая масса воды. Вот из воды в шахте, в неистовой пляске воды и огня показывается сверкающий носок астрокупола ракеты. Гул переходит в оглушительный грохот. Раскаты рукотворного грома нарастают мощным крещендо, и ракета вырывается из стальных объятий шахты. На какое-то еле уловимое мгновение она зависает над шахтой, как бы опираясь на бушующий из сопел двигательной установки факел огня, и с ревом, с нарастающей скоростью устремляется как по струне вверх, к звездам, еле видимым в ночном небе. Какое-то

время еще виден укорачивающийся по длине факел огня. Ракета начинает выполнять программу по углу тангажа. Откуда-то сверху и со стороны слышится быстро затихающий гул и видна движущаяся в ночном бездонном звездном небе не очень яркая рукотворная звездочка. Вот еле различимая вспышка этой «сверхновой», что означает выполненное ракетой разделение ступеней. Пуск состоялся! Далее — томительное ожидание доклада с Камчатки о прибытии головной части на боевое поле «Кура». Сомнений нет, так как телеметристы провели экспресс-анализ и доложили председателю, что замечаний по работе систем ракеты нет. Наконец долгожданный доклад с далекого боевого поля «Кура»: «Головная часть прибыла на боевое поле, произведена предварительная привязка, результаты привязки по данным системы СЧЗ-6 такие-то». Результаты точной привязки геодезическим методом будут доложены позже, по готовности. Для предварительного анализа результатов пуска, для их качественной оценки, этого достаточно. На наблюдательном пункте, расположенном в районе стартовой позиции, где визуально лицезрели старт руководители организаций-смежников, высокопоставленные гости из Москвы, на командном пункте, в бункере всеобщее оживление, ликование, взаимные поздравления. Через час-полтора, по мере готовности группы анализа доложить первые результаты работы, собирается Госкомиссия, где докладывает опытный и профессионально подготовленный руководитель группы анализа полковник Авдонин из НИИ. И опять оживление, брызжащие радостью лица, взаимные поздравления. Каждое заседание Госкомиссии после успешного пуска — небольшой «съезд победителей».

«Пленарный» банкет переносится на вечер следующих суток, а уж «по секциям...» — «вольному волю...» Ведь завтра очередной напряженный рабочий день, а «делу — время...»

Домой прихожу в 3 часа ночи. Обычный рабочий день завершен. Дома никого нет, все пока в «эвакуации». «Эвакуированные» возвращаются к очагам своим в 9 часов утра. К тому времени я уже встал, пробежал свои 7 километров, облился холодной водой, выслушал утренний доклад дежурного «За время вашего отсутствия...», вспомнил анекдот про «собачку», внутренне улыбнулся и... начался новый рабочий день.

Жизнь идет своим чередом, испытания ракет продолжают.

Челябинск — Красноярск — Норильск

Совет Главных конструкторов (СГК) проводился в г. Миасс, в КБМ. Вел его Макеев. И вел, как всегда четко, по-деловому, принципиально, не допуская пустой болтовни, демагогии. Если возникали взаимные претензии, вопросы, касающиеся двух организаций, то он немедленно прекращал перепалку и отправлял руководителей или полномочных представителей этих организаций в специальную отдельную комнату, где они (представители) выясняли, обсуждали, приходили к согласованному решению. Если компромисс не достигался, то вопрос обсуждался на Совете.

На Совете присутствовал главный конструктор опытовой подводной лодки Николай Федосеевич Шульженко. К нему и у него было много вопросов. Когда к нему обращались с вопросом, то окружающие предупреждали:

«Говорите погромче, Николай Федосеевич плохо слышит», в ответ голосом человека в преклонном возрасте с пониженной остротой слуха Шульженко неизменно парировал: «Не беспокойтесь. То, что мне нужно, я слышу прекрасно».

После окончания Совета вечером задержались за столом в малом зале столовой. Виктор Петрович неожиданно предложил Новикову:

— Евгений Дмитриевич, а почему бы нам с вами во исполнение решения Госкомиссии самим не слетать в Красноярск и не разобраться с положением дел на заводе КМЗ?

Новиков идею Макеева поддержал:

— Отличная идея! Через пару недель, когда дефектация закончится, можно слетать. Поднимаю обе руки — «за»!

— А почему через две недели? Предлагаю лететь завтра утром в составе: Новиков, Макеев, Каргин, Косой, Ежков. Все названные лица находятся рядом, вызывать никого не надо.

Не откладывая вопрос в долгий ящик, быстро обсудили вопросы, которые надо решить в Красноярске. Макеев вызвал своего заместителя по быту Вареника и приказал ему подготовить к вылету из Челябинска в Красноярск на следующий день в 9.30 самолет Ил-14 (собственность КБМ).

На следующий день точно в 9.30 указанный выше самолет вылетел с аэродрома Челябинска и взял курс на Красноярск.

За время полета в Красноярск Макеев три раза садился за штурвал самолета. Пилоты, видимо, ему раньше рассказали и показали отдельные безобидные и безопасные для самолета элементы управления им. Но и сейчас они каждый раз его предупреждали:

— Вот этот тумблер, Виктор Петрович, не трогайте!

— А что произойдет, если трону?

— Перейдем в пике! — шутили пилоты.

— Ясно. Не буду трогать. Я не один в самолете, и не все хотят пикировать с моей помощью.

Пилоты «позволяли» шефу подержать штурвал, слегка покачать крыльями, немного изменить курс в горизонтальной плоскости и возвратиться в исходное положение. После этого мягко, но настойчиво просили его пересест из пилотского кресла за стол в салоне самолета, который устанавливался на время полета.

Долгие часы однообразного полета помимо опасных забав Главного конструктора за штурвалом самолета скрашивало сухое вино «Алиготе». К моменту прибытия в Красноярск в коробке с «сухарем» осталось всего две бутылки.

За час до посадки сидели за столом. У Макеева опять родилась оригинальная мысль: «А почему бы после Красноярска нам не слетать в Норильск? Познакомиться с боевым полем „Норильск“? Тем более — это совсем рядом».

Спорить, отговаривать никто не стал, знали, что бесполезное это занятие. Новиков сразу же занялся вопросом связи с оперативным дежурным Полигона, чтобы через него передать указания на боевое поле по поводу встречи нашей группы в аэропорту Алыкель. Связь установили через наземные службы военной авиации, все указания даны. Заупрямились наши пилоты: «Лететь в Норильск не можем, нет комплекта полетных карт. Придется вам, Виктор

Зима на Севере. Рядом стартовые позиции ракет

На лыжне

Село Нёнокса. Троицкая многошатровая
церковь, построенная в 1727 г.
без единого гвоздя

Нёнокса, озеро Островистое. На отдыхе. Второй слева – доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР профессор Е. Н. Мнёв

Нёнокса, озеро Плоское. «Экипаж» машины боевой

Перед торжественным маршем.
Справа налево: В. С. Салов, Б. А. Васильев, Г. Ф. Ежков

Нёнокса. День Военно-морского флота. После торжественного построения

Группа офицеров в День Военно-морского флота

Офицеры Полигона

На Полигон с инспекцией прибыл Главный инспектор Министерства обороны
Маршал Советского Союза Москаленко К. С.

Нёнокса. На стартовой позиции испытания крылатых ракет с наземного стенда

Белое море. Старт!

Нёнокса, Д. Ф. Устинов и сопровождающие его лица осматривают объекты, готовые к испытаниям новейшего ракетного комплекса Д-9

Главкомандующий ВМФ
Адмирал Флота Советского Союза
Горшков С. Г.

Командующий Краснознаменным
Северным флотом адмирал флота
Лобов С. М.

Итоги подводит Маршал Советского Союза Москаленко К. С.

Нёнокса. На стартовой позиции баллистических ракет

Главный конструктор двигательной установки ракеты А. М. Исаев:
«Двигательная установка ракеты...к пуску готова!»

Нёнокса. Слева направо: В. Н. Соловьёв, Е. Д. Новиков, В. П. Макеев, А. М. Исаев,
Г. Ф. Ежков

Нёнокса. После успешного запуска. В первом ряду (справа налево): Котельников,
В. Е. Каргин. Во втором ряду (справа налево): В. П. Макеев, Ф. П. Сорокин,
Б. Н. Герасимов, Н. А. Хохлов, Г. Ф. Ежков, В. И. Модин

Генеральный конструктор ракетного комплекса В. П. Макеев (первый ряд, в центре) и Генеральный конструктор атомного ракетоносца С. Н. Ковалев (первый ряд, второй слева) среди участников испытаний

Нёнокса. После успешного пуска. У Генерального конструктора хорошее настроение

Нёнокса. Слева направо: Л. М. Косой, В. Заикин, В. П. Макеев, Г. Ф. Ежков,
В. Е. Каргин, В. К. Свистунов

Нёнокса. Слева направо: Е. Д. Новиков, В. М. Макеев, Л. М. Косой

Смотровая площадка на Красноярской ГЭС. Слева направо: Е. Д. Новиков, В. М. Макеев, Л. М. Косой, Г. Ф. Ежков

Начальник Полигона контр-адмирал
Новиков Е. Д.

Заместитель Генерального
конструктора В. Е. Каргин

Главный конструктор наземного ракетного комплекса В. Н. Соловьев

Генеральный конструктор В. П. Макеев (справа) и командующий Краснознаменным Северным флотом адмирал флота Лобов С. М.

Командиры части в Нёноксе. Слева направо: Коцеев И. И., Ешин И. А., Ежков Г. Ф., Модин В. М.

Снова в Давлсканово, и снова День Победы... 1997 г.

Петрович, воспользоваться услугами Аэрофлота». Забегая вперед: в Красноярске в агентстве Аэрофлота я навел необходимые справки. В Норильск летал самолет Ил-18, но по условиям аэропорта Алыкель эта трасса открывалась только через месяц и обслуживалась двумя рейсами в неделю. Время в полете — 2,5 часа, что далеко не «совсем рядом». Но это все чуть позже, а пока, не считаясь с возражением пилотов, Макеев дал указание экипажу подготовить все необходимое к полету в Норильск через 3 дня после посадки в Красноярске. По поводу полетных карт он в шутку порекомендовал в крайнем случае воспользоваться ученическими из учебника по географии СССР за пятый или шестой класс. На этом вопрос был закрыт.

На Красноярском машиностроительном заводе (КМЗ) познакомились со всем, что касалось производства «наших» ракет. Макеев, помимо всего прочего, сразу же обратил внимание директора на вопиющую захламленность завода: о какой культуре производства можно вести речь, если на заводе нет элементарного порядка! (Через некоторое время директор завода Борис Николаевич Гуров был переведен на другую должность с понижением, а кресло директора в обществе холодильника «Бирюса», которые выпускал завод, с зав. № 1000000 (один миллион!) занял Владлен Петрович Котельников из Златоуста.) С большим интересом холоди́льником прошли все семь с половиной километров поточной линии по изготовлению холодильников «Бирюса». Холодильники понравились, особенно в экспортном исполнении с компактными надежными японскими компрессорами и магнитной резиной на дверях. Мы сразу же задали каверзный вопрос заместителю директора завода по качеству и надежности изделий Анатолию Михайловичу Ваганову:

— Какой холодильник стоит у вас на кухне?

Тот поведал нам свою горестную историю:

— Понимаете, решил купить холодильник «Бирюса» своего производства. На поточной линии пометил один из будущих холодильников в обычном исполнении и приказал после изготовления доставить мне домой помеченный мной экземпляр (после оплаты, разумеется).

— Ну и как изделие, изготовленное на родном заводе?

— В общем ничего, только грохочет, как танк по брусчатке Красной площади во время парада, и упорно не хочет охлаждать продукты в своем шкафу. Вот ведь сволочи-бракоделы! Слов нет, чтобы выразить возмущение! Наказать их, бракоделов, так их бабушку, мать и прочих близких родственников, надо!

Посмеялись, посочувствовали зам. директора, отвечающему на заводе за качество и надежность выпускаемой продукции.

Съездили в Дивногорск на плотину Красноярской ГЭС. Зрелище впечатляющее!

В эти дни на КМЗ началась дефектация «задела». Анализ на заводе проведут позже. Но об одном дефекте, обнаруженном в те дни, упомянуть надо. Разделали одну из ракет по всем правилам искусства мясников. Вскрыли топливные баки. Заборное устройство одного из компонентов оказалось закрытым шапкой. Обычной русской ушанкой. Выяснилось: во избежание попадания в трубопровод окалины, брызг металла, пыли «аккуратный» сварщик перед началом сварки заткнул заборное отверстие своей собственной шапкой, а после окончания работы забыл ее вытащить. Типично русский почерк!

Сэкономили на специальной технологической заглушке и обrekli ракету на неминуемую катастрофу. Попробуй после падения этой ракеты установить причину аварии! С подобными казусами, но не настолько скандальными, приходилось встречаться и раньше. На одной из крылатых ракет при стыковке стартового агрегата к ракете матрос исхитрился состыковать «папу» с «папой» разъемов запуска двигателей отброса отработавшего стартового агрегата. Этаким неизящный вариант технического мужеложства. В другом случае в крылатую ракету забыли установить «мелочь» — боевую часть, для доставки которой к цели и существует ракета. Зато после работы с другой «забыли» в отсеке ракеты сумку с инструментом, как это делает рассеянный хирург, забывая в животе прооперированного больного тампоны, ножницы, пинцеты и прочий инструментарий.

Через три дня, как и было запланировано, мы полетели в Норильск. Полетные карты летчики не достали. По этой причине они воспользовались рекомендацией своего шефа и вели самолет вдоль Енисея. Чтобы не сбиться с пути, повторяли в точности все повороты и зигзаги могучей русской реки. Так долетели до Дудинки. Надобность в поводыре — Енисее отпала, повернули вправо от могучего, взяли курс на Норильск, приземлились в аэропорту Алыкель.

Связь между аэропортом и городом поддерживалась с помощью поезда типа пригородного, который ходил два раза в сутки. Поэтому в аэропорту нашу команду встретил начальник боевого поля «Норильск» полковник ВМФ Неняев Василий Федорович на двух снегоболотоходах «ГТС-С». Дальше — два часа северной экзотики — болота, кое-где чахлая, корявая, низкорослая растительность, озера и очень много оглушающего, далеко разносящегося по тундре грохота двигателей вездеходов. Правда, к грохоту нам в Нёноксе было не привыкать. Там мы часто пользовались этим шумным, но иногда незаменимым транспортом. С ходу преодолевали и топкие, подернутые ряской болота, и небольшие речушки. Пару раз переплывали через очень глубокое озеро Островистое (при близкой к «0» устойчивости и очень небольшой положительной плавучести ГТС). У нас даже существовали две концепции к преодолению топких преград. Классный водитель ГТСки старший лейтенант Виктор Заикин считал, что небольшие болота, топкие места вообще надо преодолевать с ходу на большой скорости. Начальник Полигона адмирал Новиков Е. Д. был сторонником преодоления таких препятствий осторожно, предварительно осмотревшись, на малой скорости, чтобы в любой момент можно было бы дать задний ход и повторить попытку в другом месте. Если застрял, то остановиться, закрепить бревно к тракам передней части гусениц и выкарабкиваться. Впрочем, в последнем обе концепции пересекались. Один раз точка зрения Новикова восторжествовала. Преодолели очередное болото на скорости, правая гусеница выскочила на сухую кочку, вездеход накренился на левый борт, зачерпнул воды и по законам физики довольно быстро пошел на дно. Пассажиры — Новиков, Макеев, Каргин и еще несколько человек быстро выскочили из тонущего «судна». Никто не пострадал. Позже, зимой, провели настоящую операцию по спасению ГТС. С помощью двух тракторов и добытого за пару бутылок в поселке Сюзьма полиспаста извлекли «утопленника» со дна болота на твердь земную. Но я отвлекся от линии повествования.

Через пару часов обе ГТСки, перескочив через последнее болото, влетели в город, прогрохотали по его чистым ухоженным улицам и, в последний раз надрывно чихнув, как вкопанные встали у гостиницы. И сразу наступила непривычная тишина. Встали, размяли затекшие ноги, ничего не слыша после лязга и грохота, побрели в свое временное жилище.

На следующий день член ЦК КПСС Виктор Петрович Макеев, как того требовал неписанный партийный этикет, под escortом прибывших с ним рядовых коммунистов (Новиков, Каргин, Косой, Неняев, Ежков) нанес визит вежливости фактическому хозяину Норильска — первому секретарю горкома КПСС.

После знакомства с работой боевого поля «Норильск» и выполнения плана пребывания в Норильске Макеев попросил В. Ф. Неняева собрать личный состав боевого поля, которое было наиболее удаленной «точкой» от Главной базы Полигона и цивилизации. Он так сказал: хочу выступить, поговорить с офицерами, старшинами и матросами.

Лично я был поражен. Макеев очень не любил подобных мероприятий. Приедет из Москвы в Нёноксу после заседания Верховного Совета СССР или Пленума ЦК КПСС — мой замполит, как кошка на мышь, бросается к нему: «Виктор Петрович, можно вас попросить выступить перед личным составом, рассказать, что и как там было, какие решения приняли?» Макеев, мягко, хитровато улыбаясь, неизменно отвечал: «А что там интересного? Все как обычно, все будет опубликовано в печати, все прочитаете, так что выступать не буду, рассказывать нечего». И не было случая, чтобы согласился выступить. Замполит переживал: «Рядом с нами депутат Верховного Совета, член ЦК КПСС, а мы ни разу не воспользовались такой возможностью». А в Норильске сам, без просьб изъявил желание выступить!

В клубе собрали весь личный состав боевого поля. Выступление Макеева, а оно длилось больше часа, было посвящено работе КБМ: с чего начали, чего достигли, что имеется в портфеле, планы КБМ на ближайшие годы. Остановлюсь на первой части его выступления. Макеев рассказал, что начиналось создание морских баллистических ракет с ракеты Р-11ФМ, которая была разработана в ОКБ-1 под руководством Сергея Павловича Королева. Эта же ракета под руководством С. П. Королева была модернизирована и впервые в мире осуществила старт с подводной лодки, находящейся в подводном положении. Он сказал так (примерно, конечно): «...Мы, а я (т. е. Макеев. — *Примеч. авт.*) имею в виду ОКБ-1, где я работал ведущим конструктором, под руководством С. П. Королева создали первую в мире ракету, стартовую из-под воды с подводной лодки». Виктор Петрович коротко остановился на заслугах С. П. Королева, раза два подчеркнув при этом, что он — ученик Сергея Павловича. О процессе работы над модернизацией ракеты Р-11ФМ для старта из-под воды он сказал так: «Работали под руководством Королева дружно, времени и сил не жалели». Ни в том выступлении, ни в частных разговорах Виктор Петрович никогда не говорил о своих личных заслугах как в период работы у С. П. Королева, так и позже, когда стал работать самостоятельно. Он очень гордился и не раз говорил, что он ученик и воспитанник Великого конструктора Королева. Даже больше того, пару раз у него прозвучала такая фраза: «Не буду говорить высоким стилем, но меня создали Сергей Павлович Королев и комсомол».

Он очень высоко отзывался о ярком таланте Королева, преклонялся перед тем, чей гений положил первый камень в фундамент новой отрасли в ракетостроении — создание ракет для подводных лодок, стартующих из-под воды.

Вполне естественно, в выступлении Макеев довольно эмоционально сравнил характеристики той, первой ракеты Р-11ФМ, которой стреляли из Белого моря по боевому полю «Поной» на дальность 196 километров, и проходящей испытания ракетой, которую пускали по боевому полю «Норильск», по боевому полю «Кура» на Камчатке и готовятся пуски по боевому полю в акватории Тихого океана на много тысяч километров. Отметил, что технические и тактические характеристики ракеты Р-11ФМ низкие, но это — первая ласточка. Почти все, что делалось тогда, можно было предварять словами «впервые в мире».

Так что я категорически не согласен с утверждением Запольского в его книге «Ракеты стартуют с моря», где он безосновательно, на мой взгляд, пишет: «Можно понять щедрость С. П. Королева и *нежелание* Макеева В. П. расставаться с подаренным ему приоритетом». Во-первых, приоритет подарить нельзя потому, что истинный первооткрыватель, первопроходец таким и входит в историю. Во-вторых, убежден, что В. П. Макеев никогда и не покушался на чей-то приоритет и уж тем более на приоритет своего Учителя, С. П. Королева. Более того, он гордился, что первооткрывателем в создании ракет с подводным стартом является его Учитель.

После выступления Макеева матросы, старшины и офицеры боевого поля «Норильск» подарили ему, к великому удовольствию Виктора Петровича, красиво оформленный кусок руды, добытый в Талнахе из недр норильской земли, который содержал, как гласила медная табличка, подавляющее большинство элементов Периодической таблицы элементов Менделеева.

В связи со сказанным выше вспоминается один шутливый разговор Виктора Петровича с Лейбом Месровичем Косым, талантливым инженером, так сказать, экспертом Макеева, его правой рукой по системам управления создаваемых ракет, а позже его заместителем, в присутствии небольшой аудитории — Виктора Егоровича Каргина, его заместителя, и автора этих строк. В процессе разговора по какому-то поводу Виктор Петрович говорит:

— Леня (так Макеев обращался в неофициальной обстановке к Косому), почему-то фамилии многих гениальных ученых, инженеров, конструкторов начинались с буквы К — С. П. Королев (!), И. В. Курчатов, М. В. Келдыш, самородок Кулибин И. П., у нас в КБМ — Клейман Владимир Леонидович (зам. Макеева), Каргин Виктор Егорович (зам. Макеева), Колесников Павел Сергеевич (комплексник по корабельным системам ракетного комплекса), ну и... — лукавые смешинки в глазах Виктора Петровича заблестели еще сильнее... — ты, Леня, тоже гениальный... в первом приближении.

Л. М. Косой:

— А вы, Виктор Петрович?

— А что я? Моя фамилия начинается с буквы «М», которая не котируется среди гениальных...

Так что Виктор Петрович никогда не покушался на авторитет своего бывшего Учителя и принадлежащие ему приоритеты. Тем более последних у него было более чем достаточно своих.

После встречи В. П. Макеева с личным составом боевого поля «Норильск» в уютные минуты традиционного на флоте вечернего чая мы с Е. Д. Новиковым попросили Виктора Петровича подробнее рассказать, как он стал морским ракетчиком, т. е. о выходе СКБ-385 из ОКБ-1 в свободное рейдерское плавание. Не вдаваясь в детали, с видимой неохотой (В. П. не любил рассказывать о себе, ограничиваясь общими стереотипными фразами) он рассказал следующее.

Первый в мире ракетный ударный комплекс с баллистической ракетой, стартующей с подводной лодки, находящейся в надводном положении, был разработан в ОКБ-1 НИИ под руководством Генерального конструктора Сергея Павловича Королева. В. П. Макеев принимал участие в этой работе в довольно скромной должности ведущего конструктора. Работа завершилась успешным пуском ракеты Р-11ФМ из шахты подводной лодки «Б-67» Северного флота 16 сентября 1955 года. Этим пуском была доказана принципиальная возможность применения подводных лодок в качестве подвижных, высокоманевренных стартовых позиций для запуска баллистических ракет.

После модернизации ракеты Р-11ФМ в ОКБ-1 под руководством С. П. Королева и соответствующего переоборудования подводной лодки под руководством Н. Н. Исанина 10 сентября 1960 года впервые в мире был осуществлен успешный пуск баллистической ракеты из подводного положения носителя — подводной лодки, чем практически была доказана возможность нанесения ракетно-ядерного удара баллистическими ракетами морского базирования по наземным объектам противника сравнительно скрытно от сил и средств его противолодочной обороны (ПЛО).

Очередной ракетный комплекс Д-2 с ракетой Р-21, завершающий «первое поколение» морских баллистических ракет, принципиально отличался от своих предшественников тем, что с первого листа ватмана конструкторов проектировался специально для вооружения подводных лодок ВМФ. На этапе эскизного проектирования он разрабатывался совместно ОКБ-1 (Королев) и СКБ-385 (Макеев). По завершении этого этапа С. П. Королев передал морскую эстафету своему ученику В. П. Макееву. С этого момента дальнейшее проектирование как комплекса Д-2, так и всех последующих комплексов баллистических ракет, предназначенных для вооружения подводных ракетно-носцев ВМФ, осуществлялось исключительно в конструкторском бюро (СКБ-385, КБМ) под руководством Виктора Петровича Макеева.

Макеев заметил, что во время встречи с личным составом боевого поля он лишь мимоходом сравнил боевые возможности тех первых ласточек морского ракетостроения, ракет первого поколения, с комплексом, который мы сейчас испытываем на Полигоне. Для вас (то есть нас с Новиковым), офицеров ВМФ, специалистов-ракетчиков, не секрет, что проходящий на Полигоне испытания ракетный комплекс с баллистической ракетой, обладающей межконтинентальной дальностью полета, позволяет наносить ракетно-ядерные удары с подводных лодок, находящихся в подводном положении на боевом дежурстве, из любой точки Мирового океана. Точка старта при необходимости может быть выбрана и в пределах оперативной зоны своей военно-морской базы, флота. Испытуемый комплекс позволит осуществлять выбор оптимально, с точки зрения эффективности прорыва сил и средств противоракетной обороны (ПРО), направления подхода ядерных головных частей к избранному объекту поражения.

А какие боевые возможности, перспективы заложены в новейшем ракетном комплексе, который, как принято говорить, находится в портфеле конструкторов! Дух захватывает! Но говорить об этом пока рано. И не только из соображений секретности, а потому, что многие технические решения, задумки, проблемы требуют тщательной проработки, апробации, подтверждения возможности их реализации «в металле». И если все пойдет так, как конструкторами задумано, а он (Макеев) уверен в этом, получится морской ракетный комплекс, подобного которому нет у соперников по гонке вооружений. И не будет в ближайший десяток лет.

Хотя при разработке очередного комплекса предусматривается резкое увеличение объема наземной экспериментальной отработки отдельных систем, приборов, проведения натурных испытаний ракет с наземного стенда и из шахты головной подводной лодки не избежать. Проведение испытаний фактическими пусками планировалось на Полигоне, и скоро мы приступили к подготовке к ним.

Виктор Петрович оставался верен себе: на Полигоне еще не закончены испытания его очередного ракетного комплекса, а в подразделениях КБ полным ходом велись работы над созданием следующего, более мощного и совершенного.

После завершения двухсуточного визита в Норильск Макеев, Каргин и Косой отправились своим самолетом, на котором мы прилетели и который ожидал в аэропорту Алыкель, в Челябинск, а мы с Новиковым рейсовым самолетом Ил-18 Аэрофлота — через Ленинград в Архангельск.

Заняли свои места, сверток с местной рыбой (пара омулей, несколько сегов, пеляди), подарок Неняева, забросили на багажную сетку. Когда раздавали карамельки, Новиков попросил стюардессу, которую, как узнали позже, звали Валею, разделить омуля и вручил ей сверток. Валея, которая жила в Ленинграде, все поняла с полуслова. Через некоторое время она пригласила нас в уютный закуток, который раньше использовался в качестве гардероба, а теперь был переоборудован для членов экипажа. Там стояли диванчики, столик, висел на входе тяжелый занавес. Когда мы пришли, столик уже был сервирован проворными девичьими руками и молодым человеком, отвечающим за приготовление бортовых завтраков. Во главе закусок стояли тарелочки с разделанным омулем. В аэропорту Алыкель мы с Евгением Дмитриевичем прихватили с собой бутылку коньяка «Двин» и ликера «Бенедиктин».

Вертолет Ми-8 рейсом Архангельск — Северодвинск поставил точку в нашем круизе по маршруту Северодвинск — Архангельск — Москва — Челябинск — Красноярск — Норильск — Ленинград — Архангельск — Северодвинск.

В июле 1972 года я был назначен на новую должность, заместителем начальника Полигона по испытаниям. Назначение с повышением, новая должность — адмиральская, очень интересная, так как связана в основном с проведением испытаний. Права, штатная категория выросли, но существенно возрастали объем работы, ответственность. На этом закончился нёнокский период и начинался северодвинский период службы на Полигоне.

Через две недели, в первых числах августа я был назначен председателем Государственной комиссии по испытаниям ракетного комплекса крылатой

ракеты П-500. Мой предшественник контр-адмирал Сорокин Федор Петрович получил назначение в Ленинград.

Оказывается, как просто все решается!

Кардинальные меры, принятые Госкомиссией, Советом главных конструкторов, В. П. Макеевым, дали свои положительные результаты: было сформулировано удовлетворительное объяснение причин аварийных пусков, внедрены соответствующие доработки, мероприятия, испытания возобновлены после вынужденной остановки. Но Макеев не был бы Макеевым, ограничься он задачами дня текущего. Его подход обычно заключался в следующем: идут испытания одного комплекса, а в недрах КБМ уже зарождаются контуры следующего, более совершенного, создается теоретический и экспериментальный задел, его фундамент. Не были исключением и проходящие в описываемый период испытания. В КБМ полным ходом шли работы по созданию ракетного комплекса следующего поколения.

В Нёноксе собралась комиссия для решения организационных вопросов на предстоящих испытаниях нового ракетного комплекса Макеева. Уровень комиссии достаточно высок. Назову некоторых членов. Министр общего машиностроения Сергей Александрович Афанасьев и его заместители Николай Дмитриевич Хохлов, Сергей Сергеевич Ванин, министр судостроительной промышленности Борис Евстафьевич Бутома и его заместитель Игорь Сергеевич Белоусов, зам. начальника военного отдела ЦК КПСС Николай Матвеевич Лужин, представитель ВПК Вячеслав Иванович Савин, главные конструкторы Виктор Петрович Макеев, Всеволод Николаевич Соловьев, Геннадий Геннадьевич Стрижов, представители других КБ, заинтересованных ведомств, учреждений, начальник УКС Северного флота, руководящие офицеры Полигона, НИИ ВМФ и др. Руководили совещанием Новиков и Макеев. Совещание должно было разработать, подписать и представить в ЦК КПСС и Совет министров очень важный документ. Обсуждение документа проходило в зале заседаний бурно, эмоционально, но со скрипом, с большим трудом. Представители ведомств спорили до хрипоты из-за каждой формулировки, сражались за каждое слово, букву. Иногда на словах соглашались, но ставить подпись явно не спешили. Согласовать столько противоречивых требований, мнений оказалось не под силу даже таким опытным дипломатам, как Макеев и Новиков. Казалось, работа зашла в тупик, ни один член комиссии не подписал документ. У Новикова и Макеева созрел план выхода из тупиковой ситуации. Новиков попросил меня подойти и тихо посвятил в суть этого плана, отдал необходимые распоряжения.

В соответствии с планом мини-«Барбаросса» я вышел, через 30—40 минут возвратился в зал, где в воздухе можно было повесить топор, и нарочито громко, чтобы «случайно» услышали все присутствующие в зале, доложил Новикову: «В салоне столовой Военторга все готово, ждут на обед (или ужин?) гостей, но беспокоятся, так как у них кончается рабочий день. Необходимо сделать перерыв на обед». В зале замолкли, насторожились в напряженном ожидании. Выдержав, как опытный артист, эффектную паузу, Новиков предложил высокой комиссии сделать небольшой перерыв на обед,

а затем переехать в Северодвинск и там закончить работу над документом. Присутствующие облегченно вздохнули, оживились, загалдели, единодушно поддерживая предложение председательствующего. Новиков радушно пригласил всех в столовую. Утомившаяся и проголодавшаяся высокая комиссия и иже с ними не стали ждать повторных приглашений. Все дружно направились в столовую. Новиков, как гостеприимный хозяин и завзятый тамада, принял на себя руководство обедом. Делал он это на редкость умело, профессионально. На столиках, как по мановению волшебной палочки, появились бутылки с коньяком, водкой, сухим вином, с учетом вкуса каждого из гостей. После обеда в благодушном состоянии духа все расселись по машинам и кортеж направился на станцию Нёнокса. Поднялись по бетонке к водозабору, самой высокой точке ближайшей округи. Именно в этом месте когда-то по предложению Д. Ф. Устинова после осмотра с бетонной башни были начаты всесторонние исследования с целью строительства в будущем новой стартовой позиции. Неожиданно Новиков остановил головную машину. По его предложению московские гости высыпали из машин и буквально бросились к поляне среди невысоких деревьев около бетонной дороги. Все стали, как дети, дурачиться, искать колышки, чтобы забить их в центре поляны и отметить этим исторический момент рождения новой стартовой позиции. Наконец уgomонились. Четко уловив благоприятную ситуацию, Новиков предложил:

— Дорогие товарищи, давайте в этот исторический момент на не менее историческом месте, у центра будущей стартовой позиции, вернемся к последнему варианту нашего документа.

Хитрый, работающий под такого мужичка-простачка, Евгений Дмитриевич все предусмотрел и прихватил с собой папку со всеми экземплярами злополучного документа. Обед, поездка, остановка у водозабора и другие эпизоды были фрагментами сценария, разработанного Новиковым и Макеевым.

Члены комиссии, пребывая в благодушно-приподнятом настроении, бесшабашно загалдели:

— А чего его рассматривать! Все уже рассмотрено, изучено, согласовано. Надо подписывать, и дело с концом.

И, вооружившись собственными орудиями производства — авторучками, вытянулись чуть ли не в живую очередь к документу. Встал вопрос: на что положить бумаги, чтобы их было можно подписать? Вячеслав Иванович Савин нашелся первым. Наклонился, повернувшись спиной к страждущим расписаться, как при игре в «отмерного» или «чехарду», и предложил свою спину. Кто-то сразу отверг этот вариант подставки: «Спина мягкая, испортим документ!» Игорь Сергеевич Белоусов решительно положил бумаги на капот головной «Волги» и предложил всем подходить и исполнить свой гражданский долг. Все с авторучками облепили капот машины, торопясь в числе первых поставить свой автограф на документе. Картина была уморительная, достойная того, чтобы запечатлеть ее для потомков на фото пленку, жаль, не было с собой фотокамеры: капот черной «Волги» плотно облеплен солидными государственными мужами, на переднем плане — набор министерских и прочих государственных задниц. Через несколько минут все было кончено. Многочасовое согласование закончилось, документ подписан. Новиков вручил мне папку с подписанными совершенно секрет-

ными бумагами: сдать в секретную часть, отправить фельдсвязью адресатам согласно перечню рассылки. Все члены комиссии и примкнувшие к ним расселись по машинам с сознанием добросовестно выполненного долга. Кортеж продолжил свой путь на станцию. Там уже стояли «под парами» две комфортабельные матрасы. Через несколько минут, весело перестукивая колесами на стыках рельсов, они бойко побежали вдоль побережья Белого моря в Северодвинск.

Проводив высокопоставленных гостей и вздохнув с облегчением, отправился домой. Там ночью меня ожидало небольшое происшествие, никак не связанное с предыдущими событиями. Я спокойно досматривал очередной сон, когда на тумбочке противно и, как всегда, несвоевременно и требовательно, заверещал телефон линии «морская». Мысленно проклиная всех и вся, на ходу освобождаясь от назойливых остатков прерванного сна, прошлепал к телефону, бодрым голосом назвал себя. В ответ слышу:

— Извините, но вас вынужден побеспокоить в столь неурочный час оперативный дежурный (ОД) Главного штаба (ГШ) ВМФ...Вы в курсе обстоятельств работы заказа несколько часов назад? (На нашем сленге это означало «пуска ракеты с заводской подводной лодки». С началом строительства ПЛ ей присваивался определенный номер — номер заказа). — Меня, — продолжал ОД ГШ, — интересует: кто и откуда работал, как было организовано оповещение.

— Разумеется, я в курсе дел, так как наша часть обеспечивает эти работы своим измерительным комплексом, боевыми полями и, само собой разумеется, осуществлением оповещения. Но вряд ли уместно говорить на эту тему по открытому телефону. Если вы не возражаете, я могу подъехать к своему оперативному дежурному и от него позвонить вам через 30 минут по телефону ВЧ-ПС или ВЧ-ВМФ.

— Не беспокойтесь, я очень ограничен временем. Говорите по этому телефону по возможности иносказательно, ответственность беру на себя.

Пришлось «по возможности иносказательно», на нашем сленге рассказать, что поздно вечером из северо-восточной акватории Норвежского моря подводная лодка Северного флота произвела учебный пуск ракеты комплекса Д-5 (детище В. П. Макеева, предшественница нового ракетного комплекса, который мы начали испытывать) по боевому полю «Хальмер-Ю». Стреляющая лодка не заводская, а уже переданная заводом Северному флоту и вступившая в строй действующих кораблей флота. Поэтому оповещение о предстоящем пуске было дано штабом части в Главный штаб ВМФ через штаб Северного флота и для подстраховки — напрямую.

ОД ВМФ поблагодарил за информацию, извинился за ночной звонок, и этот странный для меня, необычный разговор завершился.

Значительно позже узнал подоплеку ночного звонка. Оказывается, система оповещения где-то дала сбой и информация не достигла своих адресатов, в частности средств ПРО (противоракетная оборона). Средства дальнего обнаружения ПРО сработали четко и своевременно обнаружили «неопознанную» цель, которая была квалифицирована как головная часть баллистической ракеты, движущаяся из западного сектора в направлении территории СССР. Начался вселенский переполох: доклады, запросы, указания и т. д. Средства уничтожения цели не задействовались. За высокую боеготовность

средств ПРО командир отличившегося подразделения ПВО был награжден орденом Ленина. Все это будет потом, а узнали мы об этом еще позже. А пока я с облегчением положил на место телефонную трубку и побрел на диван досматривать так неожиданно прерванный сон. Утром, естественно, выяснил, вовремя ли ушло оповещение от нас из Северодвинска в Североморск и Москву. Как я и предполагал, у нас организация сработала четко, без сучка и задоринки.

Еще раз — Москва, Кремль. ВПК

В процессе испытаний почти всегда благополучные периоды, когда пуски один другого успешнее, сменяются периодами фатального невезения. Ракеты падают одна за другой. Хорошо, если удастся быстро выяснить причину, более или менее общую для всех аварийных пусков. Если нет, то признано целесообразным остановить испытания, провести тщательный анализ неудач (на флоте говорят: «осмотреться»), провести эксперименты, дополнительную наземную отработку узлов и систем, внести корректировку в конструкторскую документацию.

Продолжение испытаний оправданно только тогда, когда найдено удовлетворительное объяснение, подтвержденное экспериментом, моделированием неудачных пусков и проведены соответствующие доработки на всем заделе. Вот в такой примерно ситуации длительного хронического невезения и оказались мы при испытаниях одного нового комплекса крылатой ракеты. К тому времени я уже был заместителем начальника Полигона по испытаниям и председателем Государственной комиссии по испытаниям и приему на вооружение этого самого комплекса. Три пуска подряд завершились крайне неудачно: «Дымились, падая, ракеты...», один из определяющих параметров ракеты откровенно вылезал за пределы допустимых значений согласно ТЗ. Решили приостановить испытания, «осмотреться». Сразу же почувствовали давление со стороны весьма ответственных лиц, заинтересованных в форсировании испытаний. В первую очередь имеются в виду разработчики, в числе которых можно назвать заместителя Генерального конструктора В. Н. Челомея — А. И. Эйдиса, который курировал эту тему. Начались взаимные обвинения, трения между разработчиками и заказчиками. Расширенное совещание, которое провел лично Генеральный у себя в ОКБ, всех вопросов не решило, разногласия остались. В ситуацию вмешалась комиссия по военно-промышленным вопросам при Совете министров СССР, сокращенно — Военно-промышленная комиссия (ВПК), государственный орган, обладавший огромной властью, правами и, что очень важно, — практически неограниченными возможностями. Председатель ВПК Леонид Васильевич Смирнов, человек умный, опытный, эрудированный, требовательный до беспощадности, пользовался правами заместителя председателя Совета министров СССР. Кстати, раньше ВПК возглавлял Д. Ф. Устинов и оставил в этом ампула у людей, которые сталкивались с ним в комиссии, неизгладимые, до панического ужаса, воспоминания.

Ожидая вызова на неизбежную экзекуцию, сидели мы в Кремле, в просторной приемной ВПК, вполголоса переговаривались, ожидая, когда в зале

заседаний ВПК завершится разборка с ПВОшниками. Докладчики, а их было по плану трое (председатель Госкомиссии по испытаниям, технический руководитель испытаний и главный конструктор системы управления), просматривали в десятый раз тезисы своих докладов, готовились к возможным вопросам членов комиссии. Незадолго до этого меня основательно проинструктировал зам. главкома ВМФ адмирал Котов Павел Григорьевич. Человек опытный в таких щекотливых ситуациях, он четко сформулировал, в каком ключе должен быть мой доклад: короткий, конкретный, напористый, а тактика поведения — наступление. По плану мой доклад должен быть третьим после Д. М. Герчика и В. В. Павлова. Мы втроем мирно беседовали, каждый держа за пазухой маленький булжничок для собеседника. С наслаждением пили отличный освежающий напиток «Руслан». Это что-то типа настоящего русского кваса, пенистый, бьющий в нос, в красивых бутылочках, стилизованных под старинные русские штофы. Я в первый и в последний раз видел и пил этот бесподобный напиток. Мы довольно быстро опустошили все бутылки с «Русланом». Дежурный по приемной невозмутимо принес и расставил на столики по углам комнаты с дюжину бутылок с этим напитком. Наверное, подумал: «Вот деревня, приехали и набросились на кремлевский напиток!» За несколько минут до приглашения в зал заседаний меня предупредили: во изменение плана мне докладывать первым. Затем — технический руководитель Даниил Максимович Герчик и, наконец, главный конструктор системы управления КБ «Гранит» Виктор Владимирович Павлов. Это в корне меняло дело. Если бы первыми выступили разработчики и, естественно, лягали почему зря заказчика, в данном случае Полигон, обвиняя его во всех тяжких, то у последнего докладчика оставалась возможность опровергнуть обвинения первых двух, оправдаться, возложить вину на них, то есть перебросить мяч на их половину поля, а ответить, огрызнуться они уже были бы не в состоянии, их регламент исчерпан. Выступая первым, я и психологически и тактически оказывался незащищенным. Разработчики дружно опровергнут все доводы и обвинения первого докладчика в их адрес и так же дружно всю вину взалют на плечи заказчика. Они могут спокойно, не опасаясь ответной реакции, лягать заказчика. Их слово последнее, и оно может оказаться решающим для формирования мнения членов ВПК.

Уже по пути к трибуне пришлось на ходу перестраиваться и делать совершенно новый, импровизированный доклад, в совершенно иной тональности, без подготовки, экспромтом, засунув в карман подальше ненужные теперь заранее отработанные тезисы. Доклад стал более «мирным», щадящим самолюбие избалованных успехами в космосе разработчиков. Д. М. Герчик и В. В. Павлов слушали первый доклад и, как они позже признались, ушам своим не верили, ожидая совершенно иного. Тезисы моего подготовленного ранее доклада они знали лучше меня, инструктаж П. Г. Котова слышали собственными ушами от начала до конца, так как Котов не скрывал своего мнения, своих мыслей, и соответственно собирались резко отреагировать с трибуны. Все изменилось. Видимо, ключ, в котором прозвучал первый доклад, но который не соответствовал указаниям П. Г. Котова, был выбран удачно, так как два последующих доклада прозвучали в унисон с первым. Обсуждение вошло в спокойное, деловое русло. Вопросов с уничтожающим подтекстом и резких выступлений членов ВПК не последовало. В спокойных

выдержанных тонах, без ожидавшихся громов и молний, было построено и заключительное, подводящее итог совещанию, выступление властного, жесткого председателя ВПМ Л. В. Смирнова. Таким же примерно было и решение комиссии. Выяснение причин неудачных пусков, отношений возложили на «разработчиков» и «заказчиков».

Анализ причин фатальных неудач вскоре был успешно завершен, «диагноз» поставлен, «лечение» проведено, и испытания ракетного комплекса продолжены.

Как И. В. Сталин «помог» купить женские сапоги

Испытания оружия — работа, которая требует от ее участников полной отдачи физических и моральных сил, не оставляя их на хобби нормальный отдых. К тому же обязанности председателя Госкомиссии по испытаниям — дополнительные. Они хоть и ограничены по времени принятием на вооружение испытываемого комплекса, но абсолютно не исключают исполнения в полном объеме основных штатных обязанностей заместителя начальника Полигона. Штатная должность зама по испытаниям очень хлопотная, ответственная, требует много сил и времени.

В такой ситуации отпуск представляет собой долгожданную отдушину в жизни офицера Полигона. К сожалению, эта «отдушина» появляется из года в год с завидным постоянством в конце года текущего или начале очередного. С получением отпуска было необходимо немедленно, в тот же день, уехать подальше от места службы, чтобы в корне сменить обстановку, и вернуться домой в последний день отпуска. В противном случае отпуск превратится в одну из разновидностей службы с той лишь разницей, что обязанности исполняются дистанционно: по телефону, с помощью нарочных. Да и нервы не выдержат, и на второй, третий день так называемого отпуска уже начинаешь ежедневно посещать свой кабинет, вникать в дела и т. д.

Перед одним из отпусков начальник медицинской службы Полигона Петр Семенович Миренков соблазнил меня путевкой в дом отдыха (затем — санаторий) Закавказского военного округа в г. Махинджаури Аджарской АССР Грузинской ССР. Мне понравилось, и я ездил туда ежегодно, то есть каждую зиму. В первую очередь в Аджарии привлекал субтропический климат, зелень, мандарины: в разгар русской зимы, когда столбик термометра застыл где-то в нижней части шкалы, в Махинджаури солнечно, тепло (10—12 °С, а нередко и 15—16 °С), цветут мимозы, японские камелии, рядом с санаторием деревья усыпаны розами. Жемчужиной Махинджаури является знаменитый и единственный в своем роде ботанический сад на Зеленом мысе. В молодости, во время практики на кораблях Черноморского флота, мы часто с завистью разглядывали в дальние вершины Зеленого мыса, этот ярко-зеленый участок побережья, будто только что вымытый дождем. Теперь, на исходе службы довелось бродить по живописным дорожкам и тропинкам ботанического сада, созданного энтузиазмом и нечеловеческим трудолюбием профессора Краснова, брата известного генерала Краснова — лютого врага большевиков. Неутомимый исследователь и путешественник, профессор Краснов похоронен в верхней точке ботанического сада.

В конце концов я так изучил ботанический сад, что мог бы при необходимости заменить экскурсовода. Два года (зимы) подряд моим партнером по отдыху в Махинджаури был общевойсковой офицер из г. Советска Калининградской области Сергей Мкртчян. Он приехал на юг в военной форме. В ботанический сад ходили практически ежедневно, благо от санатория — рукой подать. Иногда поднимались в магазинчик, расположенный в верхней части сада, рядом с опытным хозяйством сельхозинститута цитрусовых. Покупали бутылку коньяка, в опытном хозяйстве кем-то приготовленной длинной палкой сбивали пару растущих там экзотических фруктов типа грейпфрутов, каких-то опытных гибридов. Крупные, сочные и очень вкусные фрукты разрезали пополам, из половинок вырезали мякоть и получали сразу импровизированные рюмки под коньяк и отличную витаминную закуску. Перед тем как покинуть гостеприимный сад, шли к бамбуковой роще, заглядывали к большим, с пышной кроной мимозам. В это время мимозы буквально усыпаны цветами. Правда, то, что мы называем мимозой, совсем не мимоза, а, если не ошибаюсь, серебристая акация. Ну, это не так важно. С шикарными букетами наисвежайшей, с одуряющим запахом мимозы шли к опытной станции, где росли розы и японские камелии. Безошибочно находили благородные камелии, лепестки у которых, не в пример розам, толстые, сочные, бархатистые. Правда, оставлять их в комнате, где спишь, не рекомендуется, утром встанешь с большой головой. Но красота бесподобная! С охапкой мимозы и букетом японских камелий шли к выходу из ботанического сада. Через милицейский пост на выходе проходили беспрепятственно: безотказно срабатывала военная форма Сергея и его безукоризненное знание армянского и грузинского языков. Конечно, можно было пройти, минуя милицейский кордон, через Гималайский отдел сада и пансионат «Колхида». Но зачем идти обходными путями, если есть прямой, официальный. Возвращаясь в свой дом отдыха, цветы дарили женщинам, отдохавшим вместе с нами. Что может быть приятнее для женщины, чем зимой получить цветы! Тем более такие, как японские камелии.

Однажды выйдя из ботанического сада, мы с Сергеем задержались на платформе «Ботанический сад» с огромным букетом первоклассной мимозы и букетиком камелий в руках. Подошел поезд «Батуми—Москва». С электровоза соскочил машинист и почти бегом направился к нам:

— Ребята, мимозу продаете? Сколько стоит ветка? (О камелиях он даже не спросил.)

Мы отшутились:

— Продаем, но стоит дорого. Видите, какой первоклассный товар!

Он, торопясь, объясняет:

— Понимаете, ребята, в Батуми цветы купить не успел, а в Москву приезжаю — в этот день у дочери свадьба. Очень нужны хорошие цветы, еду с юга. Наберите на 25 рублей.

И достал из кармашка форменной рубашки «синенькую». Мы не выдержали, перестали разыгрывать. Протянули ему всю охапку мимоз. Он смущенно отказывается:

— Что вы, что вы, у меня не хватит денег.

— Берите, не стесняйтесь, а деньги еще пригодятся на свадьбе. Поздравьте дочь с законным браком, а от нас подарите ей камелии.

И вручили ему японские камелии (а они были экстра-класса, с опытных деревьев!).

Что было с машинистом! Он почти лишился дара речи, только и твердил слова благодарности от себя, от имени дочери и ее будущего мужа. Загорелся зеленый свет, дали отправление. Поезд тронулся. Машинист, высунувшись из окна, что-то кричал, благодарил. Таким мы его и видели, пока поезд не скрылся в тоннеле.

Можно представить восхищение и зависть женщин на свадьбе в Москве, когда они увидели на столе эти роскошные цветы! Зимой, когда в столице трещали морозы!

Как-то я возвращался на Север из Махинджаури под Новый год через Ленинград. В Питере появился 31 декабря, на юге прихватил с собой мимозы и камелии. Сделал косые срезы на ветках, обернул срезы мокрыми марлевыми салфетками и запалял цветы в несколько полиэтиленовых пакетов. Сохранились цветы прекрасно. Эффект в Ленинграде, когда достал их и поставил в вазы на стол, был просто потрясающим. За окном снег, метель, мороз, а в квартире благоухают мимозы и ласкают женский взор благородные японские камелии.

Кроме ботанического сада мы усердно знакомились с Батуми, его окрестностями. Побывали в Кобулету, Цихисдзири, Чакви, на реке Чорох. Добрался однажды до старинного грузинского города Махарадзе. Вспомнил, что жена просила «посмотреть» ей импортные сапоги. Зашел в новый, очень просторный и современный обувной магазин. На полке стояли очень красивые то ли венгерские, то ли югославские сапоги. Продавщица, молоденькая, симпатичная грузинка, сразу меня разочаровала, как отрезала:

— Есть только 33 и 34 размер.

И занялась своими делами. Жаль, конечно. Сапоги отличные. Совсем уже отошел от прилавка и вдруг случайно увидел на полке с обувью очень красивую цветную миниатюру с изображением И. В. Сталина. Вернулся и попросил продавщицу показать портрет. Она густо покраснела, неожиданно растерялась и каким-то виноватым голосом ответила:

— Это портрет мой собственный, не продается.

— Я прошу вас показать, если можно, а не продать.

— Пожалуйста, смотрите.

И подала мне изображение И. В. Сталина. Посмотрел поближе:

— Прекрасная работа. Жаль, что не продается.

— А что? Вам нравится?

— Да, очень.

Девушка расцвела, польщенная так, как будто я говорю комплименты ей, а не художнику, и извиняющимся тоном:

— Продать портрет не могу, он единственный на весь Махарадзе. Кстати, какой размер сапог вы спрашивали? Тридцать шестой? Сейчас пойду, поищу на складе. Может быть, найду, там такой беспорядок!

Отсутствовала юная поклонница Сталина минут пятнадцать. Вернулась с сапогами и, не скрывая удовольствия, вручила их мне (в обмен на кассовый чек, разумеется). Поблагодарил ее, хотя хотелось сказать спасибо заодно и Сталину. Так я приобрел жене очень хорошие зимние сапоги в солнечной Грузии с «помощью» Иосифа Виссарионовича.

Вскоре после вступления в обязанности председателя Госкомиссии по испытаниям новой крылатой ракеты я познакомился с очень интересным человеком, директором одного ленинградского предприятия, поставляющего печатные платы для системы управления ракеты, Александром Акимовичем Терещенко. Росточка ниже среднего, сухощавый, энергичный, подвижный, аккуратно одетый и, как позже выяснилось, прекрасный инженер и большой патриот своего завода и города Ленинграда. Еще он привлекал к себе внимание тем, что постоянно, без единого исключения, приезжал на очередной пуск ракеты, на заседания Госкомиссии в костюме со звездой Героя Труда на груди. Однажды в приватной беседе я, извинившись, поинтересовался, за какие заслуги он удостоен столь высокой награды. И Александр Акимович, очень спокойный, если дело не касается печатных плат его завода, и не очень разговорчивый человек, поведал интересную и весьма поучительную историю.

Во время Великой Отечественной войны он работал директором Ленинградского завода «Северный пресс», что на Малой Охте, который с началом войны начал выпускать автоматы для фронта. Продукция завода зарекомендовала себя в боевых условиях прекрасно, как надежная, безотказная. Госкомитет обороны (ГКО) требовал от Терещенко наращивать производство такой нужной фронту продукции. И вдруг, как гром среди ясного неба, с фронта — поток сообщений об отказах автоматов. Одиночными выстрелами стреляют прекрасно, а вот очередями, за что они и назывались автоматами, а не обрезам, стрелять категорически отказывались. ЧП! Завод был вынужден остановить выпуск автоматов и заняться поисками причин отказов. Естественно, вся информация об автоматах поступила в ГКО. Скрупулезный анализ технологии изготовления изделий результатов не дал. Отклонений от конструкторской документации не обнаружено, изменений в техпроцессы за последнее время не вносилось. А автоматы в автоматическом режиме не работали, и все тут! Директора завода вызвали на ковер, в ГКО. Пресловутый «ковер» в военное время был совсем не такой, как в мирное, а жестче, опаснее для здоровья и даже жизни. Разговор на нем короткий, объяснения не принимаются, нужен конкретный положительный результат.

Заключение сделал И. В. Сталин: «Автоматы не работают? Анализ зашел в тупик? Вот вам, товарищ директор, 30 суток срока и чтобы причина отказов была найдена и устранена, а производство автоматов возобновлено и при этом в больших объемах: автоматы очень нужны фронту! Не сделаете — пеняйте только на себя! Время военное, и меры к вам будут приняты самые жесткие. Война идет не на жизнь, а на смерть!»

Возвратился Александр Акимович из Москвы мрачнее тучи. Но не было у него рядом доброго Конька-Горбунка, выручающего из любой беды. Надежда только на себя и товарищей. Как инженер он прекрасно понимал: причина — незначительная, незаметная на первый взгляд, проявилась в самое последнее время. Дал указание мобилизовать на поиски причины дефекта всех инженеров, начиная с самого рядового, молодого. Прошло совсем немного времени (в пределах отпущенных ему тридцати суток) и именно рядовой, незаметный, но дотошный, грамотный и добросовестный инженер-технолог ухватил за хвост птицу удачи. Он проанализировал всю технологическую

цепочку изготовления автомата от заготовок до готового к стрельбе изделия. Фактически он прошел проторенной до него в процессе поиска тропой. Но в отличие от предшественников не пренебрег процессом изготовления патронов. И обнаружил: совсем незадолго до этих событий на заводе-изготовителе боеприпасов было внедрено рационализаторское предложение одного передового рабочего. С целью экономии тот предложил заменить какой-то дефицитный и дорогой компонент при изготовлении пороха на более дешевый и доступный. В результате внедрения рацпредложения изменился состав продуктов сгорания заряда патрона, увеличился нагар в патроннике автомата, и патрон не экстрактировался. Провели «следственный эксперимент»: изготовили партию патронов с зарядом из пороха дорационализаторского состава и произвели контрольный отстрел автоматов. Автомат заработал, как хорошие часы, а точнее — как автомат, который выпускал завод до этого ЧП. Терещенко сказал: «Когда я вновь услышал грохот раскатистой дорационализаторской автоматной очереди, то она прозвучала в моих ушах как божественная музыка вальса „Сказки венского леса“ И. Штрауса. Доложил в Москву. Вторично летел в столицу совсем в ином, чем 3—4 недели назад, настроении. Несся как на крыльях, как заново рожденный. На ГКО меня вежливо выслушали, сдержанно поздравили с успехом, порекомендовали (!) немедленно возвращаться в Ленинград, возобновить изготовление автоматов и изыскать возможность увеличить в полтора-два раза их производство. А через пару недель совершенно неожиданно для меня пришел Указ о присвоении мне звания „Герой Труда“. Поэтому мне вдвойне дорога эта Золотая Звезда». В заключение, мягко улыбнувшись, он добавил: «И чего только не сделаешь, когда над головой занесен дамоклов меч в образе расстрела. Это, разумеется, шутка, а если серьезно, то хорошо только то, что хорошо кончается».

К рассказу Александра Акимовича необходимо еще добавить, что он — убежденный трезвенник. Говорит, что в детстве насмотрелся на пьяного отца и люто, патологически возненавидел спиртное. Он рассказал, что после Дня Победы И. В. Сталин устроил в Кремле прием по такому случаю. На приеме был и герой нашего рассказа. Кто-то из руководителей предложил тост за здоровье вождя всех времен и народов И. В. Сталина. Обслуга обошла приглашенных и наполнила шампанским их бокалы. Под осуждающими взглядами соседей и obsługi Терещенко налил себе минеральной воды и выпил ее вместе со всеми.

За такое святотатство и неуважение к вождю логично было ожидать многих неприятностей. Но все закончилось благополучно. Повторю слова Александра Акимовича Терещенко: «Все хорошо, что хорошо кончается».

И снова стартуют крылатые

Летом 1973 года мы перешли к испытаниям крылатых ракет пусками с головной подводной лодки проекта 675МУ. Командир лодки — капитан 2 ранга Папунашвили Владимир Давидович, очень толковый, спокойный, доброжелательный и общительный офицер. Организация испытаний не претерпела существенных изменений. Подготовка ракеты на технической позиции, подготовка корабельной части системы управления комплекса автономно, затем — с ис-

пользованием учебно-действующей ракеты (УДР). Завершается подготовка генеральной репетицией с облетом трассы самолетом-лабораторией, на котором установлен полный комплект бортовой аппаратуры системы управления, т. е. своеобразным эталоном, имитирующим ракету в полете.

Очень часто вместо облета трассы стрельбы самолетом-лабораторией, а чаще — дополнительно к нему, проверка работоспособности и исправности корабельной и бортовой аппаратуры, а также тренировка операторов подводной лодки проводилась с помощью испытательно-тренировочной станции (ИТС-66), размещенной на стартовой позиции в Нёноксе. Дело в том, что параметры траектории полета самолета-лаборатории и ракеты существенно отличаются между собой. К тому же самолет-лаборатория не в состоянии имитировать противозенитный маневр ракеты. Зато с его помощью обеспечивается надежная проверка «чистоты» района стрельбы.

ИТС-66 — детище офицеров Полигона Гительсона Владимира Самуиловича, Чабаненко Павла Павловича и автора этих строк, признанное в качестве изобретения с высоким экономическим эффектом. ИТС — результат синтеза радиоэлектронный гибрид корабельной части системы управления ракетного комплекса, сопряженного с ним тренировочного комплекса «Мираж» и приборов, блоков бортовой части системы управления.

ИТС позволяет имитировать с высокой степенью достоверности условия работы ракетного комплекса: ракетная атака с выходом лодки в точку старта ракеты, предстартовая проверка и подготовка всех систем к старту, пуск ракеты, управление ею в полете, обзор района предполагаемой цели, анализ обстановки, выбор конкретной цели в порядке «противника», наведение на нее ракеты. В том числе в условиях пассивного и активного радиопротиводействия «противника», в условиях отказов отдельных блоков, приборов системы управления. Помимо этого пробиваются и регулируются ВЧ-тракты, получают полноценную тренировку операторы подводной лодки.

После работы с ИТС командир подводной лодки мог быть уверенным в готовности ракетного комплекса и корабля в целом к предстоящей практической стрельбе.

Комплекты рабочих чертежей полигонной ИТС были отправлены на Северный и Тихоокеанский флоты, по которым специалисты флотских ракетно-технических баз изготовили «свои» ИТС.

Был летний воскресный день. Все нормальные люди отдыхали в меру своих наклонностей и возможностей. Мы же были заняты своим любимым делом — испытаниями ракет. На это воскресенье, если не ошибаюсь, 21 июля 1974 года, согласно решению Госкомиссии был назначен очередной пуск КР. Это была полоса успешных пусков, несколько ракет подряд одна за другой попадали в «яблочко», в цель. Предназначенная к очередному пуску ракета прошла без замечаний полный цикл проверок согласно технологии. Замечаний не было ни по ракете, ни по корабельной системе управления. Все организационные мероприятия согласно плану, контролируемые штабом Беломорской военной базы и штабом Полигона, были отработаны и выполнялись четко, без сбоев. Между этими штабами и их оперативными дежурными была надежная связь и полное взаимопонимание. Корабли обеспечения занялись обеспечением «чистоты» района стрельбы. Полигонный измерительный комплекс (ПИК) начал развертывание своих средств, вышли в море в свои районы корабли

дивизиона опытовых кораблей (ДОК) Полигона с погруженными на борт станциями ПИК и средствами радиоэлектронного противодействия (РЭП), назначение которых — борьба со средствами радиоэлектронной разведки излишне любопытных иностранцев, в первую очередь заокеанских. Цель буксировалась на свое законное место. Самолет-лаборатория готов к проверке чистоты района и готовности подводной лодки облетом траектории стрельбы.

Хотя воскресенье — не самый благоприятный день для работы, на КП, развернутом в помещении ОД Полигона, людей многовато. И это после бесцеремонного удаления лишних, просто любопытствующих. Но ведь, например, начальника политотдела Полигона и его заместителя не удалишь; хотя они и не соображают ничего, но они «должны быть в гуще событий», «принимать личное участие в испытаниях» и осуществлять «политическое обеспечение испытаний».

Пользуясь тем, что отработанная на тренировках организация работала без вмешательства извне и обстановка на КП была спокойной, начальник политотдела Борис Александрович Васильев завел «непринужденный» разговор на тему о моральном облике офицера-коммуниста по мотивам бракоразводных процессов двух старших офицеров на Полигоне и шумного скандала с женатым майором Бабкиным, который вступил в «преступную» интимную связь со своей подчиненной, замужней молодой женщиной, и занимался с ней любовью прямо в лаборатории. В числе прочего Борис Александрович пытался доказать, что офицер-коммунист не имеет права разводиться, так как обрекает детей на безотцовщину. Кто-то спросил: «Если не имеет права, то каким документом предусмотрено наказание за нарушение этого запрета? В Уставе КПСС, в главе XII УК РСФСР, в „Дисциплинарном уставе ВС СССР“ такие статьи не предусмотрены». — «Да, это недоработка названных документов», — не задумываясь ответил политический инквизитор. Я возразил, что он путает две философские категории: мораль и право. С позиции морали развод коммуниста, офицера, как правило, нежелателен. С позиций права любой гражданин, в том числе и коммунист, офицер, имеет право на развод, бывают жизненные ситуации, когда развод — на благо, т. е. лучше, чем совместная жизнь, невыносимая и для супругов, и для детей.

В разговор начали вступать и другие присутствующие на КП. Чувствуя, что наступает время, когда отвлекаться посторонними делами нельзя, я решил быстро и тактично разрядить обстановку. Щадя репутацию начальника политотдела, я неожиданно спросил у него, знает ли он новую редакцию продолжения стихотворения известного детского писателя: «Дело было вечером, делать было нечего, я сидел, Борис молчал, Николай ногой качал...»? Там в какой-то степени содержится ответ на обсуждаемый вопрос. «Нет, не знаю». — «Тогда слушайте:

— В разговор вмешался Вова:
„Мама — б...ь, ну что ж такого!
Вот у Колиного дяди
Две жены и обе — ...б...и“.
Мама всякие важны,
Мама всякие нужны,
А дело было вечером
И делать было нечего».

Нач. ПО оторопел от неожиданности, все вокруг дружно рассмеялись, обстановка мгновенно разрядилась, все забыли о споре, на КП установилась тишина. Вскоре посыпались доклады, запросы. Доложили о готовности к пуску. Подводная лодка, силы и средства обеспечения (через ОД БелВМБ), авиация, измерительные пункты, самолет-лаборатория. Наконец, суммирующий доклад ОД Полигона: «Район чист, силы и средства обеспечения развернуты. Подводная лодка запрашивает разрешение на производство пуска». Напряженный, ответственный момент — и «Старт разрешаю!». Через несколько минут поступает доклад с корабля-обеспечителя (это сторожевой корабль (СКР), который все время находится вблизи от подводной лодки): «Старт состоялся». А еще через несколько минут от командира измерительного пункта «Гридино»: «Слышал глухой удар и наблюдал вспышку в районе цели». Через час-полтора командир корабля, находившегося ближе всех к цели и направленного к ней для ее визуального осмотра, докладывает: «Прямое попадание в среднюю часть цели в районе ватерлинии. Цель поражена». Взаимные поздравления, радостное возбуждение. Можно облегченно вздохнуть: еще один успешный пуск в дебет Государственной комиссии по испытаниям.

Вскоре новейший (на тот период) ударный ракетный комплекс с крылатой ракетой был принят на вооружение ВМФ. Была разработана и принята программа модернизации подводных лодок проекта 675 под новейший ракетный комплекс. «Ну, авианосцы, берегитесь!»

«Лунная соната»

В период натурных испытаний ракетного комплекса Д-9 с подводной лодки при ее движении в подводном положении на Полигон прибыл заместитель министра обороны по вооружению генерал-полковник Алексеев Николай Николаевич. До выхода в море в район пуска ракеты с подводной лодки оставалось время. Командир Беломорской военно-морской базы предложил гостю совершить на СКР экскурсию на Соловецкие острова, а затем на том же корабле перейти в район пуска и после испытательного пуска вернуться в Северодвинск. Зам. министра с готовностью согласился, так как он давно хотел побывать на Соловках, посмотреть древний Соловецкий монастырь.

Экскурсия на Соловки прошла как обычно, но несколько затянулась по времени, так как наш московский гость интересовался каждой мелочью. Да и экскурсовод не ударил лицом в грязь, превзошел сам себя подробным рассказом о монастыре. Ночью СКР вышел в район испытаний. Погода нам благоприятствовала. Мы сидели в уютной кают-компании корабля и мирно беседовали. Генерал был очень доволен осмотром монастыря, прочих достопримечательностей Соловков, возмущался, что такие ценнейшие исторические памятники постепенно разрушаются, не восстанавливаются. Реставрационные работы ведутся крайне медленно. Экскурсовод, он же смотритель Соловецкого музейного комплекса, во время осмотра заявил, что если реставрационные и восстановительные работы будут продолжаться теми же темпами, то на них потребуется 70—75 лет.

Начальник политического управления Северного флота, который сопровождал заместителя министра обороны, сел за пианино. Прекрасно сыграл,

вызвав бурные аплодисменты присутствующих, «Попурри на тему музыки из кинофильмов», потом что-то еще и еще. Николай Николаевич попросил меня выйти с ним из кают-компания и на свежем морском воздухе коротко рассказать об общих принципах работы комплекса Д-9 от момента отдачи приказа на запуск ракеты (разрешения на старт) до момента прибытия головной части в заданный район.

Вышли, стоим у леерного ограждения. На море штиль. Полная, яркая луна в чистом ночном небе. Тишину нарушает только слабый плеск рассекаемой форштевнем СКР воды да ровный гул работающих вентиляторов. И вдруг из открытого иллюминатора кают-компания полились мягкие задумчивые аккорды «Лунной сонаты» Бетховена. Красота неопишущая! Пришлось прервать рассказ о баллистической ракете и продолжить его только тогда, когда смолкли последние звуки поистине божественной мелодии.

Утром пришли в район испытаний. Время «Ч». Через считанные секунды, разрывая зеркальную гладь моря, с ревом, раскатыстым грохотом, в столбе воды и огня вырвалась ракета и, быстро набирая скорость, выходя на программный угол тангажа, устремилась ввысь, в безоблачное небо. Через две-три минуты скрылась из глаз. А еще через 25—30 минут в адрес зам. министра с боевого поля «Кура» через ОД части поступил короткий доклад: «Изделие прибыло на боевое поле».

Для наших ракет и крышка контейнера — не преграда!

О том, что можно прекрасно фотографировать, не снимая колпачка с объектива фотоаппарата, знают многие, практически — все начинающие фотографы-любители. Разумеется, на собственном опыте.

О том, как производить пуски крылатых ракет из контейнера, не открывая крышек, знают немногие «счастливчики», даже из числа весьма опытных ракетчиков. Автору повезло. А может быть, совсем наоборот, и он оказался среди этих немногих, знающих на собственном опыте.

Вскоре после завершения наземного этапа испытаний крылатой ракеты у кого-то из ученых мужей ВМФ возникло сомнение: а вдруг на ракете, размещенной в контейнере по-походному, от токов наводки сработает цепь стрельбы и запустятся стартовые двигатели! Что будет? Скорее всего, ничего хорошего, а даже очень плохо. Необходимо предотвратить подобную аварийную ситуацию. С этой целью конструкторы оперативно, засучив рукава белоснежных рубашек, разработали простое и эффективное устройство. По оси сопел стартовых двигателей в задней крышке контейнера выполняются два круглых отверстия. В них ввариваются короткие, с хорошей теплозащитой патрубки, закрытые с заднего торца специальными мембранами. При закрытии задней крышки сопла стартовых двигателей входят в эти патрубки. А дальше по замыслу все трогательно просто. От токов наводки несанкционированно запускаются стартовые двигатели, а... «нам все равно!». Струи газа стартовых вышибают мембраны патрубков и положенные им две с копейками секунды благополучно истекают через патрубки наружу: на надстройку надводного корабля или в газоотбойник на подводной лодке. Первый вариант воспет в бессмертной эпиграмме о А. А. Шелесте. Просто и гениаль-

но, что, как правило, одно и то же, но не всегда. Синоним односторонний: все гениальное просто, но не все простое — гениально. Необходимо испытать на гениальность эту бесхитростную конструктивную доработку задней крышки. Где? Конечно же в Нёноксе. Там на стартовой позиции возвышается, как монумент, не используемый по своему прямому назначению, и не спеша, но уверенно ржавеет наземный стенд, воздвигнутый для отработки стрельбы ракетами серий из двух. Сказано — сделано! Оперативно доработана задняя крышка контейнера. Спроектирован и изготовлен грузогабаритный макет ракеты. Прочностные характеристики макета обеспечивала несущая балка, к которой жестко крепился узел подвески штатного стартового агрегата и легкий металлический каркас, идентифицирующий аэродинамическую форму ракеты. Весовыми, центровочными параметрами, узлом подвески штатного стартового агрегата и внешними аэродинамическими формами макет был абсолютно идентичен натурной ракете.

Руководство этим необычным испытанием было возложено на начальника Полигона контр-адмирала Новикова.

Грузогабаритный макет, укомплектованный штатным стартовым агрегатом, погрузили в контейнер, закрыли крышки. Сопла стартовых двигателей идеально точно вошли в предназначенные для них патрубки. Пока все отлично! Позади стенда слева и справа установили на треногах две автоматические кинокамеры, определили места для двух дублирующих операторов с ручными кинокамерами.

По тревоге все изготовлено к испытанию. Начался отсчет времени. Мы с Е. Д. Новиковым вышли из бункера и встали так, чтобы визуальнo наблюдать этот необычный, единственный в своем роде старт.

Ноль! Раздался грохот сработавших стартовиков, через мгновение из патрубков на задней крышке упруго забили два вырвавшихся на свободу мощных тугих факела бушевавшего огня. В голове промелькнуло: «Порядок! Все идет отлично!» Но уже через мгновение произошло что-то непонятное, сверхплановое. Над головами с воем и свистом пронеслась перекореженная литая стальная задняя крышка, а вслед за ней дружно прогрехотали по бетонке автоматические кинокамеры с треногами. Через переднюю крышку контейнера со скрежетом крушащегося металла с натугой вылезло и полетело что-то искореженное, нелепое и абсолютно противное здравому смыслу. Какое-то фантастическое чудовище! В воздухе в задней полусфере относительно стенда летели мелкие, средние и крупные куски металла, текстолита, резины и т. п. Небо частично скрылось в туче обломков. И откуда только взялось такое количество металлолома и иного вторсырья?! С одного-то стенда!

Обеспокоенные за свой товарный вид (и не только) мы с Новиковым резво, в пределах возможностей его 112 килограммов живого веса, юркнули в предусмотрительно открытую дверь бункера, от греха подальше. Через минуту-другую рукотворный град на стартовую позицию прекратился. Мы вышли из бункера, чтобы осмотреться, оценить размеры бедствия и выяснить причину квалифицированно смоделированного аварийного пуска. Бетонное покрытие стартовой позиции было сплошь усеяно металлическим и прочим вторсырьем. Задняя крышка, литая стальная конструкция весом 300 кг, валялась среди сосен в высокой траве между первым и вторым рядом ограждения из колючей проволоки. Ближе, не долетев до ограждения, валялось то, что

именовалось кинокамерами. Треноги были при них. От операторов с ручными кинокамерами недалеко от места на бетонке, где они стояли, обнаружили только кинокамеры. Самох операторов со скоростью, близкой к первой космической, как ветром сдуло. «Унесенных ветром», ошалевших от испуга, но без внешних повреждений, с трудом отыскивали поблизости в полуобвалившейся траншее, где когда-то во время визита Н. С. Хрущева были проложены коаксиальные кабели от бункера к «беседке Хрущева». Осмотрели еще дымящийся, перекореженный после «пуска» контейнер. Причина непредвиденной аварии лежала на поверхности. С началом работы стартового агрегата левый башмак, с помощью которого при нормальном пуске ракета движется по направляющей в контейнере, с силой уперся в штырь походного крепления. Штырь выдержал нагрузку, а вот шпильку, с помощью которой башмак крепится к стартовому агрегату, а тот, в свою очередь, зубом упирается в ракету (в нашем случае — в грузогабаритный макет ракеты), сообщая последней поступательное движение, срезало. Макет с перекосом (шпилька правого башмака выдержала) ринулся вперед. Балка макета пробила переднюю крышку контейнера. Обшивка, воспроизводящая аэродинамическую форму ракеты, естественно, смялась и порвалась, как туалетная бумага, а балка, живописная в ключьях рваной обшивки, решительно выбралась через крышку. Этого ей показалось мало и вместо благодарности отчета дому в последний момент она не забыла прихватить с собой переднюю крышку с эхо-камерой. Макет с остатками крышки и обшивки пролетел малость вперед и метрах в 50—100 от точки «старта» рухнул в прибрежную протоку самого белого моря в мире.

Когда наш предварительный осмотр места происшествия был завершен и скрупулезно запротоколирован для благодарных потомков, Евгений Дмитриевич, по-хозяйски оглядев в последний раз стенд и бетонку в его районе, с присущим ему чуть грубоватым юмором выдал на-гора короткий монолог, претендующий на статут исторического: «Единственное, что мне понравилось в этом пуске, так это то, что нет ни единого свежего трупа и даже кандидата в таковые. У участников пуска ни единой царапины, ни единого приличного синяка. Контейнер и стенд, разумеется, не в счет. Нет худа без добра. Благодаря этому пуску мы в этом месяце наконец-то выполним месячный план Полигона по сдаче металлолома».

Когда проявили пленки из автоматических кинокамер, то на первых кадрах увидели заднюю крышку, патрубки в исходном положении, затем два факела бушующего огня, а затем — чистое безоблачное небо. Эти кадры обе камеры, видимо, отсняли, будучи уже в свободном полете к проволочному ограждению. Пленки ручных кинокамер не содержали и такой ценной информации. Самая полезная и надежная информация сохранилась в невеселых воспоминаниях очевидцев этого уникального, не имеющего аналогов в истории Полигона пуска.

Испытания не имели продолжения, так как их инициаторам Е. Д. Новиков толковал в популярной форме, что на стартовой позиции части остался исправным только один стенд, столь необходимый для приближающихся нормальных испытаний новой крылатой ракеты.

Описанный выше пуск наглядно подтвердил, что флотские традиции новаторства и инициативы в любом деле еще сильны у потомков флагманского штурмана и флагманского артиллериста с их примитивной стрельбой на цир-

куляции корабля, с использованием репера, то есть с выносной точкой прицеливания, мастерски описанных Л. Соболевым в рассказе «Две яичницы» из «Рассказов капитана 2 ранга Кирдяги...». Флагштурман и флагарт посерели бы от черной зависти, узнай они, что буйная фантазия их потомков расцветает столь пышным цветом, что они успешно осуществляют пуск крылатой ракеты через закрытую крышку контейнера.

Коротко о пасынках Полигона

Помимо, если так можно выразиться, основного ракетного комплекса, которому была уготована судьба стать стратегическим и которым гордился его создатель В. П. Макеев, а также очень интересовались руководители высшего эшелона власти, начиная с Л. И. Брежнева, Д. Ф. Устинова, как-то незаметно, без помпы и звона литавр, прошли испытания еще двух комплексов.

На заключительном этапе с подводной лодки проходили испытания оперативно-тактического комплекса с баллистической ракетой 4К-18. Оригинальный комплекс — детище КБМ предназначался для нанесения ракетно-ядерного удара по крупным соединениям надводных кораблей (например, АУС — авианосным ударным соединениям) противника на переходе морем. В процессе полета этой единственной в своем роде, не имеющей аналогов в мире ракеты ее фактическая траектория полета дважды подвергалась коррекции и совмещалась с расчетной проходящей через точку прицеливания, т. е. через центр группирования цели (ордера противника), каковым является, как правило, геометрический центр ордера, или через другую — по решению командира подводной лодки. Основанием, исходными данными для корректировки траектории являются координаты источника неизбежных в реальной обстановке на переходе ордера морем в широком диапазоне радиоизлучений кораблей ордера.

У нас вызвала некоторое удивление такая особенность в процедуре работы Государственной комиссии по испытаниям комплекса 4К-18, председателем которой был представитель головного института ВМФ НИИ опытный, с хорошей теоретической и практической инженерной подготовкой капитан 1 ранга Марута Н. П. По инициативе председателя технические вопросы очень часто в условиях разноречивых мнений решались большинством голосов, голосованием («Кто за то, чтобы продолжить испытания, прошу поднять руку!»). Не буду ставить под сомнение избранную комиссией процедуру решения вопросов, но лично для меня очевидно: заказчик и разработчик должны обладать правом вето, т. е. должен осуществляться принцип единогласия. Известно, что «в науке, технике ничего нельзя решать ни большинством голосов, ни, тем более, личным авторитетом».

Единственный в мире противокорабельный комплекс на основе БР ПЛ Р-27к успешно прошел испытания и был принят в опытную эксплуатацию.

Параллельно с другими комплексами от начала до конца прошли на Полигоне испытания комплекса баллистической ракеты Д-11. Ракета работает на твердом смесевом топливе. Старт «сухой», с герметизацией шахты специальной мягкой мембраной на ее верхнем срезе. Ракета выталкивается из шахты с помощью ПАДов (пороховые аккумуляторы давления). Главный

конструктор комплекса — Петр Александрович Тюрин (Ленинград, завод «Арсенал»). Управление дальностью полета ракеты оригинально осуществляется углом тангажа ракеты при фиксированной скорости полета в момент отсечки двигательной установки в отличие от жидкостных ракет, где, как правило, управление дальностью полета осуществляется скоростью в момент отсечки двигательной установки при фиксированном, оптимальном для данной дальности полета, угле тангажа, оптимальной программе формирования угла тангажа к моменту отсечки.

Комплекс Д-11 был на Полигоне на положении пасынка. Основной причиной такого отношения были, вероятно, невысокие тактико-технические характеристики комплекса, недостаточные опыт и наработка в создании ракет на твердом топливе в стране в целом и для ВМФ в частности. Нельзя не учитывать и субъективный фактор — заслуги П. А. Тюрин в ракетостроении не шли ни в какое сравнение с его именитым соперником В. П. Макеевым. Он явно уступал последнему и в послужном списке, и в блеске «иконостаса», в почетных званиях, в опыте управления большим коллективом и, наконец, в таланте Конструктора.

Комплекс прошел испытания, был принят на вооружение ВМФ (с некоторыми количественными ограничениями).

После работы над комплексом Петр Александрович вышел на пенсию и какое-то время работал директором музея своего родного предприятия.

Жизнь, отданная Военно-морскому флоту

Человеческая память обладает особым свойством придавать словам и деяниям умершего особую глубину и весомость.

Он был засекреченным. Раньше — из соображений секретности его работ. Всеобщая засекреченность сменилась вредной и очень опасной простодырностью, «прозрачностью» границ, проходных на оборонных объектах, дверей лабораторий. А засекреченность его сохранилась из-за нашей способности сразу забывать все то хорошее, что сделано человеком.

Несколько лет жизни Полигона были тесно связаны с КБМ и его Главным (затем Генеральным) конструктором Виктором Петровичем Макеевым. Не могу удержаться от искушения отдельными штрихами остановиться на этом очень неординарном и в работе, и в жизни человеке, которому, как «ученому в области механики», Большая Советская Энциклопедия уделила 14 коротких строк. Поэту Евтушенко, например, эта же БСЭ посвятила 38 своих драгоценных строк.

Он имел мужество быть не похожим на других, торить в ракетостроении свой путь. Он отдал все свои силы работе, и работа питала энергией всю его до обидного короткую жизнь.

Далеко не каждый, даже очень талантливый ученый сможет так самоотверженно, самозабвенно заниматься работой такого масштаба, так увлечь большой коллектив людей, который участвовал в этой работе, как Виктор Петрович.

Он обладал поистине великим талантом наладить прекрасные деловые отношения и организовать четкую работу больших коллективов смежников,

которые становились его единомышленниками. Он умел добиться от каждого того, что тот мог сделать. Не больше и не меньше. Обладал способностью срабатываться с людьми самых разных характеров, способностей и наклонностей.

Немногословный, сдержанный, упорный, он никогда не отступал от поставленной цели. Если перед ним стояла, казалось, невыполнимая задача, то у него и мысли не возникало, как уйти, уклониться под благовидным предлогом от ее выполнения. Проблема в его глазах была только в том, как лучше, эффективнее, качественнее, с наименьшей затратой сил, времени и средств ее выполнить.

В. П. Макеев был требовательным руководителем, обладал решительным характером, терпеть не мог дилетантства, равнодушия к делу, считая это профессиональной непригодностью. Не терпел он и расхлябанности, неисполнительности в работе подчиненных и доверившихся ему людей и целых коллективов. Он мог быть, если считал, что того требует обстановка, жестким, бескомпромиссным, но никогда — жестоким или, тем более, — несправедливым.

Коллектив КБМ, чувствуя энтузиазм и непреклонную волю руководителя, его целеустремленность, работал с полной отдачей сил, просто творил чудеса. Виктор Петрович был создателем и воспитателем творческого коллектива, главой новой современной творческой школы создателей морских баллистических ракет.

Виктор Петрович был не только выдающимся, талантливым руководителем, но и незаурядной личностью.

Автору этих строк посчастливилось встречаться с Макеевым как в служебной, официальной обстановке, так и во внеслужебное время, в редкие часы и минуты его отдыха. Он был очень интересным собеседником, хорошо разбирался в литературе. В компаниях вел себя просто, старался ничем не выделяться. Это у него получалось естественно, не наигранно. Ничто человеческое ему было не чуждо. Он умел внимательно, заинтересованно выслушать собеседника, в случае несогласия свое мнение излагал просто, без нравоучений. Очень часто с юмором, но не обижая собеседника, не задевая его самолюбия. С большим уважением относился к женщине, независимо от обстановки и занимаемого ею положения. В застолье всегда был душой компании, пел свои любимые песни соло или подпевая другим. Мог выпить довольно приличную дозу спиртного, но голову никогда не терял. Даже в такой ситуации высказывался, рассуждал четко, ясно, логично, т. е. силой воли удерживал себя в рамках здравомыслящего человека.

У Виктора Петровича были планы, мысли или, как некоторые любят говорить, задумки на ближайшее и отдаленное будущее. К сожалению, преждевременная смерть не позволила ему осуществить эти планы и мечты. Нет сомнений, что его ученики и единомышленники претворят их в жизнь и достойно продолжат Дело всей его жизни.

Вспоминая Виктора Петровича Макеева, невольно говоришь себе: «Это был воистину великий человек, и он занял совершенно уникальное, свое, макеевское, место в развитии нашей техники».

Были ли у него недостатки? Наверное, как у всех смертных в этом мире, были. Но я, например, за время совместной работы с Макеевым на

протяжении нескольких лет не заметил у него таковых и не слышал со слов других, в том числе и сослуживцев Макеева по КБМ, знавших его гораздо ближе, чем я. Не потому, что я идеализирую этого незаурядного человека. Отнюдь! Просто не заметил, поэтому не знаю. Впрочем, одну слабость (не недостаток, скорее наоборот!) Макеева можно было заметить и невооруженным глазом. Виктор Петрович очень любил флот, море, людей флота (смею утверждать, что эта любовь была взаимной). Его любимыми песнями были песни о море, флоте. Среди них три, особо любимые им: «...и все-таки море останется морем, и нам никогда не прожить без морей...»; «...лодка диким давлением сжата, дан приказ — дифферент на корму...»; «Прощайте, скалистые горы, на подвиг отчизна зовет, мы вышли в открытое море в суровый и дальний поход...»

В первую очередь Виктора Петровича отличала беззаветная преданность Делу, важному для Отечества. Чтобы реализовать себя в Деле, кроме сверхусилий, что органично присуще Макееву, нужны еще и везение, удача, творческое счастье и... точный безошибочный расчет. Очень необходима поддержка со стороны людей, обладающих реальной политической и административной властью в стране. Макеев всем этим располагал. Многие десятки возможных вариантов решений он оптимизировал подобно самому современному компьютеру. Необходимую поддержку ему оказывал всесильный Д. Ф. Устинов. Отсюда — смелость технических решений, хорошо развитое чувство высокой персональной ответственности за конечный результат. Благодаря именно сверхусилиям и таланту Макеева советский ВМФ был оснащен самым современным баллистическим оружием. Более того — все баллистическое вооружение, которым оснащен ВМФ, создано КБМ Макеева.

Такие феноменальные результаты немислимы без высокой, нечеловеческой работоспособности Виктора Петровича. Достаточно сказать, что были периоды, в основном во время испытаний новых комплексов, когда он отсутствовал в КБ до 250 суток в году. Ему надо было бывать на Полигоне, в министерствах, ЦК КПСС, ВПК. Бразды управления своим КБ тем не менее из своих рук он не выпускал, оставив полностью за собой стратегию разработок новых комплексов, натурные испытания ракет, подбор и подготовку кадров, финансирование работ, капитальное строительство и соцульбтыт. И везде он успевал!

В 30 лет он стал Главным конструктором СКБ-385, в 44 года — членом-корреспондентом АН СССР, в 52 года — ее действительным членом. Поразительно, кажется фантастикой, но факт!

КБ под его руководством только для ВМФ при жизни одного поколения людей разработало три поколения баллистических ракет. Макеев создал отечественную школу морского ракетостроения. В борьбе за точность попадания ракет Макеев пошел по принципиально новому пути. Вопреки возражениям оппонентов и опыту США, которые делали ставку на инерциальные системы, его ракеты впервые в мире оснащены системой астрокоррекции; первоначально — частичной, азимутальной, затем — полной, с обсервацией по двум небесным светилам. Влияние на точность попадания ракеты такого явления, как случайный разброс импульса последействия тяги двигательной установки после ее отсечки, сведено практически к нулю системой парирования случайного разброса импульса последействия тяги. Тоже впервые в мире.

Уменьшение до минимума бесполезного, даже вредного для технических характеристик ракеты так называемого «мертвого запаса топлива» достигнуто системой непрерывного дозирования подаваемых в камеру сгорания компонентов топлива в их оптимальном, стехиометрическом соотношении. Тоже впервые в мире.

Впервые в мире в результате тесного сотрудничества КБ Макеева с КБ химического машиностроения, возглавлявшимся в тот период становления морского ракетостроения ныне покойным легендарным главным конструктором Алексеем Михайловичем Исаевым, в конструкции макеевской ракеты применены «утопленные» двигатели, что позволяло более полно использовать полезный объем ракеты и не требовало какого-либо обслуживания их при хранении.

В конструкции ракеты также впервые применена ампулизация баков компонентов топлива, что повышало безопасность ракет при хранении, эксплуатации в эксплуатирующих организациях флота и на подводных лодках. Перечень оригинальных, изящных инженерных, конструкторских решений при создании макеевских ракетных комплексов можно продолжать и продолжать, очень часто предваряя их словами: «Впервые в мире...». Многие технические решения, найденные Макеевым при создании морских баллистических ракет, настолько эффективны и неожиданны, что не потеряли актуальности по сей день.

Виктор Петрович обладал решительным характером и не боялся принять ответственность на себя при решении вопросов. В то же время он был эмоциональным по натуре человеком. Резко реагировал на ошибки и упущения подчиненных ему людей. Однако в напряженных ситуациях внешне всегда оставался невозмутимым и спокойным, что весьма благоприятно воздействовало на окружающих.

У него было очень обостренное чувство ответственности за порученное дело.

Решительность и даже мужество при принятии им ответственных технических решений можно проиллюстрировать многими примерами, фактами. Ограничусь одним, наиболее, на мой взгляд, ярким и характерным.

Как уже упоминалось выше, во время испытаний ракетного комплекса Д-9 был период «небезухи», когда одна за другой «дымились, падая, ракеты...». Все участники испытаний были близки к шоковому состоянию. В глубокой задумчивости, мрачнее тучи ходил и Главный конструктор. Испытания, естественно, временно приостановили. Государственная комиссия заседала практически непрерывно. Макеев провел Совет главных. В гипотезах, предположениях и предложениях недостатка не было, скорее наоборот. Но найти ту единственную, неуловимую причину, общую (а это было установлено) для нескольких неудачных пусков, не удавалось. В КБМ по указанию Главного шло экспериментирование, анализ, моделирование возможных ситуаций. Руководство в Москве (Устинов, Афанасьев, ВПК) ненастойчиво, с пониманием отнеслось к ситуации, но весьма деликатно напоминало Госкомиссии, Главному, что время идет, необходимо принимать решение. Наконец на очередном заседании Госкомиссии после того, как выступили основные докладчики, большинство которых по-прежнему склонялось к продолжению испытательных пусков, слово взял технический руководитель испытаний

В. П. Макеев. Он поблагодарил всех за проведенную работу, а затем сказал, что, как ни тяжело это решение, испытательные пуски не проводить, а провести на заводе-изготовителе, Красноярском машиностроительном заводе, полную дефектацию всего задела ракет, в том числе и готовых к отправке на Полигон, с полной их разборкой и проверкой соответствия конструкторской документации. Он кратко, уверенно и убедительно аргументировал свое предложение и просил Госкомиссию утвердить его. Большинство членов Госкомиссии первоначально было шокировано таким предложением Главного. Однако после тщательного обсуждения этого предложения, взвесив все «за» и «против», Госкомиссия единогласно поддержала предложение — решение Главного конструктора. Все организационные вопросы, связанные с дефектацией (планы, графики и т. д.), были возложены на заместителей Главного, В. Л. Клеймана и В. Е. Каргина, и директора завода.

Ревизия задела была проведена, причина аварийных пусков установлена, и испытания вскоре продолжены. Успешно, разумеется, так как причина неудачных пусков была установлена однозначно.

В процессе дефектации задела на КМЗ при полной разборке одной из ракет, «готовых» к отправке на Полигон, участники ревизии столкнулись с удивительным по головотяпству и безобразию факту. Они обнаружили на входе в один из трубопроводов топливного бака... шапку. Да-да, обыкновенную старенькую шапку-ушанку. Но об этом я уже упоминал, не буду повторяться.

Генеральный конструктор Виктор Петрович Макеев до последних минут своей земной жизни работал на износ, на пределе человеческих возможностей. Выдерживать такую нагрузку помогала ему только семья, и в первую очередь жена. Галина Вадимовна, красивая брюнетка из Киева, искренне, по-человечески, беспокоилась о физическом и душевном здоровье Виктора Петровича. У таких одержимых работой людей, как он, близких друзей, как правило, нет, на них тоже не хватает времени. Не было их и у Макеева. За исключением... Дела и жены.

Один из пикантных вопросов в наше бурное время — вопрос партийной принадлежности Макеева.

В. П. Макеев, конечно, был убежденным коммунистом. Без партбилета в кармане он никогда бы не состоялся в те времена как Генеральный конструктор. Кроме того, и это основное, принадлежность Макеева к КПСС, к ее Центральному комитету позволяла ему проще открывать двери высокопоставленных государственных чиновников. Не корысти ради, а опять же — исключительно в интересах Дела. Не был, конечно, В. П. Макеев никогда диссидентом, но уж не был никогда и твердолобым ортодоксальным коммунистом, фанатиком коммунистической идеологии, оставался на позициях здравого прагматизма, человека Дела, был одержим одной-единственной идеей — создавать мощное баллистическое оружие. Тем более, он никогда не был демагогом, терпеть не мог любителей трескучих фраз.

В молодости он был членом ЦК ВЛКСМ. Это обстоятельство помогло сформироваться у Макеева таким необходимым для руководителя его размаха качествам, как постоянное общение с людьми, забота о тех, кто вверил ему свою судьбу. Такое общение, забота были искренними, не показными, они были частью его сущности. Он мыслил крупными общечеловеческими кате-

горящими и в то же время хотел и умел услышать, вникнуть в голоса так называемых рядовых, простых людей. Во всяком случае В. П. не раз сам говорил: «Не люблю говорить высоким штилем, но меня создали Сергей Павлович Королев и комсомол, за что я им превелико благодарен».

Жизненный путь В. П. Макеева характерен для времени, в котором он жил. Родился в семье рабочего Коломенского тепловозостроительного завода в 1924 году. В 15 лет стал чертежником Московского авиационного завода № 22 (ныне это КБ «Салют» в составе НПО им. Хруничева). Учился в Казанском авиационном институте, затем в прославленном МАИ, который закончил в 1948 году, совмещая работу с учебой и дипломным проектированием в КБ С. П. Королева. Затем работал конструктором в ОКБ НИИ, учился на высших инженерных курсах при МВТУ им. Баумана, работал секретарем комитета ВЛКСМ НИИ, инструктором отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ. Затем работал ведущим конструктором первой отечественной ракеты на долгохранимом топливе Р-11. В итоге этого напряженного периода стало назначение в 1955 году тридцатилетнего Макеева Главным конструктором Уральского СКБ-385 в г. Златоуст, где он занимался серийным производством ракет Р-11, Р-11М, затем работал над созданием первой морской ракеты Р-11МФ. Это назначение состоялось по инициативе С. П. Королева. Таким образом произошла передача морского направления в ракетостроении от учителя к ученику, тогда еще мало кому известному конструктору В. П. Макееву, который всей своей последующей деятельностью блестяще подтвердил правильность выбора С. П. Королева. Макеев многое перенял у своего Учителя: идею Совета главных конструкторов, доверительные отношения с заказчиком, неспешность, всестороннюю проработку вопроса при принятии решений и последующее твердое, решительное проведение их в жизнь, особое отношение к летным испытаниям, необходимость расширения наземной отработки элементов и систем ракеты с целью сокращения затрат времени и средств на летные испытания, системному подходу в проектировании комплексов ракетного оружия. В процессе работы с исполнителями и руководителями различных уровней Главный конструктор Макеев впитывал и перерабатывал сведения и предложения в интересах общего дела. Непрерывно работая, он обучался, а обучая других, он тоже учился. Эти качества он сохранил до конца своей жизни. Уже в октябре 1960 года 36-летний Главный конструктор сдал на вооружение ВМФ свою первую морскую ракету Р-13, через 2,5 года — первую морскую ракету с подводным стартом Р-21, а в промежутке между ними успел сдать ракету Р-11 (легендарный СКАД), т. е. примерно за пятилетку состоялось становление нового ракетного конструкторского бюро и его Главного конструктора В. П. Макеева.

Главным же результатом технического творчества Макеева было создание трех (!) поколений баллистических ракет подводных лодок, стратегических ракетных комплексов, создание отечественной школы морского ракетостроения.

Сказать, что огромные заслуги перед Отечеством не были отмечены и не оценены по достоинству, значит сказать заведомую неправду. Виктор Петрович был руководителем большого работоспособного и дружного коллектива. Государственное и научное признание его заслуг отразилось в звании Героя Социалистического Труда (дважды), присуждении Ленинской и

трех Государственных премий, награждении пятью орденами Ленина и орденом Октябрьской революции. Виктор Петрович был избран членом-корреспондентом Академии наук, а затем и ее действительным членом (академиком).

Пятым среди награжденных скромной, но очень престижной среди ракетчиков премией Э. К. Циолковского был В. П. Макеев. Он очень гордился этой премией и тем, что был в первой пятерке награжденных.

Он был депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС, что тоже нужно было для Дела, для большого коллектива КБМ. Но самой большой, по его словам, наградой, которую он очень ценил, было для него доверие, признание и уважение тех, с кем он бок о бок работал.

Особое внимание Макеев уделял подбору, расстановке кадров. Банально? Не скажите. Однажды в приватной обстановке, за дружеской беседой кто-то из офицеров Полигона спросил, как ему удастся подобрать такой дружный, профессионально подготовленный, беззаветно преданный Делу сплоченный коллектив единомышленников. Тем более, что КБМ находится не в Москве и не Ленинграде, а на периферии, в глубинке, в Миассе. Подумав, Виктор Петрович ответил, перефразировав известные слова знаменитого физика, лауреата Нобелевской премии Бруно Максимовича Понтекорво:

— Я подбираю помощников таким образом, чтобы быть уверенным, что если мой сотрудник в рабочее время, в разгар работы, отправляется на рыбалку, на охоту или дружескую вечеринку, то, значит, это необходимо для работы, для дела.

— А если ваш сотрудник не отвечает этим высоким требованиям, вы его выгоняете?

— Нет, я просто таких на работу не беру, — с лукавой хитринкой в глазах ответил В. П.

Не случайно Макеев был окружен специалистами высочайшего профессионализма. Назову в качестве примера лишь несколько фамилий, с которыми судьба свела в совместной работе во время испытаний ракет на Полигоне. В этот список, строго говоря, можно включить почти весь состав сотрудников КБМ. Мне эта работа, как человеку, далекому от КБМ, просто не под силу. Рискну назвать очевидные фамилии, которые, уверен, не вызовут ни малейших сомнений и возражений с чьей-либо стороны. Хорошими помощниками Макеева во всех его начинаниях были заместители Главного Владимира Леонидович Клейман, настоящий трудоголик (в хорошем смысле этого слова) Виктор Егорович Каргин, ведущий специалист КБМ, куратор по системам управления, который мог решать вопросы на равных со смежниками-разработчиками систем управления, Лейб Меерович Косой, специалист по лодочным системам комплекса Павел Сергеевич Колесников.

Не меньшее внимание уделял Макеев подбору организаций-смежников, убеждению их руководителей в целесообразности и необходимости в совместном решении проблем разработки новых ракетных комплексов. Благодаря своему таланту убеждать людей, он сколачивал дружный, работоспособный коллектив единомышленников, высокопрофессиональных, талантливых людей. Это хорошо известные в стране главные конструкторы, звезды первой величины Алексей Михайлович Исаев, Николай Алексеевич Пилюгин, Ярослав Афанасьевич Хетагуров, Всеволод Николаевич Соловьев, Николай

Александрович Семихатов, Владимир Сергеевич Кузьмин, Сергей Сергеевич Ванин.

Каждый из них обладал важными качествами, столь необходимыми в любой работе, а в совместной — в особенности: безупречной научной состоятельностью; высоким профессионализмом; богатым опытом разработки, испытаний ракетных комплексов; обязательностью, высокой порядочностью и надежностью при работе в общей упряжке. О каждом из них можно (и нужно!) написать отдельную книгу.

В Макееве прекрасно сочеталась предельная деловитость и собранность в работе с какой-то бесшабашной, истинно русской лихостью, удастью, пренебрежительным отношением к своему здоровью. Он никогда ни в чем, даже в мелочах, не хотел отставать от других.

Как-то зимой на озере Островистое начальник штаба Полигона контр-адмирал Мачинский Олег Макарович, несколько лет увлекавшийся «моржеванием», в шутку пригласил Макеева и Новикова искупаться с ним в полынье. Все трое разделись в избе, пошли к озеру. Мачинский привычно влез в ледяную воду, побултыхался и вылез из нее. Макеев попрыгал на берегу, а затем под подначки Новикова упрямо и решительно прыгнул в воду и сразу же, как ошпаренный (первый раз в жизни купался зимой!), выскочил на берег. Новиков осторожно подошел к воде, потрогал ногой воду, отдернул ее, как кошка, и со словами «будем считать, что мы тоже искупались» пошел по тропинке в снегу в дом.

В один из приездов в Миасс Макеев пригласил нас посмотреть новый, только что построенный плавательный бассейн. Естественно, мы с радостью согласились. Знакомство с бассейном начали с вышки для прыжков. Шофер автомашины Макеева Борис залез на верхнюю площадку и прыгнул, сделав переворот в воздухе. Ясно, что он уже не раз прыгал этим способом. Залез и еще раз прыгнул. Макеев тоже полез на площадку вышки:

— Я прыгну, как Борис.

— Так вы же никогда не прыгали с «кувырком»!

— Ну и что! Самая дальняя дорога начинается с первого шага. Борис может, и я смогу.

Прыгнул смело, но неудачно, почти плашмя, спиной. Ни слова не говоря, упрямо снова полез на вышку. Стали отговаривать. Бесполезно. Снова прыгнул и снова сильно ударился спиной о воду. Прыгнул в третий раз — уже лучше. В четвертый и пятый раз отлично вошел в воду: небольшой всплеск, без удара, брызг немного. После этого сказал свое любимое «такова селяви», отошел от вышки.

Устроили небольшое соревнование: в самом глубоком месте, под вышкой, набросали в воду мелких монет; кто за один раз достанет больше. Борис свободно доставал две-три монеты. Не вылезал из воды без монеты и я. Но я все детство провел на реке, где мы и плавали и ныряли «на время» — кто больше пробудет под водой. Несколько раз нырял Макеев. Вынырнет, глаза красные, из носа и ушей течет вода. Передохнет и снова раз за разом ныряет. С пятой-шестой попытки стал доставать одну-две монеты. Настойчивый, упрямый человек. Он стремился во всем и всегда быть первым. Не только в работе, где он прочно обосновался в верхней части таблицы о рангах, но в жизни вообще, во всем ее многообразии. Физически он был крепкий, здоровый

и очень сильный мужчина. Ученик С. П. Королева, он и фигурой, чертами лица и характером был очень похож на Учителя.

В один из выходных дней поехали с Макеевым в подшефный КБМ совхоз. Пробыли там несколько часов. Гостеприимный директор совхоза, по фамилии, кажется, Спиридонов, гордо показывал совхоз, а затем от души старался угостить гостей. И это ему удалось. Надо было возвращаться назад. Директор предложил свою машину с водителем: так безопаснее, надежнее. Макеев категорически отказался: «Поедем на моей машине, я сам сяду за руль». Отговорить его было невозможно. Гнал машину Макеев в облаках пыли, впритирку расходясь со встречными машинами, лихо обгоняя попутные. Доехали благополучно. Приехали в Миасс на озеро Тургояк, на высоком берегу которого у Виктора Петровича было сооружение, громко именуемое дачей. Подъехали к воротам. Вышел сторож. Макеев сам открыл ворота, загнал машину, закрыл ворота, поставил машину на место, пошел на террасу, лег на диван и уснул, полностью отключился. Железный характер! Стальные нервы!

В цехе на технической позиции у хвостовой части ракеты возились рабочие. Молодые, крепкие ребята, ругаясь и чертыхаясь, пытались отвернуть какой-то болт, поставленный на герметик. Ничего у них не получалось. По цеху мимо них проходил Макеев. Остановился, заинтересованно посмотрел. Затем снял пиджак, попросил ключ. Рабочие загладели: «Ничего, Виктор Петрович, у вас не получится, мы 10 минут бьемся». Макеев взял ключ, налег. Все у него напряглось, лицо от напряжения налилось кровью. Казалось, еще мгновение и сухожилия, надувшиеся на руках вены не выдержат напряжения. Возможно, так и произошло бы, но болт поддался раньше. Макеев отдал ключ, вытер свой сократовский лоб носовым платком, руки — чистой ветошью, надел пиджак: «Вот так, молодежь, надо работать» и как ни в чем не бывало пошел дальше. Потом, не выходя из цеха, он рассмеялся: «Вопрос стоял для меня принципиально. Я бы всю ракету свернул в бараний рог, но вывернул этот чертов болт».

Аналогичный пример приводится в цитируемой выше книге Запольского «Ракеты стартуют с моря», когда в 1957 году В. П. Макеев с Г. С. Перегудовым, В. Л. Клейманом и Л. М. Косым в качестве слесаря своими руками менял рулевые агрегаты на ракете Р-11ФМ. Так что это не единичный факт, а уже система.

Он совершенно пренебрежительно относился к своему здоровью. После описанного выше аварийного пуска, когда ракета развалилась над стартовой позицией, на ее территорию выплеснулось много тонн самовоспламеняющихся компонентов. Можно было совершенно свободно, ненароком провалившись ногой в снег, попасть в лужу этой агрессивной дряни. На следующее после аварии утро мы с Модиныным В. М. увидели Виктора Петровича около бункера на стартовой позиции. Он был в подавленном состоянии после аварии. Подошли к нему. Я попросил его уехать «от греха подальше», в гостиницу, так как здесь опасно. Он посмотрел укоризненно:

— Но ведь ваши люди из аварийной партии здесь работают! Почему же мне противопоказано?

Я ему напомнил известный всем трагический случай на Байконуре, когда в октябре 1960 года при заправке ракеты Р-16 аналогичными компонентами

произошла авария. Погибли люди (400 человек), в том числе и главнокомандующий ракетных войск стратегического назначения маршал Неделин Митрофан Иванович.

— Я не маршал.

Повернулся к нам спиной и пошел в бункер.

В один из прилетов на Совет главных конструкторов нас с Новиковым в аэропорту Челябинска встретила «Волга» Макеева с Борисом за рулем. Поехали в Миасс. Дорога хорошая. Борис гнал машину, как говорится, «с ветерком».

Новиков дотронулся до плеча Бориса:

— Ямщик, не гони лошадей! — шутливо, а потом вполне серьезно: — Куда мы спешим? Поезжай, пожалуйста, помедленнее.

Борис сбросил скорость, недовольно пробурчал:

— Если бы я так ездил с Макеевым, он уже давно выгнал бы меня с работы.

— А что, Виктор Петрович любит ездить быстро?

— Ну...

— Тогда поедем так, как ты едешь с Макеевым.

Борис облегченно вздохнул, с удовольствием «поддал газу» и опять погнал машину с тем же ветерком.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать о забавном приключении, которое произошло с Макеевым в Японии. За рубежом, в стране Восходящего солнца, он оказался в качестве инженера-туриста под чужой фамилией и с чужими документами. Такой риск при его-то положении! В одном из японских портов он вместе со всеми туристами сошел на берег, все ринулись в магазины, а он пошел в одиночку побродить по городу. Миассовские знакомые попросили его купить чудо-таблетки: проглотил — и начисто отбит запах спиртного изо рта, ни один гаишник не придерется. Встретил торговца, у которого лежали таблетки на столе, похожие на заказанные. Ни одного слова по-японски он не знал, переводчик у них был один на всю группу. Решил объясниться с торговцем с помощью жестов. По международному своду сигналов лихо щелкнул указательным пальцем по горлу, глубоко выдохнул и помахал у рта ладонью (мол, выпил, а запаха нет). Продавец радостно закивал головой (понял, понял!) и аккуратно завернул ему несколько коробочек, получил деньги и вежливо, даже подобострастно раскланялся с симпатичным иностранным покупателем. Довольные друг другом, разошлись: Макеев с покупкой пошел дальше, торговец остался торговать. Вернулся Виктор Петрович на теплоход, попросил переводчика прочесть все, что написано на коробочках. Тот выполнил просьбу туриста и весело расхохотался: «Это средство от астмы!»

Макеев расстроился и на следующее утро пошел вместе с переводчиком искать торговца. Нашли на старом месте. Переводчик объяснил ситуацию торговцу. Несколько минут японец хохотал, приседал и вытирал слезы. Передохнув, снова продолжал хохотать. Коробочки с чудо-таблетками от астмы он забрал, порылся в своем хозяйстве и вручил Виктору Петровичу несколько коробочек с таблетками, уничтожающими запах спиртного изо рта.

Макеев отличался скромностью в быту. В Миассе он с семьей (жена, трое детей) жил в обычной четырехкомнатной квартире. В Москве получил

стандартную двухкомнатную квартиру по ул. Георгию Деж. У него никогда не было домработницы. Завтраки и припозднившиеся ужины готовил себе всегда сам. Была у него собственная машина — обыкновенная «Волга». Его служебную дачу на высоком берегу озера Тургояк можно лишь весьма условно назвать дачей. Обычный одноэтажный деревянный дом, несколько небольших комнат-спален, кухня, погреб, терраса с бильярдом. О жителях Машгородка он заботился гораздо больше. В городке построена отличная гостиница, плавательный бассейн. Много занимался улучшением снабжения жителей товарами народного потребления. В один из вечеров он вышел прогуляться. Недалеко от дома, где жил, увидел новый магазин «1000 мелочей». Зашел, побродил по магазину и к директору:

— Какой у вас магазин?

— Тысяча мелочей!

— У вас продаются телевизоры, холодильники, мотоциклы. Какие же это мелочи?

В ответ нечленораздельное мычание.

— Чтобы послезавтра на магазине была вывеска, соответствующая его номенклатуре. Все действительно хозяйственные мелочи извлечь из «загашников» и разместить в торговом зале.

Через день на магазине красовалась вывеска «Хозяйственные товары», а полки пополнились сотнями хозяйственных мелочей.

В разгар работы экспедиции КБМ в части от инженеров и рабочих стали поступать жалобы на недостаточный ассортимент продуктов питания в столовой и магазине Военторга. Эта информация дошла до Виктора Петровича. Он был, как всегда, скор и решителен. Выбрал двое суток, более или менее свободных от работы, и полетел в Москву. Там в Военном отделе ЦК КПСС и Министерстве обороны решил все вопросы с обеспечением продуктами питания участников испытаний. Обстановка с обеспечением изменилась принципиально. Мне, как командиру части, было достаточно снять трубку телефона ВЧ-ПС и позвонить начальнику ГУТМО (Главное управление торговли Министерства обороны) Гольдбергу Ефиму Ильичу или его заместителю по продтоварам Василевскому Константину Федоровичу, как следовал неизменный стереотипный ответ: «Заявка принята, завтра (послезавтра) встречайте в Талаги (аэропорт Архангельска) самолет. Точное время будет передано через оперативную службу». И действительно, в указанный день и час в Талаги приземлялся самолет из Москвы с грузом для участников испытаний, включающим в себя всевозможные дефицитные и деликатесные продукты питания — от тресковой печени в масле, твердокопченой колбасы и крабов до сухих вин типа «Гурджаани», «Мукузани», «Хемус» и армянских, грузинских коньяков. При этом было единственное условие начальника ГУТМО — получать дефицитный груз в аэропорту, минуя Военторги округа (Архангельск) и БелВМБ (Северодвинск). Эта организация снабжения участников испытаний ни разу не дала сбой, а Макеев потерял к ней всякий интерес («Мавр сделал свое дело...»). Обстановка в военторговских магазине и столовой части неузнаваемо изменилась. В лучшую сторону, разумеется.

Отношение Главного конструктора к сослуживцам, занимающим самые различные ступени на иерархической лестнице КБМ, можно проиллюстриро-

вать несколькими примерами, хорошо известными автору, наглядно характеризующими Макеева как человека.

Когда в нашей стране поднялся настоящий ажиотаж вокруг чудодейственного средства мумиё, Макеев решил достать его для своих сослуживцев. По официальным каналам сделать это ему не удалось. Тогда Макеев решил пойти нетрадиционным путем. Из числа спелеологов-любителей, работающих в КБМ, организовал экспедицию энтузиастов, предоставил им очередной отпуск (по их просьбе) и отправил в горный Таджикистан. Воспользовался личными знакомствами со многими должностными лицами этой республики, так как в Верховный Совет СССР он баллотировался от Таджикистана. Экспедиция собрала в высокогорных пещерах горной республики 450 граммов драгоценного экзотического лекарства. 100 граммов из них Виктор Петрович выделил членам экспедиции, оставшиеся 350 граммов хранил в своем личном сейфе и выдавал нуждающимся по назначению врачей лично сам, в присутствии руководителя экспедиции.

Другой пример. Макеев очень любил стихи и песни В. Высоцкого. Как-то в торговую сеть Миасса поступили два экземпляра томиков стихов Высоцкого. Учитывая, что Макеев — горячий поклонник творчества поэта, один томик стихов был вручен, естественно, ему. Но Макеева такая постановка вопроса не удовлетворила. По его указанию экземпляр был передан на размножение и через пару дней более 100 благодарных кэбээмовцев, истинных любителей творчества Высоцкого, получили от Макеева по бесплатному томику стихов любимого поэта.

В. П. Макеев очень любил природу. Этому благоприятствовала богатая, живописная уральская природа в окрестностях Миасса, Златоуста, Челябинска. Используя крайне редкие от работы дни, Виктор Петрович выезжал в лес, на озеро, на реку, чтобы половить рыбу, отдохнуть на лоне природы, на время уйти от текущих забот.

Экспедиция КБМ, будучи в командировке в Нёноксе, единственная из всех, принимавших участие в испытаниях, по инициативе своего руководителя и при его участии даже Новый год встречала в лесу, что находился в 100—200 метрах за вертолетной площадкой части. Для этой цели организаторы праздника выбирали на расстоянии 400—500 метров от опушки леса большую красивую ель, украшали ее незатейливыми игрушками, расчищали от снега большую (для всей экспедиции!) площадку, оборудовали ее электрическим освещением.

Незадолго до наступления Нового года на этой лесной площадке вокруг лесной красавицы собирались члены экспедиции КБМ, включали неяркое освещение, Виктор Петрович поздравлял сотрудников с новым наступающим годом, желал им дальнейших успехов в работе.

Мне с женой однажды довелось принять участие во встрече Нового года с макеевцами. Впечатление незабываемое: ночной лес, подступающий вплотную к освещенной слабым светом площадке, мороз, сугробы снега вокруг, еле пробивающаяся через рваные тучи луна, негромкая веселая музыка. Экзотика! Великолепно. Но... ненадолго: час-два, и достаточно. Больше не выдерживает штатное офицерское обмундирование.

Таких «мелочей» в жизни Макеева было очень много. При беспокойном, не безразличном ко всему, что его окружает, характере Макеева ситуаций, причин для их появления было больше чем достаточно.

Закончилось заседание Совета главных конструкторов. Макеев просит нас зайти к нему в кабинет (кстати, тоже очень обычный, без каких-либо излишеств и, конечно, в подметки не годится роскошным кабинетам президентов, генеральных, председателей всевозможных АООТ, АОЗТ, ТОО, банков и т. д. и т. п.) и пошел к себе. Заходим в его кабинет:

— Слушаем вас, Виктор Петрович.

Макеев вызывает секретаря-референта, отдает какие-то распоряжения.

— Сейчас едем на дачу, посидим, поговорим о делах, выпьем коньячку, Леня (Лейб Меерович Косой) расскажет нам пару свежих и полдюжины «с душком» анекдотов, поиграем в бильярд.

— Но вы же недавно болели, лежали в больнице. Вам нельзя.

— Зачем же я тогда лежал в «Кремлевке»? Там врачи опытные и мне можно все, что и всем прочим людям. В конце концов, вы — гости, я — хозяин и мне решать, что мне можно, а что нельзя. Одним словом — поехали!

Логично? Не очень. Но по-русски, по-макеевски.

В быту Макеев был веселым, жизнерадостным и очень общительным, но не доходящим до панибратства, человеком. Очень любил шутку, розыгрыш, но никогда не позволял себе громко хохотать, как говорится, до упаду, до колик в животе, ограничиваясь ироничной улыбкой, сдержанным смехом с хитринками в глазах. Для веселья, снятия усталости любил и выпить в дружеской обстановке. Но ни разу за все время я не видел Виктора Петровича пьяным. Не было ему равных в веселых, дружеских розыгрышах, в коих мы, между прочим, и принимали самое активное участие в самолете, когда летели из Челябинска в Красноярск и из Красноярска в Норильск.

Он был предельно честным, обязательным и точным до пунктуальности как в работе, так и в быту. Патологически не переносил разгильдяйства, опозданий, необязательности. Не представляет труда подтвердить примерами его обязательность и точность во всем. Их много. Воспользуемся одним эпизодом из его жизни. В один из приездов в Северодвинск из Нёноксы Макеев позволил уговорить себя (правда, не очень-то активно сопротивляясь) пойти и посидеть вечером с коллегами по работе в ресторане «Белые ночи» (сокращенно — РБН). Напомню, охраны у него не было. В настоящее время любой сопливый полуграмотный и к тому же полупьяный продавец из «комка» охраняется лучше, чем тогда люди типа Макеева. Секреты мы в стране охраняли тщательно, а вот, например, обладатель государственных секретов В. П. Макеев никогда не знал, что такое личная охрана, телохранитель.

В РБН — вино, музыка, танцы. Макеев познакомился с молодой симпатичной женщиной. Незадолго до окончания работы РБН он неожиданно, как говорится, «слинял» из ресторана. Естественно, исчезла из поля зрения и его знакомая. Как потом выяснилось из рассказа Макеева, он прихватил с собой бутылку шампанского, коробку конфет и, как галантный кавалер, пошел провожать новую знакомую. Зашли к ней домой. Посидели, Виктор Петрович всполошился, когда малая стрелка часов перевалила через «1». Решительно собрался, сказал знакомой, что к 2.00 он должен быть на станции «Северодвинск-3», там его ждут товарищи. Город он совершенно не знал и попросил ее рассказать, как добраться до указанного места города. Та оказалась, как и большинство женщин-северянок, порядочным человеком, быстро собралась и проводила Макеева до станции. Там они попрощались, и она ушла домой.

Мы уже сидели в матрисе и нервничали не на шутку: неожиданно один ушел из ресторана, города не знает; что представляет собой эта женщина — неизвестно. И облегченно (гора с плеч свалилась!) вздохнули, когда точно в 2.00 в матрису поднялся живой, здоровый, с загадочной улыбкой на лице В. П. Макеев собственной персоной.

Кстати, еще раз об улыбке как таковой. Известно, что существо человека определяет его улыбка, его смех. Мне довелось видеть на лице Виктора Петровича различную улыбку: доброжелательную, сочувственную, озабоченную, бесшабашную, ироничную, с хитрецей, со смешинкой, насмешливую, снисходительную, с выражением шутивого превосходства, но никогда — злую, презрительную, беспощадную.

Говоря о Викторе Петровиче как о человеке, нельзя не сказать о том, что он был хорошим, любящим отцом своих троих детей. В подтверждение — только один штрих. Его старший сын Сергей учился в выпускном десятом классе, когда Виктор Петрович, не раздумывая, забрал сына «под свое крыло», к себе, хотя в это время практически жил в условиях гостиницы части, в Нёноксе. Макеев помогал сыну в учебе, оказывал необходимую моральную поддержку, осуществлял ненавязчивый контроль.

Среднюю школу Сергей закончил успешно. Но ему не повезло. Незадолго до выпуска тяжело заболел. Курс лечения проходил в одной из лучших московских больниц.

Когда наступил кризис, Виктор Петрович и, естественно, Галина Вадимовна несколько суток подряд не выходили из больницы, ночуя где придется. А тут еще на беду в таком известном лечебном учреждении не оказалось специального инструмента для забора пункции спинного мозга. Виктор Петрович в условиях больницы спроектировал инструмент, по телефону связался со своей родной фирмой в Миассе и передал всю необходимую информацию для его изготовления. Через сутки первый экземпляр инструмента был вручен лечащему врачу. А чуть позже Виктор Петрович с благодарностью вручил главврачу больницы несколько экземпляров инструмента своей собственной оригинальной конструкции.

Главному морскому ракетчику — 50 лет!

25 октября 1974 года Виктору Петровичу Макееву исполнялось 50 лет. Это немного, но дата юбилейная! Созданная в КБМ комиссия по подготовке и проведению юбилейного торжества от имени юбиляра пригласила на торжества в качестве представителей Полигона контр-адмирала Салова Владимира Семеновича, незадолго до этого назначенного начальником Полигона, и заместителя начальника Полигона по испытаниям ракетных комплексов, то есть автора этих строк. «... Были сборы недолги...», и 25 октября вечером мы с начальником уже были в Машгородке, в гостинице с морским названием «Нептун». Торжества были запланированы на субботу, 26 октября. Наше время поздравления юбиляра — 11 часов 45 минут, место действия — его рабочее место, кабинет. Прибывающие приглашенные, желающие выразить свои чувства герою торжества, шли к нему почти непрерывным потоком, с интервалом 3—4 минуты. Мы с Владимиром Семеновичем прибыли

в приемную кабинета Макеева и приняли предстартовую стойку с военной точностью строго в установленное нам время. Председатель комиссии заместитель Главного конструктора Владимир Леонидович Клейман встал из-за стола, радушно поприветствовал нас и широким жестом пригласил в кабинет Макеева: «Виктор Петрович вас ждет!» Вошли, сердечно поздравили героя торжества, искренне пожелали ему отменного здоровья, дальнейших успехов в работе на благо Военно-морского флота, счастья в личной жизни. Вручили памятный сувенир и оригинальный северный презент: адмиральский подарочный кортик, который конструктивно не отличается от штатного офицерского, но позолота нанесена везде, где это можно сделать, за исключением, разумеется, лезвия (изготавливаются по спецзаказу Главкома ВМФ, работа штучная, ручная), и свежую сверкающую крупной серебристой чешуей краcавицу семгу (весом 12 килограммов).

Большинство поздравивших после поздравлений прощались с юбиляром и покидали кабинет. Некоторых (очень немногих!) Виктор Петрович приглашал пройти в комнату отдыха, где на низеньком столике стояла бутылка коньяка «Ереван», рюмки, открытая коробка шоколадных конфет. Мы оказались в числе этих немногих. Выпили по рюмке душистого янтарного коньяка. Виктор Петрович чисто символически пригубил свою рюмку, извинился. Мы сочувственно, понимающе (такая нагрузка!) кивнули головами. Завязалась неторопливая беседа. В. П. поблагодарил за поздравление («Спасибо, что не совсем забыли, вспомнили», — пошутил он), очень тепло вспомнил Север, Нёноксу, офицеров Полигона, попросил передать им привет и от всего сердца поблагодарить за дружную самоотверженную совместную работу. Чувствуя, что наш лимит времени, по-видимому, исчерпан с перебором, распрощались с хозяином кабинета (Макеев уточнил: «Вечером еще встретимся») и вышли в приемную. Владимир Леонидович понимающе улыбнулся: «На семь минут выбились из графика, но ничего, не смертельно» и напомнил: «Продолжение в банкетном зале, время Ч — 18 часов 30 минут местного времени» и пригласил в кабинет юбиляра очередного гостя.

Большинство приглашенных собрались в холле гостиницы на первом этаже за 30—40 минут до назначенного времени, степенно прогуливались, группировались в небольшие группы, оживленно беседовали. Практически со всеми именитыми гостями я был знаком по работе во время испытаний, но теперь все они были при полных иконостасах на груди, в сиянии орденов самой высокой пробы, золотых звезд Героев Труда, медалей и прочих знаков отличия. Все были серьезны, торжественны, официальны.

В точно назначенное протоколом время председатель комиссии (он же распорядитель, ведущий протокола, своего рода диспетчер) от имени юбиляра пригласил гостей в зал.

На левой стене зала при входе сразу бросалась в глаза большая копия известной картины русского художника-передвижника В. Г. Перова «Охотники на привале». Это был дружеский коллаж, так как лицо среднего охотника, наиболее колоритного персонажа картины, довольно точно воспроизводило черты лица Макеева. Не меньшее восхищение вызывала и вторая картина — шутливый шарж по известному полотну кисти великого русского художника И. Е. Репина «Бурлаки на Волге». Головным в бечеве изображен напрягшийся в нечеловеческом усилии Главный конструктор В. П. Макеев, а в лицах

членов бурлацкой артели без труда узнавались его ближайшие помощники по работе, его «товарищи, сыны...». На борту баржи, которую с невероятным напряжением сил тащили «бурлаки», крупной старинной русской вязью начертано «КБМ».

Столы были установлены в две или три параллельные линии вдоль зала. Во главе этих линий за отдельным столиком расположился герой торжества с женой Галиной Вадимовной и старшим сыном Сергеем.

Согласно «протоколу» празднество в банкетном зале организационно представляло собой как бы три отделения.

Первое отделение — сугубо официальное. Выступали с поздравительными речами, тостами руководители КБ, фирм, организаций, ответственные работники министерств и другие официальные лица, с которыми судьба свела юбиляра по совместной работе. Безукоризненно строгие темные костюмы, модные, но строгие галстуки, генеральские и адмиральские звезды на погонах, лампасы, блеск правительственных наград и знаков отличий, официальные, не менее строгие, чем костюмы и галстуки, тосты безраздельно господствовали в первой части торжества.

Во втором отделении на передний план выдвинулись более свободного покроя и расцветки пиджаки, на некоторых из них в гордом одиночестве тоскливо поблескивали награды не самого высокого достоинства, зазвучали свободные неофициальные, шуточные тосты-экспромты, витиеватые двусмысленные кавказские.

В перерыве между отделениями заместитель Макеева по наземной отработке агрегатов комплекса Виктор Егорович Каргин, которому, кстати, в этот же день исполнилось 40 лет, от имени распорядителя (теперь его можно было бы назвать более привычным словом — тамада) попросил меня быть готовым к тосту. Желательно, чтобы он был шуточный, связанный с каким-нибудь казусом, забавным эпизодом, происшедшим с юбиляром во время пребывания последнего на Севере, в Нёноксе. Фон выигрышный — северная природа, море, лес, озера, полчища кровопийцев-комаров и т. д. Задачу понял и с удовольствием внес свою посильную лепту в общую непринужденную обстановку. Судя по реакции уже пресыщенного официальными тостами зала, тост удался.

В разгар общего веселья кто-то из участников торжества при шумной поддержке зала попросил Виктора Петровича что-нибудь спеть. Все знали, что он очень любит песни на морскую тематику и для любителя неплохо поет. Не профессионально, конечно, а по-семейному, в узком кругу. Кстати, в Нёноксе дуэтом с полковником Модиным Владимиром Михайловичем, бывшим тогда заместителем командира, а позже — командиром части, который прекрасно пел и играл на гитаре, пианино и просто обожал морские песни, начиная с популярной незатейливой «Бескозырки», у него получалось отлично. Нам, постоянным слушателям, не раз довелось дружно аплодировать этому дуэту.

Не кокетничая и не дожидаясь дополнительных просьб, Виктор Петрович встал из-за своего столика, прошел к эстраднему оркестру. Короткое совещание с руководителем оркестра, и в зале зазвучала душевная мелодия песни «А все-таки море останется морем и нам никогда не прожить без морей» в сольном исполнении Главного конструктора морских баллистических ракет

в сопровождении профессионального эстрадного оркестра. Смолкла песня и присутствующие в зале разразились бурными аплодисментами и криками «Бис!» Счастливо улыбающийся юбиляр поклонился залу, посоветовался с руководителем оркестра и запел «Прощайте, скалистые горы!..» — любимую североморцами флотскую песню военных лет о море, о войне. Песню подхватили гости в зале. Все получилось великолепно! Весело, раскованно, красиво!

В конце второго отделения поднялся герой торжества с проникновенным ответным тостом (первый звонок для гостей!).

Начался третий, заключительный, этап торжества. Свет приглушен, негромко мурлычет оркестр. Гости разбрелись по залу, сформировались локальные группки. Где-то кто-то попытался приватно что-то спеть. Поддержки не получил. Умолк. Любители танцевать разобрали партнерш, но ощущался острейший дефицит на представительниц прекрасного пола. Девушки-официантки в белых передничках и таких же наколках на волосах бойко сновали среди гостей с подносами в руках, предлагая гостям тарелочки с мороженым, на которых неровным пламенем горели небольшие свечи.

Многие из гостей уже всерьез подумывали «под шумок», по-английски, покинуть банкетный зал. Именно в это время раздался чем-то возбужденный, хорошо поставленный и до безобразия трезвый голос распорядителя, только что исполнявшего обязанности тамады. Он попросил гостей занять свои места за столом. Включили большой свет, оркестр смолк на полуноте, официантки испарились из зала. Распорядитель торжественно, вполне естественно волнуясь, огласил присутствующим только что поступившую в КБМ правительственную телеграмму о награждении В. П. Макеева второй золотой медалью «Серп и молот», вторым орденом Ленина и о сообржении бронзового бюста на родине Героя Труда. Подпись — Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Зал буквально взорвался аплодисментами, как будто по нему прокатился девятый вал, дунами. А когда восторженный шум стих, была оглашена поздравительная правительственная телеграмма за подписью Дмитрия Федоровича Устинова. Чествование юбиляра — Дважды Героя Труда приобрело второе дыхание.

Торжество завершилось где-то около двух часов ночи. Усталые, но довольные гости расползлись по своим номерам в гостинице. На следующее утро большинство их разъехалось по домам: кто-то самолетами «Аэрофлота», некоторые — поездами, а отдельные своим персональным автотранспортом. Отъезд был организован четко, по-военному: билеты на самолеты и поезда забронированы, автомашины на вокзал и в аэропорт Челябинска запланированы.

Виктор Петрович пригласил нас с Саловым принять посильное участие в «обмытии» его второй звезды, в которое перманентно переходило чествование его по случаю 50-летия. Отметить награждение второй золотой звездой «Серп и молот» Дважды Герой Труда планировал на лоне природы в узком кругу друзей и сослуживцев. В. С. Салов поблагодарил за приглашение и категорически отказался, заявив, что дела на Полигоне срочно требуют нашего присутствия в Северодвинске.

В итоге мы втроем (нас двое и Главный конструктор опытовой подводной лодки, с которой проводились летные корабельные испытания нового макеев-

ского ракетного комплекса, Николай Федосеевич Шульженко) утром уехали в аэропорт.

По дороге, как это часто бывает, зашел разговор о впечатлениях от завершившегося торжества, о жизни вообще, о возрасте человека в общем понимании этой философской категории и о Макееве в частности. В одном, во всяком случае, мы были единомышленны. 50 лет, прожитых Макеевым при его творческой активности, энергии, достигнутых успехах, блестящих перспективах, его жизнелюбии, преданности Делу — не возраст, а переходный этап к зрелости, расцвету. Его жизнь находится на подъеме, на восходящей ветви траектории жизни и до ее высшей точки, апогея творчества, еще далеко.

Но мы и предположить не могли, что жить Макееву, так любящему жизнь, полному творческих замыслов, сил и неиссякаемой энергии человеку, оптимисту по складу характера, осталось до обидного мало, всего 11 лет. Как безжалостен и несправедлив бывает иногда Всевышний — этот вершитель человеческих судеб!

Как уже упоминалось, воздать должное заслугам В. П., как любовно называли Виктора Петровича те, кто его хорошо знал, — предмет особого разговора, специального исследования и, как результат, — появление на свет отдельной книги. Все мы в большом долгу перед Виктором Петровичем, перед светлой памятью о нем. Этот долг необходимо возвернуть. Конечно, книга об этом замечательном человеке, талантливом и смелом ученом, авторе многих оригинальных инженерных решений, создателе принципиально новых ракетных систем рано или поздно будет написана. Возможно, где-то и кем-то она уже пишется. В качестве примера можно сослаться на замечательную книгу о С. П. Королеве «Академик С. П. Королев. Ученый, инженер, человек. Творческий портрет из воспоминаний современников» и книгу Я. Голованова «С. П. Королев Факты и мифы». Впрочем, нельзя не упомянуть, что первая прекрасная попытка отдать должное В. П. Макееву уже сделана. Периодически проводятся макеевские чтения, посвященные деяниям этого незаурядного человека. На шестых чтениях было принято решение превратить их проведение в систему. Разумеется, чтения не исключают, а стимулируют создание полноценной, фундаментальной книги о жизни и творчестве В. П. Макеева.

О Макееве можно написать очень много, но такой непосильной задачи автор перед собой не ставил. Поэтому ограничился отдельными штрихами, небольшими мазками на большом полотне.

В заключение хотелось бы сказать, что настоящая глава — самая трудная для автора. Описываемый период — самый интересный, самый насыщенный событиями, связанный со службой на Полигоне, встречами с очень интересными людьми, в то же время и самый сложный во всех отношениях, в том числе и с точки зрения правовых и моральных норм предания огласке материала, хорошо сохранившегося в памяти автора.

С одной стороны, велико искушение предать огласке факты, события, наверняка не известные потенциальному читателю, с другой — на каждом шагу подстерегает опасность вторгнуться в область, где пока еще господствует гриф секретности и ограничения морального, этического плана. Ведь так мало времени прошло после описываемых событий. В данной ситуации не спрячешься за спасительной рубрикой «По материалам зарубежной

печати». Поэтому много фактического материала не нашло своего места в публикуемых воспоминаниях. В связи с изложенным автор приносит свои самые искренние извинения.

На службе Родины

Закончилась моя служба на Полигоне в мае 1975 года, и мне предстояло ехать к новому, последнему месту службы в качестве старшего военпреда, руководителя военной приемки на заводе «Прогресс» (бывший московский авиационный завод № 1 им. Сталина, позже — головной завод С. П. Королева), чтобы принимать изготавливаемые там по заказу ВМФ крылатые ракеты. Кстати, те самые ракеты, которые испытывала и принимала на вооружение ВМФ Государственная комиссия, председателем которой я был в бытность службы на Полигоне.

С получением документов о переводе в город Куйбышев я фактически закончил не только службу на Полигоне, а военную службу вообще. После этого 7 лет юридически еще находился на службе, состоял в кадрах ВМФ, но это было уже движение по инерции.

Замечу мимоходом: в марте 1975 года за испытания ракетного комплекса макеевской баллистической ракеты мне был вручен орден Октябрьской Революции.

Оглядываясь назад, на пройденный путь, могу твердо, без колебаний сказать: годы прошли в честной службе Родине, в основном в трудных условиях Севера, в том числе Заполярья. Надо признать, служба офицеров моего поколения проходила в благоприятной обстановке доброжелательного отношения общества, в том числе и средств массовой информации, к людям с погонами на плечах. Всячески поощрялась добросовестная служба в трудных условиях. Так, например, офицеры ВМФ получали очередное воинское звание из расчета один год службы на кораблях за полтора года выслуги на звание. Если плаваешь в Заполярье, на Северном флоте, то выслуга возрастала еще в полтора раза. Предусматривались надбавки к окладам за службу на кораблях, за плавание в особо сложных условиях: пересек корабль меридиан, проходящий через мыс Нордкап или параллель 75°, — идет процентная надбавка к окладу.

Мы служили честно, безотказно там, где были нужны флоту, Отечеству. Если молодой человек с офицерскими погонами на плечах пытался увильнуть под благовидным предлогом от назначения, то независимо от мотивов уклонения его презрительно называли тем, кем он был на самом деле, — трусом, дезертиром, позорящим офицерские погоны (сегодня предал нас — завтра ради жизненных благ, удобств предаст кого угодно и когда угодно — лиха беда начало!). Скажете — фанатизм? Нет, элементарная порядочность, которой всегда отличались русские офицеры.

В какой-то степени успеху службы благоприятствовали совпавшие с ней по времени весьма неординарные события в жизни флота, страны.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в стране был брошен клич: «Великой океанской державе — достойный ее океанский флот!». Начавшееся интенсивное строительство новых современных кораблей создавало хорошие (часто — блестящие!) перспективы профессиональ-

ного роста, быстрое продвижение офицеров флота по службе. Были введены льготы, поощряющие офицеров, проходящих службу на кораблях. В качестве примера можно привести службу Подруцкого Анатолия Павловича, о котором уже упоминалось.

В пятидесятых годах страна приступила к созданию мощного подводного флота, в том числе и суперсовременных атомных подводных лодок, вооруженных ракетами с ядерными боевыми и головными частями. Естественно, сразу же возник острый кадровый дефицит. Многим перспективным офицерам надводных кораблей кадровики предложили по желанию пройти короткую, в несколько месяцев, переподготовку и продолжить службу на подводных лодках.

Большинство надводников, переквалифицировавшихся в подводники, быстро нашли свое место на подводной ниве и заняли высокие должности в подводных силах Северного и Тихоокеанского флотов.

Несколько позже по инициативе Н. С. Хрущева (так считалось официально) в Вооруженных силах страны начал организационно формироваться новый, самостоятельный вид ВС — Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) как основная составляющая ракетно-ядерного щита Родины. Первый секретарь ЦК КПСС был настоящим фанатом ракетного оружия, возводя его в некий абсолют. Однажды, находясь на борту крейсера «Яков Свердлов» по пути в Англию с дружественным государственным визитом, он небрежно кивнул в сторону английских кораблей почетного эскорта, сопровождающих высокого гостя, и не нашел ничего лучшего, как во всеуслышание хвастливо и насмешливо заявить стоящему рядом своему «лучшему другу» министру обороны Н. А. Булганину: «Они — всего лишь хорошие мишени для наших ракет!»

Вновь создаваемые РВСН нуждались в квалифицированных кадрах. Кадровики учитывали офицеров ВМФ, подлежащих увольнению в запас в связи с очередным, «хрущевским» сокращением численности Вооруженных сил. Кадровикам была прекрасно известна отличная теоретическая и практическая профессиональная подготовка морских офицеров, их высокие морально-боевые качества, чувство ответственности за порученное дело, высокая самоотдача в работе.

В итоге вскоре можно было без тени удивления на лице встретить где-нибудь в Москве или Ленинграде своего бывшего однокашника по училищу или сослуживца по кораблю, флоту в серо-голубой форме и папахе из серого каракуля, быстро продвинувшегося по служебной лестнице на новом для него поприще.

Жизнь прожита впустую?

Итак, как я уже упоминал, 40 лет «царевой» службы позади. Настало время, как говорится, критически осмотреть пройденный путь. А прошел я за эти 40 лет, как сказал автор замечательных рассказов на военно-морскую тематику бывший офицер ВМФ А. Покровский, путь от беззаботного шустрого сперматозоида до убеленного сединой и обремененного богатым жизненным опытом военмора с погонами капитана 1 ранга-инженера на плечах, с двумя «поплавками» и семнадцатью орденскими планками на военно-морской тужурке, дипломом кандидата технических наук в кармане и нахальной

лысиной на пятидесяти процентах волосистой части головы. За минувшие годы приобрел богатый жизненный опыт, хорошие теоретические знания и навыки практического использования морского артиллерийского и ракетного оружия. За годы тесного общения с этим оружием стал патриотом, фанатом, влюбленным в эту сложную, умную и очень интересную технику. Каждую удачную артиллерийскую стрельбу, успешный пуск ракеты привык оценивать как хорошо выполненную работу. Позади годы напряженной учебы в училище, ВОЛСОКе, в академии, службы на кораблях Балтийского и Северного флотов, на Полигоне.

Вихрем пронеслась перестройка, захватившая в свою орбиту все стороны жизни общества. Военная не явилась исключением. Идет мучительная переоценка ценностей. Не миновала она и автора этих строк. Все, кому не лень, и в первую очередь средства массовой информации и депутаты разных рангов, взхлеб, наперебой на все лады поносят военных, Вооруженные силы в целом. Современные, очень дорого оплаченные народом надводные корабли и подводные лодки стоят у причалов, ожидая своей участи. КБМ без заказов бьется за свое существование. Военные заводы с их мощным производственным и интеллектуальным потенциалом выпускают всякую ерунду на уровне жестяной мастерской. Зарплата офицерам не выплачивается месяцами. Офицеры стесняются лишний раз появиться в общественном месте в офицерской форме! Сравните с офицерами царского флота и периода застоя. Неужели нашей стране не нужны больше Армия и Флот? Не нужно больше оружие? Неужели я, как и многие мои сверстники, допустил роковую ошибку, связав судьбу с флотом? Значит, все эти годы с их подвижническим трудом, невротепкой, в конечном счете и вся жизнь прожита впустую?

Но ведь наша страна в процессе гонки вооружений достигла паритета с США в области ракетно-ядерных вооружений и удерживала его, что позволило сохранить и удержать, пусть неустойчивое, хрупкое, но равновесие и такой же неустойчивый, хрупкий мир. В «достижении», «удержании», «сохранении» есть крупица, пусть мизерная, пусть не видимая невооруженным глазом, и моего труда. Значит, жизнь прожита не впустую.

Правда, это только одна сторона паритета — военно-политическая. Есть еще и вторая, связанная с экономическими последствиями. Это застой, стагнация экономики под сенью ракетно-ядерного щита в результате иллюзии, ошибочности концепции возможности развития страны в одиночку, в полной изоляции от мирового сообщества. Не говоря уж о том, что предложенная нам гонка вооружений требовала от страны расхода огромных, непосильных для экономики материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов. В одно из посещений Москвы известным немецким политиком Штраусом журналисты спросили, как он оценивает положение СССР в мире. Тот ответил примерно так: «В военном отношении ваша страна — сверхдержава, с ней считаются, ее откровенно боятся. В экономическом же отношении страна отстает от многих передовых стран мира, неконкурентоспособна на мировом рынке и сверхдержавой не является. Военная мощь — явление временное, преходящее». В этом смысле паритет в ракетно-ядерных вооружениях сыграл свою отрицательную роль. И не легче на душе от того, что нет нашей вины во всем этом. Мы старались выполнять свою работу на своем месте добросовестно и честно.

И если бы мне сказали: «Можно начать все сначала. Согласен повторить свою жизнь?» Я бы не думая ответил: «Да!», так как не чувствую угрызений совести, вины за собой за честно прожитые годы, за свою работу, которую я любил и умел делать.

Я уверен: боеспособные, хорошо вооруженные самым современным оружием армия и флот нужны нам были раньше, нужны сейчас и будут нужны в ближайшем обозримом будущем. Армия способна достичь своих целей, и очень часто их достигает, без применения оружия. Самим фактом своего существования. Хорошо вооруженные и подготовленные армия и флот действуют отрезвляюще на излишне горячие головы любителей авантюр, выступая в роли надежного сдерживающего фактора. Вряд ли какой безумец рискнет затронуть жизненные интересы государства, располагающего современным оружием сдерживания и возмездия, что и было в послевоенные годы.

К счастью, в последние годы флот начал пробуждаться от тяжелого латаргического сна. Как и после Великой Октябрьской революции он, подобно сказочной птице Феникс, возрождается из пепла, но на более качественной основе. Впрочем, птица Феникс тут ни при чем. Просто высшее руководство страны осознало, что великая держава без современных боеспособных вооруженных сил — нонсенс. К тому же быстрое развитие экономики страны позволяет это сделать. Хотелось бы надеяться, что этот процесс возрождения только начало, первые шаги и наконец-то будет выполнена давно поставленная перед страной задача — «океанской державе — могучий океанский Военно-морской флот». Они (Вооруженные силы) могут и не использоваться, а быть дамокловым мечом для любителей военных авантюр. Чувствуя за своей спиной мощные вооруженные силы, наш президент, министр иностранных дел могут разговаривать с любым государством на равных и не допустить, чтобы небольшое африканское государство захватывало российские вертолеты и повторялись балканский и иракский кризисы.

Из года в год государство увеличивает бюджетные ассигнования на реформу Вооруженных сил, в том числе и на ВМФ, на повышение их боеготовности и боеспособности. Успешно прошли большие учения Тихоокеанского флота с участием индийских ВМС, совместные учения Северного и Балтийского флотов с участием норвежских ВМС. В августе 2003 года прошли масштабные, не имевшие прецедента учения Тихоокеанского флота с участием всех его сил. «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!»

Еще одно, последнее сказанье...

Несколько замечаний по существу. У читателя может сложиться впечатление, что автор в своих воспоминаниях умышленно останавливался только на забавных, веселых историях, эпизодах. Отнюдь! Такова уж человеческая память: долго, бережно хранит хорошее, приятное, доброе и стирает из своего долговременного запоминающего устройства плохое, неприятное, злое. Так, забыты навсегда беспокойные вахты где-нибудь на рейде Могильный, в Западной Лице или у острова Медвежий в Гренихе, когда оставлен один на один со штормовым ветром и мрачными мыслями. Через каждые 3—5 минут бегаешь к пеленгатору и проверяешь, не ползет ли лямка, а рядом грохочут волны, яростно разбиваясь о скалистый берег. Забыты нудные политзанятия, душевспасительные беседы с каким-нибудь Митькой-вульгарисом, Костей Ложкиным, который, чуть что не по нему, шантажирует самоубийством:

«Утоплюсь!» После его очередной выходки не выдержал и сказал в сердцах: «Черт с тобой, топись! Только не с правого, парадного, трапа, а с левого, рабочего!» Не утопился, перестал угрожать самоубийством. В свойстве памяти забывать — глубокий смысл. Психика человека таким образом освобождается от вредных, отрицательных эмоций.

Получилось что-то типа воспоминаний, отчета о прожитой жизни. Свое первое и, по-видимому, последнее в жизни творение завершу словами Дубровского из одноименной оперы Э. Ф. Направника: «Итак, все кончено! Судьбой неумолимой...», а более конкретно — виршами, философскими по содержанию и фольклорными по форме (любители тостов, обратите внимание!):

Всю нашу жизнь легко свести
К движению от истоков к устью,
Прошли мы больше полпути
И понимаем это с грустью.
Но утешенье нам дано:
Мы ясно видим, что с годами
Ровнее русло, чище дно
Для тех, кто следует за нами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
Вместо предисловия.....	4
Глава 1. Конiec детства, начало службы	
В городском саду играет духовой оркестр.....	6
Нецензурное соло на трубе, или Можно ли ругаться нецензурно, не раскрывая рта?.....	14
Будни ВАУРа, или «На честном слове и на одном крыле»	15
Сижу за решеткой, или Первый раз в первый класс	21
Этот день Победы.....	27
Кировоград	28
Гарун бежал быстрее лани.....	32
Натрий, немецкое магнето, комендант Мочалкин и трубач Зяма	34
И вот опять передо мной решетка, двери, часовой.....	41
Что делать дальше?.....	45
И вспомнил я отцовский дом.....	46
Прощай, оркестр, или Перекуем трубы на орала!	49
Кем быть?.....	53
Послесловие к главе I	55
Глава 2. Курсантские годы в КВВМУ	
Первые хлопоты.....	56
Первые впечатления	58
Учеба	62
Prima — Secundo — Tertia!	70
Встречи, забавы будущих флотоводцев	72
Если хочешь быть здоров.....	80
Бокс. Ашумов	82
«Мексиканец».....	86
Военный парад в Москве	87
Учебная практика на Каспии	91
«Человек за бортом!».....	93
Самое синее в мире.....	94
Одесса — мой солнечный город	99
Прощай, Баку!	105
Глава 3. Флотская служба	
Первые месяцы службы.....	107
Легкий крейсер «Чапаев».....	108
Здравствуй, Заполярье!.....	116
Состязательная артиллерийская стрельба на приз Главнокомандующего ВМФ	117

Боцман и Машка	120
Яша, теща, семга и «закон бутерброда»	125
Приз Главкома завоевал крейсер «Чапаяев»!	127
На крейсере «Чапаяев» опять ЧП.....	130
Увезу тебя я в тундру.....	137
С днем рождения, «Василий Иванович»!	141
После выполнения стрельб	143
Классы ВОЛСОК. Служба на эсминцах	146
И в огне не горит, и в воде не тонет.....	152
Несколько слов о корабельной артиллерии, артиллеристах и не только о них	155
Будни службы.....	157
Ленинград. Адмиралтейский завод. КРЛ «Железняков».....	160
Критика сверху и снизу.....	162
Королевский подарок	164
«Первый апрель — никому не верь!»	167
Глава 4. Военно-морская академия	
На подступах к академии	170
Женя Востриков, Миша Шишкин и английский математик Д. Грин.....	172
Там, где правят бал военно-морские науки.....	174
ЧУК и ГЭК, Н. С. Хрущев и Козьма Крючков	180
Глава 5. Конечная остановка	
Переход на коду	188
Ракеты учат здесь летать, или Что такое военно-морской Полигон и для чего он нужен	189
«Деревня моя...»	196
Уголок Русского Севера.....	197
Коротко об испытаниях крылатых ракет.....	200
«Захват!» Цель поражена!.....	205
Бить или не бить?.....	207
Хитрый рябчик	210
Две рыбалки.....	211
Так училась летать морская баллистическая стратегическая ракета с подводным стартом.....	214
Феодосия, художник Айвазовский и композитор Вагнер	221
Вопреки поговорке про первый блин	223
Один день службы	234
Челябинск — Красноярск — Норильск	239
Оказывается, как просто все решается!	247
Еще раз — Москва, Кремль. ВПК.....	250
Как И. В. Сталин «помог» купить женские сапоги	252
Или грудь в крестах, или голова в кустах	255
И снова стартуют крылатые.....	256
«Лунная соната».....	259
Для наших ракет и крышка контейнера — не преграда!	260
Коротко о пасынках Полигона	263
Жизнь, отданная Военно-морскому флоту.....	264
Главному морскому ракетчику — 50 лет!.....	277
На службе Родины	282
Жизнь прожита впустую?	283

"Дорога на Полигон" — это воспоминания бывшего воспитанника музвзвода, дослужившегося до звания "инженер-капитан 1 ранга", ставшего кандидатом технических наук.

Г. Ф. Ежкову посчастливилось служить на Государственном центральном полигоне ВМФ, где проводились совместные береговые и корабельные испытания крылатых ракет.

В книге рассказывается об обстановке, в которой оказывался автор в разные периоды службы, о людях, с которыми он встречался по воле судьбы.

